

Шлиффен, Альфред, фон, граф Schlieffen, Alfred, von, Graf

КАННЫ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Шлиффен А. Канны. — М.: Воениздат, 1938.

Оригинал: Schlieffen, A. Cannae. — Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1913.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/science/schlieffen_a01/index.html

OCR, правка: Cthutq

Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru), Goodwrench.

Шлиффен А. Канны. / Перевод с немецкого. Второе издание. С приложением избранных статей и речей. — М.: Воениздат, 1938. /// Schlieffen, A. Cannae. — Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1913.

Аннотация: К важнейшим произведениям Шлиффена относятся его статья «Современная война» («Der Krieg in der Gegenwart»), появившаяся в январской книжке «Deutsche Revue» за 1909 г., и ряд статей, напечатанных в «Vierteljahresheften für Truppenführung und Heereskunde», которые он объединил под общим заглавием «Канны». Собрание его сочинений со всеми очерками, речами и пр. вышло в 1913 г. В настоящем издании дается заново пересмотренный перевод «Канн» вместе с переводом двух наиболее ярких статей и двух речей Шлиффена. Эти статьи и речи не были помещены в первом издании «Канн» на русском языке, вышедшем в 1923 г. — *(Из предисловия)*

ШЛИФФЕН

КАННЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1938

Generalfeldmarchal
Graf Alfred v. SCHLIEFFEN

CANNAE

ERNST SIEGFRIED MITTLER UND SOHN BERLIN - 1913
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ

Перевод с немецкого
Второе издание

СОДЕРЖАНИЕ

[От издательства](#)

КАННЫ

[Сражение при Каннах](#)

[Фридрих Великий и Наполеон](#)

[Кампания 1866 года](#)

[Прусское и австрийское развертывание](#)

[Кампания 1866 г. в Германии](#)

[Богемская кампания 1866 г. до вечера 30 июня](#)

[Кениггрец](#)

[Кампания 1870—1871 гг.](#)

[От развертывания армий до отхода французов за Мозель](#)

[Движение немцев к Мозелю и через него. Сражение у Коломбей — Нуи и Марс-ля-Тура](#)

[Сражение у Гравелота — С.-Прива](#)

[Сражение под Бомоном и Седаном](#)

[Заключение](#)

СТАТЬИ И РЕЧИ

[Современная война](#)

[О миллионных армиях](#)

[Речь, произнесенная 25 ноября 1900 г. на банкете в Генеральном штабе по случаю столетия со дня рождения генерал-фельдмаршала Мольтке](#)

[Речь, произнесенная 15 декабря 1910 г. на праздновании столетия Военной академии](#)

Алфавитный указатель географических названий

Алфавитный указатель географических имен

Перечень схем

Схемы (в отдельной папке)

Примечания

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Граф Альфред фон-Шлиффен был наиболее ярким представителем германского Генерального штаба, в котором он проработал непрерывно в течение 20 лет, в том числе 15 лет в должности начальника штаба.

Боевой опыт Шлиффена был невелик. Он ограничивался службой в высших штабах во время австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг. В течение 7 лет — с 1879 по 1886 гг.— Шлиффен командовал 1-м гвардейским уланским полком в Потсдаме, получив таким образом строевой стаж. Вся остальная служба Шлиффена прошла в Большом генеральном штабе.

Германский Генеральный штаб обязан Шлиффену своей боевой подготовкой, а армия — своей тренировкой в решительном маневрировании. Шлиффен является автором плана войны на два фронта, частично осуществленного в войне 1914—1918 гг., по которому главный удар наносится на западе против Франции мощным охватывающим правым крылом с проходом через бельгийскую территорию. Этот план держался Шлиффеном в глубокой тайне, и он в своих статьях и речах всячески старался отвести от него внимание в другую сторону.

В связи с этим небезынтересно привести слова Шлиффена о том, что «повсюду считалось доказанным, что миролюбивая Германия непрерывно помышляет о хищническом походе на веселые нивы, орошаемые Сеной и Луарой. Так как прямой путь туда был для нее заперт, то предполагалось, что она попытается обойти неприятные для нее препятствия, вступив в Швейцарию или Бельгию».

Это писалось в 1909 г., т.е. тогда, когда план Шлиффена о проходе германской армии через Бельгию был уже давно составлен.

Шлиффен являлся наиболее ярким представителем крайней агрессии в германском Генеральном штабе. Посвятив всю свою жизнь подготовке войны с Францией, он всячески старался замаскировать истинные стремления империалистических и милитаристических кругов Германии, пытаясь в своих статьях и речах обрисовать ее как невинную жертву, на которую готовят нападение враги.

«В центре ее (Европы) стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы». «Существует настойчивое стремление соединить все эти державы для совместного нападения на срединные государства» (стр. 369). Таких высказываний можно найти у Шлиффена много.

Непосредственного отношения к подготовке Германии к войне 1914—1918 гг. в годы, предшествовавшие ей, Шлиффен не имел, и его план поэтому не учитывал участия в войне Англии и возможности сосредоточения английских войск во Франции. Преувеличивая значение оперативного фактора, Шлиффен недооценил значение политической подготовки к войне, вследствие чего Германия в этом отношении оказалась подготовленной хуже, чем Антанты.

Недооценивал Шлиффен также и техническое развитие современных средств войны, во многом сохраняя методы оперативного управления, оставшиеся в наследство со

времен франко-прусской войны. Характерно в этом отношении высказывание Шлиффена о том, что «представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто». Здесь отчетливо обнаруживается известная ограниченность Шлиффена.

Провести свой план в жизнь Шлиффену не пришлось. 1 января 1906 г. он получил извещение об отставке, якобы, по болезни. В действительности причины отставки Шлиффена были другие. Здесь сказалось недовольство планом Шлиффена прусского юнкерства, опасавшегося чрезмерным усилением правого крыла на западе ослабить оборону Восточной Пруссии и подвести ее под удар. Под влиянием этих кругов вместо Шлиффена начальником Генерального штаба был назначен генерал Мольтке (племянник Мольтке-старшего), оказавшийся более покладистым и действительно ослабивший правое крыло германских армий.

До самой смерти (1913 г.) Шлиффен продолжал отстаивать в своих печатных и устных выступлениях основные положения своего плана. Перед самой смертью он дал своему заместителю Мольтке последний совет: сосредоточить против Франции все силы, не оставляя против России полевых и резервных войск.

* * *

К важнейшим произведениям Шлиффена относятся его статья «Современная война» («Der Krieg in der Gegenwart»), появившаяся в январской книжке «Deutsche Revue» за 1909 г., и ряд статей, напечатанных в «Vierteljahresheften für Truppenführung und Heereskunde», которые он объединил под общим заглавием «Канн». Собрание его сочинений со всеми очерками, речами и пр. вышло в 1913 г.

В настоящем издании дается заново пересмотренный перевод «Канн» вместе с переводом двух наиболее ярких статей и двух речей Шлиффена. Эти статьи и речи не были помещены в первом издании «Канн» на русском языке, вышедшем в 1923 г.

Помещаемые в приложении (в отдельной папке) схемы к труду «Канн» воспроизведены с немецкого издания 1913 г. Для облегчения пользования ими в конце книги дан указатель встречающихся в тексте географических названий в русской и иностранной транскрипции.

[Назад](#)

КАННЫ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАННАХ

На равнинах Апулии, на левом берегу Ауфида (Офанто) близ деревни Канны {1}, расположенной недалеко от устья, 2 августа 216 г. до н. э. стояла армия Ганнибала, фронтом на запад, против армии консула Теренция Варрона (схема 1).

Последний ежедневно чередовался, как главнокомандующий, с другим консулом — Эмилием Павлом — и располагал всего:

55 000 тяжеловооруженных,
8 000 легковооруженных,
6 000 конницы
Итого 69 000 чел. для действий в поле, и в обоих укрепленных лагерях:
2 600 тяжеловооруженных,
7 400 легковооруженных
Итого 10 000 чел.,
так что силы римской армии составляли в целом 79 000 человек

Ганнибал располагал только:

32 000 тяжеловооруженных,
8 000 легковооруженных, 10 000 конницы
Итого 50 000 чел.

Положение Ганнибала, который имел против себя значительно превосходившего его противника, а позади море, ни в коем случае не может быть названо блестящим. Несмотря на это, Эмилий Павел, в согласии с проконсулом Сервилием, хотел избежать сражения. Они опасались превосходной карфагенской конницы, благодаря которой Ганнибал, главным образом, и одержал победы при Тичино, Требии и Тразиментском озере. Тем не менее, Теренций Варрон стремился к решительному исходу, чтобы отомстить за понесенные поражения. Он рассчитывал на своих 55000 тяжеловооруженных против 32000 у противника, причем в число последних входили только 12000 карфагенян, а 20000 состояло из иберийцев и галлов, которые по вооружению и обучению не являлись полноценными {2}, и Теренций Варрон, чтобы развить при наступлении особенно сильный натиск, построил армию в новый боевой порядок. Согласно положению, тяжеловооруженные должны были быть построены в три тесно примыкающие друг к другу линии: две передние равной силы (гастаты и принципы) имели 4 000 чел. по фронту и в общей сложности 12 шеренг {3}; непосредственно за ними третья линия (триарии) половинной силы из 160 равномерно распределенных колонн по 60 человек в каждой (10 по фронту и 6 в глубину). Это расположение в 18 шеренг (схема 2) показалось главнокомандующему недостаточно глубоким, и он изменил его на 36 шеренг в глубину при ширине фронта в 1600 человек {4}. Конницу он распределил по флангам. Легковооруженные, предназначенные только для того, чтобы завязать бой, толпами облепить противника и поддерживать конницу, имели для обеих сторон лишь второстепенное значение.

Ганнибал противопоставил неприятельскому фронту только 20 000 своих

иберийцев и галлов, которые построились, примерно, в 12 шеренг в глубину. Большую часть кавалерии, под предводительством Гасдрубала, Ганнибал поставил на левый фланг, а легковооруженную нумидийскую конницу — на правый. Позади этой конницы были расположены двумя равными частями 12 000 чел. тяжеловооруженной карфагенской пехоты.

Обе армии наступают. Гасдрубал одерживает успех над тяжелой неприятельской конницей правого крыла. Римские всадники порублены, частью сброшены в Ауфид, частью рассеяны. Победитель обходит с тыла пехоту и атакует на левом фланге римскую кавалерию, которая до этого времени вела нерешительный бой с нумидийской конницей. Атакованные с двух сторон римляне оказываются и здесь совершенно разбитыми. Уничтожив неприятельскую кавалерию, Гасдрубал направляет удар в тыл римской фаланги (схема 3).

За это время продвинулись вперед и пехотные массы обоих противников. При столкновении галльская и иберийская пехоты оказываются отброшенными не столько благодаря силе удара 36 римских шеренг, сколько вследствие плохого вооружения и слабой подготовки к рукопашному бою. Однако, движение римлян вперед приостанавливается, как только выступают задержанные до того времени фланговые уступы карфагенян, которые совершают охват правого и левого неприятельских флангов, а Гасдрубал угрожает с тыла. Триарии поворачиваются кругом, а крайние манипулы обоих флангов поворачиваются в стороны. Таким образом, массивный продолговатый четырехугольник, который теперь имеет четыре фронта и атакуется со всех сторон пехотой с короткими мечами и густой массой кавалерии, вынужден остановиться; дротики, стрелы и камни из пращей летят без промаха в римскую пехоту. Римляне теснятся назад и оказываются все более и более сдавленными. Беспомощно, не имея возможности действовать оружием, они ожидают смерти. С сердцем, полным ненависти, разезжает Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Только несколько часов спустя солдаты прекращают избиение. Устав от бойни, они берут в плен оставшиеся 3 000 чел. На небольшом пространстве лежали грудой 48 000 трупов. Эмилий Павел и Сервилий были убиты; Варрон бежал с несколькими всадниками, небольшим количеством тяжеловооруженных и массой легковооруженных. В деревне Канны и в обоих лагерях в руки победителей попали еще тысячи пленных. Карфагеняне потеряли около 6 000 чел. В числе убитых были преимущественно иберийцы и галлы.

Было дано сражение на уничтожение, и, — что удивительно, — наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», — говорил Клаузевиц. «Слабейший не должен совершать одновременно обход обоих флангов», — поучал Наполеон. Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал в некоторой степени концентрически и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла.

За 2 000 лет оружие и способы ведения боя совершенно изменились. Уже не идут рукопашную с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи теперь пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция. Но в общих чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена. Неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака должна быть направлена не только на одну крайнюю точку фронта, а должна захватить всю глубину расположения

противника. Уничтожение является законченным лишь после атаки неприятельского тыла. Для этого в первую голову привлекается конница. Конница не должна сразу атаковать «нерасстроенную» пехоту, но она может, пользуясь дальнобойным оружием, нанести ущерб неприятельским массам.

Правда, одним из условий успеха является глубокое расположение противника, с узким фронтом и нагроможденными резервами, что увеличивает число бездействующих бойцов. Счастье Ганнибала заключалось в том, что против него был Теренций Варрон, который расположил пехоту в 36 шеренг в глубину и тем самым свел на нет свое превосходство в силах. Полководцы его школы бывали во все времена, только не в те периоды, когда они были бы наиболее желательны для Пруссии.

[Назад](#)

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ И НАПОЛЕОН

Никто более Фридриха Великого не был склонен последовать примеру Ганнибала при Каннах и дать сражение на уничтожение с меньшей по численности армией. Имея под Лейтеном (схема 4) «inegalen forces» {5} — всего 35 000 человек против 65 000 принца Карла Лотарингского, Фридрих Великий не мог атаковать его длинный фронт даже при крайней растяжке сил. Не только у него не осталось бы сил для охвата неприятельских флангов, но он сам был бы окружен превосходными силами противника. Как это уже было испробовано в сражении при Зооре и выполнено в сражении при Праге, он направил главный удар на один фланг. Ему удалось ввести противника в заблуждение, обойти его и развернуть прусскую армию против левого фланга, перпендикулярно к продолжению фронта. Неприятельское левое крыло, попав в безвыходное положение, было рассеяно. Тогда главная масса австрийцев повернула к угрожаемому фронту. Но у них уже не было времени развернуть в новом направлении фронт первоначальной длины, и австрийцы невольно приняли построение глубиной в 40 шеренг, подобно тому, как это нарочито сделал Теренций Варрон. Обстановка, в общем, соответствовала положению при Каннах. Узкий австрийский фронт был атакован немного более длинным прусским, на обоих флангах была сосредоточена кавалерия. Не хватало только двух фланговых уступов карфагенской пехоты, по 6000 чел. в каждом. Для того чтобы образовать их, не было достаточного количества людей. Того немногочисленного, что могло быть сэкономлено на фронте, было недостаточно для двойного охвата. Полный глубокий охват пришлось заменить: справа — косым расположением нескольких батальонов против левого неприятельского фланга; слева — таким же расположением действующей батареи. Далее, не хватало перевеса в кавалерии. Справа, правда, Цитен отбросил неприятельскую кавалерию, но дальнейшее продвижение против пехоты было приостановлено вследствие местных препятствий. Слева Дризен был сначала слишком слаб для наступления; он должен был выждать благоприятного момента, чтобы отбросить кавалерию Лучези, и лишь тогда повести решительную атаку на правый фланг пехоты, которая и вынудила к отступлению неприятеля, уже расстроенного продолжительным фронтальным боем. Противник, потесненный в направлении своего левого фланга к Лиссе, преследованием был обращен в бегство.

Разница в силах была слишком велика, и Лейтен мог быть только бледным подобием Канн. Но задача, — имея вдвое слабейшие силы, дать бой на уничтожение, — была в известной степени решена. То, чего не хватало во время боя для полного уничтожения в отношении охвата, обложения и окружения, было достигнуто и довершено при вынужденном отступлении к флангу. Цитен и Фукэ могли бы при дальнейшем преследовании противника «действовать с большей энергией», еще крепче «вцепляться в неприятеля» {6} но и так результат был весьма значительный. «Из гордой императорской армии, перешедшей через Квейс у Лаубана, едва ли четвертая часть, притом в полном расстройстве и подавленном состоянии духа, перешла назад границу Силезии и возвратилась в Богемию». Это было очень похоже на полное уничтожение. Обход при Цорндорфе (схема 5) должен был быть выполнен еще более действительным образом. 40 000 русских под начальством Фермора блокировали Кюстрин на участке между Вартой и Одером, на их правых берегах. На правом берегу Одера, у Маншнова и Горгаста, стояла армия Фридриха Великого, состоявшая из войск, пришедших с ним из Богемии, и из войск графа Дона, приведенных им из Восточной Пруссии и Померании, — всего 36 000 чел. Прямое наступление на русских через крепость не обещало крупного успеха. Король двинулся с обход вниз по Одера и 23 августа переправился через него у Гюстебизе, чтобы

поставить противника между крепостью и реками и совершенно отрезать ему все пути. Фермор двинулся навстречу обходу и занял позицию при Кварчене за рекою Митцель, Атаковать здесь русских через труднопроходимую болотистую речку было пруссакам невозможно. Для обходного движения вновь надо было искать переправы выше. 25 августа у Нейдаммерской мельницы и Керстенбрюгге армия перешла на левый берег Митцеля. Русские стояли у Кварчена, и наступление на восточный русский фланг было здесь весьма затруднено рядом прудов между Вилькерсдорфом и горой Грюцберг, а также оврагом Лангенгрунд (схема 6).

Вследствие этого обходное движение продолжалось через Бацлов и Вилькерсдорф на Цорндорф; когда голова колонны достигла оврага Цабернгрунд, армия была повернута направо. Таким образом, Фридрих развернулся не против фланга, а против тыла противника. Вследствие этого Фермор приказал каждому полку сделать полный поворот посредством контрмарша, так что вторая линия стала первой, а первая — второй. Ширина фронта не сократилась, а осталась прежней. Атака поэтому не облегчилась. Пруссаки имели то преимущество, что в тылу у противника находилось трудно проходимое препятствие, но это преимущество могло сказаться только в случае одержания пруссаками победы. Если бы русские были побеждены, то одновременно они были бы и уничтожены. К счастью, поле сражения делилось на участки. Русские стоят недалеко от Кварчена фронтом на Цорндорф, правое крыло находится между оврагами Цабернгрунд и Гальгенгрунд, центр и левое крыло — между оврагами Гальгенгрунд и Лангенгрунд; вся кавалерия под начальством Демику — позади левого крыла у Цихера.

Фланги этой позиции надежно обеспечены; нет возможности осуществить охват крыльев армии. Король решает сначала атаковать превосходными силами правый фланг, отделенный от остальной армии оврагом Гальгенгрунд и затем с запада развить удар вдоль центра и левого крыла. Впереди должен был идти авангард Мантейфеля (8 батальонов), в трехстах шагах за ним левое крыло (9 батальонов в первом эшелоне и 8 во втором) под начальством Каница; эта часть армии должна была наступать между оврагами Цабернгрунд и Гальгенгрунд. Правое крыло (11 батальонов в первом эшелоне и 4 во втором) под начальством Дона задерживалось уступом восточнее Гальгенгрунда для прикрытия правого фланга; движение вперед слева сопровождал Зейдлиц с 36 эскадронами, а справа — Шорльмер с 20 эскадронами, чтобы действовать по обстоятельствам; позади следовали в виде резерва 25 эскадронов драгун. Завязать бой должны были 60 тяжелых орудий. Огонь их производит опустошение в рядах глубоко расположенных 16 русских батальонов правого крыла. По истечении двух часов наступление кажется достаточно подготовленным, чтобы авангардам начать атаку. Но русская артиллерия еще в силе. Ее картечь действует убийственно. Разреженные батальоны Мантейфеля смыкаются и держат направление вдоль оврага Цабернгрунд. Для заполнения образовавшихся интервалов нет в распоряжении никаких резервов; Каниц, привыкший прежде всего сохранять связь и поддерживать сплошную линию фронта, примыкает вправо к Дона и двигается восточнее оврага Гальгенгрунд; на менее всего ослабленный русский центр (24 батальона). Когда он и Мантейфель приблизились к противнику, то увидели, что последний охватывает их с обеих сторон. 14 русских батальонов начинают охват Каница, но им препятствует сильный артиллерийский огонь Дона. Но и правое крыло в составе 16 батальонов и 14 эскадронов атакует Мантейфеля с левого фланга и с фронта. Пруссаки отбрасываются с большими потерями; однако, преследующие русские подставляют свой фланг, и Зейдлицу удается в трех местах переправиться через считавшийся непроходимым овраг Цабернгрунд. Одновременно двигаются находившиеся в резерве драгуны. 20 эскадронов атакуют фронт, а по 18 эскадронов — фланги и тыл. Русские, несмотря на то, что сначала они были приведены в расстройство артиллерийским огнем, а затем во время энергичного преследования

нарушали свое сомкнутое расположение, ожесточенно обороняются. После продолжительного и кровавого рукопашного боя оставшиеся русские бегут через овраг Гальгенгрунд в направлении на Кварчен и к Древицкой роше. Несмотря на победоносное начало, все правое русское крыло совершенно уничтожено одновременной атакой с трех сторон. Но Зейдлиц не в состоянии развивать далее победоносное преследование, перейти Гальгенгрунд и поддержать фронтальную атаку пехоты фланговым ударом. Ввиду численного превосходства русских атака Каница отражена, и русский центр достаточно силен, чтобы воспрепятствовать всякой попытке переправы через овраг Гальгенгрунд.

Очень скоро вся армия вновь собралась под Цорндорфом для повторного боя (схема 7). Для дальнейших действий авангард потерял боеспособность. Из оставшихся 30 батальонов 15 батальонов (правое крыло) под начальством Дона должны наступать вдоль Лангенгрундского оврага и с помощью Шорльмера по возможности разбить русское левое крыло, а потом, зайдя плечом, атаковать центр: одновременно его должны атаковать Каниц с юга и Зейдлиц с запада. План, по видимому, целиком не удался. В то время как 97 тяжелых орудий готовят наступление, а Дона наполовину продвинулся вправо к оврагу Лангенгрунд, Демику внезапно появляется со своей кавалерией и нападает на большую батарею правого крыла, на правый фланг пехоты и на кавалерию Шорльмера. Батарея гибнет, один батальон окружен и кладет оружие, остальные приходят в замешательство, но в конце концов огнем прусской пехоты русская кавалерия отбита и под натиском эскадронов Шорльмера отступает на Цихер. С этим противником покончено. Но, несмотря на окончательное поражение русской конницы, ее действия оставили плачевный след. Левое прусское крыло, хотя и не было непосредственно затронуто атакой Демику, но настолько потрясено происшедшим неудачным боем, что в ожидании новой катастрофы охвачено паникой и отступает; его удается остановить только у Вилькерсдорфа. Зейдлиц с 56 эскадронами занимает освободившееся место и двигается, главным образом, левее Штейнбуша; Дона с правым крылом — вдоль Лангенгрундского оврага; они наступают на сосредоточенную массу 33 русских батальонов (схема 8).

После упорного рукопашного боя первым заколебалось русское левое крыло. Чтобы не быть отброшенным в болото Гофенбрух, оно спасается на Кварчен. Из-за этого оголяется левый фланг русского центра. Дона заходит налево. Атакованный с двух сторон русский центр, стесненный с третьей стороны непроходимым препятствием, постепенно оттесняется за овраг Гальгенгрунд и останавливается на высотах по другую его сторону.

Противник должен быть обязательно уничтожен до последнего человека. Король хочет вечером дать третье сражение. Но после двукратного огромного напряжения — до и после полудня — кавалерия непригодна для дальнейших атак. Вступивший в командование вместо раненого Дона Форсад атакует русских с фронта; собравший опять свои батальоны Каниц должен атаковать правый фланг. Но войска Каница вновь не на высоте положения. Один Форсад не в силах вести атаку. Русские удерживаются на своих позициях. Все же их положение крайне серьезно. При начале боя общая их численность была 44 000 чел., из них едва ли осталось 19 000. Позади уцелевших Варта, Одер и Митцель образуют речную дугу, единственный переход через которую заперт крепостью Кюстрин. Перед фронтом стоит, несомненно, весьма пострадавшая армия, но возможность атаковать ее все-таки исключается. Русские не могут двинуться ни вперед, ни назад, но они не могут также и оставаться на том же месте, так как у них не хватает ни боевых припасов, ни продовольствия. Первоначальное намерение короля — окружить противника — достигнуто. Хотя пруссаки и победили, но в данный момент они не могут продолжать атаку. Они должны предварительно отдохнуть, несмотря на то, что их потери меньше неприятельских. У них осталось 23 000 чел., превосходство сил теперь на их стороне, и

они скоро смогут дать новый бой. Этот бой будет иметь для пруссаков, несомненно, победоносный исход. Но при упорном сопротивлении русских такая победа может быть достигнута только ценою, больших жертв, больших, чем король может понести. Он должен, не теряя времени, вернуться в Силезию и Саксонию, чтобы там задержать вторжение австрийцев. Он решает построить противнику золотой мост и к вечеру 26-го отходит за овраг Лангенгрулд к Цихеру. Противник пользуется предоставленным ему выходом и ранним утром 27-го числа отходит, обходя с юга Цорндорф и Видькерсдорф, направляется на Клейн-Камин и занимает там укрепленную позицию. Король возвращается в лагерь при Тамзеле. Восстановив свои сообщения с тылом, оба противника простояли друг против друга до 30-го числа. 31-го Фермор отходит на Ландсберг. Преследуемый Дона, он продолжает отступление за Вислу. Ему удается увести не более третьей части своих первоначальных сил. Он не уничтожен, но устранен. Король обращается в другим задачам.

Сражения при Лейтене и Цорндорфе освободили короля в первом случае от австрийцев, а во втором — от русских. Его противники, чтобы продолжать войну, должны были формировать новые армии. Но те затруднения, которые вызывались избранной Фридрихом Великим системой действий, отчетливо обнаружались. В этих сражениях, а еще более в других, выяснилось, что не так-то легко при меньшей численности войск хотя бы относительно сокрушить противника. При Праге обойденный неприятель успел снова развернуть фронт, примерно такого же протяжения, как и первоначальный. При Колине противнику пришлось только немного принять вправо, чтобы избежать обхода. Атака, намеченная во фланг, обратилась во фронтальную, притом против превосходных сил неприятеля (20 000 пехоты против 35 000) и против значительно более длинного фронта. В первом случае удалось все-таки выполнить некоторый охват, во втором же Цитен показал себя не на высоте этой трудной задачи. Когда не удавалось хотя бы в некоторой мере ввести неприятеля в заблуждение, чтобы скрыть обходное движение от его внимания, успех являлся довольно сомнительным. Внезапность была необходима, по крайней мере, против австрийцев. С неповоротливыми русскими можно было обращаться с меньшей осторожностью. Русские выходили из затруднения другими способами.

70-тысячная русско-австрийская армия оборонялась под Кунерсдорфом против 40-тысячной прусской армии (схемы 9 и 10) и с этой целью обратила свою позицию укреплениями и окопами в крепость. Обходным движением на Гериц все пути сообщения русских были совершенно отрезаны. Но чтобы уничтожить противника, не хватало еще победы. Однако, достигнуть ее, имея 40 000 чел. против 70 000 хорошо укрепившихся войск, невозможно. План сражения при Лейтене был проведен и здесь — до момента взятия горы Мюльберг, которая служила опорным пунктом левому крылу русской армии. Но при дальнейших попытках сбить русских ударом слева направо прусская пехота изошла кровью, встреченная превосходной артиллерией, а также вновь и вновь образуемым флангом русских; затем она окончательно разбилась об укрепления Шпитцберга. Кавалерия Зейдлици ничего не могла поделать против окопов и засек.

Стремления Фридриха Великого во всех этих удачных и неудачных боях сводились к тому, чтобы с самого начала направить удар против неприятельского фланга и даже тыла и, по возможности, прижать врага к непроходимому препятствию, а потом уничтожить охватом одного или обоих флангов.

То же намерение обнаруживается и у Наполеона. Обходные марши, которые Фридрих Великий производил в течение нескольких часов в непосредственной близости от поля сражения, корсиканец планировал за много дней и недель на более широком пространстве. При этом способе нельзя было рассчитывать на внезапность. Численное

превосходство войск, которыми располагал Наполеон, гарантировало ему успех и придавало его сражениям с перевернутым фронтом характер дерзаний в духе сражений Фридриха II.

Первый пример дает поход 1800 г. (схема 11). Австрийский главнокомандующий в Италии Мелас оставил Отта с 24 000 чел. осаждать Массена в Генуе, сам с 28 000 стоял на Варе против 12 000 Сюше. 35 000 чел., разбросанные небольшими отрядами, должны были охранять обширный полукруг альпийских проходов от Ниццы до Белинцоны. Бонапарт оставил Сюше, чтобы по возможности задержать Меласа; Тюрро с 6 300 чел. должен был перевалить через Мон-Сени и продемонстрировать через Сузу вниз по долине реки Дора-Рипария; дивизия Шабрана должна была перейти через Малый Сен-Бернар в направлении на Аосту, сам Наполеон вел резервную армию из Дижона через Женеву, Лозанну, Мартиньи и Большой Сен-Бернар и спустился с 36 000 чел. в северо-итальянскую равнину у Ивреи. Благодаря энергии полководца и усердию офицеров и солдат были преодолены неописуемые трудности.

Мелас сделал то же, что в свое время сделали Карл Лотарингский и Фермор: он обратился против обходящего неприятеля, оставив Эльсница с 17 000 чел. против Сюше; сам он приблизительно с 11 000 чел. двинулся на Турин.

Французская атака в этом направлении не привела бы к окончательному решению. Мелас был бы, вероятно, оттеснен на восток. Поэтому Бонапарт, под прикрытием боковых отрядов, которые двигались через Кьяссо, Трино и Верчелли на Павию, продолжал обходный марш через Верчелли и Турбиго на Милан, где соединился с 15 000 чел. Монсея, который перевалил частью через Сен-Готард, а частью через Симплон. Сюше потеснил Эльсница; небольшие австрийские отряды были вынуждены оставить левый берег По; французы их преследовали до Бресции, Кремоны и Пиаченцы. Имея сообщение через Сен-Готард на Цюрих, французы заняли переправы через реку По, перешли на ее правый берег и заняли Страделлу. Мелас в это время пытался соединить свои силы у Александрии. Оба противника стоили друг против друга с совершенно перевернутыми фронтами. Ни тому, ни другому не удалось сосредоточить всю разбросанную армию в одно целое. Мелас имел 28 500 чел. Бонапарт, располагавший армией в 69 000 чел., в результате выделения многочисленных отрядов для прикрытия флангов и тыла имел налицо всего 22 800 чел. Тем не менее, он должен был продолжать движение вперед, чтобы воспрепятствовать австрийцам перейти на север через реку По и прервать французские сообщения через Сен-Готард, или уйти на юг в только что оставленную Массена Геную. Выдвинутый к Монтебелло австрийский отряд терпит поражение. Мелас, по видимому, не имеет намерения оставить Александрию. Французские войска продвигаются до правого берега Бормиды. Рано утром 14 июня Мелас переходит через реку. Захваченные врасплох французы не могут долго устоять у Маренго против превосходных сил противника; напрасно вводится в бой, как последний резерв, консульская гвардия. Вся армия подается назад. Отступление, почти бегство, в полном ходу. Австрийцы следуют за французами двумя длинными колоннами. В это время подходит с 5 000 чел. Дезе, находившийся до того в Ривальте для прикрытия фланга, и бросается на ближайшую колонну. Попавший в неблагоприятное положение и захваченный врасплох противник не мог даже развернуться. Келлерман со своей бригадой драгун окончательно решает исход боя, который до этого еще не определился. Голова колонны отбрасывается к ее центру и хвосту. Австрийцы в замешательстве отступают. Тем не менее победа, сама по себе, еще не была решающей. Если бы фронты имели обратное расположение, то Мелас мог бы пройти вниз по течению реки По, подтянуть подкрепления и вскоре был бы опять готов к сопротивлению. Можно было бы рассчитывать на бесконечную кампанию. Но, имея в тылу Альпы и будучи окружен со

стороны Акви — Сюше, ниже Сузы — Турро, у Трино — Шабраном и у Павии — Лапоипом, австрийский генерал оказался в безвыходном положении. Он мог вырваться только посредством полной победы. На это надежды было мало, так как ниоткуда нельзя было рассчитывать на поддержку. Бонапарт же мог получить значительные подкрепления. Был заключен договор, по которому, ценою уступки Северной Италии и под условием не принимать в дальнейшем никакого участия в настоящей войне, Мелас получил разрешение отвести свои войска на Минчио. Бонапарт не уничтожил противника, но он его устранил и обезвредил. Цель же войны — завоевание Северной Италии — была достигнута. Наполеон обязан этим успехом не столько почти уже проигранному сражению, сколько обходу неприятельского фланга и выигрышу неприятельских сообщений с тылом, как Фридрих Великий обязан присоединением Силезии и освобождением левого берега Вислы обходным маршам при Лейтене и Цорндорфе. Конечно, не все заключается в одном обходном движении; к нему надо прибавить еще самый бой и победу. Но решительная победа возможна только тогда, когда целью атаки служит неприятельский тыл или, по крайней мере, фланг.

В 1805 г. (схема 12) Наполеон находился в состоянии войны с Англией. Альбион должен был быть побежден не только на море, но и на суше! Чтобы устранить нависшую угрозу, островное государство искало союза с европейскими державами. Неаполь, Австрия, Россия, Пруссия, Швеция и Дания должны были наступать концентрически и напасть на противника в его собственной стране. Этот план приводится в исполнение только в минимальном размере. Пруссия остается нейтральной; Бавария становится на сторону противника; Неаполь, Швеция и Дания имеют мало значения. Остаются только Австрия и Россия. Главная армия под начальством эрцгерцога Карла должна сосредоточиться в Италии за рекой Эч; вспомогательная армия эрцгерцога Иоганна должна развернуться в Тироле, другая вспомогательная армия, в состав которой первоначально намечались баварцы, под командованием эрцгерцога Фердинанда, в действительности же руководимая генералом Маком, должна была развернуться на реке Иллере и выжидать приближения русских для перехода в совместное наступление. Это развертывание не успело еще закончиться, когда Наполеон не направился, как этого ожидали, на эрцгерцога Карла, а выделил против него небольшую армию Массена, сам же обратился с 210 000 чел. против Мака, который в своем распоряжении имел едва ли свыше 60 000 чел. Австрийцы не сразу могли разгадать направление и распределение неприятельских сил. Если бы австрийцы были более осведомлены, все-таки не было бы еще основания отступать перед противником, хотя бы и располагавшим тройным превосходством сил. Позиция на Иллере, справа примыкающая к Ульму, очень сильна. Переправы через Дунай ниже Ульма охраняли 16 000 чел. Кинмайера. Если нельзя было бы удержаться на Иллере, то Мак сохранял возможность отхода за Лех и далее от одного рубежа к другому, пока он не был бы поддержан русскими. Это удалось бы выполнить, если бы наступление, как предполагалось, было направлено Наполеоном фронтально. При таком продвижении противник постепенно слабел бы, достиг бы пункта решительного сражения с гораздо меньшим числом людей и встретил бы там не только русских, но и австрийские резервы, а, может быть, даже и армии эрцгерцогов. Наполеон, однако, против фронта только демонстрирует и продвигается с гвардией и четырьмя корпусами с Рейна между Штутгартom и Неккарельцем, через реку Неккар. Два других корпуса из Майнца и Франкфурта двигаются через Вюрцбург, и баварцы из Бамберга — через Нюрнберг. В зависимости от расположения противника, Наполеон предполагал перейти через Дунай или у Ингольштадта, или у Регенсбурга, или еще ниже. Он рассчитывал выиграть неприятельский тыл или фланг, оттеснить врага, если не к западу, то, по крайней мере, к югу и принудить его к бою. Располагая неопределенными, противоречиво и неправдоподобно звучащими сведениями о неприятельском продвижении, Мак не хотел отказаться от заранее мудро разработанного плана, не желая оставить позицию и тем

самым открыть фланг армий, находящихся в Тироле и Италии. Он выжидал разъяснения обстановки, прежде чем покинуть вверенный ему пост. Когда 7 октября он «почти что определенно» выяснил, что противник хочет «возобновить игру при Маренго, чтобы атаковать армию с тыла», 5 французских корпусов, гвардия, баварцы и резервная кавалерия Мюрата уже достигли Дуная между Ингольштадтом и Мюнстером, в то время как один корпус (Нея) обеспечивал правый фланг на левом берегу Дуная против Ульма, а Кинмайер очистил переправы и отступал через Айхах и Мюнхен за Изар. Для решительного удара на значительно превосходившего его противника Мак был слишком слаб, к тому же французские колонны находились слишком близко друг к другу, и взаимная поддержка их была хорошо подготовлена. Так как Ингольштадт ближе к Мюнхену, чем Ульм, то о прорыве нечего было и думать, как бы не относить его к югу. 210 000 французов, продвигаясь на юг от Дуная, рано или поздно окружили бы 44-тысячную армию Мака и уничтожили бы ее.

После слабой попытки Мака порознь атаковать неприятельские колонны, переправившиеся через Дунай, и второй, вскоре оставленной, попытки отойти через Аугсбург, Мак отказывается от всяких предприятий на правом берегу и, ведя мелкие бои, возвращается 10 октября в Ульм. Об успехе можно было думать только в том случае, если бы подоспела с таким нетерпением ожидаемая русская армия. Но против этой возможности Наполеон тоже принял меры.

Левое французское крыло (два корпуса и баварцы) было выдвинуто на Изар в виде заслона против русских. Два корпуса и гвардия заняли позицию у Леха в районе Аугсбурга, чтобы перерезать путь Маку в направлении на Вену и одновременно служить резервом левому крылу. Непосредственно на Ульм наступал сначала только Мюрат с резервной кавалерией и одной пехотной дивизией. Однако эти войска непрерывно подкреплялись, и к 11 октября на левом берегу осталась только одна дивизия Дюпона. Ее оказалось достаточно, чтобы Мак не решился в этот день прорываться. 13-го числа попытка должна была быть возобновлена несколькими эшелонами. Переднему эшелону (16 000 чел. под начальством Вернека) удалось счастливо пробиться на Гербрехтинген, прочие же остались с Маком в Ульме в расчете на скорое отступление Наполеона, ввиду мнимого английского десанта в Булони и угрожающей мобилизации Пруссии. 14 октября Ней под Эльхингеном, отеснив слабый австрийский отряд, очистил себе переправу обратно на левый берег Дуная. Отсюда французские войска начали наступление с севера на отрезанный уже с востока Ульм; другие части наступали через Меминген и Биберах на Ульм с юга. 17-го числа 23 000 австрийцев оказались вынужденными к капитуляции. Елачичу с 5 000 удалось ранее уйти в Форарльберг, пройдя западнее Иллера. Чтобы не бросать главнокомандующего в трудном положении, Вернек хотел вернуться в Ульм, но по приказу эрцгерцога Фердинанда повернул обратно; при этом у Трохтельфингена его нагнали Мюрат и Дюпон. Его войска были частично рассеяны, частично принуждены положить оружие. Эрцгерцог Фердинанд пробился с 2 000 всадников. Из 60 000 чел., с которыми Мак выступил на Иллер, вероятно, большая часть была уничтожена. Но и она, может быть, имела бы возможность отойти, если бы 11-го или 12-го числа Мак предпринял решительный прорыв по левому берегу Дуная. Чтобы запереть противника на правом берегу Дуная, французами было сделано достаточно, для обеспечения со стороны русских — более чем достаточно, но для обложения Мака — слишком мало. Быстрое обложение Мака в Ульме более всего способствовало бы успеху. Имея такое значительное превосходство сил, Наполеон не должен был в течение нескольких дней предоставлять Маку возможность совершить прорыв: он слишком рассчитывал на его нерешительность и фальшивое понимание обстановки.

Год спустя прусско-саксонская армия, численностью около 100 000 чел., стояла

севернее Тюрингенского леса, сосредоточив главные силы между реками Заалой и Веррой на линии Веймара и Эрфурта (схема 13). С намерением обойти и атаковать левый неприятельский фланг Наполеон со 100-тысячной армией выступил в трех колоннах из Байрейта и Бамберга и перешел через Франконский лес и Верхнюю Заалу. Эта цель могла быть достигнута захождением трех колонн в зависимости от расположения противника. К сожалению, об этом расположении не было никаких достоверных сведений. На Верхней Заале имели место два боя, но они не выяснили обстановки. Наполеон то предполагал держаться по-прежнему северного направления, то думал двигаться несколько восточнее. Одна колонна задерживалась, другая продвигалась вперед. Таким образом, тот «bataillon carré» {7}, который представляла собой французская армия при движении, способный развернуться как вперед, так и в стороны флангов, пришел в расстройство. Когда на Заале дело дошло до захода в сторону фланга, то оказалось, что на переправы у Кезена и Дорнбурга вышло по одному корпусу, а главные силы направились против Иены; в то же время противник в своем расположении по линии Иена — Веймар — Эрфурт сосредоточил главные силы на переправах у Наумбурга — Кезена и Фрейбурга. Наполеон предполагал, что соответственно его распределению сил противник тоже сосредоточил свои силы против Иены, а у Кезена и Дорнбурга не осталось никаких частей, а если и остались, то весьма малые. Поэтому он хотел атаковать противника у Иены и до тех пор сдерживать его фронтальным боем, пока не подойдут корпуса из Дорнбурга и Кезена, чтобы отбросить неприятеля в Тюрингенский лес. Этот план не соответствовал действительной обстановке. Главная прусская армия двигалась на Кезен; и лишь небольшой вспомогательный корпус под начальством Гогенлоэ, который мог рассчитывать только на поддержку армейского резерва Рюхеля, должен был запереть дефиле у Камбурга и Дорнбурга, а остальными силами вначале держаться у Иены, но не втягиваться в серьезный бой, т.е. в случае атаки противника — отходить. Выполнение этой задачи в течение суток безусловно было возможно в том смысле, что если бы и не удалось воспрепятствовать превосходными силами противника переправиться через Заалу, то во всяком случае они могли быть задержаны на Ильме у Апольды. Тем самым главной прусской армии было бы дано время нанести решительный удар переправившемуся у Кезена значительно более слабому противнику. Три французские дивизии могли быть связаны на фронте тремя прусскими, а остающимися в распоряжении значительными резервами сброшены в Заалу. Если этого не случилось, то это объясняется исключительно тем, что главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, который ясно представлял себе всю обстановку, был тяжело ранен, а король, который принял на себя главное командование, не поддержанный никем из компетентных советчиков и помощников не понадеялся на свои силы, чтобы продолжать бой, и отдал приказ об отступлении с целью, соединившись на следующий день с армией Гогенлоэ и назначив нового главнокомандующего, вновь завязать борьбу. Между тем, Гогенлоэ не вел арьергардного боя и не начал постепенного отступления, как это ему было предписано, а начал атаку с перевернутым фронтом против в пять раз сильнее противника и был так же, как и Рюхель, разбит на-голову.

По обыкновенному человеческому разумению план Наполеона должна была бы постигнуть неудача. Он слишком рано начал заходить. Его главная атака была направлена на вспомогательную армию в малозначащем направлении, и все-таки решительная победа была достигнута, так как атака все еще направлялась на первоначальный фланг противника; тем самым отступление пруссаков к Одеру сделалось возможным только по большой дуге, в то время как преследующий имел возможность быстро и беспрепятственно достигнуть той же цели по кратчайшей хорде.

Было бы удивительно, если бы фридриховские и наполеоновские обходные движения и атаки с флангов и тыла не вызывали подражания со стороны их противников.

Из сражения при Праге в 1757 г. принц Гильдбурггаузен получил об этом ясное представление. Главнокомандующий 64 000 имперских и французских войск думал без труда обойти у Росбаха 21 600 пруссаков и нанести им губительное поражение. Но обход встречен контробходом, намеченная атака — контратакой. Пруссаки под прикрытием холмистого кряжа подходят близко и внезапно нападают со всех сторон на узкий фронт походных колонн, в то время как сильная батарея, обстреливающая длинный фланг походных колонн, мешает их развертыванию. Что обходы Фридриха Великого легче всего парируются атакой, это было убедительнейшим образом доказано им самим. Таким же образом действовал и Наполеон.

1 декабря 1805 г. союзные русские и австрийские войска в числе 75 000 чел. предполагали встретить Наполеона занимавшего сильную позицию у дороги Брюнн — Ольмюц, за ручьем Гольдбах, между селениями Кричен и Кобельниц (схема 14). Они решили на следующий день занять внимание противника, атаковав его на фронте вдоль большой дороги со стороны Голубиц частями Багратиона (11 500 чел.), резервом великого князя Константина (7 000 чел.) со стороны мельницы Вальк и 6 000 кавалерии под начальством князя Лихтенштейна, всего 24 500 чел.; остальная армия в числе 60 000 чел. должна была переправиться через Гольдбах между Кобельницом и Тельницом и атаковать неприятельский правый фланг между селениями Шлапаниц и Турас, причем Кинмайер выступал из Ауезда, за ним Дохтуров из Клейн-Гостеградека, Ланжерон из района южнее селения Праце, Пшибышевский из района севернее и Коловрат из района восточнее того же селения. Этот охват может быть и был бы успешен, если бы Наполеон продолжал занимать оборонительное расположение, как это сделали принц Карл Лотарингский под Лейтенном и Фермор под Цорндорфом, и если бы можно было беспрепятственно пройти через дефиле ручья Гольдбах. Но оба эти условия не были соблюдены. Наполеон занял пятью батальонами и двенадцатью эскадронами Маргарона переправы у Тельница, у деревни и у замка Сокольниц. Он хотел сначала отбросить непосредственно противостоящего неприятеля, затем атаковать правый фланг обходных колонн, причем в первой линии направлялись Сульт (полдивизии Леграна у Кобельница, Сент-Илер у Пунтовица, Вандам у Жиршиковица), Лани (дивизии Кафарелли и Сюше на Ольмюцкой дороге) и Мюрат с резервной кавалерией, усиленной Келлерманом, — между Сультом и Ланном. Во второй линии за Сент-Илером находился Удино, за Вандамом корпус Бернадота (дивизии Друэ и Риво), в третьей линии находилась гвардия. План был осуществлен не вполне так, как это намечалось. Когда Сульт внезапно атаковал и захватил господствующие высоты севернее, Праце, то Келлерман, Дохтуров, Ланжерон и Пшибышевский уже спустились с высот, достигли головами колонн ручья Гольдбах, но Коловрат был задержан номинальным главнокомандующим, Кутузовым, и только что начал спуск через селение Праце к селению Кобельниц. Голова колонны Коловрата была атакована Сент-Илером, а ее фланг Вандамом (схема, 15). Несмотря на всю трудность положения, в котором оказался австрийский генерал, он сумел развернуть свои войска и оказать сопротивление в течение двух часов. Только атака дивизии Друэ (корпуса Бернадота) против правого фланга вынудила Коловрата к отступлению через Збейшов на Вацан. Союзники, левому флангу которых угрожал противник, должны были примкнуть к этому отступлению: князь Лихтенштейн, который при поддержке русской гвардейской кавалерии вел бой с переменным успехом против Мюрата и Келлермана, русский резерв, продвинувшийся до Блашовиц и атакованный здесь дивизиями Риво и Кафарелли, наконец; Багратион, за которым следовал Ланн и который оказал у Посорцицкого поста упорное сопротивление и затем беспрепятственно отошел к Аустерлицу. Лихтенштейн и великий князь Константин вышли у Крженовица, па левый берег ручья Литава.

Между тем, три обходные колонны достигли переправ через Гольдбах (Кинмайер и Дохтуров после продолжительного боя — у Тельница, Ланжерон — у деревни Сокольниц,

Пшибышевский — у замка Сокольник) и частью своих сил овладели расположенными западнее высотами. Дальнейшему продвижению воспрепятствовал Даву, который с дивизиями Фриана и драгунами Бурсье подошел от Грос-Райгерна на поддержку Маргарона. В этом бою против главной массы союзников французы были в меньшинстве. Но им удалось не только удержаться, но одержать успех, так как сдавленная масса не располагала достаточным пространством, чтобы развернуться, и тем самым ее превосходство было сведено на нет. Но вся невыгода ее положения сказалась тогда, когда Наполеон принудил Коловрата к отступлению и, оставив корпус Бернадота и гвардию на Праценских высотах, послал две с половиной дивизии Сульта, поддержанные Удино, против правого фланга обходных колонн неприятеля. Сент-Илер и Легран, которым было указано направление на Сокольник, поставили правую колонну Пшибышевского в самое отчаянное положение. Спешно выдвинутые против угрожающей фланговой атаки несколько русских батальонов были немедленно уничтожены превосходным противником. Остальные пробовали отойти на запад через ручей Гольдбах, но попали под перекрестный огонь артиллерии Даву и Сент-Илера. Вся колонна была частью уничтожена, частью взята в плен. Но этот бой дал время Ланжерону спастись через Тельниц. Оставшиеся восточнее ручья девять батальонов Дохтурова и Кинмайера отходили на Ауезд, но когда к этой деревне подошел Вандам, они повернули на Сачан, а когда здесь провалился мост, они пытались уйти по дамбе между Мёницким и Сачанским прудами. Под артиллерийским огнем остатки союзников успели отойти через Нейдорф и Отниц к Милешовицу.

Наполеон похвалился, что он под Аустерлицом прорвал центр неприятеля и рассеял его в разные стороны. Однако, события 2 декабря едва ли дают возможность признать наличие прорыва и раскалывания противника на части. К вечеру союзники, соединившись, находились южнее Литавы. Напротив, французская армия разделилась на две части. Большая часть стояла против неприятеля между селениями Мёниц и Крженовиц, а меньшая (Ланн и Мюрат) на Ольмюцкой дороге у Посорцицкого поста. Рано утром 3 декабря Наполеон писал Сульту:

«Император хочет лично гнаться за противником по пятам. По его мнению, на войне ничего еще не сделано, пока остается еще что-нибудь сделать. Во всяком случае победа является неполной там, где возможно достигнуть большего».

Но он сам недостаточно следовал этой теории. 2-го числа соприкосновение с противником было совершенно потеряно. Наполеон, по видимому, действительно находился в заблуждении, что противник расколот и отброшен по двум направлениям. В соответствии с этим 3 декабря Наполеон направил Бернадота и Сульта в южном направлении, а Ланна и Мюрата на Ольмюц. Вскоре выяснилось, что продвижение в этом последнем направлении есть удар по воздуху. Общее преследование из-за этого потеряло в силе. Но это не имело значения. Побежденные были до такой степени потрясены, что 4-го император Франц сам явился в лагерь Наполеона и просил перемирия; аустерлицкой победы и без преследования оказалось достаточно, чтобы противник исчез с театра войны и исчезла не одна только союзная русско-австрийская армия, но также и приближавшийся эрцгерцог Карл, русские подкрепления и прусская армия.

Картину, подобную Аустерлицу, отличающуюся, правда, по результату, представляет собой и Прейсиш-Эйлауская кампания.

В начале 1807 г. русско-прусская союзная армия располагалась так (схема 10): Лесток стоял у Ангербурга, Венигсен между Иоганнисбургом и Наревом — за рекой Писсой, Эссен между Наревом и Бугом; напротив, за реками Омuleвом и Пассаргой от

Гафа до Нарева располагались французы. Русско-прусская главнокомандующий вновь перешел к активным действиям еще прежде, чем войска стали по позициям и квартирам. Оставив Эссена на Нареве и слабый корпус Седьморацкого у Гониондза, главнокомандующий прошел двумя колоннами через Мазурские озера, сопровождаемый справа пруссаками Лестока, и двинулся на левый фланг противника. Широко и глубоко разбросавшиеся французы были застигнуты врасплох, но все-таки успели отойти без особых потерь в южном направлении. Союзники следовали за ними и 31 января достигли линии Фрейштадт — Дейч-Эллау — Остероде — Алленштейн. Им удалось, как это раньше удавалось Наполеону, выиграть вполне один из флангов противника. Положение союзников казалось и высшей степени выигрышным. Если бы они теперь успешно атаковали, то оттеснили бы французов к Висле, к Бугу и к нейтральной австрийской территории. Намечалась, возможность полного уничтожения противника. Но Венигсен не располагал ни достаточными силами, ни достаточной решительностью для такого предприятия. Он надеялся, что под простой угрозой левому флангу, с его стороны и правому — со стороны Эссена противник отойдет за Вислу. Однако, Наполеон не отступил, а ответил на обход контробходом и на угрозу атаки действительной атакой. Он оставил против Эссена один корпус (Ланн и Бекер) и сделал захождение остальной армией против главных сил противника. Это движение было очень облегчено положением районов расквартирования войск. В конце января французы стояли на линии Мышинец — Вилленберг — Хоржелле — Гильгенбург — Неймаркт. Теперь французы столь же успешно обошли противника, как перед тем противник их. Кто будет атаковать и победит, тот оттеснит противника — один к Висле и Бугу, другой к Фриш-Гафу. На это Венигсен пойти не мог. Отступление было еще ему открыто. Он мог отойти или на Кенигсберг, или через Велау на Тильзит. Однако, он колебался начать отступление, не будучи к этому вынужденным. Выгодная позиция на левом берегу реки Алле у Алленштейна привлекла к себе его главные силы. Это еще более улучшило положение Наполеона. Оно стало похожим на обстановку минувшего октября. Только противник стоял теперь не на левом берегу реки Заалы, а на левом берегу реки Алле. Если бы Наполеон со своим «bataillon sape» пошел вдоль правого берега, то даже, если бы противник оставил вовремя позицию у Алленштейна, Наполеон мог бы задержать его на ближайшем значительном рубеже, повернуться против него и атаковать в наивыгоднейших условиях. Но противник не давал оснований предполагать, что он собирается оставить позицию у Алленштейна. 4 февраля французы должны были атаковать на этой позиции противника с фронта и по переправам ниже по реке Алле в левый фланг и тыл (схема 17). Венигсен не дождался атаки и начал отступление ночью. Дорога вдоль реки Алле была слишком опасна, поэтому он уклонился на запад и хотел, двигаясь по пологой дуге через Вольфсдорф, Лансберг и Фридланд, выиграть дорогу на Велау. Наполеон следовал за ним. Из шести корпусных командиров Ланн был оставлен для прикрытия правого фланга против Эссена, Бернарот задержался надолго для прикрытия левого фланга и для обеспечения Торна. Ней, Ожеро и Сульц теснили с двух сторон отступающего противника и без умысла с их стороны оказались в хвосте за ним. Только Даву остался сбоку на той дороге, по которой вся армия должна была бы преследовать противника, чтобы его «отрезать», «охватить» и «нажать на его левый фланг». Вскоре Ней отрягается влево для преследования прусского корпуса Лестока. Все попытки вновь двинуть Сульца к Даву остаются безуспешными. Одного Ожеро недостаточно, чтобы побороть сопротивление русского арьергарда. Но если Ожеро и не мог бы продвинуться вперед и даже был бы вынужден к небольшому отходу, то, с точки зрения Ганнибала, это не имело бы существенного значения. Тем действительнее оказался бы фланговый удар Даву и Сульца. Наполеон же каждый раз отзывает Сульца назад на большую дорогу для непосредственного преследования противника. Противника, которого он все же хотел «отрезать», он все поспешнее теснил назад.

7 февраля русские находились уже восточнее Прейсиш-Эйлау. Сульц, за ним

Ожеро, Мюрат и гвардия до-отигли города. Ней находился левее, между селениями Оршен и Ландсберг, Даву правее, имея две дивизии у селения Бейслейден и одну у Бартенштейна. Дорога Фридланд — Велау от Прейсиш-Эйлау резко поворачивает на восток; Бенигсен опасался, что, продолжая таким образом марш, он не сможет уклониться от атаки с левого фланга. Тогда он решил встретиться неизбежную атаку не на марше, а на хорошей позиции.

Наполеон не намеревался использовать преимущество, которое давали ему особенности дорожной сети, а предполагал по прежнему «тянуть» преследование в виде авангардных и арьергардных боев. Поэтому Ней был вновь, послан вслед за пруссаками. Только увидев русских, развернувшихся на высотах восточнее Прейсиш-Эйлау, Наполеон выяснил обстановку. Положение французов было еще весьма выгодным. Противник, подобно Теренцию Варрону, занимал узкое по фронту, но глубоко расчлененное положение. Если бы Наполеон сосредоточил свои силы, он мог бы атаковать противника, приблизительно ему равного: Ожеро и гвардия — с фронта, Сульт а может быть, и Ней, — с правого фланга, Даву — с левого и Мюрат — с тыла. Шансы на уничтожение были такие же, как при Каннах. Наполеон принял другое решение. Ожеро должен был атаковать с фронта, Даву — с левого фланга, в то время как Сульт обеспечивал свой левый фланг, а гвардия и Мюрат составляли резерв. Таким образом, для овладения позицией противника, все же весьма сильной, были предназначены только два корпуса. Этого тем более было недостаточно, что атаки обоих корпусов последовали не одновременно, а одна после другой. Густые массы Ожеро, под прикрытием снежной метели, подошли вплотную к русским позициям, но были отброшены убийственным градом картечи и рассеяны русской пехотой и кавалерией. Только остатки были спасены Мюратом. Возобновить фронтальное наступление было невозможно. Здесь Наполеон должен был ограничиться тем, чтобы быть наготове отбить возможную контратаку. Однако, Даву удалось после упорных кровопролитных боев одержать некоторый успех на русском левом фланге. Но фронт был слишком мало скован атакой, вследствие чего фланг оказался настолько глубоким и трудным для охвата, что у Даву не хватило сил, чтобы полностью его одолеть. Русские стояли под прямым углом, фронтом на Прейсиш-Эйлау против Сульта и гвардии, а левым флангом против Даву. Ни один из противников не имел ни сил, ни желания возобновить атаку. Наполеон уже давно призывал Нея, а Бенигсен — Лестока с пруссаками.

Прибытие того или другого должно было получить решающее значение. Ней не подошел. Лесток, хотя и с небольшой частью войск, поспел в последнюю минуту. Первоначально было отброшено правое крыло Даву, а затем с помощью русских и его центр. К вечеру обе армии стояли друг против друга, приблизительно в том же положении, что и утром. Не было ни победителей, ни побежденных. Тем не менее, на следующее утро Бенигсен начал отход на Кенигсберг. Наполеон медленно следовал за ним. Но уже вскоре, не будучи в силах продолжать кампанию, Наполеон тоже повернул назад.

День сражения при Прейсиш-Эйлау означает поворот в полководческой жизни Наполеона. Ряд успешных сражений на уничтожение, какими были Маренго, Ульм, Аустерлиц, Иена, более не повторялся. Еще раньше не удалась Пултуская операция, построенная по тому же плану, как и Венская. Но это объяснялось необыкновенно трудными условиями. Теперь и Прейсиш-Эйлауская операция оказалась неудавшимся ударом. Правда, в дальнейшем можно еще рассматривать, как безусловно успешное сражение на уничтожение, Фридланд (14 июня 1807 г.) {8}. Но и здесь Наполеон не может в полной мере приписывать победу только себе. Противник сам ему подготовил успех. Русские, не имея этого в виду, совершенно случайно перешли у Фридланда через реку

Алле, развернулись тылом к реке и приняли в таком понижении атаку вдвое сильнейшего противника. Из превосходства сил атакующих, естественно, создалась, помимо фронтальной атаки, атака во фланг. Если бы не были оставлены слишком сильные резервы, то создалась бы атака и в другой фланг. Но и без того успех был значительный. В довершение всего русские подожгли, еще не пройдя их, тот пригород и мост, через которые они должны были спасаться. Получив сведения, что противник находится еще у Фридланда, Наполеон, несмотря на усталость войск, быстро принял решение и поспешил туда: это и создало ему бессмертную славу. Противник сам дал ему в руки план боя.

В дальнейших войнах Наполеон сначала придерживался, казалось, тех же методов, которым он был обязан столькими блестящими успехами. Так, в Регенбургской операции 1809 г. {9} (схема 18) австрийцы предполагали захватить врасплох, до ее сосредоточения, армию противника, состоявшую из французов и из войск Рейнского союза. 10 апреля эрцгерцог Карл с армией в 120000 чел, переправился через реку Инн у Браунау и ниже. 16-го числа он оттеснил одну баварскую дивизию, захватил переправу через реку Изар и двинулся дальше на Кельхейм, чтобы достигнуть правого берега Дуная, соединиться там с двумя корпусами Бельгарда (50 000 чел.), находившимися на пути из Богемии, уничтожить или рассеять все части противника, которые оказались бы севернее Дуная, и, двигаясь вдоль него, воспрепятствовать главным силам противника удержаться на удобной для них позиции за рекой Лех. Это был ответ на операцию Наполеона против Мака. На этот раз французы должны были быть оттеснены на юг, а, если возможно, то и на восток.

Когда 17 апреля Наполеон прибыл на театр военных действий, он застал баварцев под начальством Лефевра в отступлении через нижнее течение реки Абенс; далее, вдоль Дуная находились: дивизия Демона у Ингольштадта, кавалерийская дивизия Нансути у Нейбурга, вюртембержцы под начальством Вандама у Донауверта, дивизия Руе (войска мелких рейнских государств) у Нордлинтена, Массена и Удино на Лехе, между Аугсбургом и Ландсбергом, Даву севернее Регенбурга. При такой обстановке наступление эрцгерцога имело мало шансов на успех. Ингольштадт и Регенбург были заняты противником, мост у Кельхейма разрушен; постройке нового моста в каком-либо месте между этими пунктами, несомненно, воспрепятствовали бы части противника, стоящие на левом берегу Дуная. Поэтому немедленно переправиться через Дунай было невозможно. Напротив находилась одна группа противника, отходившая за реку Абенс, другая — с правого фланга у Регенбурга, третья — с левого фланга на походе к Аугсбургу. Австрийцы попадали в тупик, выходом из которого могло бы быть или поспешное отступление, или полное уничтожение одной из трех групп противника.

Обстановка стала ясна эрцгерцогу, когда, медленно продвигаясь двумя колоннами, он достиг района реки Рор. Массена (схема 19) находился еще слишком далеко, чтобы можно было его атаковать. Баварцы могли бы продолжать свой отход в случае наступления на реку Абенс, что еще более ухудшило бы положение австрийцев. Поэтому эрцгерцог решил направить главные силы против Даву и при помощи Бельгарда совершенно его уничтожить. План был бы превосходен, если бы мост на Дунае у Регенбурга находился в распоряжении Бельгарда. Но этой предпосылки не было. Даву перешел на правый берег Дуная и 19 апреля выступил из Регенбурга, оставив, однако, гарнизон в укрепленном городе. Бельгард должен был первоначально захватить с боем переправы. До этого времени эрцгерцог мог рассчитывать против Даву только на свои силы. Но из них только около половины оставалось в его распоряжении. После переправы через реку Изар Гиллер с 26 000 чел. был выделен в Мосбург для обеспечения левого, Вексей с 6000 в Гейзельгеринг — для обеспечения правого фланга. Теперь были еще выдвинуты в направлении на реку Абенс эрцгерцог Людвиг с 15 700 чел. к Зигенбургу и

генерал Тьери с 5 800 чел. через Оффенштетен. 63 000 чел. оставались для уничтожения 57 000 чел. Даву. Это было превосходство сил, явно недостаточное для исполнения задачи. Очевидно, отряды, выдвинутые эрцгерцогом для прикрытия флангов, были слишком велики, а количество сил, предназначенных для удара, в такой же мере было ослаблено. Оправданием эрцгерцогу может служить лишь то, что в подобных случаях другие генералы, и даже сам Наполеон в 1813 г., поступали едва ли лучше. Но это оправдание не могло помочь ему преодолеть роковые последствия. Он должен был стянуть к решающему пункту много больше 63 000 чел. Здесь нужно было уничтожить или совершенно вывести из игры одного из лучших французских маршалов с одним из лучших французских корпусов. Если бы эрцгерцог ограничился тем, что только удержал бы противника или немного его потеснил, то через короткий срок другие две французские армии оказались бы у него в тылу и на фланге. Его положение было отчаянным. К счастью, противник не был склонен полностью воспользоваться этим отчаянным положением.

Мольтке сказал: «Соединение разделенных до этого армий на поле сражения я считаю наивысшим достижением стратегического управления». Четыре года спустя — под Лейпцигом — и еще двумя годами позже — под Ватерлоо — это высшее достижение стратегии раздавило Наполеона, он должен был бы сам осознать значение такого соединения и сам его использовать, но, по крайней мере, в то время он не захотел стать на такой путь. Он остался при своем прежнем методе — стремиться сначала развернуть всю армию против фланга или тыла противника. При наличии предположения, что эрцгерцог двинется на Регенсбург против Даву, центральная армия подтягивалась к левому берегу Абенса, Даву, двигаясь по правому берегу Дуная {10}, должен был примкнуть у Нейштадта к левому крылу, а Массена и Удино — из Аугсбурга через Пфафенгофен к правому. Выполнимо ли и целесообразно ли было такое развертывание вблизи противника, в этом скоро усомнился и сам Наполеон. 18 апреля Массена достиг головой своей длинной колонны (Удино) Пфафенгофена и вытеснил оттуда отряд противника. Следовало ли на следующий день действительно подтягивать его к Нейштадту и не проще ли было направить по прямой через Ау в тыл противника? Наполеон нашел временный выход: 19 апреля он решил подтянуть колонну Массена к Пфафенгофену, невзирая на то, что на следующий день плотный клубок должен был опять растянуться в каком-нибудь направлении.

В тот же день 19 апреля эрцгерцог хотел двигаться на Регенсбург, чтобы при помощи Бельгарда уничтожить Даву (схема 20). Последний же, напротив, должен был, не входя в соприкосновение с противником, отойти к Абенсбергу {11}, с этой целью обоз был двинут по большой дороге вдоль Дуная, по две дивизии через Тейген и Зальгаунд на Абенсберг, кавалерия и часть пехоты под начальством Монбрена — через Динцлинг. Со стороны австрийцев направлялись: Гогенцоллерн — на Гаузен и Тейген, Розенберг боковым отрядом — на Шнейдгарт и Зальгаунт, главными силами — на Динцлинг, Лихтенштейн — на Зандинг, Вексей—из Экмюля на Регенсбург. Эрцгерцог надеялся раньше противника занять позиции Волькеринг — Аббах и удерживаться на них до подхода Бельгарда. Но Даву был быстрее и при приближении противника повернул вправо обе колонны своих главных сил, чтобы через Тейген и Унтер-Зааль выйти на большую дорогу Регенсбург — Абенсберг. Головная дивизия (Моран) беспрепятственно достигла этой дороги. Вторая. (Гюден) уже достигла цели с легкими боями на фланге. Третья (Сент-Илер) должна была у Тейгена повернуть налево, так как через Гаузен уже подходил Гогенцоллерн. Французский генерал немедленно ввел в дело все силы. Гогенцоллерн же начал действовать одним авангардом, постепенно усиливая его полками и батальонами, но ничего не мог поделать против более широкого фронта и в заключение был атакован в правый фланг 4-й дивизией Фриана. Преследуемый до южной опушки лесистого кряжа, он должен был, понеся значительные потери, отступить к Гаузену. Тем временем Розенберг со своими двумя колоннами вел на закрытой лесистой местности

затяжной, но нерешительный бой против Монбрена и выдвинутых от Зальгаунта боковых отрядов, был ими введен в заблуждение и задержал свои главные силы в выжидательном положении. Лихтенштейн, следовавший за Розенбергом, к вечеру достиг вместо Зандинга лишь Ширлинга и в темноте без боя свернул к Хоэнбергу на Регенсбургскую дорогу, где и соединился с Вексеем. К вечеру находились с одной стороны Гогенцоллерн у Гаузена, Розенберг у Динцлинга, с другой Сент-Илер и Фриан у Тейгена, Монбрэн у Пейзинг — Аббах, Моран и Гюден, объединенные с этого времени под командой Ланна, головами у Обор-Фекинга, Рейсинга и Шамбаха. Армия Бельгарда после тщательной атаки на Регенсбург осталась на левом берегу Дуная.

Даву искусно избежал полной победы, но от частичного успеха при всем желании не смог уклониться. Если бы он не подчинился искусственному приказу императора {12}, а последовал естественному инстинкту солдата, то он не повернул бы обе свои колонны от Тейгена и Зальгаунта вправо на Унтер-Зааль, а направил бы их прямо на противника и с имеющимися двумя дивизиями так же успешно победил бы Розенберга, как такими же силами он оттеснил Гогенцоллерна. Если Гогенцоллерн был вынужден отойти к Гаузену, то Розенберг был бы оттеснен, по крайней мере, к Хельрингу и Парингу. Даву и Ланн на следующий день вновь возобновили бы атаку, в то время как Наполеон с Лефевром, Вандамом, Демоном и Нансути двигался бы на Зигенбург, Бибург и Абенсбург против эрцгерцога Людвига и Тьери, а Массена из Пфафенгофена, а возможно и из Ау (которого он легко мог достигнуть 19 апреля), на Пфафенгаузен. К вечеру, самое позднее к 21 апреля, кампания могла бы быть законченной. Но вследствие того, что Даву отошел в сторону, а Массена задержался позади, австрийцы избежали опасности быть окруженными. Оба противника, хотя и разделенные на значительно отстоящие одна от другой группы, стояли в общем друг против друга фронтально. Об окружении больше не могло быть и речи. Только корпус Гогенцоллерна находился между Даву и Данном под известной угрозой. Австрийская атака на этом крыле, которую впоследствии так настойчиво рекомендовали, не обещала никакого успеха. Правда, Даву мог бы быть поставлен Розенбергом в трудное положение. Но атака на Ланна только что разбитым корпусом Гогенцоллерна имела бы мало шансов на успех, тем более что французский центр, перейдя через реку Абенс, выходил ему в тыл.

Едва ли возможно допустить, что к вечеру 19 апреля эрцгерцог отдавал себе полный отчет в обстановке. Во всяком случае, он уяснил себе из истекших боев, что победа над более многочисленным и лучше обученным противником возможна только при условии, что он соединит все свои силы. Поэтому настоятельно необходимо было открыть переправу у Регенсбурга и подтянуть к себе 50 000 чел. Бельгарда. До тех пор эрцгерцог предполагал обороняться. Розенберг прежде всего должен был связать Дину, Гогенцоллерн — отойти за Грос-Лаабер к Лейерндорфу, Тьери и эрцгерцог Людвиг, уже в течение ночи, — примкнуть к нему слева, Гиллер, который достиг Майнбурга, оттягивался к Пфафенгофену для прикрытия левого фланга. Эрцгерцог предполагал 20 апреля на занятой выгодной позиции встретить атаку неприятельского левого крыла и центра, Лихтенштейн был послан к Регенсбургу, чтобы открыть Бельгарду переправу через Дунай. 21 апреля Бельгард с 50 000 чел. должен был бы атаковать левый фланг противника. План несомненно был не безнадежный и положение не плохое. Обстановка сложилась еще выгоднее вследствие мероприятий Наполеона. Донесение Даву от 19 апреля: «После тяжелого боя поле сражения осталось за мной» Наполеон понял так: «L'ennemi bat en retraite a toutes jambes» {13}. Раз предполагалось, что эрцгерцог находится в полном отступлении, то его надлежало не только преследовать «l'eree dans les reins» {14}, но и отрезать ему путь отхода. Если это не оказалось возможным на Изаре, то несомненно удалось бы на Инне. Массена получил приказ 20 апреля двинуться на Фрейзинг и далее кратчайшей дорогой, чтобы предупредить в Браунау австрийцев. Удино,

который вместе с Массена находился у Пфафенгофена, был оттянут в противоположном направлении на Нейштадт, что шло в разрез с идеей преследования. Первоначальный план предварительного сосредоточения там всей армии выполнялся, по крайней мере, частично, несмотря на предполагавшееся коренное изменение обстановки. Таким образом, Массена и Удино, т.е. третья часть всей французской армии, не менее чем на два ближайших дня отрывались от поля действий. 20 апреля на реке Грос-Лаабер эрцгерцог мог бы иметь дело с приблизительно равносильным противником, а 21-го, подтянув Бельгарда, мог перейти в наступление с превосходными силами. Эта прекрасная перспектива, однако, рассеялась из-за ошибок австрийских корпусных командиров. Претендуя на то, что он лучше разбирается в обстановке, и опираясь на право корпусного командира принимать самостоятельные решения, эрцгерцог Людвиг не захотел открыть Ландсгутскую дорогу и покинуть свою позицию на реке Абенс. Вопреки полученному приказу он не выступил ни ночью, ни следующим утром.

Когда же перед полуднем 20 апреля (схема 21) он понял всю сомнительность своего положения и решился на отступление, то против 24 000 его австрийцев, вытянутых кордоном вдоль реки Абенс, уже наступали 75 000 чел.: Ланн с дивизиями Морана и Гюдена от Шамбаха, Лефевр с двумя баварскими дивизиями и с Нансути от Абенсберга, Вандам с Вреде, вюртембергцами и Демоном от Бибурга. Несколько мелких отрядов было отрезано и уничтожено. Остальные отошли на Пфефенгаузен. Гиллер, намереваясь контрударом возобновить бой, двинулся через этот пункт на Роттенбург, но наткнулся на Ланна и отступил на Тюркенфельд. Противник преследовал вдоль обеих дорог до Гизельтсгаузена и Людмансдорфа.

Наполеон все еще предполагал, что главные силы, мимо левого крыла которых он на самом деле только что прошел, отходят на Ландсгут и что он сбил арьергард, прикрывавший это отступление. Он надеялся, что 21-го, при бурном развитии преследования, удастся всю неприятельскую армию заставить остановиться у Ландсгутского моста. Массена должен был от Фрейзинга продвигаться по правому берегу Изара и завершить уничтожение. Лефевр с дивизиями Демона и Деруа был оставлен у Бахля для подкрепления Даву и для обеспечения фланга на случай атаки Вельгарда.

Чтобы избежать угрожавшей им гибели, Гиллер и эрцгерцог Людвиг ночью продолжали отступление. Около Ландсгута все дороги и подступы к городу оказались совершенно забитыми обозами. Только с большим трудом и потерей времени удалось устранить препятствия. 21-го французы подошли прежде, чем дорога была очищена: войска еще не успели пройти через город. Завязался бой северо-западнее и внутри города. Позиция на правом берегу Изара заставила преследующих приостановиться. Массена подошел лишь тогда, когда дальнейшее отступление было планомерно организовано и арьергард уже оставил высоты правого берега. Хотя и с серьезными потерями, австрийцы получили возможность продолжать движение к реке Инну без дальнейших крупных задержек.

По виду противника, которого он имел перед собой, и по донесениям Даву Наполеон в Ландсгуте должен был убедиться, что в течение двух дней с большей частью своих сил он следовал за вспомогательной армией, а главные силы противника стоят влево и позади него. Он решил поручить преследование Гиллера и эрцгерцога Людвигу Бесьеру с 15 000 пехоты и 3 000 кавалерии, Вреде оставить в резерве у Ландсгута, а с 60 000 чел. двинуться к Экмюлю, чтобы окружить и уничтожить эрцгерцога Карла.

Между тем, последний 20 апреля без помехи со стороны противника отвел 3-й корпус (Гогенцоллерна) за реку Грос-Лаабер. Лихтенштейну удалось принудить к

капитуляции слабый гарнизон Регенсбурга, угрожаемого с обоих берегов. Была восстановлена связь с левым берегом. Можно было ожидать, что Бельгард перейдет через реку и 21-го числа с 50 000 чел. атакует Даву и Лефевра с левого фланга, а эрцгерцог с 60 000 чел. — с фронта. Но неожиданным образом на месте оказался только корпус Коловрата, 1-й же находился далеко на марше в Неймаркт. Но и находившийся на месте корпус не перешел через реку, а двинулся на Гемау. Отданный за несколько дней приказ о переходе на правый берег Дуная не достиг, по видимому, своего назначения. Бельгард находившийся в стороне от последних событий, продолжал действовать по первоначальному плану операции и стремился соединиться с эрцгерцогом на левом берегу Дуная с целью атаковать противника, расположенного за рекой Лех. А если бы эрцгерцогу не удалось переправиться, то что лучшего мог сделать Бельгард, как не диверсию на левом берегу Дуная, посредством которой он принудил бы неприятеля к отступлению! Действия против Регенсбурга рассматривались, как второстепенные. Когда ошибка или недоразумение были выяснены и последовало отозвание обоих корпусов, Коловрат к вечеру 21-го числа подошел к Регенсбургу (схема 22), но удобный момент был уже пропущен.

Согласно приказу, полученному 20-го вечером, Даву должен был направиться туда, где еще стояли враги, чтобы их уничтожить и раздавить. Одновременно писалось Лефевру: «Преследуйте противника по пятам». На этом основании 21 апреля Даву выступил из Тейгена в Гаузен, оттуда двинул Фриана через Хельринг в Паринг, а Сент-Илера — в Лангквейд. Туда же направился Лефевр из Бахля. Под прикрытием арьергардных боев Гогенцоллерн отошел за ручей Аллерсдорф, южнее Ширлинга, Розенберг следовал из Динцлинга в Лайхлинг. Сильный бой продолжался до темноты, чередовались удары и контрудары, причем стороны занимали позиции: одна — Линдах, Обер-Лайхлинг, Обер-Зандинг, другая — ручей Аллерсдорф, Ширлинг, Колбинг, опушка леса восточнее Динцлинга.

21-го вечером эрцгерцог Карл еще ничего не подозревал об отступлении эрцгерцога Людвиг и Гиллера, а также о продвижении Наполеона на Ландсгут. Он все еще рассчитывал на подкрепление левого крыла корпусами обоих генералов и предполагал совместно с ними и с Коловратом атаковать Наполеона, продвижение вперед которого ожидал из Абенсберга вниз по Дунаю. А когда ночью пришло донесение о судьбе Гиллера и эрцгерцога Людвиг, главнокомандующий не счел положение существенно ухудшившимся, так как этими частями все-таки связывалась значительная часть французских сил. К 22-му (схема 23) Розенберг должен был занять позицию против Даву и Лефевра, бригада Вукасовича — служить прикрытием левого фланга южнее Грос-Лаабер, гренадеры оставались в резерве у Моостофа. Гогенцоллерн должен был наступать от Альт-Эглофсгейма на Динцлинг, Лихтенштейн от Гобелькофена на Пейзинг; Коловрат должен был «en front emportieren» {15} из Обер-Ислинга на Аббах, где предполагался лишь небольшой отряд противника. Успех был вообще возможен, если бы намеченные передвижения были начаты с утра, но ввиду того, что надлежало выждать Коловрата, продвижение могло быть начато лишь после полудня, а к этому времени уже Наполеон с 60 000 чел. внезапно появился из Ландсгута перед Экмюлем, а Даву и Лефевр перешли в атаку. С точки зрения «теории» предстоявшая фланговая атака была неопасна, так как через широкий Грос-Лаабер на большом протяжении переправа имела только у Экмюля, которую легко было разрушить. Но в действительности нашлись и другие переправы. Вукасович не смог удержаться против атаки Лефевра из Ширлинга, Вандама из Деггенбаха, Ланна через Роггинг и резервной кавалерии, которая в нескольких местах перешла ручей вброд. Сначала он должен был отойти за Лаабер, а затем отступать и далее (схема 24). Розенберг, атакованный с двух сторон превосходными силами, только с большими потерями смог вырваться из сдавливавших его тисков. Гогенцоллерн и

Лихтенштейн должны были вступить в бой, кавалерию пришлось бросить навстречу наседавшему врагу, и к наступлению темноты удалось собрать всю армию на высотах Грасса и у Бургвейтинга. Но остановка здесь была тоже непродолжительной. Уже в ночь на 23-е было начато отступление по временному мосту на левый берег Дуная. Отход не был закончен, когда наступило утро, и противник вновь стал наедать. Австрийская кавалерия, которая уже накануне отличилась своими действиями, должна была вновь напроцать свои силы, чтобы задержать противника перед плавучим мостом.

25 апреля за Регеном у Кама эрцгерцог Карл собрал Бельгарда, Коловрата, Гогенцоллерна, Розенберга и Лихтенштейна. Гиллер и эрцгерцог Людвиг находились у Альт-Оттинга за рекой Инн. Наполеон обратился против этой части разбитого противника. В течении семидневных боев австрийцы потеряли 40 000, их противник всего лишь 16 000 чел.

Действуя со 180 000 чел. против 120 000 чел., нанести неприятельской армии потери в размере одной трети ее состава и расколоть ее на две части — это являлось бы для всякого другого генерала завидным результатом. Но для Наполеона, который имел полную возможность совершенно уничтожить эту армию и «в два-три дня разрешить германские дела», такой результат недостаточен. 17 апреля император располагал тремя армиями, примерно по 60 000 чел. — у Аугсбурга, вдоль Дуная (голова ее была у Нейшадта) и у Регенсбурга. Ему следовало только двинуться с трех сторон на эрцгерцога, который, оставив на Изаре 24 000 чел., вступил с 94 000 чел. внутрь речной дуги, образованной реками Абенс и Дунаем, — и было бы выполнено то, что Мольтке считал высшим стратегическим достижением.

18 апреля Массена достиг Пфафенгофена, а Лефевр сосредоточился у Нейшадта на Абенсе. Даву переправился у Регенсбурга через Дунай. 19 апреля Массена мог продвинуться до Ау, а Лефевр — еще далее. Даву мог выдвинуться на правый берег Дуная или, по крайней мере, на позицию Аббах, Волькеринг. 20-го все три группы могли наступать на противника, где бы последний ни находился. Правда, эрцгерцог имел возможность обратиться своими главными силами против одного из трех противников. Но он не мог достигнуть особенно большого превосходства сил, так как во всяком случае часть армии была бы связана баварцами, стоявшими на реке Абенс. Но, несмотря на это, ему могло удастся потеснить одного из трех противников. Это помогло бы ему столь же мало, как Теренцию Варрону при Каннах оттеснение иберийцев и галлов. Если бы эрцгерцог одержал победу, но не уничтожил или совершенно не прогнал с поля одного из трех противников, он в результате все-таки оказался бы в полном окружении. Наполеон отверг простой способ концентрического наступления. Он хотел держаться испытанного метода — сосредоточить сначала всю свою армию в тылу или на фланге противника. Этот прием, благодаря которому он одержал блестящий успех при Маренго, Ульме и Иене и который мог бы дать такой же результат при Прейсиш-Эйлау, здесь оказался неудачным. Противник уже слишком далеко продвинулся вперед, чтобы можно было полностью закончить обстоятельное развертывание. Видя, что его планы наталкиваются на препятствия, получая ложные донесения и составляя себе ошибочное представление о противнике, Наполеон был вынужден каждый день принимать новые решения. Эрцгерцог поступал таким же образом. В этом соперничестве Наполеон в конце концов одержал верх. Это было неудивительно. За ним было значительное численное превосходство. Его войска имели совершенно исключительную подвижность и превосходили все другие в бою, особенно на закрытой и не» ресеченной местности. Маршалы вкладывали все свои силы в выполнение приказаний императора, а у австрийских корпусных командиров, в общем, недоставало подготовки и дисциплины для осуществления решительного наступления. И, что важнее всего, Наполеон быстро принимал решения, безразлично,

удачные или нет, и приводил их в исполнение с быстротой, решительностью и силой. Эрцгерцог же выжидал выяснения обстановки, сдерживался, и события предупреждали его. И лишь в значительной степени благодаря ошибкам Наполеона, который не только слишком поздно запер выход у Ландсгута, но и открыл новый у Регенсбурга, эрцгерцогу удаюсь спастись от гибели, хотя и со значительными потерями.

Конечный результат апрельской кампании был таков: австрийцы понесли тяжелые потери, но не были уничтожены. Четыре недели спустя они вновь столкнулись с победителем и отбросили его у Асперна за Дунай. Так как Наполеон пренебрег предоставленной ему возможностью дать бой на уничтожение, то он не смог «в два-три дня разрешить германские дела». Потребовалась кампания продолжительностью в несколько месяцев, потребовалась война, которая не ограничилась одной долиной Дуная, а распространилась на Тироль, Италию, Польшу, Северную Германию и Нидерланды, чтобы, наконец, путем истощения всех сил достигнуть результата, которого можно было достигнуть одним ударом.

Еще несколько раз Наполеон делал такого же рода попытки дать бой на уничтожение. У Смоленска его метод потерпел крушение вследствие длины его походной колонны, на развертывание которой потребовалось слишком много времени. В день Дрезденского сражения он малодушно отказался от гениально намеченного плана. При Монмирайле еще раз воскрес дух победителя при Маренго. Но в общем Наполеон отказался от обхода одного из флангов, отрезывания линии отступления и ведения боя с перевернутым фронтом. Отныне он шел прямо к цели. Это приводило к фронтальным атакам и к попыткам прорыва. Два боя — Бородино и Ганау — могут быть отнесены к его победоносным, чисто фронтальным, сражениям. Своему успеху в них он обязан, главным образом, артиллерии. Независимо от потерь, которые он причинил противнику и понес сам, о действительном успехе, влияющем на ход кампании, речь может идти только в сражении при Ганау. Здесь Наполеону удалось, ценою жертвы в 19 000 чел., отвести 60000 чел. за Рейн и тем спасти их. Под Бородиным он отеснил Кутузова на один километр, но на следующий день русский генерал мог продолжать планомерное отступление, и сам Наполеон мог возобновить на свою погибель беспрепятственное, как и до этого, продвижение вглубь страны.

Однако, не все позднейшие сражения Наполеона носили чисто фронтальный характер. Превосходство сил, которым располагал император, и обусловленные этим более длинный фронт и более сильные фланги дали ему возможность выполнить под Ваграмом охват и привели к такому успеху, которого никогда не удалось бы достигнуть одним массовым фронтальным наступлением на австрийцев. Нечто подобное произошло бы и при Грос-Гершене, если бы 3 мая союзники остались выжидать на левом берегу реки Эльстер. Но такие успехи представляются слишком ничтожными. При Ваграме была скорее не победа, а истощение обеих сторон, которое и привело к заключению мира. В стремлении к лучшему Наполеон все-таки был приведен к отвергнутому им под Регенсбургом способу «соединения разделенных до этого частей на поле сражения». В этом не было ничего нового. Уже в 1760 г. Фридрих Великий пришел к этой «подпорке» («Aushilfe») {16}.

2 ноября {17} Даун с 52 000 австрийцев и могущественной артиллерией занял позицию севернее Зюптица и западнее Цинны (схема 25). Кряж высот, шириной в 800 м, полого спускавшийся в южном направлении к Рер-Грабену и в северном — к Домицийской роще и к долине реки Эльбы, считался, по прежнему опыту, неприступным с фронта. Для прикрытия линии отступления, примыкавшей к флангу, юго-западнее Торгау был выставлен особый корпус Ласси. 44-тысячная армия прусского короля

бивакировала у Ланген-Рейхснбаха; он решил 3 ноября оставить Цитена с 18 000 чел. для атаки противника с фронта, сам же хотел с 26 000 чел. тремя колоннами обойти позицию через Домицийскую рощу и атаковать ее с тыла. Прусские колонны, задерживаемые тяжелой артиллерией, медленно продвигались по глубокому песку. Миновал уже полдень короткого ноябрьского дня, когда авангард вышел у Нейдена на открытое место. Казалось, было уже слишком поздно, чтобы развернувшимися влево колоннами продолжать движение по дорогам в глубоких лощинах к Цинне и там повернуть их вправо. Король полагал, что у него осталось время только для того, чтобы, по мере подхода бригад, немедленно эшелонами, одну за другой, вести их в атаку. Разъединенные атаки были одна за другой отбиты с большими потерями. Вечером армия отошла за ручей Штрин-Бах. Цитен, озабоченный своим правым флангом, хотел прежде всего оттеснить Ласси. Но к этому противнику, находившемуся за Рер-Грабеном, не было подступов. Вследствие этого Цитен, после полуторачасовой канонады, отошел под прикрытием своей кавалерии влево и сначала атаковал одной бригадой Зюптиц, а затем другой бригадой высоту северо-западнее этого селения Зюптиц был взят и высота уже занята, когда атакующая бригада картечным огнем была вынуждена к отступлению. Всякая возможность успеха, казалось бы, отпала. Но и австрийцы пострадали сильно и особенно были приведены в замешательство тем, что обороняющийся на северном склоне частью поражен с тыла артиллерийским огнем Цитена, а обороняющийся на южном склоне поражен с тыла артиллерийским огнем короля. С наступлением темноты Даун счел за лучшее отвести войска западного крыла из охваченного района на Цинну. Это движение было замечено генералом Зальдерном и использовано им по собственной инициативе для возобновления атаки. Цитен приказал следовать этому примеру и остальным войскам. С другого фронта генералы и штаб-офицеры также самостоятельно двинули отдельные части, которые ударили во фланг и тыл сражающихся против Цитена австрийцев. Всего собралось, наконец, 25 батальонов, которые все более оттесняли противника назад, в направлении на Цинну. На следующее утро Даун находился уже в отступлении из Торгау на Дрезден. Австрийцы не были уничтожены, но на продолжительное время потеряли боеспособность. Так же, как и они, исчезают и остальные противники короля — имперская армия и русские. Поле свободно. И важнее всего то, что в Вене приходят к убеждению, что с этим противником никогда не удастся покончить. Таким блестящим успехом король обязан офицерам, самостоятельный порыв которых к победе не угасался никакой неудачей, боевому подъему, с которым шли в бой солдаты, главным же образом — наступлению с двух сторон, огню с фронта и с тыла, против которых и храбрый не может устоять продолжительное время.

Русский генерал Бенигсен тоже делал попытки соединить на поле сражения несколько разъединенных частей своей армии.

В первых числах июня 1807 г. силы Наполеона располагались (схема 26): корпуса Бернадота и Сульта за рекой Пассарга, Даву — южнее Алленштейна — Остероде, прочая армия — позади вплоть до Вислы и за ней; корпус Нея как авангард, выдвинутый на реке Алле, находился в районе Гутшадт, Альткирх, Шарник, Квец, Кнопен. Французский император намеревался развернуть свою армию и затем атаковать русских и пруссаков, «главный корпус» которых, под командованием Бенигсена, стоял у Гейльсберга (авангард Лаунау), а «вспомогательный корпус» Лестока — у Гейлигенбейля. Бенигсен хотел предупредить атаку противника и уничтожить отделившийся корпус Нея. 5 июня были высланы вперед: Рембов с дивизией из вспомогательного корпуса — к предместному укреплению Шпанден, чтобы связать здесь Бернадота, а Дохтуров с двумя дивизиями — к предместному укреплению Лемиттен — связать Сульта. Рембов был отбит, а Дохтуров занял предместное укрепление Лемиттен; оба понесли большие потери, но вполне выполнили свое назначение — приковать к себе внимание маршалов. Так как Даву стоял

слишком далеко, чтобы принять участие в операции, то операция на уничтожение Нея могла выполняться беспрепятственно. С этой целью три дивизии Сакена, с сильной кавалерией, должны были 5 июня начать продвижение через Арнсдорф на Вольфсдорф; за ним следовала гвардия, Багратион с авангардом от Лаунау через Гронау на Альткирх, полдивизии Горчакова по правому берегу реки Алле на Гутшадт, казаки и полдивизии Платова через Бергфриде на Гейлигенталь. Когда Багратион достиг Альткирха, то не было еще никаких признаков остальных колонн. Он хотел их выждать, прежде чем перейти к атаке. Благодаря этому Ней выиграл время, чтобы соединить свои разбросанные части, и два часа спустя, когда Сакен появился у Вольфсдорфа, Ней начал отступление в порядке. Еще возможно было бы отрезать маршала, если бы колонны Сакена, имевшие большое превосходство в силах, продолжали марш через Варлак на Деппен или Гейлигенталь. Но Сакен придвинулся к Багратиону. Гвардия была уже раньше подтянута через Петерсдорф к Нейендорфу; сначала была вновь собрана вся армия и только тогда начато движение на Квец. Платов тем временем набросился на отходящие французские обозы. Этим Ней не дал ввести себя в заблуждение. Он остановился у Анкендорфа и здесь выжидал атаки, на которую истощенный продолжительным маршем противник оказался уже неспособным.

6-го числа «медленно и невероятно осторожно» русские двинулись на Анкендорф. Когда они своим превосходством стали угрожать обоим флангам Нея, последний начал отступление. Несмотря на то, что у Деппена было восстановлено три моста, переправа могла быть выполнена только «с весьма значительными потерями». Река Пассарга приостановила преследование.

Тщательно составленный план не удался потому, что Багратион запоздал связать фронт противника атакой, и потому, что Сакен испугался самостоятельно действовать против фланга и тыла, слишком прижался к центру и также выступил против фронта. Сакен был сделан козлом отпущения, предан военному суду и приговорен к отрешению от должности, но вскоре был помилован и получил новое назначение. Эта мера не произвела большого впечатления. И позднее многие генералы не страшились впасть в ошибку Багратиона и Сакена. Стремление отдельных частей армии предварительно соединиться перед фронтом противника, вместо того чтобы начать атаку, продолжало оставаться излюбленной привычкой. Чтобы противодействовать этому, задача главного командования заключается в том, чтобы соответствующими распоряжениями сократить неизбежный промежуток времени между выходом одних частей против фронта, а других на фланг и в тыл неприятеля.

Самому Наполеону решение такой задачи никогда вполне не удавалось. Он пробовал достигнуть соединения на поле сражения тем, что держал фронт противника только под угрозой, а тем временем отделенная от главных сил часть армии подтягивалась для фланговой атаки. Это могло удастся, если противник со своей стороны начинал атаку, а отделенная от главных сил часть армии поспешно подходила. Но это не удавалось, если противник предпочитал выжидать атаки, а отделенная от главных сил часть армии задерживалась неприятельскими отрядами. Тогда обыкновенно отдавался приказ незамедлительно отбросить задерживающий отряд. Когда же этот противник «незамедлительно» не уходил, то оказывалось, что уже много времени потеряно и план сосредоточения и фланкирования преждевременно раскрывался; противник, не выжидая результата, начинал отступление и ускользал прежде, чем создавалась возможность затянуть петлю и обречь его на гибель. Таков, примерно, был ход событий при проектированных фланговых атаках Нея и Вандама под Лёвенбергом и Дрезденом. Под Бауценом {18} Ней вовремя достиг поля сражения, но был брошен не против фланга, а против оконечности правого крыла; несмотря на доброе намерение Блюхера держаться до конца, ему все же пришлось уклониться от рокового удара. Надо было признать

следующее положение: фронтальная атака должна начинаться до начала фланговой атаки. Противник должен быть совершенно связан и не быть в состоянии избежать флангового удара. Если охваченный противник перейдет в фронтальную атаку, как Мелас под Маренго, Гогенлоэ под Иеной, Наполеон под Ватерлоо, то тем лучше; если же нет, то охватывающая сторона должна, конечно, взять это время на себя.

Метод охвата и обхода под Бауценом, Лёвенбергом и Дрезденом не дал результата вследствие контрманевра противника. Если оттеснение противника под Маренго, Ульмом и Иеной в направлении, противоположном его естественным коммуникациям, было для него губительным и даже вело к полному уничтожению побежденного, то вытеснение противника маневром в направлении его естественных коммуникаций приносило больше ущерба победителю, чем побежденному. Победы при Грос-Гершене и Бауцене и продолжительное отступление союзников вызвали со стороны Наполеона выделение многочисленных отрядов и заслонов, постепенно разложили его состоящую из рекрутов армию и вынудили к заключению перемирия; оно было желательно также и для союзников, но они скорее могли обойтись без перемирия, чем Наполеон, одержавший две победы и старавшийся их использовать путем непрерывного преследования противника.

Когда перемирие окончилось, положение совершенно изменилось. Задача соединения отдельных армий на поле сражения, которая во время весенней кампании выпала на долю Наполеона или которую он сам себе избрал, в августе выпала и на долю союзников.

Имея северную армию у Берлина, главную армию в Силезии, австрийскую в Богемии, союзники обложили, пока еще на почтительном расстоянии, Наполеона, располагавшегося между Дрезденом и Лигницом (схема 27). Великому мастеру военного искусства самое простое было бы уйти от угрожающего окружения и затем с превосходными силами атаковать одну из трех армий противника. Так поступил в 1760 г. Фридрих Великий, находясь в гораздо худшем положении. 14 августа король находился с 30 000 чел. юго-западнее Лигница (схема 29); против него были Ласси, Даун и Лаудон, имевшие в совокупности 100 000 чел. Кроме того, русская армия уже перешла через Одер и дошла до Лиссы.

В ночь на 15-е Даун намеревался обойти противника с трех сторон и на утро атаковать главной армией правый фланг, Лаудоном левый фланг и Ласси с тыла; легкие войска генерала Рида и Бека должны были связать фронт. Но в ту же ночь король двинулся через Лигниц и расположился на отдых восточнее города у Пфафендорфа и Пантена, чтобы ранним утром продолжать марш. Во время отдыха неожиданно пришло донесение о приближении Лаудона, который на незначительном расстоянии от прусского левого крыла в трех колоннах переправлялся через Кацбах. Однако Фридрих успел занять высоту Реберг, находившуюся на пути наступления противника, отразить первый натиск, а затем атаковать австрийцев, с усилиями выбиравшихся из трудно преодолимой теснины ручья Кацбаха. Прежде чем австрийцы успели полностью развернуться, они оказались отброшенными за реку, несмотря на их численное превосходство (30 000 против 14 000). В это же время подходившая на помощь главная армия Дауна оказалась задержанной и отбитой у Шварцвассера ничтожными силами Цитена. Наличных сил не хватило для вполне заслуженного использования победы. Но и достигнутого было достаточно, чтобы русские поспешно отступили за Одер и чтобы втрое сильнее австрийцы вежливо отошли для пропуска короля на соединение с принцем Генрихом.

Наполеон (схема 27) находился в гораздо более выгодном положении, чем Фридрих. Отношение его сил к силам противника было не 1 : 3, а по крайней мере 4 : 5.

Ему было бы легко применить образ действий, соответствующий сражению при Лигнице. Но отступать, хотя бы и для того, чтобы вслед за этим одержать победу, он считал ниже своего достоинства. Таким образом, он остался посреди трех врагов. Для того чтобы поступить так, он мог бы обойтись и без размышлений. Во всяком случае союзники решили прямо наступать с трех сторон на главного противника. Та армия, которая наталкивалась на самого Наполеона, должна была уклоняться, а обе остальные армии — тем сильнее наступать. Наполеон должен был в результате изнемочь от этих усилий, направленных к одной цели. Но как ни хорош был этот первоначальный план, двое из трех командующих армиями твердо решили его не выполнять. Кронпринц Шведский хотел возможно дольше оставаться на месте и отходить при малейшей угрожающей ему опасности. Шварценберг, в значительной степени подкрепленный из Силезии, намеревался не прямо идти на противника, а только обходить его по обширной дуге. Он подражал тем самым в известной степени маневру, примененному при Маренго, Ульме и Иене, но не с твердым намерением драться, а только для того, чтобы угрожать и произвести диверсию. Осторожный полководец подвергал себя тем самым большой опасности, если бы еще светило солнце Аустерлица. Но оно уже находилось на закате. Наполеон не удержал в одной массе главную часть своей армии для нанесения в подсказанном обстановкой направлении сокрушающего удара, а довольно равномерно разделил боевые силы против трех врагов. Сколько бы союзники ни делали ошибок, эти ошибки не могли исправить результатов этого рокового мероприятия. Какие бы случаи ни представлялись, чтобы возобновить дни Маренго, Ульма и Аустерлица, всегда не хватало сил на выполнение гениального плана, на принятие мужественного решения. Таким образом, были оставлены всякие попытки дать сражение на уничтожение. С французской стороны бои в общем ограничивались фронтальными атаками и попытками прорыва, т.е. тем, что Наполеон называл раньше «ординарными» сражениями. Выставленные против трех неприятельских армий отдельные части армии терпели поражения. Союзники наступали. Медля и колеблясь, они все же наступали. Там, где показывался император, они опять подавались назад. Одной своей личностью он отвращал каждый натиск. Но как только он поворачивал спину и обращался в другую сторону, опять восстанавливалось старое положение. Он вернулся в Дрезден усталым и выдохшимся. С отчаянием решил он здесь выжидать атаки (схема 28). Этот признак слабости поднял дух союзников.

Блюхер переправился через Эльбу, чтобы вместе с кронпринцем идти к Лейпцигу на соединение с главной армией. Должно было произойти как раз то самое, что подготовило Маренго, Ульм и Иену. Союзники хотели занять расположение поперек пути отступления французов и тогда дать решающий бой с полностью перевернутыми фронтами. Отступление от старой программы состояло только в том, что развертывание должно было быть выполнено не с одного, а с двух направлений. Наполеону невозможно было выжидать в Дрездене результатов их концентрического наступления. Первоначально Наполеон имел свободу решения — или повторить операцию при Лигнице, или применить какой-либо другой метод. Теперь же он был вынужден следовать примеру Фридриха. Он должен был броситься между двумя врагами, которые хотели его обойти справа и слева, чтобы одного из них отрезать, а другому нанести сокрушающий удар. При медлительности и неуверенности союзников он вполне располагал временем, чтобы блестяще уйти от угрожавшей ему гибели. Однако Наполеон пожелал применить другой способ. Око за око, зуб за зуб. Блюхер и кронпринц хотели отрезать ему сообщение с тылом. Хорошо! В таком случае и он пожелал ответить им тем же. Расчет был не совсем ошибочным. Кронпринц был уже готов немедленно отступить, чтобы избежать угрожающего обхода. Но Блюхер твердо держался намеченного плана, почти что насильно потащил за собой кронпринца, сделал благодаря этому возможным соединение с главной армией и превратил тем самым обход противника в удар по воздуху. Несчастье уже случилось, когда Наполеон заметил свою ошибку. Ему оставалось только одно —

попробовать где-нибудь сделать прорыв. Счастливым случай и колебания в решениях противника привели его к пункту, где оставалось только протянуть руку за победой и, казалось, «le monde va tourner encore une fois» {19}. Рано утром 16 октября дело заключалось в том, чтобы со 138 000 чел. разбить 72 000 чел. Это была задача, решение которой безусловно можно было бы доверить Наполеону. Но он совершенно с ней не справился. Все, что он оказался в состоянии сделать, заключалось в удержании сильных резервов, которые по частям расходовались то тут, то там, по мере возникавшей потребности, и в проведении фронтальной атаки, предпринятой после того, как противник успел усилиться, и не имевшей никаких шансов на успех. Вместо того чтобы блестящим делом вновь возвести себя на престол Европы, он предоставил союзникам возможность дать сражение на уничтожение, которое было бы столь же совершенным, как и Канны, если бы малодушие не открыло побежденному ворота, через которые он смог уйти от полнейшего уничтожения. Произошла первая крупная катастрофа. Вторая произошла во время короткой кампании 1815 г., в которой, как нигде, наглядно сказываются особенности наполеоновского недения войны в позднейший период.

Союзные европейские державы намеревались концентрически вторгнуться во Францию правым крылом из Нидерландов, а левым от Базеля. Наполеон со 122 000 чел. внезапно бросился против ближайшего и наиболее готового к бою неприятельского крыла. В это время в широком районе располагались (схема 30): армия герцога Веллингтона — 93 000 чел. (36 000 немцев, 32 500 англичан, 24 500 нидерландцев) от правого берега Шельды на Мехельн, Брюссель и Бинш (восточнее Монса), базируясь на Антверпен, и 123 000 чел. прусской армии под командованием Блюхера, из которой корпуса Цитена, Пирха и Бюлова располагались вдоль рек Самбры и Мааса на участке выше Шарлеруа — ниже Льежа, и корпус Тильмана в дуге реки Маас между Динаном, Намюром и Анденом. 15 июня французская армия, собравшаяся между Филиппвилем и Бомоном, переправилась через реку Самбру у Шатле, Шарлеруа и Маршьена. Передовые прусские отряды отступили к Флерюсу. Один авангард следовал за ними до Ламбюсара, другой двинулся на Госсели. Первый непосредственно видел перед собой пруссаков. Второй должен был ожидать, что на дороге через Катрбра на Брюссель окажутся англичане. При имевшемся соотношении сил было невозможно одновременно разбить обоих противников. Задача могла состоять только в том, чтобы сначала уничтожить или, по крайней мере, нанести решительный удар одному из противников и совершенно отделить его от союзника, по отношению же к другому держаться оборонительно, чтобы после уничтожения первого расправиться со вторым таким же образом, если в том еще будет необходимость. Следует ли первую атаку направить против пруссаков или против англичан — в этом вопросе, ввиду близости первых, не могло быть сомнений. Было ясно, что на следующий день они еще не смогут вступить в борьбу всеми силами. Согласно наполеоновскому принципу — быть как можно более сильным в сражении — надлежало большую часть французских боевых сил направить против пруссаков, а меньшую — против англичан. 16-го вечером, окинув взором события дня, один из французских начальников дивизий считал, что против Веллингтона достаточно было бы оставить одну дивизию, а все остальные силы необходимо было направить для нанесения поражения Блюхеру. Но Наполеон 15 июня не разделял этого взгляда своего подчиненного. 16-го Груши с корпусами Вандама и Жерара (Gerard) и кавалерией Пажоля, Эксельмана и Мило, всего 41 600 чел., должен был дальше отбросить пруссаков; Ней с корпусами Рейля и Эрлона, кавалерией Келлермана и Лефевра, всего 53 000 чел., должен был продвигаться из Госсели в Катрбра, чтобы, если потребуется, действовать против англичан. Сам император хотел с гвардией (16 500 чел.) следовать за Груши, временно оставив в Шарлеруа Лобау с 10 000 чел. Он не рассчитывал на упорное сопротивление Блюхера, не мог сосредоточить более 40 000 чел. 18 июня Наполеон рассчитывал оттеснить их за Жанблу и, оставив Груши для добивания пруссаков, сам предполагал выступить в ту же

ночь дальше, чтобы, подтянув Нея, идти на Брюссель, куда уже должны были спасаться бегством англичане. Он рассчитывал 17-го уже войти в бельгийскую столицу. Были уже отпечатаны соответственные прокламации. Это были прекрасные мечты, видения 1796 г., которые подсказывались пылким воображением и которые заставляли забывать серьезность настоящего момента. Однако при ближайшем рассмотрении Наполеону показалось сомнительным, будет ли достаточно 41 600 чел. Груши, даже со следовавшими за ним 16 500 чел. гвардии, для решительного сражения, поскольку именно таким должно было оказаться предстоящее сражение с пруссаками. Было ли их 40 000 чел. или больше — безразлично; все сводилось к тому, чтобы отрезать их от англичан и нанести сокрушающий удар, уничтожив при этом и остаток прусской армии. Только по устранении, и притом полном устранении, Блюхера Наполеон мог всеми силами обратиться против англичан и против Брюсселя. Несомненно, что он встретил бы тогда лишь слабое сопротивление.

Вследствие таких соображений Груши был усилен, по крайней мере, дивизией Жирара (Girard) из корпуса Рейля (5 000 чел.), что доводило численность его войск до 46000 чел. Затем корпус Эрлона должен был продвигаться не далее Фразн и выдвинуть одну дивизию на Марбэ, чтобы иметь ее на всякий случай под рукой. Ней, рассчитывавший на 53 000 чел., чтобы разбить англичан, оказался внезапно ограниченным 25 000 чел. При этом не было недостатка в резервах: гвардия, Лобау и Эрлон составляли вместе 46 000 чел. Эти весьма разбросанные резервы должны были сыграть решающую роль в двух сражениях, которые могли начаться только к концу дня.

Пруссаки, предоставленные самим себе, вероятно, поступили бы лучше всего, если бы их выдвинутые вперед части отступали до тех пор, пока не явилась бы возможность сосредоточить на одном поле сражения все силы. Однако даже и не очень далекий отход дал бы повод англичанам взять направление на Брюссель и к своим кораблям. Нельзя было отступать, даже если бы Веллингтон и не обещал после полудня 16 июня поддержку и появление на фланге противника и даже если бы выполнение этих обещаний было еще менее вероятным. Поэтому Гнейзенау хотел оставаться у Флерюса. Но, уступая настойчивым убеждениям, он согласился отвести корпус Цитена на высоты между деревнями Линьи, Сент-Аман и Бри (схема 31). Трудно было найти более невыгодную позицию. Правда, она позволяла хорошо использовать артиллерию и насчитывала на своем протяжении четыре деревни, и к тому же большие деревни, которые были необходимы при тогдашней тактике. Но это не компенсировало невыгоды узости фронта и глубины фланга. Позиция была безусловно достойна Теренция Варрона. Она неизбежно охватывалась даже помимо желания атакующего. Он был принужден охватить, по меньшей мере, один фланг, но без затруднений мог охватить и оба фланга, Случись это — обороняющийся должен был погибнуть. Найдись только еще один Гасдрубал, чтобы атаковать с тыла, — а в его распоряжение могло быть предоставлено не менее трех кавалерийских корпусов, — и был бы достигнут максимальный успех. Накануне падения Наполеону представлялся случай к такому сражению на уничтожение, какой ему не удавался за все 19 лет его полководческой деятельности.

Цитен занял позицию, Пирх расположился позади в резерве. Тильман должен был удерживать высоты между селениями Сомбреф и Тонгрин. Он образовал здесь отнесенный назад уступ, который, казалось, отвечал задаче обеспечения левого фланга Цитена от всякой атаки. Его сильная позиция была прикрыта, к сожалению, болотистым ручьем, образовавшим столь трудно проходимое препятствие перед фронтом, что обороняющийся не мог быть атакован, но и сам не мог атаковать, даже если бы это сдерживало только небольшое количество неприятельских войск. Тильман должен был довольствоваться ролью зрителя. Для участия в сражении он отпадал. Для того, чтобы его

изолировать, были назначены только Пажоль, Эксельман и одна дивизия Жерара. Две другие дивизии этого генерала должны были атаковать левый фланг у Линьи, а Вандам и Жирар — фронт у Сент-Амана. Гвардия и Мило оставались в резерве у Флерюса, а Лобау еще далее позади них. Таким образом, собственно для сражения было предназначено 60000 чел. против приблизительно равных неприятельских сил. Таким путем пруссаки могли быть побеждены, но не уничтожены и не отрезаны от англичан. Для достижения двух последних целей прежде всего необходимо было атаковать правый фланг. Как только Наполеон проникся этим убеждением, он решил подтянуть к себе Нея.

Сульт должен был написать маршалу: «Vous devez manoeuvrer sur le champ de maniere a envelopper la droite de l'ennemi... cette armee est perdue, si vous agissez vigoureusement. Le sort de la France est dans vos mains» {20} и далее: «Dirigez vous sur les hauteurs de St. Amand et de Brye» {21}.

Но Ней уже у Катрбра столкнулся с англичанами. Однако, если бы он даже и не получил этой двойственной задачи, ему более ничего не оставалось, как сначала решительно атаковать стоящего против него неприятеля, обратить его в бегство, а затем поспешить нанести решительный удар пруссакам. Но маршал в данный момент был не в состоянии без долгих церемоний опрокинуть противника. Наоборот, одна из его дивизий только что вынуждена была попятиться. Отчаянной кавалерийской атакой он попытался восстановить боевое равновесие. Он сам нуждался в подкреплении новыми силами, чтобы иметь возможность возобновить атаку и отбросить сильнейшего противника. Должен был подойти корпус Эрлона, но последний тем временем, согласно непосредственному указанию Наполеона, выступил на Бри. Ней послал ему решительный приказ немедленно повернуть обратно. Эрлон послушался, оставив только дивизию Дюрюта продолжать путь но направлению к императору, а сам прибыл к Нею, когда последний с наступлением темноты отошел к Фразн. Но и Дюрют достиг района Сент-Амана только тогда, когда у Линьи уже все было кончено.

Тем временем сражение там продолжалось (схема 32). Вандам овладел Сент-Аманом, но вследствие артиллерийского огня не мог продвинуться дальше. Жирар занял деревню Сент-Аман-ля-Э, но затем ее опять отобрали две прусские бригады. Около Линьи сражались две другие бригады против двух дивизий корпуса Жирара, пока, наконец, ручей не провел границу между обоими противниками. Блюхер надеялся разрешить вопрос атакой левого фланга Вандама. Две бригады Пирха овладели Вагнелэ и после боя с колеблющимся успехом утвердились в Ле-Амо. Но после того, как Вандам и Жирар были усилены тремя гвардейскими бригадами, пруссаки не могли продвинуться далее. Кавалерия Юргаса и Марвица сдерживалась Домоном и Сюберви. Ни Ней, ни Эрлон, ни Дюрют не показывались, пруссаки израсходовали в бою последние резервы; наступал вечер. Наполеон повел остатки своей гвардии и Мило на Линьи. Обе перемешавшиеся между собою прусские бригады не могли устоять против свежих и превосходных сил. Деревня была обойдена с обеих сторон и взята. Удерживать долее позицию не было возможности. Отчаянные кавалерийские атаки не могли изменить результатов дня. К счастью, Бри не было занято.

Через эту деревню и поблизости ее войска могли без особой опаски отходить по направлению к Тильи (см. схему 30). Первоначально хотели здесь задержаться, чтобы на следующий день возобновить бой. Но этому воспрепятствовало состояние войск. Цитен и Пирх еще ночью стали продолжать отступление. Арьергард, удерживавшийся в Бри, и бригада Тильмана в Сомбрефе обеспечивали отступление от какого бы то ни было преследования. К вечеру двигавшийся из Льежа Бюлов достиг авангардом Арденеля, а главными силами Совенира. Тильман выступил на следующий день в три часа утра на

Жанблу. Только после полудня оба последовали за остальной армией.

Нею пришлось отступить у Катрбра перед Веллингтоном, а Наполеон одержал победу под Линьи. Но это была, по наполеоновскому масштабу, только «ординарная» победа. Такая победа не устраивает полководца, который хочет восстановить утерянное мировое господство. Ему нужно было совершенно уничтожить оба прусских армейских корпуса, которые дрались против него у Линьи, Тогда бы Тильман поспешил отступить. Один Бюлов не мог бы противостоять натиску победителя. Веллингтон без поддержки со стороны пруссаков имел в виду отойти к Брюсселю, что означало: «к Антверпену и к своим кораблям». Таким образом, кампания была бы, по меньшей мере, быстро ликвидирована. Все сводилось к сражению на уничтожение у Линьи. Для такого сражения представлялись наиболее благоприятные условия. Чтобы быть возможно ближе к обещанной английской поддержке, пруссаки выбрали такую позицию, что уничтожение их зависело единственно от благоусмотрения и желания противника. Не хотел или не мог Наполеон полностью использовать выгоды этого положения, во всяком случае на него выпадала очень скромная, но в тоже время самая неотложная задача — отрезать пруссаков от англичан и для этого прежде всего атаковать первых в правый фланг. Для выполнения этого плана было бы достаточно гвардии и Лобау, если бы им было своевременно дано правильное направление. Приказы и контрприказы не помешали Наполеону победить под Линьи, не помешали уничтожить половину прусской армии и полностью отрезать ее от англичан. Наоборот, своей победой он вынуждал обе разъединенные армии соединиться. До сих пор одна из них сохраняла сообщение через Брюссель на Антверпен, а другая — через Льеж на Рейн. Теперь же обе шли в направлении на Брюссель. Первоначально Наполеон имел против себя две отдельные и слабые армии, теперь же ему приходилось иметь дело со значительно превосходившим его и почти уже соединившимся противником.

Таково, было действительное положение дел, но оно иначе представилось воображению Наполеона. Он составил себе картину, согласно которой разбито было не два, а четыре неприятельских корпуса, которые или отошли к Льежу и тем самым совершенно исчезли с театра военных действий, или, если и направлялись на Брюссель, то, во всяком случае, в такой степени разбитые и глубоко потрясенные, что на несколько дней их можно было исключить из всяких расчетов. Из этого неправильного предположения он сделал удивительный вывод: для преследования совершенно исчезнувшего или вполне безвредного противника, нужно выделить больше, чем третью часть всех имеющихся сил; второй же противник, который только что отбил атаку Нея, должен быть разбит остатком войск, уступающим ему по численности. Один принцип требовал: разбитый противник должен преследоваться при всех обстоятельствах; другой гласил: в бою надо быть возможно более сильным и во всяком случае надо иметь превосходство над противником. Согласовать оба принципа Наполеон мог только одним способом: с большей частью своих сил преследовать Блюхера, чтобы еще раз разбить его или попытаться совершенно распылить его войска и только после этого обратиться против Веллингтона, которого до этого должен был наблюдать и удерживать минимум войск. Если же Наполеон непременно хотел немедленно идти против Веллингтона, то он должен был сосредоточить для этого большую часть своих солдат, а для преследования разбитого Блюхера выделить только очень маленькую часть. Первое решение привело бы к бою у Вавра, второе — к видоизмененному бою у Ватерлоо. В первом случае шансы были хороши, так как половина прусской армии была уже разбита. Во втором случае Наполеон мог располагать превосходством в силах, тем более, что Веллингтон направлял на не оправдывающие себя второстепенные цели несообразно большую часть войск. И здесь шансы могли бы быть высоки. Но они понижались и у Вавра, и у Ватерлоо, если бы в одном случае Блюхер, а в другом Веллингтон явились на выручку товарищу по оружию,

которому угрожал Наполеон. Блюхер доказал, что он был на высоте этой задачи. Но чтобы Веллингтон при наличии малейшей угрозы оставил главную коммуникационную линию на Брюссель и Антверпен без непосредственного обеспечения, — это было сомнительно: и Гнейзенау тогда в этом весьма сомневался. Таким образом, марш на Вавр скорее обещал успех.

Переpravившись 15 июня у Шарлеруа через Самбру, Наполеон поставил себе трудную задачу разбить Блюхера и Веллингтона. Победой у Линьи 16 июня он не уменьшил, а еще увеличил затруднения. 17-го он поставил успех под большой знак вопроса тем, что выделил Груши с доброй третью боевых сил для преследования Блюхера, 5 000 чел. бесцельно оставил стоять у Флерюса и только немного более чем с половиной всей армии искал решения против Веллингтона.

В течение дня 16 июня Веллингтон располагал сначала незначительными силами, но затем понемногу собрал достаточные силы для того, чтобы отбить атаку Нея, и к вечеру находился с большей частью своих войск у Катрбра. Получив известие об отходе пруссаков, он к полудню 17 июня также начал отступление, но, получив обещание поддержки на следующий день по крайней мере одним прусским армейским корпусом, он вновь остановился у Мон-Сен-Жана. Отрядив 16 000 чел. к местечку Хал и выделив другие отряды, он располагал к вечеру всего 62 000 чел., создавая таким образом незаслуженное превосходство своему противнику, насчитывавшему 70 000 чел. Авангард последнего подошел на близкое расстояние, главные же силы были глубоко эшелонированы за селением Женап.

Разведанная еще ранее позиция к югу от Мон-Сен-Жана, вдоль дороги Брен-л'Алед — Оэн (схема 33), имела достаточный обстрел. Узкий гребень высот представлял укрытие для задержанных позади частей. Несколько выдвинутых вперед ферм массивной постройки усиливало фронт. Веллингтон хотел дать здесь «оборонительный бой». Наполеон, одержавший все победы, за исключением Бородина и Ганау, посредством охвата одного из флангов или посредством захвата естественных путей отступления, или посредством обоих методов вместе, здесь пожелал применить чисто фронтальную атаку. Он решил одолеть противника, располагавшегося перпендикулярно к своему пути отступления, не посредством «маневра», а только силой атаки, превосходством французского солдата. Решение должна была дать упорная воля. У Наполеона была только одна забота: как бы презренный противник не уклонился. Сначала нужно было развернуть армию, которая была глубоко эшелонирована: грунт по сторонам дороги размок. На это ушло все утро 18 июня. Только к 11 часам по правую сторону Брюссельской дороги развернулись четыре дивизии Эрлона, а по левую — три дивизии Рейля; позади них были, в качестве резерва, Лобау, гвардия и резервная кавалерия. Почин должен был быть сделан взятием фермы Угомон. Для выполнения этого назначена была левофланговая дивизия Жерома. Она не смогла выполнить своей задачи даже при помощи большей части соседних дивизий Фуа. Еще в конце боя часть обороняющихся удерживалась в горящей ферме. Было невозможно выжидать конца этого безнадежного боя, так как уже приходили донесения одвигающихся к правому флангу пруссаков, хотя до них еще оставалось большое расстояние. После недостаточной артиллерийской подготовки Эрлон перешел в наступление четырьмя дивизионными колоннами, имея в каждой колонне едва один батальон по фронту и семь или восемь в затылок: атака велась поэшелонно с левого крыла, восточнее Брюссельской дороги. Правый эшелон (Дюрют) оказался остановленным у Смоэн, Ля-Э и Паплот, половина левого (бригада Кио) была задержана у Ля-Э-Сент. Только два с половиной эшелона достигли главной позиции. Ряды солдат, уже поредевшие от артиллерийского огня, встречаются частыми залпами английской пехоты. Беспомощные массы напрасно пробуют развернуться, чтобы

выдвинуть на фронт больше ружей и больше атакующих солдат. Противник бросается на их фланги в штыки и с обнаженными пашками; они вынуждены отойти. Позади, в укрытой лощине, делается попытка привести в порядок остатки войск. Дюрют продолжал драться и, наконец, после боя с переменным успехом, утвердился в Паплот, Ля-Э и Смоэн. Кио тоже не прекратил атаки на Ля-Э-Сент. Но время не ждало. Пруссаки приближались. Сначала кавалерия Дюмона и Сюберви, затем корпус Лобау были выдвинуты против угрожающей фланговой атаки. Тем временем противник, находившийся на фронте, должен был быть отброшен. Что не удалось пехоте, должна была сделать кавалерия. Мило, Лефебр, Гюйо и Келлерман один за другим обрушивались на неприятельский центр. Карре рассеиваются, кавалерия атакует. Но, несмотря на величайшее геройство, 9000 кавалеристов не могли ни отбросить всю английскую армию, ни оказать ей продолжительное сопротивление. Находившемуся во главе кавалерийской массы Нею слишком поздно пришла мысль закрепить первые же успехи пехотой. Привлекается единственная из семи дивизий передовой линии — еще не израсходованная дивизия Башлю из корпуса Рейля. Вместе с частями Кио ей удается занять Ля-Э-Сент. Но судьбу французской кавалерии нельзя уже изменить. Она должна отойти в полном расстройстве, как перед этим отошла пехота.

Между тем подошел корпус Бюлова из армии Блюхера и натолкнулся у Плансенуа и севернее его на сопротивление корпуса Лобау. Около деревни завязался бой. После того, как Лобау потерял ее, она была взята вновь молодой гвардией, затем опять отдана и вновь захвачена тремя батальонами старой гвардии. Казалось, что эти непобедимые войска могли длительно обеспечить владение оспариваемой деревней, и Наполеон полагал, что он может и должен двинуть последние резервы на английскую позицию. Он удержал в резерве только три батальона. Ней должен был опять вести остаток старой гвардии. Чего не смогли выполнить 14 000 пехотинцев и 9 000 кавалеристов, то могло бы быть вполне под силу 5.000 чел. старой гвардии. Но так как мы знаем сражение при Каннах, то понимаем, что даже успех этой атаки ничего не мог дать Наполеону и что все сводилось к тому, чтобы одолеть или, по крайней мере, устранить Бюлова и Блюхера. Была образована одна могущественная и глубокая колонна, — а по другим данным, две колонны, — и к ней должно было примкнуть все, что можно было найти в лощинах на поле сражения из остатков корпусов Эрлона и Рейля. Но и эта атака не могла удался под картечью артиллерии и под залпами пехоты, как не удавались подобные атаки в течение предшествующих восьми лет. Атака превратилась в поспешное отступление и, даже бегство, когда Цитен подошел и двинул через Оэн не менее бригады, занял Смоэн, Ля-Э и Паплот и начал поражать артиллерийским огнем район атаки. Этого огня с тыла не могла выдержать и старая гвардия. Исход сражения этого дня был быстро решен. Последний резерв откатился назад. Было уже невозможно рассчитывать уверенно пройти мимо Плансенуа. 5-я прусская бригада, передовая в корпусе Пирха, следовавшего за Бюловым, вновь захватила деревню. Батареи Бюлова господствовали на пути отступления французов. Их огонь вызвал в армии ни с чем не сравнимый развал. Веллингтон, следовавший за убегающим противником, хотел достойно закончить бой штурмом будто бы занятой позиции у Бель-Альянса и потребовал, чтобы огонь был прекращен. Это дало многим возможность избежать гибели, даже несмотря на то, что 5-я бригада продолжала атаку от Плансенуа на Мезон-дю-Руа и Вье-Манан. Герцог занял прежнюю французскую позицию и затем возвратился в свой лагерь, предоставив преследование Блюхеру.

Из прусской армии участие в бою приняли только корпус Бюлова и по одной бригаде из корпусов Цитена и Пирха. Несомненно, это объясняется не отсутствием усердия и доброго желания, а нецелесообразностью распоряжений для марша. По наполеоновским принципам, надо было стараться удержать по возможности все войска на одной дороге, а когда решались использовать несколько дорог, то выгоды этого

стремились аннулировать создаваемыми перекрещиваниями походных колонн. Таким путем нельзя было достигнуть быстрого продвижения больших масс. Первая задержка образовалась при переправе через ручеек Лан, вторая — при развертывании (см. схему 30). Неудивительно поэтому, что, несмотря на то, что передний корпус Бюлова выступил из района Вавра еще рано утром, Тильмана можно было найти там еще к вечеру. Он только еще собирался выступить вдоль левого берега р. Диль, когда на правом берегу появился Груши. Французский маршал 17-го после полудня выступил с поля сражения Линьи и ночью достиг Жанблу. После некоторого сомнения относительно пути отступления противника Груши, опираясь на приказ императора, решил двигаться по дороге на Вавр. Когда во время походного движения стал доноситься со стороны Ватерлоо пушечный гром, один из его корпусных командиров, Жерар, посоветовал ему предоставить Блюхера самому себе и без промедления спешить на поле сражения к решительному пункту. Но Груши уклонился. То, что он мог сделать по своей инициативе и, может быть, еще своевременно, затем предписывалось ему приказом самым настоятельным образом. Но офицер, везший приказание, прибыл с опозданием. Оставаясь в контакте с Блюхером, Груши должен был прикрывать главную армию от фланговой атаки. При попытке выполнить, насколько возможно, этот приказ и прежде всего переправиться через реку Диль он натолкнулся на сопротивление Тильмана. Но, несмотря на это, ему удалось переправиться через реку выше. Ночь наступила прежде, чем он смог отбросить стоявшего против его правого фланга неприятеля. Таков был ход событий; но даже и при крайней энергии преследование вдоль правого берега реки Диль не позволило бы маршалу лишить все части армии Блюхера возможности поддержать Веллингтона. Его действия имели бы больше значения, если бы он сопровождал главную Французскую армию, двигаясь вдоль левого берега реки Диль, и принудил бы Блюхера и Бюлова развернуться против него во время их марша на Плансенуа и отказаться от намеченной фланговой атаки. Своим последним приказом Груши — быстро подойти и отразить Бюлова — Наполеон сам подтвердил, что это было единственное целесообразное использование сил маршала. Как в остальном следовало бы вести бой, видно из того, что позднее, на острове Св. Елены, император указывал, будто у него было намерение одновременно с фронтом атаковать и левый фланг. Для выполнения этого имелось достаточно резервов и кавалерии. Во всяком случае, чтобы не натолкнуться слишком рано на препятствие, он должен был 17-го и в ночь на 18-е уже настолько развернуться, чтобы атака могла начаться с раннего утра. Тогда Груши, может быть, и удалось бы задержать часть прусской армии, имевшую возможность выйти на поле сражения, до того момента, пока не была бы одержана победа над Веллингтоном. Следовавшие одна за другой атаки неприятельского центра двумя с половиной дивизиями пехоты, тремя кавалерийскими корпусами и 5 000 чел. гвардии, в невыгодных и неэффективных построениях, ни в коем случае не могли привести к успеху.

Нельзя узнать Наполеона 1800 г. и 1805—1807 гг. в Наполеоне июньских дней 1815 г. Полководец, который 15 и 16 июня 1815 г. колебался, направить ли ему корпус направо или налево, был уже не тот человек с орлиным взором, который после длительного перехода в тот же вечер вновь выступал, чтобы, как тигр, наброситься у Фридланда на свою добычу. Император, который утром 18 июня медленно устанавливал боевой порядок и нашел еще время произвести смотр войскам, был ведь не тот человек воли и действий, который кричал своим маршалам: «*Activite, activite, vitesse!*» {22} или который в ночь на 14 октября 1807 г. с факелом в руках поднимал артиллерию по крутому подъему на Ландграфен-Берг. Тот мастер военного дела, который бросал на фронт Веллингтона сначала пехоту, затем кавалерию и, наконец, гвардию, был, конечно, не тот бог полей сражений, который под Аустерлицом со всей своей армией обрушился на неприятельский фланг! Конечно, нет. Ведь в 1797 г. он сам сказал: «На полях сражений скоро стареют». Когда это было сказано, шел только второй год его полководческой карьеры. Но с тех пор

в течение семнадцати лет случилось многое, что должно было расшатать даже крепкое строение этого колосса. Накопилось множество грехов, которые точили сердцевину этого титана. Ни стояние на месте, ни движение назад были невозможны. Он вынужден был идти вперед против все более и более возраставших сил. Ресурсов не хватало. Падение должно было наступить 18 июня или позднее. Во всяком случае, оно было неизбежно. Его мать это предвидела, когда сказала своему сыну при прощании на острове Эльбе: «Небо не допустит, чтобы ты умер от яда {23} или недостойной тебя смерти, ты должен умереть с мечом в руках». Найти такой конец — только это могло бы быть целью битвы при Ватерлоо.

[Назад](#)

КАМПАНИЯ 1866 г.

Наполеон постепенно отказался от сражения на уничтожение и покинул дорогу, на которой он достиг самых крупных побед. С колебаниями и осторожностью брались его противники за заброшенное орудие борьбы. Роли переменились. Кацбах, Денневиц и Кульм уже приближаются к сражениям на уничтожение. Развертывание в тылу противника и окружение его со всех сторон превратили бы Лейпциг в совершенные Канны, если бы не внушаемый этим ужасным человеком страх, посоветовавший оставить ему свободный выход. Наконец, сражение под Ватерлоо вновь возвращает нас на пятнадцать лет назад, к Маренго. Сомнительная, даже более чем сомнительная фронтальная борьба и затем смертельный удар во фланг. Не полные Канны, но уже кусок Канн, и притом в высшей степени плодотворный кусок. Одно поле сражения является «передней, из которой Цезарь вступает в коронационный зал»; с другого — дорога ведет на остров Св. Елены. Зачастую тщетно старались разрешить задачу соединения разъединенных армий на поле сражения, но в обоих этих сражениях она была успешно решена. Через полвека забытое было опять восстановлено и вновь подхвачена нить, которая прядлась в штабе Блюхера.

[Назад](#)

Прусское и австрийское развертывание

Уже с первых месяцев 1866 г. Пруссия ожидала войны с Австрией, и первоначально лишь с одной Австрией, так как было неясно, примкнут ли средние германские государства к той или другой стороне или сохранят нейтралитет. Участок границы от Горлица до Одерберга (схема 34), образованный в основном одним горным хребтом, разделял обоих готовившихся к войне противников. Обе армии должны были стремиться до начала военных действий развернуться севернее и южнее этой линии.

Стратегические авторитеты настаивали на сосредоточении прусской армии в Верхней Силезии: отсюда требовался лишь короткий удар, чтобы поразить в сердце двуединую монархию и одним приемом закончить войну. Во всяком случае, самый короткий путь с прусской территории на Вену шел из Верхней Силезии. Но, чтобы достигнуть этого крайнего угла страны, который мог бы явиться исходным пунктом для намеченного короткого удара, сосредоточивающиеся части армии должны были пройти самый длинный из возможных путей. Никакое прусское развертывание не требовало такого времени, как развертывание в Верхней Силезии, а самое быстрое австрийское развертывание было возможно как раз против Силезии — в Моравии. Во всяком случае противник имел возможность изготавиться для отражения удара, направленного в его сердце. Самое позднее у Ольмюца наступающий натолкнулся бы на всю неприятельскую армию. Масса стояла бы против массы. Если бы пруссаки были побеждены, они рисковали «быть отброшенными в Польшу». Если бы они выиграли сражение, австрийцы имели бы, вероятно, свободный путь к отступлению на Вену и за Дунай, могли бы подтянуть подкрепления и возместить понесенные потери. Победитель мог в этом случае рассчитывать на Ваграм, но должен был быть готов и к Асперну. Вероятно, кампания затянулась бы, и державы, не принимавшие участия в войне, получили бы время и возможность вмешаться в борьбу и лишить победителя плодов одержанного успеха. Очевидной задачей являлся поэтому не короткий удар на Вену, а лишение неприятельской армии сообщений с Веной и Дунаем. Но такие соображения и замечания оказались тем временем ненужными. Основа всего плана отпадала, так как сосредоточение в Верхней Силезии оказывалось не только затяжным, но едва ли выполнимым. Правда, 6-й и часть 5-го корпуса могли походным порядком достигнуть района верхнего Одера. Зато остальные семь — восемь армейских корпусов, которые надо было бы перевозить по железной дороге, будь их местом отправления Кенигсберг, Везель или Трир, вынуждены были бы проталкивать свои эшелоны через участок Бреславль — Ратибор. Одноколейная подъездная ветка Лигниц — Франкенштейн не могла существенно облегчить перегруженную главную линию. Трудно предположить, что противник стал бы выжидать в течение более двух месяцев, требовавшихся на такое развертывание; вероятно, он разогнал бы прусскую армию в тот момент, когда она успела бы сосредоточиться только наполовину. Поэтому Мольтке допускал развертывание в Верхней Силезии только в том случае, если бы Пруссия могла там сосредоточить большие силы и быстрее, чем противник. Никто, однако, не мог бы обеспечить ему выполнение этого условия. Развертывание в Силезии, комбинированное из движений походным порядком и по железной дороге, могло бы быть осуществлено в лучшем случае у Бреславля. Но оттуда дорога на Вену через Верхнюю Силезию являлась уже не кратчайшей. Впрочем, и Наполеон не всегда избирал кратчайшую дорогу, чтобы подойти к противнику, и не боялся значительных кружных движений. Но последние приводили его или на фланг или в тыл противника. Это было выполнимо здесь только в том случае, если бы австрийцы пошли на мало вероятное, почти невыполнимое развертывание в Богемии. Останься же они в Моравии, обходное движение через Верхнюю Силезию могло вывести только прямо

на неприятельский фронт.

Таким образом, приходилось искать иного развертывания. Так как Пруссия хотела приписать противнику «одиозность агрессивных действий», то она должна была изготавиться к обороне. Наступлению австрийцев на Берлин, безразлично через Богемию или через Силезию, лучше всего было противодействовать из Лаузица. Если бы, несмотря на осторожную и сдержанную политику, благоприятные условия позволили захватить инициативу, то можно было бы устремиться от Герлица прямо на Вену, имея в виду оттеснить противника,двигающегося навстречу в Богемии или Моравии, от его столицы и от Дуная. Но все эти преимущества рушились, так как первоначальное сосредоточение войск в Лаузице было связано с затруднениями, не намного меньшими, чем при сосредоточении войск в Верхней Силезии. Переброска по одной железной дороге девяти корпусов в район Герлица требовала больше времени, нежели мог бы предоставить противник. Прокормить массу войск, сосредоточенную в малонаселенной луговой местности, было невозможно; протолкнуть 25 000 чел. через теснину Герлица, Зейденберга, Фридланда и Рейхенберга было неосуществимо.

Было ясно, что нельзя собрать в одну массу всю армию и перевезти ее посредством одной железной дороги, а затем перевалить всей массой через лежащий впереди горный хребет по одной грунтовой дороге. Для развертывания надо было использовать все находящиеся в распоряжении железные дороги. Таких было всего навсего две: Крейц — Познань — Лисса — Бреславль и Франкфурт — Колфурт — Горлиц с ветками, вливающимися в них сзади, и с разветвлениями, ведущими вперед. Сосредоточением одной массы в Лаузице (Лузании), а другой в Силезии, с горным хребтом впереди, достигалось, однако, очень небольшое. Положение несколько улучшилось только тогда, когда выяснилось, что Саксония во всяком случае станет на сторону Австрии. Против обоих этих союзников открывались еще линии: Берлин — Ютербог — Герцберг, Магдебург — Галле и Эйзенах — Вейсенфельс — Цейц. Так как расположенные вдоль границы корпуса могли, хотя бы частично, достигнуть своих районов походным порядком, то на каждую из пяти железнодорожных линий приходилась перевозка немногим больше одного корпуса. Поэтому развертывание могло быть выполнено относительно скоро — к 5 июня. Но теперь армия стояла длинной линией от Цейца до Вальденбурга — Швейдница. Нельзя было выжидать нападения в таком тонком кордонном расположении. Поэтому Мольтке намеревался немедленно, как только прибудет последний железнодорожный эшелон, перейти границу и стараться соединить армию впереди, в Богемии, но не в одном пункте, а лишь таким образом, чтобы корпуса при сближении с противником могли друг друга поддерживать. Прежде всего необходимо было вступить в Саксонию, правым крылом армии овладеть перевалами через Лаузицкие и Рудные горы, затем с двух сторон — из Саксонии и из Силезии — вторгнуться в Богемию и там соединиться. Таким образом, собственно развертывание переносилось в Богемию. Дорога оттуда на Вену была не дальше, чем из Верхней Силезии. Позади был Берлин, и не было опасности быть оттесненным в Польшу. Наоборот, появлялись шансы оттеснить противника, группировавшегося около Ольмюца, от Вены и от Дуная. Такое развертывание в то время было легко выполнимо. Едва ли можно было ожидать сколько-нибудь значительного сопротивления. Армия могла собраться прежде, чем дело дошло бы до сражения или до значительных боев. Однако, политические соображения препятствовали немедленному переходу границы и принуждали задерживаться в положении, которое, по первоначальной мысли, должно было быть лишь мимолетным состоянием.

Чтобы несколько сократить длинную линию, были подтянуты: корпуса, высаженные в Галле и Цейце (половина 7-го и 8-й), к Торгау; 2-й, 3-й и 4-й корпуса,

сосредоточивавшиеся по железной дороге и походным порядком между Эльбой и Лаузицкой Нейсой,— к Гойерсверде, Шпрембергу и Мускау; гвардейский корпус — за ними к Котбусу; 1-й корпус — из Горлица к Гиршбергу; 5-й и 6-й — к Ландсгуту. С этих позиций можно было вторгнуться в Богемию следующим образом: правое крыло (Эльбская армия) по левому берегу Эльбы, центр (1-я армия) через Бауцен и Герлиц, 1-й корпус через Вармбрунн и Шрейбергау, 5-й и 6-й корпуса (2-я армия) из Ландсгута. Нельзя было еще более стягивать армии без того, чтобы не ухудшить этим в значительной степени условия наступления, не сократить чересчур число дорог, предназначенных для вторжения, и не потерять направление правого крыла на Вену. Уже оставлением Цейца было в значительной степени затруднено оттеснение саксонской армии с юга.

Знатоки дела советовали пруссакам отнести сосредоточение в Верхнюю Силезию, и точно так же они настаивали, чтобы австрийцы назначили местом первоначального сосредоточения войск Богемию. Здесь имелись в виду преимущества кратчайшего удара на Берлин. Но реализовать эти преимущества можно было лишь при том условии, если бы удалось значительно превзойти противника в быстроте сосредоточения и в силах армии. Это условие было столь же мало выполнимо для австрийцев в Богемии, как и для пруссаков в Верхней Силезии. В первом случае семь-восемь корпусов не могли быть переброшены по одной дороге Бреславль — Ратибор, во втором случае шести армейских корпусов было слишком много для переброски по однопутному железнодорожному дефиле Богемский Трюбау — Пардубиц. Правда, можно было подкрепить с тыла войска, находившиеся и в Богемии в мирное время, и корпус, ожидавшийся туда из Саксонии. Но для сосредоточения массы войск район развертывания определялся железными дорогами: с юга через Вену, Гензерндорф, Лунденбург, Брюнн, из Венгрии — тоже через Гензерндорф и Лунденбург, но по другой колее и далее через Ольмюц на Богемский Трюбау, а также по железнодорожной линии из Галиции, вливающейся у Прерау.

В 1870 г. Мольтке точно указал место, где должна была сосредоточиться французская армия. Чтобы иметь эти сведения, он не обзаводился многочисленными шпионами и не подкупал крупными суммами высших должностных лиц. Для проникновения в эту государственную тайну он ограничился затратами, необходимыми для приобретения точной железнодорожной карты. В век железных дорог сосредоточение каждой армии обуславливается и указывается рельсовыми путями. Оно может быть отнесено либо несколько вперед, либо несколько назад, но в существенных чертах оно оказывается predetermined. Это положение в значительной степени сохраняет свою силу и теперь, когда территория пересечена густой сетью железных дорог, но в 1866 г., когда к границам подходило только несколько линий, оно имело особенно актуальное значение. Ввиду этого критика напрасно тогда волновалась по поводу прусского и австрийского сосредоточения войск и возмущалась разумностью одного сосредоточения и отнесением назад другого. В существенных чертах и то и другое сосредоточение являлось неизбежным. Для пруссаков это вынужденное сосредоточение было выгодно, несмотря на некоторые неизбежные затруднения. Для австрийцев же развертывание в Моравии, с одним или двумя армейскими корпусами, выдвинутыми в Богемию, соответствовало представлению, которое они составили о своей задаче. Они были уверены, что прусская армия, при ее быстрой мобилизации, могла бы развернуться на границе в боевой готовности прежде, чем австрийцы закончили бы свое развертывание, и далее прежде, чем они закончили бы свою мобилизацию. Если австрийцы хотели без помехи закончить развертывание и не быть захваченными врасплох, они должны были отнести развертывание назад так же, как четыре года спустя германцы отнесли свое развертывание на Рейн. Если же вследствие колебаний и нерешительности противник, сверх ожиданий, дал бы захватить инициативу, то Моравия являлась бы более выгодным исходным районом для наступления, чем Богемия. Здесь им сразу же угрожал бы охват, и

они были бы вынуждены на виду у противника пробиваться по отдельным горным дорогам; из Моравии же они могли направить удар на левый фланг растянутого прусского расположения. Но австрийцы были далеки от использования обстоятельств этого выгодного положения; сознавая себя слабейшими по численности и организации, они считали себя вынужденными держаться оборонительного способа действий, который они приняли как печальный, но неизбежный факт. «Они ожидали противника, если бы последний двинулся из Верхней Силезии, на позиции Ольмюц — Моравский Трюбау. Если же противник оттуда не двинулся бы, то они намеревались продвинуться в Богемию и занять позицию Иозефштадт — Кепигингоф — Милетин».

Иначе рисовались австрийские намерения населению ближайшей прусской провинции Силезии. Сторожевое охранение, выставленное противником для своего обеспечения на границе Верхней Силезии и графства Глац, не оставляло никакого сомнения в том, что предстоит вторжение неприятеля и разграбление Бреслава. Штаб 2-й армии полагал, что следует обратить внимание на эти основанные на многочисленных сведениях и, видимо, справедливые опасения, и решил продвинуть войска для спасения угрожаемой территории на заранее обследованную позицию за рекой Нейсой, между Пачкау и Гроткау. Так как двух армейских корпусов было недостаточно для столь длинного фронта, то испрашивались для поддержки 1-й и еще другой корпуса. Просьба была встречена королем одобрительно. 1-й, 5-й и 6-й корпуса были походным порядком направлены на реку Нейсу, а гвардейский корпус, находившийся в резерве позади 1-й армии был по железной дороге отправлен в Бриг. Остальная часть 1-й армии передвигалась: 3-й корпус к Левенбергу, Фридбергу и Вигандстало, 4-й — к Лаубану и Греифенбергу, 2-й — к Ниски, Рейхенбаху, Герлицу и Зейденбергу, кавалерийский корпус — в район Левенберга. Если вообще что-нибудь могло подвергнуть Силезию опасности, то это как раз те мероприятия, которые принимались для ее обеспечения. Австрийцы твердо решились держаться обороны, но такое разделение противника — одна половина между Торгау и Герлицом, а другая — на расстоянии более 120 км оттуда на реке Нейсе — могло бы поколебать и самое твердое решение. Если австрийцы считали себя уступающими в силе всей прусской армии, то во всяком случае они могли бы померяться с меньшей ее половиной. Однако, наступление на изолированную 2-ю армию не было бы таким легким и простым, как это кажется с первого взгляда. Выбранная позиция была очень сильна, превосходство сил не было в достаточной мере подавляющим, обход был сильно затруднен горным хребтом и крепостью Глац. Если бы оказалось, что удерживать позицию далее нельзя, то надеялись без существенных потерь отводить армию назад до тех пор, пока она не соединится с 1-й армией. Ввиду этого опасность, угрожавшая 2-й армии вследствие выдвигания на реку Нейсу, может быть, и не имела столь существенного значения. Гораздо существеннее было то, что ставилось под вопрос совокупное, хорошо обдуманное наступление. Выполнение плана, — продвижение правого крыла через Саксонию до австрийской границы и вторжение отсюда и из Силезии в Богемию, поиски противника соединенной армией из девяти армейских корпусов, со стремлением отрезать его от Вены, — обеспечило бы Силезию и Бреславль лучше любой позиции, а главное — создавало бы наилучшие шансы для решительного сражения на уничтожение. Теперь оставалось в распоряжении для вторжения в Богемию пять неполных армейских корпусов. Возможность совместных операций обеих половин прусских вооруженных сил зависела теперь от мероприятий, которые могли предпринять австрийцы: им легко было объединить свои силы против пруссаков, которые, казалось, непоправимо раздробили свои войска. Мольтке не мог избежать невыгод этого положения. Обеспечение Силезии являлось для короля национальным долгом. Мольтке доказывал, что эту обязанность можно великолепно выполнить посредством наступления в Богемию и очень плохо посредством обороны в Силезии. Но его доказательства оказались недостаточно убедительными. Авторитет начальника генерального штаба был

тогда еще скромн, но тем сильнее были политические соображения и влияние отдельных лиц. Как это уже не раз происходило в эту войну при ее подготовке, при мобилизации и развертывании, выработанный с большим трудом план Мольтке был опять разрушен. Ему оставалось подобрать обломки и составить нечто новое. Несмотря на созданные затруднения, он продолжал твердо отстаивать необходимость наступления. Его решение сводилось к тому, чтобы вторгнуться в Богемию Эльбской и 1-й армиями. Какие бы намерения ни имели австрийцы, но в этом случае они направили бы туда, по меньшей мере, главные силы, довольствуясь оставлением против 2-й армии небольшой части своей армии. 2-я армия могла бы тогда легко одержать победу над этим слабейшим противником, что и восстановило бы возможность действовать обеими армиями совместно. Но предстояло озаботиться, чтобы колебания и промедления пруссаков не затянулись слишком долго, иначе австрийцы предупредили бы их наступлением в Силезию. При решительности австрийского верховного главнокомандующего надо было предполагать, что последующее контрнаступление в Богемию не заставит его повернуть обратно. Тогда оставалось только двинуть 1-ю армию в направлении на реку Нейсу для подкрепления или принятия на себя 2-й армии. В результате утрачивалась надежда если не на простую победу, то на решительную уничтожающую победу. Побежденные австрийцы могли бы, по видимому, без особого затруднения отойти на Ольмюц, Вену и за Дунай.

[Назад](#)

Кампания 1866 г. в Германии

Было счастьем, что Австрия вызвала разрыв раньше, чем обстановка в Силезии разъяснилась и стали очевидны преимущества вторжения в нее. Так как Австрия по отношению к противнику чувствовала себя слабейшей, то она хотела заблаговременно обеспечить себя поддержкой германских центральных государств. При голосовании в Союзном совете 14 июня огромное большинство высказывалось против Пруссии. Но ни Австрия, ни центральные государства не были достаточно подготовлены, чтобы немедленно приняться за осуществление этого решения. Они надеялись на то, что пруссаки испугаются многочисленности противников и откажутся от своих требований, или, по крайней мере, на то, что удастся переговорами выиграть необходимое время для мобилизации армий. В этом они заблуждались. Пруссия увидела, что настал последний час, чтобы выйти из состояния осторожного выжидания. Уже 15 июня Саксонии, Ганноверу и Кургессену был предъявлен ультиматум, вслед за которым, раз его отвергали, в тот же день следовало объявление войны, а на другой день начинались враждебные действия против этих трех держав. Это принудило и Австрию к принятию решения. В заседании Союзного совета 16 июня венский кабинет объявил, что «в следствии выступления Пруссии против Саксонии, Ганновера и Кургессена, его величество император полностью примыкает к этим правительствам и будет действовать безотлагательно с напряжением всех военных сил». Это «безотлагательное действие» не могло выразиться ни в сохранении существовавшего до этого расположения войск в Моравии, ни во вторжении в Силезию, а лишь в продвижении в Богемию. Иначе не было бы сдержано слово, данное самому надежному союзнику — Саксонии, и не была бы обеспечена поддержка самого сильного союзника — Баварии, а может быть, и Вюртемберга и Гессена. Только при содействии 40 000 — 50 000 баварцев Австрия могла приобрести превосходство над Пруссией. Эта выгода была столь существенна, что перевешивала ущерб, заключавшийся в том, что правый фланг армии, двигавшийся из Моравии в Богемию, находился под постоянной угрозой. Численность противника, находившегося в Силезии, не была точно известна. Правда, австрийцы были уже давно осведомлены о расположении и передвижениях противника. Но они не могли к 16 июня выяснить передвижения и перевозки войск в Силезию, продолжавшиеся до 18-го. В Вене был слух, что два корпуса, вероятно, находятся на реке Нейсе и у Глаца. Но одновременно считалось безусловно установленным, что главная прусская армия находится между Торгау и Ландсгутом. Надо было не поддаваться обману из-за «демонстрации» этих двух корпусов. 16-го был отдан приказ о движении в Богемию.

Для Пруссии было необходимо первоначально обратиться против Ганновера и Кургессена. Оба эти государства, территории которых находились между восточной и западной частями королевства Пруссии, нельзя было оставить позади себя, раз начиналась война против Австрии и южных германцев. Иначе это привело бы к риску внезапного нападения с тыла во время борьбы на другом фронте. Точно так же нельзя было допускать, чтобы ганноверский и гессенский контингенты ушли на юг: это еще более увеличило бы и так слишком большую численность противника. Пока они еще находились в пределах прусской досягаемости, их надо было «разоружением или наступлением вывести из строя». Дальнейшая задача Пруссии состояла в том, чтобы оттянуть от Богемии южногерманские и в особенности баварские вооруженные силы. Австрия стремилась во главе всех центральных германских государств побороть изолированную Пруссию. Пруссия же хотела, ценою трех дивизий, изолировать Австрию. Для выполнения этой задачи были намечены: дивизия Бейера (18 батальонов, 5 эскадронов, 18 орудий) {24} у Вецлара, 13-я дивизия Гебена (12 батальонов, 9 эскадронов,

41 орудие) у Мюндена, дивизия Мантейфеля (12 батальонов, 8 эскадронов, 24 орудия) {24} у Альтоны, причем две последние находились под командованием ген. фон-Фалькенштейна. 16 июня эти три дивизии перешли неприятельские границы в направлении на Кассель и Ганновер, и уже на следующий день 13-я дивизия вошла в Ганновер. Ганноверские войска, как и гессенские, уклонились от внезапной атаки. По железной дороге первые были перевезены в Геттинген, а вторые в Герсфельд. От этой, в то время конечной, станции гессенцы, численностью около 4 000 чел., без промедления продолжали отход к Франкфурту и счастливо ушли.

Ганноверцы (схема 35) задержались сначала в Геттингене, чтобы сколько-нибудь привести себя в порядок после поспешного отступления. Но так как 19 июня надвигалась дивизия Гебена, то приходилось торопиться, чтобы наверстать потерянное. Несмотря на то, что со всех сторон подходили резервы и в течение 17 июня из Ганновера следовали поезда со всевозможным военным имуществом, войска оставались в совершенно «неготовом» состоянии. Наличных боевых припасов могло хватить, пожалуй, только на два дня боя. Если бы ганноверцы, пока они были предоставлены самим себе, начали кампанию в северной Германии, то они могли бы одержать отдельные успехи над еще сильно разбросанным противником, но в конце концов должны были бы сдаться перед превосходством неприятеля и вследствие недостатка боевых припасов. Мнения в главной квартире сначала колебались между: «сражением при Геттингене», «завязыванием переговоров» и промежуточными решениями. Но сказывались все трудности ведения войны без надежды на пополнения, подвоз и поддержку. Утрата главного города и большей части страны вызывала необходимость искать опоры у союзников, что привело к решению: без промедления отойти к баварцам, избегая при этом серьезных боев. Выполнение этого было ускорено боязью подвергнуться атакам Гебена с фронта и Бейера с тыла. Дорога через Кассель была уже перерезана, путь через Эшwege находился под угрозой.

Вследствие этого решили идти по третьему пути — через Гейлигенштадт, Ванфрид, Треффурт на Эйзенах. 21-го начался марш — выступили 20 батальонов, 24 эскадрона, 42 орудия, всего около 17000 солдат и 3 000 невооруженных. Это движение настолько вытекало из сложившихся условий, что не могло не быть предусмотрено в Берлине. Надо было начать преследование. По примеру Наполеона, одна часть должна была следовать за противником «L'eeе dans les reins», а другая должна была обогнать его по более короткой дороге. 20-го числа Гебен достиг линии Альфельд — Боденбург. Одна бригада Мантейфеля находилась у Ганновера, другая — у Целле. Бейер с главными силами вошел в Кассель и находился там на более близком расстоянии от Эйзенаха, чем противник в Геттингене. Другим кратчайшим путем туда была железная дорога на Брауншвейг, Магдебург, Галле.

Простой план Мольтке заключался в следующем: Бейер отправляется в Эйзенах через Этмансгаузен, дивизия Мантейфеля перебрасывается туда же по железной дороге, а затем обе следуют навстречу противнику, где бы он ни находился; Гебен держится своего первоначального направления и атакует противника с тыла. Однако, этот план был выполнен только частично: Бейер продолжал в течение 20-го числа удерживать за собой Кассель и, заняв Мюнден, дошел в направлении на Этмансгаузен до Вальдкаппеля, а Гебен продолжал марш в направлении на Геттинген. Фалькенштейн воспротивился перевозке дивизии Мантейфеля через Магдебург. Он хотел избежать «представлявшегося ему опасным раздробления боевых сил и не хотел часть их выпускать из рук, теряя с ней всякую связь».

Но избежать раздробления было невозможно — оно шло уже полным ходом: 20-го

числа последний батальон Бейера находился еще у Фрицлара, а Мантейфеля — у Лютенбурга. Между этими двумя крайними пунктами прусские боевые силы, разделенные ганноверцами, были разбросаны на большом протяжении. Задача состояла не в том, чтобы избежать такого раздробления, а в том, чтобы его обезвредить. Но этого нельзя было достигнуть скорее и проще, чем действуя по плану, выработанному Мольтке. Окружение ганноверцев и соединение трех дивизий совпадали. К 24-му эта операция могла бы быть закончена, и армия была бы сосредоточена для начала другой. Но так как Фалькенштейн приказал, чтобы дивизия Мантейфеля из Ганновера и Целле не перебрасывалась через Магдебург против неприятеля, а постепенно, батальон за батальоном, следовала через Брауншвейг и Зеезен за 13-й дивизией, то раздробление осталось, дивизия Мантейфеля на ближайшее время вышла из игры, и окружение ганноверцев было поставлено под вопрос.

Мольтке старался по возможности возместить отпавшую дивизию. Кобург-Готский полк, три батальона, немного кавалерии и два вылазочных орудия из Эрфурта были объединены под командой полковника фон-Фабек и перевезены в Эйзенах. Если бы только Бейер продолжил туда же марш из Вальдкаппеля, а Гебен следовал бы за ганноверцами, то можно было бы обойтись и без Мантейфеля.

21 июня все шло хорошо. Фабек прибыл в Эйзенах, Бейер, тоже поставленный под начальство Фалькенштейна, занимал Кассель, выдвинул отряд в Мюнден и Аллендорф и главными силами достиг Грос-Гейхенсаксена и Лихтенау; Гебен достиг линии Эйнебек — Оперсгаузен; два ландверных батальона ген. фон-Зекендорфа из Магдебурга дошли до Блейхероде (схема 36). Ганноверская пехотная колонна двигалась внутри этого широкого обложения, на пространстве между Дингельшгэдтом и Зимероде. Все развивалось бы планомерно, если бы Фалькенштейн не надумал, несмотря на противоречившие этому донесения и сведения, что ганноверцы окажут сопротивление на хорошей позиции на полпути между Нэртеном и Геттингеном, и не решил бы 23 июня атаковать их здесь. Гебену было приказано в предстоящем бою направиться против фронта: это не нанесло вреда, а скорее понудило 13-ю дивизию 22-го усиленным маршем достигнуть Геттингена (схема 37). Но более сомнительным был приказ, отданный Бейеру, — отрезать противнику путь отступления.

По совокупности донесений и сведений этот генерал должен был считать выступление ганноверцев из Геттингена, по крайней мере, весьма вероятным. Поэтому он мог самым простым образом выполнить возложенное на него поручение, продолжая марш на Эйзенах. Но буква приказа точно указывала на атаку в тыл «ганноверцев, которые должны были находиться между Геттингеном и Нэртеном». Ввиду этого Бейер, продолжая занимать Кассель и Аллендорф, выдвинул авангард из Мюндена в Дрансфельд, главные силы из Рейхенсаксена и Лихтенау в Виценгаузен и резерв в Кауфунген. Таким образом, было взято направление, противоположное первоначальному. Противник, освобожденный от всякой угрозы с фланга, казалось, мог беспрепятственно продолжать марш в южную Германию.

Появление 21 июня частей Бейера у Аллендорфа и дозоров на правом берегу реки Верры указало на возможность захвата пруссаками уже 22-го переправ через реку Гайних, восточнее Ванфрида, Треффурта и Милы. Это заставило командира ганноверского корпуса фон-Арентшильда уже 22-го отказаться от намеченного марша из Гейлигенштадта на Ванфрид, а затем и от марша из Мюльгаузена через Лангулу на Эйзенах и двинуться через Лангензальцу. По этому кружному пути ганноверцы, находившиеся в вечеру 22-го числа между Дингельшгэдтом и пунктом южнее Мюльгаузена, не могли достигнуть Эйзенах скорее, чем Гебен, находившийся в это время в Геттингене, и главные силы и резерв Бейера, стоявшие у Аллендорфа,

Виценгаузена и Кауфунгена. Если бы в дефиле у Эйзенаха было оказано некоторое сопротивление, то Бейер имел бы возможность своевременно подойти через Этмансгаузен, а Гебен через Эшwege, и всякая попытка ускользнуть становилась бы невозможной. Но даже если бы Гебен следовал за противником через Мюльгаузен, выигрыш его во времени был бы все-таки не слишком велик. В тот час, когда 22-го числа Гебен вошел в Геттинген, ганноверский аррьергард оставил Гейлигенштадт, чтобы вновь остановиться у Дингельштэдта. Однодневная остановка преследуемого дала бы преследующему возможность его нагнать. Мольтке всемерно старался вызвать эту задержку на день.

Так как благодаря движению на Мюльгаузен ганноверцы стали угрожать и Готе (схема 38), то пяти батальонов, находившихся у Эйзенаха, оказалось недостаточно. Пришлось подтянуть другие части. Два ландверных батальона Зекендорфа были направлены из Блейхероде в Готу; два батальона 4-го гвардейского полка были по непосредственному приказу короля погружены на поезда; две батареи из Дрездена и от двух до трех запасных и ландверных батальонов были вызваны из Магдебурга; Фабек с пятью батальонами был оттянут в Готу. Когда 23-го числа у ганноверцев бригада Бюлова достигла Берингена, резервная кавалерия — Рейхенбаха, бригады Кнезебека и де-Во — местности, расположенной к югу и к северу от Лангензальцы, бригада Ботмера — Грос-Готтерна и аррьергард — Мюльгаузена, то они нашли перед собой у Готы Фабека, а с левого фланга у Урлебена — Зекендорфа, тогда как по всем предыдущим сведениям им приходилось считать Эйзенах занятым противником. Ганноверцы не имели возможности продвигаться далее без боя, хотя бы и против незначительных сил. Казалось, что они решились на бой. Рано утром 24-го войска изготовились для атаки Готы. Фабеку грозила гибель.

Но исполнения не последовало. Мольтке побудил послать парламентаря, который предъявил категорическое требование, чтобы окруженный со всех сторон противник немедленно положил оружие. Ганноверцы действительно были обложены, но весьма слабыми отрядами и на значительном удалении. Они тоже были довольно точно осведомлены об обстановке и, следовательно, знали о незначительности войск Фабека. Но требование, выраженное с такой твердостью и спокойной уверенностью, возымело свое действие. Ганноверцы пошли на переговоры в надежде добиться беспрепятственного отхода, ценою обещания не принимать продолжительное время участия в войне. Так как поездка парламентарей туда и назад, запросы в Берлин и выжидание ответа оттуда требовали продолжительного времени, то войска были распущены по их стоянкам. Но едва они их достигли, как один решительный флигель-адъютант по своей инициативе убедил короля отдать приказ о занятии оказавшегося свободным Эйзенаха. Выдвигая в Беринген бригада Белова должна была произвести разведку и, буде город окажется свободным от противника, занять его и тем самым дать возможность прорваться всей армии. Между тем, полковник Остен-Сакен достиг угрожаемого пункта с пятью ротами 4-го гвардейского полка {25} и не оставил ни малейшего сомнения у посланного к нему парламентаря в том, что он будет до последней возможности защищать своим маленьким отрядом вверенный ему пост. Неизвестность результата при действиях против вооруженной игольчатый ружьем пехоты, хотя бы и в три раза слабейшей по численности, нежелание обстреливать мирный, не участвующий в войне город, перспектива оказаться предоставленными самим себе и непрошенное вмешательство ганноверского парламентаря, который не хотел видеть помеху начатым переговорам, склонили и военный совет, и командира бригады отказаться от атаки и заключить перемирие до следующего утра. Этим самым ганноверцы как бы отказались от всякой попытки прорыва; армия их была остановлена; во времени был выигран день и даже более. Преследующие должны были быть совсем близко. На другой день могло быть

начато разоружение.

Но преследование, которое надо было вести, по Наполеону, «L'epée dans les reins», а по Гнейзенау, «до последнего вздоха человека и коня», было прервано: на 23-е, после четырех дней марша, Гебен назначил дневку. Только слабый авангард Врангеля был выслан в Зимероде и прислал оттуда никого не поразившее донесение, что противник продолжает отход. Во всяком случае Бейер получил приказ идти на Этмансгаузен. Но туда дошел он один со слабым резервом. Главные силы и авангард, не получившие точного приказа и ориентировки в обстановке, продолжали искать решения в «бою при Геттингене», двигались на Фридланд и к вечеру, после устранения всех недоразумений, находились в Хоэнгандерне, Виценгаузене и Аллендорфе.

Но так как ганноверцы не вступили в бой там, где то было желательно, а также не давали себя нагнать, то Фалькенштейн и решил предоставить их своей судьбе, самому сосредоточиться к Франкфурту, рассеять 8-й союзный корпус и прикрыть угрожаемую Рейнскую провинцию. Для этого 24-го Гебен должен был достигнуть Мюндена, Мантейфель — Геттингена, а Бейер — собраться у Этмансгаузена. Этим самым Фалькенштейн оставлял в покое ганноверцев в своем тылу, развязывая руки баварцам, которые, таким образом, могли принять участие в предстоящих в ближайшее время решительных действиях в Богемии, и обращался против неприятеля, который был совершенно не готов к операциям и которого можно было без ущерба игнорировать. Как Силезия лучше всего охранялась вторжением в Богемию, так и Рейнская провинция лучше всего обеспечивалась разоружением ганноверцев. После такого успеха ни один южно-германец не отважился бы переправиться через реку Наэ. Гессен и Нассау знали бы, что им надо думать не о нападении на чужие страны, а стремиться сохранить собственную шкуру. Марша во Франкфурт никак нельзя было допускать. Король должен был вмешаться, чтобы не все пошло прахом и не пришлось начинать войну с неизбежной неудачи. На первый приказ — перебросить Кассель на Эйзенах возможно большее количество войск — последовал холодный ответ, что выполнение «невозможно»: железная дорога у Мюндена слишком сильно разрушена. Второй приказ, отданный рано утром 24-го, — направить через Зеезен и Магдебург в Готу бригаду Мантейфеля — заставил признать серьезность королевского повеления, и невозможное стало возможным.

Гебен совершил форсированный марш к Касселю и погрузил там шесть батальонов с соответствующей кавалерией и артиллерией. Бейер получил приказ двинуться туда же (схема 39). Бригада генерала Флиса из дивизии Мантейфеля отправилась по железной дороге через Магдербург в Готу. Уже в ночь на 25-е часть войск достигла своей цели. Остальная ожидалась в течение следующего дня у Эйзенаха и у Готы. Теперь, несмотря на потерю двух дней, все-таки казалось, что первоначальный план Мольтке приводится до некоторой степени в исполнение. Помимо войск Фабека и Сакена, против неприятеля на линии Эйзенах — Гота сосредоточивались две смешанные дивизии. Но третья дивизия, которая должна была следовать через Геттинген, отсутствовала. Из бригад, которые могли ее составить, одна (Гебена) была в Касселе, а другая (Мантейфеля) была эшелонирована между Мюнденом и Геттингеном. Сосредоточение всех боевых частей против ганноверцев было, очевидно, недостижимо. Третью часть все-таки оставляли наготове для ожидавшегося похода против 8-го корпуса союзников. Гебену, к которому перешло командование над войсками, собиравшимися у Эйзенаха и Готы, представлялось, что 25-го числа он еще не в состоянии перейти в наступление. Лишь часть батальонов была на месте. Многие батальоны из дивизии Бейера находились еще далеко в пути. Последние батальоны отряда Флиса ожидалась только к утру 26-го, а прибывшие уже в оба пункта были переутомлены усиленным маршем. Ввиду этого перемирие, заключенное посланным в ганноверскую главную квартиру генерал-адъютантом фон-Альвенслебеном, было

встречено с одобрением. Но оно представляло еще более выгод для ганноверцев. После того, как они отказались от прорыва, и шансы на свободное отступление все больше и больше уменьшались, главные их упования направлялись на освобождение их баварцами. Однако, для этого надо было выиграть время. При этом очень кстати не установлены были ни начало, ни конец перемирия и не оговорен был срок предупреждения о его прекращении. Только с трудом удалось разобраться в обстановке; было объявлено о прекращении перемирия, и прусская атака отложена на 10 часов утра 20-го числа. 25-го числа ганноверцы оставались еще в принятом два дня назад расположении вдоль дороги Грос-Лупниц, Беринген, Лангензальца, Грос-Готтерн, Мюльгаузен. Так как в занятых селениях, после двух дней пребывания, местных средств оказалось недостаточно, то ганноверцы, уповав на заключенное перемирие, начали расширять районы квартирования в направлении на Мюльгаузен. Благодаря этому произошли передвижения войск, которые были бы невозможны, если бы 24 и 25 июля Мантейфель вместо того, чтобы стать между Касселем и Геттингеном, продвинулся через Гейлигенштадт на Мюльгаузен. Лица, принадлежавшие к населению, извещали Берлин об этих перемещениях в таких выражениях: «ганноверские войска проходят через Мюльгаузен», затем «ганноверская армия проходит через Мюльгаузен» и, наконец, «ганноверская армия прошла через Мюльгаузен».

На противоположном конце растянутого ганноверского расположения Гебен имел перед собой передовые части у Грос-Лупница и Штокгаузена, отряд у Мехтершгэдта и имел сведения о сильных частях у Берингена, которые он принимал за всю ганноверскую армию. Он предполагал на следующий день ее атаковать. Эту атаку он не представлял себе, как Ганнибал, в виде прямого движения на противника, удержания его на фронте и последующего охвата флангов при помощи задержанных позади эшелонов. Он не намеревался также, подобно Фридриху или Наполеону, со всей армией обойти одно из крыльев противника. Наоборот, уже к вечеру 25-го он подготавливал бригаду Куммера из 13-й дивизии у Вальтерсгаузена, Лангенгайна и Зондры для фланговой атаки, в то время как Бейер должен был направиться для фронтовой атаки из Гецельроды. Конечно, противник не стал выжидать, пока затянется петля, образованная превосходными силами по всем правилам искусства, Бюлов еще до полуночи отвел назад свои передовые части из Грос-Лупница и Мехтершгэдта и приготовился в случае наступления противника к дальнейшему отходу. Донесение об отступлении ганноверских передовых частей пришло в ночь на 26-е приблизительно в одно время с известием ландрата фон-Винцингероде, переданным через Берлин, что ганноверская армия уже отошла через Мюльгаузен. Бессмыслица этого известия была ясна, как на ладони, и все-таки едва ли кто-нибудь в нем усомнился. Никто даже не дал себе труда выслать дозор, чтобы проверить его достоверность.

Верил или не верил Мольтке этому известию, но во всяком случае он усмотрел в нем освобождение от тормозящих условий перемирия. Теперь можно было немедленно преследовать и атаковать. Ввиду этого он телеграфировал Фалькенштейну, прибывшему тем временем в Эйзенах:

«Следуйте немедленно за ганноверцами и доведите до сведения генерала Мантейфеля в Геттингене, чтобы он одновременно наступал. Часть войск, находящихся в Готе, вероятно, может быть переброшена в Нордгаузен по железной дороге. Генерал Флис получает копию этой телеграммы. Рекомендуются при вашем превосходстве сил излишние части оставить в Эйзенахе — для наблюдения за баварцами и пр., а также имея в виду предстоящие операции».

Последняя фраза телеграммы была истолкована не так, как ее понимал автор. Мольтке хотел оставить в Эйзенахе лишь небольшой отряд. Фалькенштейн, до которого дошел какой-то слух, что баварцы продвинулись уже до Ваха, решил половину своих боевых сил считать излишней против ганноверцев и вознамерился обратить ее против баварцев. Бейер с резервом был двинут в Берка — Герстунген, Глюмер в Зальмансгаузен — Гершель, Куммер в Эйзенах (схема 40). Шахтмайер должен был остаться в Эшвеге и вновь занять Аллендорф. Атаки баварцев выжидали на растянутой позиции Берка — Эйзенах. Только 26 июня двенадцать батальонов Мантейфеля должны были собраться у Геттингена. Одному Флису была поставлена задача — немедленно следовать за противником. Мольтке имел в виду одновременное действие всех сил против одного пункта. Фалькенштейн твердо стоял на разделении сил на три части. Этим был найден способ нигде не достигнуть успеха и, может быть, потерпеть несколько неудач. Предписанные приказом передвижения были на полном ходу, когда вскоре после полудня были получены следующие известия: из Берлина — «ганноверцы находятся еще у Лангензальцы», из Ваха — «баварцев еще не видно». Отданные приказания оказались нецелесообразными. Но 26-го уже ничего нельзя было в них изменить. Только Мантейфель по собственной инициативе отправил находившийся в Геттингене отряд Корта в Дудерштадт, а части, постепенно прибывавшие по железной дороге из Мюндена, Касселя и Эйзенаха {26} в Бейенроде и Зимероде.

Ясно, что ганноверцы были далеки от отступления через Мюльгаузен в «королевство». После объявления о прекращении перемирия, казалось, предстояла атака неприятеля со стороны Готы, Вальтерсгаузена и Эйзенаха, а так как выжидать ее на позиции у Лангензальцы, подверженной охвату, было нежелательно, то командир корпуса фон-Арентшильдт отдал следующий приказ: «Прусские войска продвигаются вперед, им должно быть оказано сопротивление, каждая бригада должна с боем отходить в направлении на Зондерсгаузен». При этом должны были сосредоточиться: бригады Ботмера у Грефентоны, де-Во — южнее Лангензальцы, Бюлов — у Шенштэдта. Кнезбек и резервная кавалерия — между Зундгаузенем и Тамсбрюком. Передвижение этих двух последних частей из Лангензальцы на высоты левого берега реки Унштрут наблюдалось одним из многих прусских парламентаров и уполномоченных, которые в этот день циркулировали между Готой и Лангензальцой, и было истолковано как отход на Кирххейлиген. Этот «отход на Кирххейлиген» дошел до Фалькенштейна как «отход на Зондерсгаузен» и считался вероятным до тех пор, пока президент города Эрфурта не сообщил об «отходе через Тенштед на Зёммерду», что показалось еще более достоверным. Фалькенштейн твердо считался с этим, представлявшим простой слух, отходом на Зёммерду, несмотря на донесения Флиса, продвинувшегося до Геннингслебена, что ганноверцы как раньше, так и теперь находятся у Лангензальцы. Также твердо считался Фалькенштейн с продвижением баварских войск по долине реки Верры, несмотря на то, что слухи гласили первоначально о баварцах у Мейнингена, а затем о продвижении баварцев не далее Вернсгаузена. На основании этого мнимого положения вещей (отход ганноверцев на Зёммерду, продвижение баварцев по долине реки Верры) Фалькенштейн решил, что Гебен должен выжидать баварцев на позиции Берка — Герстунген — Эйзенах, протяжением в 20 км; Флис должен был воздержаться от атаки ганноверского арьергарда у Лангензальцы, но сохранить с ним соприкосновение на тот случай, если он начнет отходить. Мантейфель обязан был при всех комбинациях оставаться в Геттингене. Генерал Фалькенштейн остановился на этом решении, несмотря на то, что король еще вечером отдал приказ по телеграфу «*couste que couste*» {27} ликвидировать ганноверский вопрос. Несомненно, что Фалькенштейн имел право и даже был обязан, в зависимости от местных условий, изменять отданные издалика королевские приказы. При этом, конечно, предполагается, что отвергнутый приказ заменяется чем-нибудь лучшим. Но имея перед собой двух настоящих или мнимых противников,

оставаться на месте в трех отдельных группах — это не могло быть «чем-нибудь лучшим» ни при каких условиях. Так как Фалькенштейн пренебрег королевским приказом, то вполне понятно, что, подражая ему, и командиры дивизии стали пренебрегать приказами Фалькенштейна. Они получали из Берлина копии телеграммы короля и тоже начали перетолковывать обстановку на свой лад, по местным условиям, как и их начальник Мантейфель, который уже 26-ю числа, по собственному усмотрению продвинулся до Дудерштадта и Бейенроде, хотел 27-го числа, также по собственной инициативе, продолжать марш на Ворбис и Дингельштэdt. Флис, также основываясь на королевском приказе, решил «*couste que couste*» {27} ликвидировать вопрос и атаковать ганноверцев, несмотря на их более чем двойное превосходство. К тому же он предполагал, что на основании имеющегося приказа Фалькенштейн поспешит к нему на поддержку.

Вечером 26-го на противной стороне в Лангензальце был поднят вопрос, не надлежит ли на следующий день атаковать изолированного Флиса. Но положенное с самого начала в основу стремление уйти без серьезных столкновений в южную Германию, а также непоколебимая уверенность в баварской поддержке удержали от мероприятия, которое одно только могло привести операцию к сноному концу. Было решено за рекой Унштрут, по обе стороны дороги из Лангензальцы и Нондерсгаузена, выждать атаки пруссаков и подхода баварцев. Позицию должны были занять (схема 41): Бюлов и резервная артиллерия у Тамсбрюка, де-Во у Меркслебена и за ним Кнезебек, Ботмер у Негельштэdt, резервная кавалерия у Зундгаузена.

Флис, который на ночь отошел на линию Вестгаузен — Варца, мог бы при двойном превосходстве сил противника атаковать эту позицию, только переправившись через реку Унштрут где-либо ниже, например, у Гrefентонны, и повернувшись затем против неприятельского левого фланга. Но 27-го он начал наступление на центр фронта и вытеснил из Лангензальцы оставленные там передовые части, подошедшие для подкрепления через Меркслебен; два батальона Кнезебека были также атакованы, и Еврейская гора занята. Но этот успех не дал особенного преимущества для дальнейшей атаки. Перед пруссаками находилась длинная теснина, образованная дамбой и мостом, деревня, высота Кирхберг и река, заключенная в дамбы. Все было густо занято противником. Правда, вершина Еврейской горы командовала над противоположной высотой Кирхберг. Но она была обращена к противнику самой узкой стороной, так что немногие имевшиеся батареи могли расположиться на ней только уступами. Разгромить превосходную неприятельскую армию и затем пробиться через теснину, а, может быть, и через реку, казалось совершенно невозможным. Для того же, чтобы здесь только удержаться, а переправу предпринять в другом месте, пруссаки были слишком слабы. Невольно пришлось перейти к обороне. Шесть нарезных четырехфунтовых и четырнадцать гладкоствольных недостаточно дальнобойных орудий боролись с прусской стороны против двенадцати нарезных шестифунтовых и трех гладкоствольных, расположенных на высоте Кирхберг, нарезных шестифунтовых, расположенных севернее Меркслебена, и четырех таких же орудий, расположенных южнее Таубенгорна, около реки Унштрут, которые били во фланг и в тыл позиции на Еврейской горе. Для борьбы с последним, столь опасным, противником нарезная батарея была передвинута с Еврейской горы на Эрбсберг, так что на главной высоте осталось только четырнадцать гладкоствольных орудий. Несмотря на значительное превосходство противника, прусская артиллерия смогла все-таки удержаться на своей позиции. Прусская пехота первоначально заняла Бад, Калленбергскую мельницу и правый берег реки Зальцы, через фабрику Грезера до кирпичного завода, а позднее также и высоту Эрбсберг. Так стояли друг против друга две обороняющиеся стороны: слабейшая к югу, а сильнейшая к северу от реки Унштрут. Сильнейшая невольно перешла к атаке. Казалось, что выполнение атаки не представляло трудностей. Де-Во атакует от Меркслебена, Бюлов — из Тамсбрюка,

Ботмер, за которым следуют Кнезебек и резервная кавалерия, — из Негельштэда. Простейшим способом могло выйти повторение сражения при Каннах. Но Бюлов и Ботмер слева и справа подошли к Меркслебену и тем самым затруднили себе дальнейшее продвижение. Тем временем Бюлову удалось переправиться у Калькберга через реку. Кнезебек последовал за ним. Но, несмотря на большое превосходство сил, атака на Зальцу до кирпичного завода не могла удасться. Однако, когда они правым крылом ворвались в Лангензальцу, удержать Еврейскую гору уже не было возможности. Так как наступление велось и со стороны Меркслебена, то обороняющиеся, а в особенности те, которые засели в занимаемых пунктах для упорного сопротивления, попали в сильные тиски. Поражение было бы полное, если бы Ботмер также переправился через реку Уншпругт и атаковал противника с тыла. Но после неудачной попытки переправиться южнее Таубенгорна он отказался от переправы. Резервная кавалерия, собранная по методу Наполеона позади центра, с трудом перебралась через мост и через дамбу, чтобы преследовать отступающего противника. Предпринятые атаки разбились о стойкость линейной пехоты и ландвера и вскоре были прекращены.

Победитель удовлетворился занятием неприятельской позиции. Дорога через Геннингслебен оставалась свободной, и к вечеру Флис смог вновь водвориться в оставленном им утром лагере у Вестгаузена и Варцы (схема 42). За исключением понесенных обеими сторонами потерь, положение за последние 24 часа мало изменилось. Ганноверцы стояли у Лангензальцы, Флис у Вестгаузена, Мантейфель подошел несколько ближе, но все-таки не мог непосредственно вступить в дело. Существенно было то, что после поражения Флиса Гебен не мог уже долее оставаться спокойно у Эйзенаха. На 27 июня на него было возложено высшее командование (Фалькенштейн уехал в Кассель по административным делам), и он простоял целый день на линии Эйзенах — Герстунген в ожидании атаки баварцев. Пушечный гром, доносившийся от Лангензальцы, мало его беспокоил и говорил ему только о незначительном арьергардном бое. Действительный противник занимал его меньше, чем воображаемый. В тот же вечер он телеграфировал Бейеру в Герстунген:

«Я поднимаю войска по тревоге. Неприятельские колонны двигаются на противоположащие высоты и спускаются вниз. Если противник силен, то я буду оборонять Эйзенах».

Неприятельские колонны оказались привидениями. Если бы эти привидения были из плоти и крови, а у ганноверцев был полководец вроде Наполеона, то 27-го был бы уничтожен Флис, а 28-го Гебен, так как атакой баварцев с фронта и ганноверцев с тыла ему могли быть уготованы Канны. И это было бы доказательством того, что отнюдь не следует вести оборонительный бой против одного противника, когда другой стоит за спиной.

Гебен только ночью был пробужден из своего гипноза королевской телеграммой, адресованной Фалькенштейну, в которой значилось:

«Я приказываю вам со всеми находящимися в вашем распоряжении боевыми силами прямо и без промедления наступать на ганноверцев. На баварцев и южных германцев в данный момент не следует обращать внимания, а, согласно уже ранее высказанному мною волеизъявлению, следует осуществить полное разоружение ганноверцев».

По железной дороге были вытребованы в Готу батальоны для непосредственного подкрепления Флиса, и, наконец, 28-го в 3 часа дня было приступлено к движению на

Лангензальцу. Гебен еще не успел далеко продвинуться, когда навстречу ему появился парламентар с известием, что ганноверцы хотят капитулировать.

С раннего утра в главной квартире в Лангензальце держали военный совет. Перед ними находился накануне разбитый противник. Другой шел на Мюльгаузен. Третий расположился у Эйзенаха. На то, что один из двух последних подойдет ранее позднего вечера, можно было рассчитывать так же мало, как и на поддержку баварцев к тому же времени. Таким образом, в течение 28-го числа, по крайней мере, в течение большей части этого дня, ганноверцы могли иметь дело только с побежденным накануне противником. Если бы они атаковали его без замедления, то они, наверно, принудили бы его отступить до Готы. Но этим достигалось немного. Израсходован остаток боевого запаса, ганноверцы безоружными попали бы в руки противника, надвигавшегося со всех сторон. Чтобы избежать этой участи, следовало разбить Флиса. Случай к этому они упустили из рук 27 июня. Было неправдоподобно, чтобы они сумели 28-го нагнать упущенное. Если бы они сумели, то этим был бы проложен свободный путь в южную Германию. Но без боевых припасов, без возможности драться, будучи вооружены немногим лучше, чем палками и дубинами, ганноверцы едва ли могли оказать поддержку своим союзникам, а только легли бы на них бременем в виде 20 000 чел., которых надо было бы довольствовать и расквартировать. Куда бы они ни явились, они находили бы ружья, орудия и боевые припасы чуждого образца. Чтобы привести их в боеспособное состояние, потребовалось бы много недель — больше времени, чем, как можно было предполагать, продлится война. Ничего другого не оставалось бы сделать, как расформировать ганноверскую армию и распределить людей по другим частям. С солдатской точки зрения, несмотря на все, 28 июня новое сражение было все-таки желательным. Король требовал того же. Генералы противились. Они, очевидно, считали, что давать последний отчаянный бой значит пренебрегать совершенно изменившейся политической обстановкой.

Успех, которого 28 июня пруссаки достигли, преодолев исчисленное количество затруднений и недоразумений, после многих маршей по разным направлениям, сильного напряжения, многих лишений и проигрыша кровопролитного боя, 24-го мог быть достигнут без потери времени и кровопролития, если бы с самого начала придерживались простых предложений Мольтке. Но как ни прекрасны, как ни превосходны были прусские генералы, они не могли стать на точку зрения седого теоретика, который не участвовал ни в одном походе. Они твердо придерживались тех взглядов, которые они почерпнули из зачастую ошибочного истолкования наполеоновского учения и из многолетнего опыта мирного времени и маневров. Но мирные упражнения ничего не говорили о сражениях на уничтожение, об окружении, о преследовании и тому подобных фантазиях. Одна сторона занимает позицию, другая наступает и усиливается с этой целью на два — три батальона. Побежденный отходит. Победитель предоставляет ему следовать своим путем, а сам обращается к задачам следующего дня маневров. Спокойный и неутомимый Мольтке вновь и вновь восстанавливал расстроенное окружение. Сначала он ограничивался добрыми советами. Но в конце концов он должен был прибегнуть к строжайшей форме королевского приказа. И то, что он, несмотря на все, настойчиво осуществил свою волю и привел дело к счастливому концу, это является, конечно, немаловажной его заслугой.

28-го было дано сражение при Каннах, или, точнее, только подготовлено и намечено. Подготовки и нацеливания было достаточно, чтобы убедить противника в безнадежности сопротивления и вывести его из игры. В соответствии с древним планом сражения на Ауфиде, окружение со всех сторон свело на нет победу Арентшильда над Флисом, как когда-то победу Теренция Варрона над иберийцами и галлами. Именно в результате этой победы победитель оказался в обстановке, которая привела его к гибели.

Ближайшим последствием этих новых Канн было образование Северогерманского союза, который объединил Германию пока что до Майна; участием в нем пренебрегли короли саксонский и ганноверский и курфюрст гессенский. Остальные князья северной Германии выразили готовность предоставить свои контингенты в распоряжение полководца нового союза.

[Назад](#)

Богемская кампания 1866 г. до вечера 30 июня {28}

На сейме 14 июня Саксония голосовала вместе с другими среднегерманскими государствами против Пруссии. 15 июня Пруссия объявила войну Саксонии, а также Гессену и Ганноверу. 16 июня Герварт с Эльбской армией (14-я, 15-я и 16-я дивизии) переправился у Торгау на левый берег Эльбы и двинулся в Саксонию. В тот же день на сейме Австрия обещала свою поддержку угрожая центральным государствам. Тем самым Австрия стала на положение войны с Пруссией и приняла на себя «одиозность агрессивных действий».

Пруссия могла считать себя как бы атакованной и помимо своего желания вызванной на контрнаступление. Самый осторожный политик мог и должен был перейти теперь к действиям против Австрии.

Армии находились еще в стадии развертывания.

18 июня Эльбская армия (схема 43) достигла Дрездена, Кессельсдорфа и Танненберга. Саксонская армия отошла перед ней через Рудные горы на Теплиц, но не поспешно, как ганноверская и гессенская, а организованно, притом снабженная и обеспеченная всем необходимым для похода. Левее Эльбской армии 1-я армия продвинулась правым крылом в Саксонию и находилась между реками Шпре и Бобр, от Бауцена до Левенберга, Сводная бригада 1-го корпуса была оставлена на линии Ландсгут — Вальденбург. Последняя часть 2-й армии 18 июня прибыла на реку Глацкую Нейсу. Позиция, которая должна была обеспечить Силезию, потеряла свое значение еще раньше, чем войска подошли и заняли ее. Было очевидно, что Австрия не вторгнется в Силезию. Она стремится поддержать Саксонию, армия которой отошла в Богемию, с расчетом и самой быть поддержанной ею, а также ищет поддержки Баварии, войска которой сосредоточены на границе Богемии. На других границах Богемии находятся готовые к наступлению армии противника. Какие бы планы и намерения ни имела первоначально Австрия, на какие бы планы и намерения ей не следовало решиться, но после того, что произошло и что было декларировано 14, 15 и 16 июня, любому полководцу, если он только не был подобен Наполеону, ничего другого не оставалось, как повести сосредоточенную в Моравии армию в Богемию. Навстречу этой армии и должны были идти пруссаки. 19 июня в Берлине было решено вторгнуться в Богемию.

Могло бы показаться целесообразным соединить сначала все три армии, примкнуть 2-ю армию к 1-й севернее горного хребта и затем уже одной непреодолимой массой вторгнуться на неприятельскую территорию. Но эта масса не нашла бы достаточного числа дорог, чтобы быстро перевалить через горный хребет. Немногие головы колонн, счастливо перебравшиеся через горы, могли бы стать легкой добычей решительного и искусного противника. И даже если бы этой массе удалось без помехи, медленно и постепенно перейти через горы, она достигла бы только того, что увидела бы против себя неприятеля, вероятно в более выгодном положении. Несмотря на большой промежуток между 1-й и 2-й армиями, Мольтке все-таки придерживался своей системы соединения армий при движении вперед на неприятельской территории. Помимо других преимуществ, он выигрывал этим большее, но отнюдь не слишком большое число дорог для наступления. И все-таки отдельные дороги были все еще сильно перегружены. Оставался единственный значительный промежуток, да и тот был занят Исполиновым и Изерским горными хребтами.

Относительно образа действий 1-й армии (схема 44) не могло быть никаких сомнений. Она должна была двинуться от Бауцена, Горлица и Лаубана через Лузацкий (Лаузицкий) горный хребет и затем в направлении на реку Изер. Для Эльбской армии было первоначально намечено движение из Дрездена по левому берегу Эльбы, с переправой у Тешена, с дальнейшим продвижением через Богемскую Лейпу в направлении на Изер. Но оказалось, что этому маршу могут угрожать с фланга саксонцы и австрийцы, соединившиеся у Теплица, и баварцы, наступления которых можно было ожидать ежеминутно. Ввиду этого было предложено подтянуть Эльбскую армию через Стольпен к 1-й армии.

После того как к 1-й армии была присоединена гвардейская ландверная дивизия, обе армии вместе представляли силу пяти армейских и одного кавалерийского корпусов. Район наступления этих 150 000 чел. был стеснен справа Эльбзандшгейнскими, слева Изерскими горами, а впереди находилась преграда Лузацких гор. Несмотря на это, имелось пять сквозных дорог:

1. Нейшгадт, Шенланде, Крейбиц, Гайда, Богемская Лейпа, Юнгбунцлау.
2. Нейшгадт, Румбург, Цвикау, Нимес, Мюнхенгрец.
3. Лебау, Циттау, Гроттау, Панкрац, Ошиц, Богемская Айха, Подол.
4. Герлиц (левый берег реки Нейсы), Гиршфельде, Вецвальде, Крацау, Райхенберг (западнее), Либенау, Турнау.
5. Герлиц (правый берег реки Нейсы), Зейденберг, Фридланд, Эйнзидель и Марклисса, Распенау, Рейхенберг (восточнее), Габлонц, Эйзенброд.

Этих пяти дорог, к которым примыкала еще шестая дорога, ведущая через Гиршберг, Вармбрунн, Шрейбергау, Нейвельт, Хохшгадт на Земиль, должно было и могло быть достаточно, так как ожидавшийся противник не мог быть очень силен, во всяком случае недостаточно силен, чтобы прочно запереть все пять дорог. Если бы противник оказал сопротивление той или другой колонне, он оказался бы очень скоро разбитым подошедшими соседними колоннами. Невыгодно было только то, что Эльбская армия находилась в нескольких переходах позади 1-й армии и что от Дрездена до Нейшгадта она могла располагать только одной дорогой. Ввиду этого 1-я армия должна была на несколько дней задержаться, чтобы предоставить соседней армии возможность подойти.

1-й корпус 2-й армии был немедленно двинут через Швейдниц на Ландсгут, чтобы оттуда, а при возможности и из Гиршберга примкнуть к наступлению 1-й армии. 6-й корпус должен был «демонстрировать» в Моравии к югу от реки Нейсы, чтобы сковать там часть австрийской армии и таким образом задержать ее движение в Богемию. Остальные два корпуса (гвардейский и 5-й) должны были настолько приблизиться к 1-й армии, чтобы иметь возможность эшелонироваться сначала на дорогах через Франкенштейн и Глац. Введение их в дело зависело от дальнейшего развития событий. Ожидалось, что 1-я армия, быстро наступая от Герлица и Бауцена, отбросит пока еще слабые неприятельские силы в Богемии и пойдет дальше. Принимая во внимание приблизительно одновременное выступление пруссаков из Герлица и австрийцев из Моравии, надо было ожидать столкновения с главной неприятельской армией вскоре после переправы пруссаков через Эльбу. На этот случай 2-я армия в составе гвардии, 5-го и 6-го корпусов была в состоянии двинуться на фланг и тыл неприятеля, связанного в это время 1-й армией. Но от этого плана пришлось отказаться, так как 1-я армия, ввиду запаздывания Эльбской, не могла сразу же начать движение вперед. Вместо этого 22 июня был отдан приказ о соединении всех трех армий в направлении на Гичин. В лучшем случае это должно было привести к атаке главной массы противника, продвинувшегося примерно до Гичина: 1-й армией со стороны Изера, 2-й армией со стороны верхней

Эльбы; в худшем случае это означало атаку противника, достигнувшего только линии Иозефштадт — Кениггрец: одной армией через Эльбу, другой — через Аупу и Меттау, и, может быть, и со стороны Глаца. Во всяком случае атака могла вестись с двух, а, возможно, и с трех сторон, т.е. бой мог быть дан на уничтожение.

Первой по намеченным путям (схема 43) двинулась 2-я армия, в состав которой опять был возвращен 1-й корпус. 25 июня 1-й корпус достиг без помехи Либау, 20-го гвардия достигла Браунау и Полица, 5-й корпус — Левина, 6-й корпус следовал за ним по Глацкой дороге, имея задачу прикрывать левый фланг.

22 июня 1-я армия выдвинула 8-ю, 7-ю, 5-ю и 6-ю дивизии до Циттау, Гиршфельде, Зейденберга и Марклиссы; Эльбская армия после трехдневного марша в одной колонне едва достигла Никсдорфа и Шлюкенау. Отсюда можно было двигаться — сначала по шести, а затем по пяти дорогам — дальше на Юнгбунцлау и Эйзенброд. Но штаб 1-й армии хотел начать кампанию «блестящим успехом». С этой целью стали исходить из предположения, что находящийся у Рейхенберга противник решился на упорное сопротивление. Чтобы атаковать его 24 июня, 23-го 8-я дивизия перешла из Циттау на Гроттау, через Эшский горный хребет в Панкрац и Шенбах, продвинув головные части до Крисдорфа; 7-я дивизия перешла из Гиршфельде в Крацау; 5-я из Зейденберга через Фридланд на Диттерсбах и Эйнзидель; 6-я из Марклисссы в Распенау и Филиппсгрунд; 2-й корпус следовал за 7-й дивизией через Циттау и Гиршфельде. На следующий день 7-я и 5-я дивизии должны были атаковать рейхенбергскую позицию с фронта, а 8-я после вторичного перехода через Эшские горы — с тыла. Но прежде чем дело дошло до этого, противник (три эскадрона) удалился. Победителю достались только два замешкавшихся гусара полка имени Радецкого. Вся 1-я армия, 93 000 чел., оказалась теперь сосредоточенной в тесном районе Рейхенберга. «Губительность сосредоточения» [{29}](#), против которой предостерегал Мольтке, дала себя почувствовать. Эту сосредоточенную массу нельзя было ни расквартировать, ни довольствовать, а прежде всего — невозможно было передвигать. Из двух имевшихся выходов из горной долины через Либенау и Габлоиц по меньшей мере один (первый) был уже заперт противником, а второй мог легко оказаться запертым. Чтобы выйти из положения, оказалось желательным обождать Эльбскую армию, которая 25 июня только собиралась у Габеля и Кунерсдорфа.

Как только обе армии выровнялись на одной линии, они двинулись вперед: 15-я и 16-я дивизии из Кунерсдорфа на Нимес, 14-я из Габеля на Ошиц, 8-я из Эйхихта на Либенау, 7-я из Габлонца через Рейхенау на Турнау. Дорога на Юнгбунцлау была оставлена, и обе армии столпились против узкого участка реки Изер, между Мюнхенгрецем и Турнау. Авангард первой колонны отбросил у Гюнервассера слабые силы противника; главные силы следовали за ним до Плаушница. Вторая колонна достигла Ошица. Третья наткнулась южнее Либенау и Зихрова на кавалерийскую дивизию Эдельсгейма, которая, после двух продолжительных артиллерийских боев, отошла через Препер за реку Изер к Подолу. Четвертая дивизия дошла до Турнау и восстановила здесь разрушенный, но не занятый противником, мост через реку Изер, 6-я дивизия продвинулась за 8-й до Либенау, 5-я за 7-й до Габлонца. Таким образом, в один и тот же день 1-я армия достигла линии реки Изер, а 2-я армия — горных проходов между Либау и Находом. Дальнейшие задачи обеих армий являлись очевидными.

Последующий марш 2-й армии на Гичин был стеснен справа горным хребтом, а слева крепостью Иозефштадт. Ввиду этого 1-й гвардейский и 5-й корпуса должны были продвинуться до Эльбы: из Либау через Траутенау на Нейшлос (Арнау), из Диттерсбаха и Полица через Эйпель и Костелец на Кенигингоф и из Находа через Скалиц на Шурц. 6-й корпус должен был следовать уступом за 5-м, прикрывая его левый фланг.

Для дальнейшего марша 1-й и Эльбской армий (см. схему 44) достаточными отправными данными являлись: указания Мольтке общая цель марша — Гичин — и обязательное условие, чтобы левый фланг держался гор. Самая северная дорога вдоль гор шла из Эйзенброда через Ломниц на Эйзенштадтль. Эту дорогу следовало использовать для левой колонны. При этом для других колонн имелись следующие пути: Турнау — Гичин, Подол — Сobotка — Костелец, Мюнхенгрец — Унтер-Бауцен — Либау — Копидльно, Юнгбунцлау — Домаусниц — Роздалавиц. Вследствие превосходства своих сил эти пять колонн, по две дивизии в каждой, едва ли могли встретить на этих пяти путях серьезное сопротивление 1-й австрийской армии и саксонского корпуса. Противник, который попытался бы противостоять той или другой колонне, вскоре был бы обойден и охвачен остальными колоннами.

При помощи кавалерии это могло быть выполнено еще удачнее. Но тогда едва ли и думали об использовании за пределами поля сражения приданного 1-й армии кавалерийского корпуса и приданной 2-й армии кавалерийской дивизии. С трудом собранные конные массы следовали, как предмет роскоши, с обозами и транспортом. Для разведки перед фронтом в гористой местности они были, во всяком случае, мало пригодны. Первый занятый неприятелем проход представил бы преграду их дальнейшему продвижению. Здесь было достаточно слабых кавалерийских частей для поддержки пехоты. Но на правом фланге кавалерия Эльбской армии произвела все-таки разведку местности к югу от Лузацкого хребта на Бешен и Богемскую Лейпу до Эльбы и тщетно старалась рассеять опасения штаба армии за правый фланг. Но на войне донесениям приходится стоять на втором плане по сравнению с постоянно рождающимися слухами. Там, где работали только незначительные силы кавалерии Эльбской армии, должен был бы находиться кавалерийский корпус. Немедленно после отдачи приказа о наступлении в Саксонию кавалерию следовало приблизить к Эльбской армии, двигать ее за армией при продвижении последней и, как только были бы захвачены горные проходы, выдвинуть ее рядом с правой колонной. А когда армия направлялась бы на Юнгбунцлау, кавалерийский корпус должен был бы взять направление на Бродец и Бенатек, чтобы сопровождать ее и на дальнейшем марше через Кринец на Нимбург и Хлумец. Таким образом, фронт 1-й и Эльбской армий удлинился бы, и к моменту, когда 2-я армия подошла бы к верхней Эльбе, армии достигли бы линии Гичин, Нейбидшов, Хлумец. Если бы противник, как это учитывал и ожидал Мольтке, переправился через Эльбу на участке между Иозефштадтом и Кенигретом, то рано или поздно он должен был бы часть своих боевых сил выделить против угрожающей его флангу 2-й армии, чтобы ее отбросить или, по крайней мере, отразить. Вопрос заключался в том, осталось ли бы тогда у противника достаточное количество корпусов, чтобы господствовать и над 1-й, и над Эльбской армиями. Надо было ожидать, что сил 1-й армии будет достаточно для наступления против неприятельского фронта, в то время как Эльбская армия, а, возможно, и кавалерийский корпус, охватывая неприятельский левый фланг, вышли бы на дорогу Гичин — Кенигрет; тем временем кавалерийская дивизия 2-й армии, подкрепленная 6-м корпусом, могла бы отрезать с запада Иозефштадт.

Едва австрийская армия начала продвижение в Богемию (см. схему 43), как 18 июня поступило сообщение, что баварцы вместо того, чтобы соединиться с австрийцами, вынуждены на реке Майне оборонять собственную страну от напора с севера противника. Таким образом, три дивизии Фалькенштейна выполнили свое назначение, несмотря на значительное удаление, в котором они находились. Хотя известие было и тревожное, но решение уже не подлежало изменению: надо было продолжать движение навстречу противнику, который, как было известно, находился у Герлица и в Саксонии, развернуться, перейдя Эльбу, «у Иозефштадта, Кенигингофа и Милетина» и затем действовать по обстоятельствам. 20 июня по надежным данным {30} было установлено,

что в Силезии находятся не только 5-й и 6-й корпуса, но также 1-й и гвардейский корпуса, и что эти четыре корпуса дошли до реки Нейсы, но теперь отходят назад. Из поступивших сведений можно было заключить, что один прусский корпус был направлен в Гиршберг для непосредственного присоединения к главной армии, которая должна была ожидать в районе Герлица его прибытия. Гвардейский и 5-й корпуса должны были находиться на марше к Ландсгуту, а 6-й должен был располагаться между рекой Нейсой и Глацом. Таким образом, как бы восстанавливалось с некоторыми изменениями старое положение: один корпус находился на линии Глац — река Нейса, два у Ландсгута, один у Гиршберга, главная армия на линии Герлиц — Бауцен, Эльбская армия уже не у Торгау, а у Дрездена. По принятии этой группировки можно было ожидать вторжения в Богемию. Однако, противник оставался еще разъединенным, и это разъединение еще можно было использовать.

20 июня голова правой австрийской колонны достигла Цвиттау, а голова средней — Цвиттавки; поэтому наступление на противника, который по донесениям находился на фланговом марше от Нейсы на Ландсгут и Гиршберг, едва ли имело шансы на успех. Возможность своевременно настичь противника на горном перевале у Либау, южнее Ландсгута, была весьма сомнительной. Но верхняя Эльба между Иозефштадтом и Арнау представляла столь сильную преграду, что будучи занята хоть какими-нибудь силами, она могла явиться пределом для всякого наступления противника от Ландсгута и Глаца. Туда же устремлялось движение колонн. Его стали ускорять до крайности. Находившаяся в голове правой колонны 1-я резервная кавалерийская дивизия, направлявшаяся первоначально в Грос-Бюрглиц, 25 июня была повернута от Яромера на Долан и Скалиц; ею были выдвинуты отряды в Добрушку, Нейштадт, Наход и Костелец, и установлена связь с драгунским полком, уже давно несшим пограничную службу в Траутенау. 10-й корпус продвинулся за 1-й резервной кавалерийской дивизией на линию Иозефштадт — Шурц. На следующий день одна бригада 10-го корпуса продвинулась до Кайле и Дейч-Праусница, мимо 10-го корпуса прошел 4-й на Кенигингоф; тем самым была занята позиция на верхней Эльбе. Занятие этой позиции должно было быть завершено отправлением 27 июня по одной бригаде в Арнау и Фальгендорф. Кавалерия в первой линии, пехотная бригада для ее поддержки у Праусниц — Кайле, шесть бригад за Эльбой, имея справа Иозефштадт, одна в теснине Фальгендорфа для обеспечения левого фланга — все было в наилучшем порядке. 20 июня находившиеся позади части достигли: 6-й корпус — Опочно, 2-й корпус и 2-я легкая кавалерийская дивизия — Зенфтенберга, 3-й корпус Кенигтреча, 8-й Тиништа, 3-я и 2-я резервные кавалерийские дивизии — Вильденшверта и Гогенмаута. Вечером 26 июня были получены донесения: «противник у Либау», «противник от Полица наступает через Хронов к Находу» и «противник у Левина». Это, очевидно, и были оба корпуса, ожидавшиеся через Ландсгут. Но туда прошел только один корпус. Другой же в двух колоннах перевалил южнее через горы и намеревался сосредоточиться у Находа. Если бы, как следовало предполагать, эти колонны продолжали идти вперед, то на 29 июня надо было ожидать атаки позиции на верхней Эльбе двумя корпусами с фронта и одним, подошедшим через Гиршберг, Штаркенбах, с левого фланга. К тому же времени могла приблизиться и главная неприятельская армия, шедшая из Саксонии и Лаузица. Сражение против нее могло бы быть начато 30 июня после только что законченного развертывания в районе Гориц — Милетин, в то время как на верхней Эльбе бой продолжался бы уже второй день.

Но как можно было добиваться победы над одним противником, раз другой, в непосредственной близости, угрожал флангу и тылу? Нельзя было позволить им сойтись так близко. Атаковать и отбросить обоих противников — для этой задачи ни имевшихся налицо, ни всех вообще сил австрийцев было недостаточно. Успех был возможен только при условии, что для обороны против одного неприятеля будут израсходованы возможно

малые силы, а возможно большие силы атакуют другого. Представлялось заманчивым атаковать находившимися под рукой 2-м, 6-м, 10-м и 4-м корпусами ожидавшегося из Силезии противника. Между тем, более длительная оборона против другого неприятеля казалась возможной только на реке Изере. Однако, находившихся там корпусов было для обороны недостаточно, а для усиления их не было времени. Таким образом, приходилось атаковать в направлении на Изер, а на Силезском направлении перейти к обороне. Но, чтобы выиграть свободу действий, надо было задержать противника не на верхней Эльбе, а у горных проходов. Навстречу противнику, обнаруженному у Либау, должен был выдвинуться к Траутенау Габленц с 10-м корпусом, против другого — Раммингс 6-м корпусом должен был занять позицию у Скалица и выдвинуть авангард к Находу. Обоим генералам было предоставлено право или выжидать противника на позиции, или, если позволят обстоятельства, «накинуться на него», но далеко побежденных не преследовать. Если «достоверные сведения» о том, что у Ландсгута и в его окрестностях находятся всего два корпуса, были верны, то Габленца в Рамминга было бы вполне достаточно. Но на войне нет ничего опаснее «достоверных сведений». Они отстают от событий. Что было правдой вчера, то завтра уже в корне неверно. Так и здесь приходилось считаться не с двумя, а с тремя корпусами, а если прибавить 6-й корпус, который должен был подойти в ближайшее время, то выходило и все четыре. При большей осторожности можно было бы выдвинуть 4-й корпус из Кенлгингофа к Траутенау, а 10-й на Эйпель и Костелец. Однако, явилось совершенно разумное опасение, как бы таким израсходованием трех корпусов не ослабить свыше меры намеченное наступление на противника, расположенного на Изере. Оно уже и так достаточно подвергалось опасности. Вероятно было, что противник оттуда мог подойти раньше, чем было бы закончено развертывание на правом берегу Эльбы. Это медленное развертывание из бесконечной глубины походных колонн являлось главным злом, которое делало неосуществимым всякое смелое предприятие. По необходимости кронпринцу Саксонскому, который объединял командование 1-м и саксонским корпусами, указывалось 26 июня по телеграфу: «Во что бы то ни стало надо удержать Мюнхенгрец и Турнау». Таким образом, два корпуса, 6-й и 10-й, должны были отбросить неприятельскую армию в силезские ущелья или не выпускать ее из них; два других, 1-й и саксонский, — задерживать противника на Изере, а остальные должны были развернуться на правом берегу Эльбы.

Саксонский корпус и австрийская бригада Рингельстейма были притянуты из Теплица и Ауссига на реку Изер, соединились там с 1-м австрийским корпусом Клам-Галласа и сообща заняли позицию Юнгбунцлау, Мюнхенгрец, в то время как кавалерийская дивизия охраняла дорогу из Рейхенберга на Подол и Турнау. Приходившие из штаба армии указания колебались между «При приближении противника отходить без боя» и «Отходить с легким боем». Теперь же, когда пришел приказ «Во что бы то ни стало удержать за собой Мюнхенгрец и Турнау», последний был уже потерян, и непосредственная опасность угрожала Подолу. Принимая во внимание, что в обоих этих пунктах находились только слабые авангарды, кронпринц решил поздно вечером 26 июня взять обратно Турнау, выдвинуться из Подола на впереди лежащие высоты Свиган, на следующий день продвинуться дальше вперед, занять узкие проходы и тем самым затруднить противнику дебуширование из гор. Этот план мог быть выполнен двадцать четыре часа назад, но теперь было уже слишком поздно. Пруссаки тем временем уже усилили свои слабые авангарды. Немногие австрийские батальоны, поспешившие наступать от Подола, после начального успеха были отброшены за реку Изер бригадой Бозе из 8-й дивизии; мост был захвачен пруссаками. После этой неудачи было решено отказаться и от действий против Турнау (см. схему 44), ограничиваясь на следующий день обороной Мюнхенгреца. Это решение могло бы привести к катастрофе, если бы обе прусские армии наступали через реку Изер в пяти колоннах между Юнтбунцлау и Эйзенбродом. Но австрийцы получили передышку на 24 часа, так как этот благоприятный

момент был использован Эльбской армией для дневки, а 1-й армией был употреблен на подготовку и стягивание в боевой порядок для наступления, отложенного на 28 июня. Но не эти приготовления, а ни на чем не основанные слухи, будто противник двигается из Турнау на Гичин, склонили кронпринца на следующее же утро (28 июня) начать отступление в тот момент, когда приказ Бенедекка подтвердил это решение.

В то время как 27 июня протекало здесь в относительном спокойствии и бездействии, на другом фронте в двух пунктах шел ожесточенный бой. 5-й прусский корпус генерала фон-Штейнмеца (см. схему 43) достиг 26 июня головным отрядом Гелленау, авангардом — Левина, главными силами — Рейнерца, резервом — Рюкерса. Его задача на следующий день состояла в том, чтобы захватить и удержать Находский проход. Из донесений было известно, что этот пункт занят противником, поэтому генерал Левенфельд с авангардом продвинулся вперед, отбросил слабого противника, занял головным отрядом полковника Белова Наход и ближайшие высоты, а авангард проследовал за ним до Шланей. Таким образом, корпус растянулся в глубину на 25 км. А ведь надо было не только быть готовым, но даже желать столкновения с противником, желать сражения и даже решительного сражения, чтобы начать войну многообещающим почином. Наполеон, каким мы его знаем под Иеной, еще вечером или ночью продвинул бы не только головной отряд, но и весь авангард через дефиле Находа, занял бы позицию по ту сторону его и позаботился бы о том, чтобы на следующий день остальная часть корпуса с самого раннего утра начала переправу по мосту через реку Меттау. В шесть часов — худший час для выступления — Штейнмец двинул отдельные эшелоны, сохраняя между ними имевшиеся дистанции, и, пройдя половину марша, остановился на обычный часовой привал. Ввиду этого неудивительно, что головной отряд и авангард в течение многих часов были предоставлены собственным силам против значительно превосходившего их противника и подвергались опасности полного разгрома.

6-й австрийский корпус фельдмаршал-лейтенанта фон-Рамминга 26 июня был размещен севернее Опочно, между Добрушкой и Мезерицем. Все четыре бригады должны были следовать оттуда по различным дорогам на Высоков, Клени и Скалиц, чтобы занять там позицию фронтом на восток. Они еще не успели достигнуть назначенных им целей, когда пришло донесение, что противник находится на высоте северо-восточнее Венцельсберга (схема 45). Бригада правого крыла, которая из Верховина направлялась по дороге на Шонов, у этой деревни свернула вправо и развернулась для атаки. Пять батальонов в три линии (в первой линии в дивизионных {31} колоннах, остальные в батальонных колоннах, имея немного стрелков впереди и развернувшуюся батарею на фланге) двинулись против 2-го батальона 37-го полка, полуроты охотников и одной батареи прусского головного отряда, которые заняли позицию северо-восточнее Венцельсберга, на полпути между «лесочком» («Waldchen») и другим леском, расположенным южнее. Австрийская батарея была вскоре принуждена замолчать. Пять батальонов под звуки музыки продолжали идти вперед. Частый огонь стрелков заставил их остановиться, залп развернутого фронта принудил их повернуть обратно, преследование огнем их рассеяло. Это — борьба глубокого порядка против широкого, постепенного питания боя — против неприятеля, вводящего в дело сразу все свои силы, колонны — против развернутого фронта, молодецкого штыка — против «пули-дуры», гладкоствольного ружья — против игольчатого, мишени — против стрелка. Два батальона третьей линии еще раз были направлены против фронта, один батальон, выдвинутый поблизости Нейшгадтской дороги, — против левого фланга противника. Результат оказался столь же плачевным. Бригада Хертвека исчезла. Только два батальона закрепились в Венцельсберге и Венцельскирхе. В последнем бою принимали уже участие батальоны прусского авангарда, подошедшие через высоту Бранка. Во время преследования отступающего противника они продвинулись на право в лесочек и налево в

Зохорс и малое лесничество. Отделенные друг от друга большим расстоянием, три с половиной роты располагались в Высокове, четыре с половиной в западной части лесочка, 2-й батальон 37-го полка между лесочком и рощей, расположенной далее к югу, два батальона и четыре эскадрона влево от этой роши, десять рот у Зохорса и малого лесничества и по две роты в резерве у Альтштадта и на Нейштадтской дороге. Всеми силами можно было располагать для концентрической атаки на Венцельсберг.

Но уже подходила бригада Ионака. Она у Домкова прервала свой марш на Клени, развернулась в три линии и двинулась через северную часть Шонова на Венцельсберг. Огонь слева из лесочка и справа из малого лесничества заставляет ее разделиться. Четыре батальона заходят плечом вправо против малого лесничества, три — влево против западной части лесочка. Вместе с ними наступает со стороны Скалицкой дороги егерский батальон. В промежутках между обеими частями бригады Ионака выдвигается бригада Розенцвейга, Из ее состава два батальона направлены в лесочек, куда наступает также большая часть занимавших Венцельсберг войск. Здесь, таким образом, против четырех с половиной рот пруссаков вводятся в бой от семи до восьми батальонов. Атакованные с трех сторон превосходными силами, пруссаки отступают из лесочка. У малого лесничества и у Зохорса пруссаки также не могут устоять против превосходных сил. Один батальон Розенцвейга остается при артиллерии. Три продвигаются за Венцельскирхе. 2-й батальон 37-го полка отражает их атаку, но под угрозой из лесочка его правому флангу вынужден начать отступление. За ним принуждены следовать и двенадцать орудий, расположенных южнее роши, которые долгое время боролись с двадцатью четырьмя орудиями австрийцев. Ускользнув от двукратного окружения шестнадцатью австрийскими батальонами, пять батальонов прусского авангарда с двумя батареями остановились на высоте около Нейштадтской дороги, имея правый фланг в лощине Бранка, а левый около Брасеца.

На правом участке австрийцы следовали за ними до малого лесничества и Зохорса, в центре — до прежней позиции 2-го батальона 37-го полка, на левом участке — до западного угла лесочка. Еще левее, между лесочком и Высоковым, продвинулась кавалерийская бригада Сольмса, но после столкновения с кавалерийской бригадой Внука она отступила на Клени. Все попытки австрийской пехоты дебушировать из лесочка против прусской позиции отражаются губительным беглым огнем, а также фланговыми атаками пехоты и кавалерии. Но австрийцы удерживаются на своих позициях до тех пор, пока главные силы 5-го корпуса не подходят к полю сражения. Из его головной 19-й бригады два батальона посылаются в Высоков, а четыре двигаются на лесочек. Их оказалось достаточно, чтобы выбить противника, расстроенного многочисленными неуспешными атаками, не только из лесочка, но и из Венцельсберга; из-за тесного расположения не дававшего возможности развернуться, австрийцы были вынуждены отступить до Проводова и Шонова. Правое австрийское крыло, расположенное у малого лесничества и Зохорса, хотя и не было атаковано, все-таки примкнуло к этому движению. Но дальнейшему продвижению пруссаков через западную оконечность лесочка и через Венцельсберг помешал австрийский артиллерийский резерв, который подошел из Скалица и развернулся на высотах восточнее Клени.

Из Скалица подошла также бригада Вальдштетена. Она должна была восстановить бой, обойти правый фланг противника и с севера с высоты атаковать Высоков. Эта фланговая атака могла быть удачной лишь при условии, если бы она была связана с атакой трех бригад — Хертвека, Ионака и Розенцвейга — против слабого неприятельского фронта с линии Шонов, Проводов, Скалицкое шоссе. Но все три бригады на это уже не были способны, или, по крайней мере, считались неспособными. Хотя два батальона Вальдштетена и были высланы против западной оконечности лесочка, но они не могли

заменить фронтальной атаки трех бригад. Выделение их привело только к новой неудаче и ослабило фланговую атаку. Придача Вальдштетену трех батарей корпусного артиллерийского резерва была для общего положения дел невыгодна. До сих пор артиллерийский резерв, благодаря могуществу своего огня, господствовал над всем полем сражения. После того как он был ослаблен на двадцать четыре орудия, прусская артиллерия начала брать перевес на участке между лесочком и Высоковым, а также у Венцельсберга, и имела возможность южнее Высокова подготовить атаку; впрочем, для осуществления ее надо было выждать прибытия, по крайней мере, 20-й бригады.

Вальдштетен с четырьмя батальонами, четырьмя эскадронами и одной батареей, вскоре подкрепленный еще полутора батареями, достиг Высоковской возвышенности. Остальная часть его артиллерии осталась позади, западнее и северо-западнее этой деревни, и серьезного влияния не оказала. Первоначально только два батальона атаковали середину широко раскинувшейся деревни. Так как два с половиной батальона, предназначенные для обороны, были распределены по всему протяжению деревни, а местность и строения благоприятствовали атаке, то австрийцам удалось засесть в некоторых дворах. Но этот успех был только кратковременным. Занятые дворы и подходившие подкрепления были атакованы не только с фронта, но и с обоих флангов: с левого — двумя батальонами 20-й бригады, которые привел генерал Виттих, а с правого — гарнизоном западной части деревни. Окруженный с трех сторон противник в беспорядке отступил через лес за железную дорогу. Обстрелянная ружейным огнем артиллерия в момент отступления была атакована несколькими незаметно подошедшими эскадронами бригады Внука и потеряла несколько орудий. Полнейшее поражение бригады Вальдштетена привело Рамминга к решению отступить всем корпусом, а получив донесение, что противник наступает со стороны селения Костелец, Рамминг решил продолжать отступление до Скалица.

Победитель довольствовался занятием высот по обе стороны Высокова. Считалось, что для преследования войска слишком истощены и утомлены, как будто каждая победившая армия не бывает к концу боя до крайности истощенной и усталой и как будто, несмотря на это, от нее не требуют преследования, которое одно только превращает победу в настоящую победу.

Отказ от преследования отчасти может быть оправдан тем, что к концу боя прусский корпус располагал на поле сражения едва ли двумя третями всех своих сил; к тому же и эти две трети были совершенно разбросаны. Но ответственность за такую невыгодную обстановку едва ли может быть снята с прусского командования. Командир корпуса находился в Находе в обстановке, сходной с положением Наполеона у Иены, но он не взял примера с мастера военного искусства, который нанес нам величайшее поражение. И здесь, и там вся суть заключалась в том, чтобы протиснуться через дефиле и на следующий день дать бой по другую его сторону. Наполеон не отступал ни перед каким напряжением, ни перед какими трудностями, чтобы еще вечером или ночью перебросить через теснину достаточное количество войск и твердо стать на высотах впереди нее. Как здесь, так и там противник был измотан безнадежными фронтальными атаками. Наполеон предоставлял противнику действовать, сам же не впадал в ошибку достижения незначительных успехов и не дробил свои силы на бесчисленное количество мелких частей. Сначала должно было быть закончено развертывание постепенно подходивших войск. Пусть противник использует этот промежуток времени для того, чтобы медленно источить свою кровь. После того как противник оказывался выбившимся из сил, истощенным и едва ли способным на сопротивление, Наполеон переходил в решительное наступление широким фронтом с охватывающими противника флангами. Преследование создавалось само собой. Игольчатое ружье и огневая тактика одной

стороны и ударная тактика другой стороны создали под Находом много данных для успеха. Но для настоящей победы этого оказалось недостаточно.

25 июня 1-й армейский корпус находился уже к югу от Ландсгута. После дневки 27 и 28 июня он должен был двигаться дальше через Траутенау на Арнау (см. схемы 43, и 44). Если бы он использовал для этого марша большую дорогу, ведущую через Либау и Траутенау, он и. должен был быть готов натолкнуться в теснине Траутенау на сопротивление противника, а если бы последний оказался достаточно сильным, то пруссаки подверглись бы риску поражения. Ввиду этого представлялось необходимым, по крайней мере, с частью корпуса обойти Траутенау и одновременно попытаться выиграть неприятельский фланг. С этой целью 1-я дивизия с резервной Кавалерией могла двигаться через Фрейхейт на Пильсдорф, 2-я дивизия из Либау на Траутенау, причем одна бригада могла идти через Шацлар, а другая через Бернсдорф. Этот маневр мог быть дополнен или, точнее, естественно дополнялся 1-й и 2-й гвардейскими дивизиями, так как 1-я дивизия на 27 июня получила задание пройти из Диттерсбаха через Векельсдорф, Адерсбах и Квалиш в Паршниц и оттуда в Эйпель, 2-я дивизия могла двинуться от Костелеца до Горики. Даже если бы 1-й корпус в действительности столкнулся у Траутенау с противником, последний был бы атакован 2-й дивизией с фронта, 1-й дивизией с левого фланга и 1-й гвардейской — с правого. Если бы противник оказался южнее, то марш в направлении на Арнау продолжался бы тремя колоннами, под прикрытием резервной кавалерии, из Пильсдорфа через Дейч-Праусниц, из Траутенау через Кайле и из Паршница через Эйпель. Если бы одна из колонн столкнулась с противником, то остальные были бы готовы свернуть к угрожаемой стороне. Если бы противника не оказалось, то 1-й корпус эшелонировался бы между Пильникау и Траутенау, чтобы на следующий день продолжить марш на Арнау. 1-я гвардейская дивизия одной бригадой должна была пройти в Эйпель и Раач, а другой в Кенигингоф через Бауцен в Альт-Рогниц. Все это следовало обдумать заблаговременно и подготовить развертывание и расквартирование частей 25 июня; может быть, потребовались бы небольшие передвижения после полудня 26 июня. Но командир корпуса не пошел на такие комбинации. Он двинул 1-ю дивизию из Либау, а вторую из Шемберга, правда, по двум дорогам, но по таким двум дорогам, которые сливались в Паршнице непосредственно перед тесниной Траутенау. Бонин предполагал следовать оттуда в одной колонне вверх по узкой долине реки Аупы, на высотах южного края которой надо было ожидать противника.

Совершенно случайно, наперекор желанию корпусного командира, 2-я дивизия прибыла в Паршниц (схема 40) гораздо раньше 1-й. Таким образом, на 2-ю дивизию выпала задача авангарда, хотя по существу ей предназначалась только роль главных сил. Предпринятая ею разведка ограничилась установлением, что мост через реку Лупу у Траутенау занят несколькими спешенными драгунами. Надо было их прогнать и, пройдя через и за Траутенау или каким-нибудь другим путем, выяснить, не находятся ли за этой горстью кавалерии какие-либо другие силы; однако, это не было сделано. Командир дивизии фон-Клаузевиц предоставил дела естественному течению и вследствие этого остался в неведении о том, что бригада Монделя, в качестве далеко выдвинувшегося авангарда 10-го австрийского корпуса, находится уже южнее Траутенау и заняла высоты Гопфенберг и Капелленберг. Бонин прибывал в Паршниц двумя часами после Клаузевица. Получив донесение, что мост через реку Аупу занят противником, он поручает авангарду (1-я бригада) выбить драгун с этого моста и продолжать марш через Траутенау на Пильникау.

Едва роты головного отряда прошли через город и вышли на дорогу на Пильникау, как следующие за ними части попали под сильнейший обстрел с высот южнее города. Длинная походная колонна могла, бы повернуть налево и, несколько сомкнувшись,

быстро изготовиться к атаке неприятельской позиции с фронта и с обоих флангов. Но внезапность, неосведомленность о противнике и невидимость его, а также противоречивые приказы привели все пять батальонов в полное замешательство. Прошел значительный промежуток времени, прежде чем началось хотя бы какое-нибудь планомерное наступление. Но атака была трудна, так как укрытий не было, а неприятельские стрелки удобно устроились.

Два батальона, четыре эскадрона и два орудия, которые в виде правого бокового отряда двигались через Шацлар и могли бы из Нидер-Альтшадта и восточнее Вейгельсдорфа наступать на левый фланг неприятеля, поспешили с большей частью сил в Траутенау, в самый центр боя, и тем самым увеличили там путаницу и число бездействующих войск.

Можно было бы предполагать, что артиллерия своим огнем надежно подготовит атаку высот. Большое количество батарей находилось под рукой; однако, не удалось (или к тому было приложено слишком мало усилий) выдвинуть батареи с узкой дороги в теснине на выгодные позиции. Выставленная же у Гогенбрука австрийская батарея, наоборот, имела возможность существенно поддержать оборону и принудила пруссаков очистить захваченную ими высоту Гальгенберг. Большая часть потерь была причинена обороняющемуся егерями, которые метко стреляли из верхних этажей и крыш домов Траутенау. Австрийцы могли бы и далее продолжать сопротивление, если бы восемь прусских батальонов генерала фон-Будденброка (из главных сил) не перебрались через Аупу в пределах Паршница и западнее и не продвинулись бы частью через Будденброкское ущелье, а частью без дорог, через лесистые, крутые и скалистые Паршницкие горы в направлении Гопфенберг — Кацауерберг. Два батальона бригады Монделя были охвачены и отброшены, остальные вовремя оставили позицию. Все постепенно отступают. Один полк из состава прусского авангарда остается в Траутенау, другой в ожидании подхода батальонов главных сил медленно следует за противником, но вскоре по сигналу «сбор» возвращается обратно в Траутенау. Только несколько рот, командиры которых, находясь в виду у противника, не приняли к исполнению сигнала, звавшего к отступлению, продолжали продвигаться вперед. Таким образом, из авангарда и главных сил под командой Будденброка, десять рот достигли Гогенбрука, шестнадцать — лесистой высоты между Гогенбруком и Альт-Рогницом, и, наконец, девять рот вышли на плоский отрог к западу от Альт-Рогница.

Войска выдохлись настолько, что не могли продвигаться дальше. Перед ними на командующих высотах Ней-Рогница находилась сильная неприятельская артиллерия; сопровождавшая их с невероятным напряжением прусская батарея едва ли могла пытаться бороться с этой артиллерией. Вопрос шел только о том, чтобы удержаться на захваченных позициях до подхода оставшихся позади главных сил корпуса и лишь тогда перейти в атаку и идти к победе. Движение восьми батальонов Будденброка, которое привело их в Гогенбрук и Альт-Рогниц, не было еще закончено, когда генерал фон-Гиллер сообщил, что 1-я гвардейская дивизия находится к востоку от Паршница, и предложил ее помощь. Но Бонин отклонил это предложение. К этому времени он развернул всего восемь батальонов. Противник, по видимому, отступает. В распоряжении имеется еще шестнадцать батальонов, вся артиллерия и кавалерия. У Бонина не было недостатка в войсках, а, скорее, не было возможности использовать их. Если бы подтянуть в узкую долину еще двенадцать батальонов и четыре батареи, то это была бы не поддержка, а лишний балласт. К тому же Гиллер хочет остановить свою дивизию восточнее Паршница на двухчасовой привал. В результате он остается там еще в течение некоторого времени в роли резерва.

Так как противник, повидимому, отступил через Гогенбрук, то Бонин намеревается вывести свои войска из теснины и главной колонной продвинуться до Пильникау. Приказания были уже изготовлены, когда приходит донесение, что противник надвигается из Ней-Рогница. На генерала Гроссмана возлагается задача подкрепить авангард Будденброка, уже усиленного тремя батальонами из главных сил. Эту задачу можно было выполнить только так: десять батальонов, имевшихся налицо в Траутенау, должны были бы выдвинуться в западном направлении и затем перейти в атаку против левого неприятельского фланга. Атака правого фланга, естественно, выпадала на долю 1-й гвардейской дивизии. Она не могла спокойно двигаться вниз по узкой долине реки Аупы, раз на высотах, непосредственно на ее правом фланге, свирепствовал бой. Не для того, чтобы навязать Бонину отклоненную им поддержку, а для собственного обеспечения и в соответствии с самыми элементарными правилами военного искусства Гиллер должен был бы или со всеми своими силами, или, по крайней мере, с частью их подняться из долины на край высот не далее как у Баусница. Если бы это последовало, атака правого фланга противника создалась бы сама собой. Казалось, бой был великолепно спланирован: Будденброк держится у Гогенбрука и Альт-Рогница и, в случае необходимости, немного отходит, пока Гроссман с превосходными силами не вступает в дело с одной стороны, а Гиллер таким же образом — с другой. 2-я бригада Барнекова, которая находилась у Вольты, должна была бы направиться на всякий случай к переправе через реку Аупу ниже Траутенау, чтобы расположиться в виде резерва на южных склонах.

Но выполненным оказалось только это последнее распоряжение. Приказ, адресованный генералу Гроссману, вовсе до него не дошел, не был повторен и не был возмещен инициативой авангарда. Таким образом, десять батальонов сбрасываются со счетов. Генерал Гиллер полагал, что у него только одна задача — двигаться в Эйпель, вмешательство же в бой другого корпуса казалось ему непрошенной навязчивостью. Вообще, движение на пушечные выстрелы не может считаться правилом, не допускающим никаких исключений, как и указывалось критикой при разборе этого эпизода. Это, может быть, и верно. Но в данном случае дело идет о движении в противоположную сторону от пушечных выстрелов и о мирном движении вдоль поля сражения. Оба явления едва ли могут найти оправдание.

Ввиду отпадения Гроссмана и Гиллера восемь батальонов Будденброка попали в весьма затруднительное положение. Вследствие марша по гористой, лесистой и трудно проходимой местности батальоны и роты совершенно перемешались. Конные офицеры оставили своих лошадей позади; спешенные, они не могли ни охватить общего хода боя, ни руководить действиями войск посредством приказаний. Из всей артиллерии только одна батарея смогла проследовать за пехотой. Позднее две батареи въехали на Капелленберг. Одна из них вскоре была отведена назад, другая последовала за ней, расстреляв передковый запас снарядов. Таким образом, восемь батальонов, лишенных всякой артиллерийской поддержки, были подставлены под обстрел по крайней мере 36 орудий.

Положение казалось неблагоприятным, когда Габленц — приблизительно в тот момент, когда Гиллер приступил к движению из Паршница в Эйпель, — отдал приказ только что подошедшей бригаде Гривичича атаковать Альт-Рогниц. Атака семи батальонов, построенных в три линии и направленных на фронт девяти прусских рот к западу от Альт-Рогница, протекла так же, как и подобные ей атаки под Находом. Но когда она возобновилась в связи с наступлением против выдвинутого навстречу левого фланга, то все девять рот отступили. Этим самым был оголен левый фланг двух других групп. Правое крыло находившееся в расположенном глубоко внизу Гогенбруке, не оказало последовавшей затем атаки бригады Вимпфена серьезного сопротивления и точно так же,

как и центр, начало отступать. Отступление всех восьми батальонов продолжалось без существенных задержек до реки Аупы и за нее. С авангардом и с главными силами было, можно сказать, покончено. Остался только резерв — четыре с половиной батальона генерала фон-Барнекова. Из них два батальона 43-го полка были развернуты от Гальгенберга через Иоганнескапелле, высоту 504 до опушки леса (457), два с половиной батальона 3-го гренадерского полка были задержаны на правом берегу реки Аупы западнее Паршница.

На позицию 43-го полка наступает бригада Вимпфена. Она отбита. Во время проследования удается занять высоту 472 и там отбить три возобновленные атаки. Подходившая на смену бригада Кнебеля, очевидно, разделила бы участь Вимпфена, если бы наступавшая через Кацауерберг и Криблиц бригада Гривичича не стала угрожать с фланга и с тыла 143-му полку и тем самым не побудила бы его начать отступление через северную часть Криблица за реку Аупу на Вольгу. Затем Гривичич натолкнулся на 3-й гренадерский полк, который занял высоту 353, лесок севернее Криблица и склоны Паршницких гор и держался здесь до тех пор, пока пруссаки не очистили Траутенау и долину выше Паршница и пока не начали отступать также и войска, занимавшие Командирскую высоту. Тогда он начал отступать через Будденброкское ущелье и за реку Аупу, где и был принят 1-м батальоном егерей. Таким образом, главная позиция севернее реки, подготовленная на случай отступления, не была использована. Такая позиция уже давно подготавливалась на Командирской высоте. Впереди болезненно ощущался недостаток в орудиях, в них крайне нуждались, а здесь их собралось по крайней мере 24. Три батальона и четыре эскадрона, которые к тому же могли быть здесь легко поддержаны, находились в полной готовности, чтобы оборонять эту почти неприступную позицию. В течение дня создалось представление, как будто в сущности только здесь и должно быть дано «настоящее сражение». Трудно было вообразить, как противник с выдохшимися уже войсками мог бы овладеть этим бастионом. И все же эта последняя тыловая позиция была очищена даже раньше, чем были оставлены позиции, расположенные впереди. Войска, видимо, слишком усталые, чтобы оставаться на месте, с наступлением ночи устремились назад, чтобы после нового перехода не менее чем в две мили достичь оставленных утром квартир.

Перспективы, которые накануне вечером открывались перед 1-м корпусом, были так хороши, как только можно было желать. Находился ли противник у Траутенау или он еще туда только двигался — это было безразлично. Он подставлял себя на уничтожение столь полное, какое только можно мыслить, в особенности, если бы 1-я и 2-я гвардейские дивизии не совсем устранились из игры. Но подход через Либау и Шемберг аннулировал те выгоды, которые счастливый случай давал Бонину в руки. Не хитро заманенный противником, а по собственному усмотрению забрался он в узкую теснину, выбраться из которой было весьма трудно. В высшей степени неблагоприятная местность увеличивала затруднения. И над всем этим все же можно было восторгаться, если бы была серьезная воля разбить противника. Но Бонин готов был удовлетвориться тем, чтобы не быть самому разбитым. Такая умеренность являлась неподходящей в борьбе с противником, который решил пойти на все, чтобы достигнуть победы. Чтобы победить такого противника, надо было напрячь все силы, а не выдвигать их малыми частями. В том ряду боев, из которых складывается сражение под Траутенау, все время принимали участие лишь небольшие части войск. Три, максимум четыре батальона дрались за обладание горами Капелленберг и Гопфенберг. Только около двух батальонов принимали серьезное участие в бою у Гогенбрука и Альт-Рогница. Два батальона отражали атаку Вимпфена. Два с половиной батальона удерживали позицию на реке Аупе, подготовленную на случай отступления. Из 90 орудий вступали в бой только немногие и на короткое время. Во второй половине боя речь шла о позициях на случай отступления,

которые хотя и были хороши для обороны, но благодаря узости их фронта рано или поздно должны были стать жертвой охвата. Последовательным выводом из такого метода действий было общее отступление. Командир корпуса не желал или не умел использовать свои силы, чтобы одержать победу, и ему осталось только очистить поле сражения.

Результат событий 27 июня (см. схему 43) ни в коем случае не является неблагоприятным для Австрии. Под Траутенау была достигнута решительная победа; под Находом, правда, атака не удалась, но удалось удержаться на позиции у Скалица, обладанию которой Бенедек придавал первенствующее значение. На реке Изере противник не сделал никаких шагов вперед. Несмотря на это, 27 июня вызвало у всех крупное разочарование. Ударная тактика, на которую Австрия возлагала столь большие надежды, нисколько себя не оправдала. Атаки с тройным превосходством над обороняющимися быстро отражались. Преимущества игольчатого ружья были доказаны неопровержимым образом. Не только побежденный под Находом, но и победитель под Траутенау чувствовал себя обескураженным. Понесенные потери были несоразмерно велики и очень ощутительны, особенно потому, что напряжение последних десяти дней действовало расшатывающе. Длинной колонной сначала четыре, под конец пять корпусов шли один за другим походным порядком. Выступали рано, чтобы совершить намеченный большой переход. Через несколько часов корпус, следовавший позади другого, оказывался задержанным обозом предыдущего, Невольные остановки чередовались с короткими периодами движения. Медленно тянулись войска и лишь с наступлением темноты достигали желанного бивака, где с трудом находили продовольствие и воду. Вскоре размеры переходов были еще увеличены. Под конец марши продолжались дни и ночи, прерываемые лишь короткими привалами; войска мало ели, мало пили — все в надежде поскорее добраться до поля сражения и яростной атакой рассеять противника. За неосуществлявшейся надеждой следовал упадок духа, — чем крепче верили в успех, тем сильнее было разочарование. Рамминг признал свой 6-й корпус непригодным ни к атаке, ни к обороне. Далее победоносный 10-й корпус находился в подавленном состоянии.

Но все-таки дела австрийцев обстояли недурно. Бенедек выдвинул 8-й корпус в Скалиц, а 4-й — в Долан. Было бы лучше, если бы эти корпуса расположились не позади, а один с правой стороны, а другой с левой от 6-го корпуса. Так или иначе, рано утром 28 июня у Скалица были собраны три австрийских корпуса. Против них у Высокова располагался, как известно, один 5-й прусский корпус. 6-й корпус находился на походе восточнее, и было сомнительно, подойдет ли он в течение 28 июня. Несомненно, австрийцы могли здесь твердо рассчитывать на численное превосходство. Правда, пришло донесение о появлении у Эйпеля нового противника. Но 10-й корпус мог держать его, по крайней мере, целый день под угрозой. От 6-го корпуса нельзя было ожидать многого. Однако, на сильной позиции у Скалица на левом берегу реки Аупы он мог бы удержаться против атаки, по крайней мере, до тех пор, пока 8-й корпус не выдвинулся бы слева, а 4-й справа и, по методу Ганнибала и Наполеона, не охватили бы фланги противника, истекавшего кровью в фронтальной атаке. Если бы прусский корпус не начал атаку, то все три австрийских корпуса, став рядом друг с другом, могли бы наступать, и там, где противник пожелал бы держаться, он попал бы в гибельные объятия и был бы уничтожен. Такая победа явилась бы решающей для этого фронта. По меньшей мере можно было надеяться, что после того как 1-й и 5-й корпуса были бы отброшены, гвардейский и 6-й тоже начали бы отступать. Это принесло бы мало пользы, если бы 1-я и Эльбская армии, как это раньше следовало ожидать, быстро подошли и напали с тыла на преследующего победителя. Но по тому, как обе эти армии действовали до сего времени, нельзя было рассчитывать с их стороны на внезапность и быстроту действий. Казалось даже весьма возможным, что если 2-я армия начнет отступление, то 1-я и Эльбская даже и не переправятся через реку Изер. Таким образом, 28 июня атака трех корпусов против 5-го

прусского корпуса открывала Бенедекку благоприятные перспективы. Но австрийский главнокомандующий все-таки не хотел отступить от своего прежнего плана: оборонительные действия двумя корпусами на востоке, наступательные — шестью корпусами на западе. Он не пожелал пользоваться преимуществами, которые дала победа под Траутенау, он только подтянул 8-й и 4-й корпуса к Скалицу, чтобы непременно задержать противника, который, как казалось, с большими силами наступал через Наход.

Когда в течение утра 28-го атака не последовала, то для обороны эти два корпуса оказались лишними. Конечно, тот полководец, который не отказывается с легкостью от заранее намеченного им плана, заслуживает признания, но еще выше надо поставить полководца, который умеет использовать выгодный момент, чтобы нанести решительный удар.

На восточном фронте 4-й корпус был оставлен у Долана, а 10-й направлен в Дейч-Праусниц против гвардейского корпуса; на следующий день оба корпуса должны были отойти за Эльбу; 6-й и 8-й корпуса получили приказ отойти назад, если до 2 час. не последует атака противника. Второе распоряжение, сообщенное им около 11 час., предписывало им начать отступление немедленно. На позиции у Скалица 8-й корпус уже сменил 6-й. Таким образом, последний должен был выступить первым. Когда 8-й корпус хотел последовать за ним, противник начал атаку. Теперь корпус должен был держаться.

После того, как корпус сделал десять форсированных переходов и занял позицию, он не мог повернуть обратно при первом наступлении противника. Кроме того, он не мог отойти через теснину Скалица без риска понести полное поражение от следовавшего за ним противника.

Позиция на высотах левого берега реки Аупы к северу и к югу от Скалица (схема 47) была очень сильная и едва ли одолимая с фронта, несмотря на то, что дубовая роща и фазанник образовывали укрытый подступ. Представлял опасность только обход с севера по правому берегу реки Аупы. Но можно было ожидать, что 4-й корпус от Долана будет фланкировать этот обход.

Рано утром 28 июня в ожидании атаки 5-й прусский корпус, усиленный бригадой из 6-го корпуса, располагался у Высокова, имея авангард севернее, бригаду Гофмана южнее, а главные силы и боковой отряд Левенфельда восточнее этого пункта. На этих позициях Штейнмец хотел выждать испрошенного им подкрепления (2-й гвардейской дивизии), чтобы затем атаковать неприятельскую позицию с фронта авангардом и главными силами, а гвардией и отрядом Левенфельда, который был уже на походе в Штудниц, нанести удар в левый фланг. Гофман должен был оставаться в резерве и прикрывать левый фланг корпуса. Получив известие, что 2-я гвардейская дивизия получила задачу в другом направлении, Штейнмец решил атаковать и без этой поддержки. Авангард должен был наступать из района к югу от Штаркоца в восточном направлении, главные силы должны были сначала следовать севернее дороги Высоков — Клени и затем поддержать атаку с охватом влево; Левенфельд должен был из Штудница повернуть на Шаф-Берг и оттуда охватить левый фланг противника, который был плотно примкнут к реке. Все сводилось к фронтальной атаке сильной позиции. Несомненно, было бы более целесообразно главную атаку направить против левого фланга и вести ее двумя бригадами по правому берегу Аупы, а одной — через Цлбов и южную часть Злича, по левому берегу; в то же время одна бригада наступала бы через дубовую рощу, а другая — южнее железной дороги против неприятельского фронта.

Всякая надежда на успех фронтальной атаки устранялась тем, что боковой отряд

вместо того, чтобы наступать от овчарни в направлении на запад, двинулся на Дубно и дубовую рощу, а авангард через Штаркоц последовал по той же дороге; Гофман же, продвигаясь на запад, выслал не менее двух батальонов в дубовую рощу и фазанник. В этот лес стеклись девять батальонов, и остальные из отрядов Левенфельда, Гофмана и из авангарда частью остались в резерве за лесом, частью занимали Штудниц, овчарню, Штаркоц, Дубин и Клени. Каким образом эти перепутанные между собой полубатальоны, роты и стрелковые взводы могли одновременно начать атаку из леса на неприятельскую позицию, трудно себе представить. Противник помог выйти из затруднения; один из его батальонов продвинулся в дубовую рощу. Ввиду превосходства сил пруссаков он был вынужден отступить. Генерал фон-Фрагнерн, командовавший на левом фланге, немедленно выслал второй батальон на поддержку и повел затем вперед остальные шесть батальонов своей бригады. Так как противника не было видно и опознать его можно было только по огню из леса, то бригада, зайдя немного вправо, с севера вошла в ближайшую часть леса и — загороженное место. Продвинувшиеся сюда неприятельские части были отброшены назад. Следуя дальше на юг, бригада наткнулась в районе железнодорожной будки на два полубатальона Левенфельда, которые заняли позицию за железной дорогой. К беглому огню с фронта вскоре присоединился беглый огонь с фланга из фазанника и, наконец, из загороженного места с тыла. Потеряв своего командира и много офицеров, бригада отступила большей частью на Скалиц, а, меньшей — на прежнюю позицию.

Чтобы поддержать эти остатки, бригада Крейсера, находившаяся севернее Скалица, двинулась на загороженное место и железную дорогу. Ее судьба оказалась почти такой же, как и ее предшественницы. Она тоже большей частью отхлынула к Скалицу. Корпусному командиру эрцгерцогу Леопольду ничего другого не оставалось, как отдать приказ об отступлении. Отход начала бригада Шульца, которая оставалась в неприкосновенности южнее города. Остальные две бригады последовали за ней под прикрытием нескольких батальонов, засевших у железной дороги, в таможене и железнодорожной станции, и сильной артиллерии на позиции к востоку от города. Несколько прусских рот бросились в атаку на эту позицию и вернулись с окровавленными головами. На дружное, сколько-нибудь упорядоченное преследование перемешанные и потерявшие начальников части, находившиеся в дубовой роще и в фазаннике, были неспособны. Благодаря этому отступление могло быть проведено в известном порядке. Между тем, главные прусские силы развернулись западнее Высокова. Генерал фон-Кирхбах разобрался, что отданный им приказ «охватить слева» привел бы к безнадежной атаке по открытому полю против австрийской артиллерийской позиции. Он предпочел, оставив один полк в Штаркоце, правым крылом наступать через Цлбов, а левым через дубовую рощу. Правое крыло, продвигаясь с севера на юг, постепенно выбило немногие части, которые еще находились на позиции. Левое крыло, к которому присоединились части, находившиеся в роще, перейдя железную дорогу, попало под сильный огонь неприятельской артиллерии, для борьбы с которым было выдвинуто недостаточное количество батарей. Однако, и австрийский арьергард должен был уходить, так как батальоны правого прусского крыла вблизи Аупы ворвались в город; отдельные группы солдат даже переправились через Аупу и угрожали Клейн-Скалицу. Преследование было продолжено лишь очень немного за реку Аупу. Штейнмец удовлетворился занятием высот, расположенных на левом берегу.

От Габленца можно было ожидать, что он победу 27 июня использует 28-го (см. схемы 43 и 48). Но имелось донесение, что противник находится у Эйпеля; таким образом, если бы Габленц продолжал преследование, противник угрожал бы ему с тыла. Если бы он двинулся на этого противника, то он мог бы быть охвачен вновь перешедшим в наступление Бонином и другой колонной неприятеля, подошедшей с юга. Ввиду этого продолжение наступления в том или другом направлении было связано с таким риском,

который мог бы взять на себя только такой полководец, как Наполеон, который признавал свое господство на поле сражения. Но победитель под Траутенау, уже испытавший на себе превосходство неприятельского оружия, не мог проникнуться таким сознанием. Если бы он даже и проникся им, то все-таки он не мог бы продолжать наступление, раз оно не возобновлялось одновременно из Скалица. В результате Габленц должен был отступить. Самым безопасным путем для этого являлась дорога через Котвиц. Оттуда, по правому или левому берегу Эльбы, он всегда мог предупредить неприятеля у Кенигингофа. Но тем самым он открывал гвардейскому корпусу дорогу на Скалиц и подвергал опасности уничтожения еще дравшийся там корпус. Это оправдывает приказ штаба армии, предписывающий сначала отойти в Дейч-Праусниц и там остановиться. Однако, способ выполнения этого приказа вызывал сомнение.

В первую очередь должны были отходить в Реттендорф обозы и артиллерийские парки, затем бригада Кнебеля должна была занять высоту у Буркерсдорфа, бригада Вимпфена — пройти за нею и выдвинуться на высоты Кайле, бригада Монделя — следовать на обычном расстоянии, как арьергард, и, наконец, бригада Гривичича — пройти от Кацауэрберга через Альт-Рогниц и Рудерсдорф до Раача, чтобы там уже, в качестве авангарда, занять позицию фронтом на Эйпель. Так как приказ по армии пришел лишь в 7 ч. 30 м. и, следовательно, обозы могли выступить только позже, то все эти распоряжения были выполнимы лишь при условии, что противник останется у Эйпеля. Правда, дело клонилось к этому. Получив ошибочное донесение, что неприятельские колонны находятся на марше от Дейч-Праусница на Траутенау, гвардейская дивизия хотела выждать на позиции за Аупой содействия 1-го корпуса. Но корректирующие донесения о противоположном направлении неприятельского движения подтолкнули командира корпуса отдать приказ о наступлении через Штауденц. Это наступление получило бы существенную поддержку, если бы 2-я гвардейская дивизия вместо того, чтобы остановиться накануне у Костельца, продвинулась до Горики и 28 июня своевременно дошла до Кайле. Теперь же двинуться кружным путем через Горикку считалось уже нецелесообразным. Другая дорога через Либенталь была непригодной. Таким образом, 2-я гвардейская дивизия должна была следовать за 1-й и тем самым обрекалась на второстепенную роль. Когда авангард 1-й гвардейской дивизии дал о себе знать у Штауденца, Габленц свернул обозы, которые еще не прошли Буркерсдорфа, на Пильникау, а бригаду Кнебеля и несколько батарей артиллерийского резерва развернул между Ней-Рогницом и Буркерсдорфом.

Развернувшийся прусский авангард двинулся на эту позицию, выбил сильно выдвинутый вперед батальон, но затем остановился, чтобы выждать подхода главных сил. Когда последние развернулись на уровне авангарда, бригада Монделя достигла уже Ней-Рогница. Таким образом, друг против друга стояли приблизительно равные силы, и австрийский корпус пока еще не имел никаких оснований уклоняться от боя. Но, получив неправильное донесение, что пруссаки вошли в Кайле, т.е. что было якобы выполнено то, что следовало сделать 2-й гвардейской дивизии, Габленц решил отступить. По его приказу бригада Монделя из Ней-Рогница, а бригада Вимпфена из Гогенбука двинулись под прикрытием бригады Кнебеля на Пильникау. Прежде чем бригада Кнебеля имела возможность последовать за двумя другими бригадами, она выдержала фронтальную атаку 1-й гвардейской дивизии. Понесенные ею при этом потери были немалыми. Однако, пруссаки лишь при том условии одержали бы действительный успех, если бы они продолжали преследование до дороги к Пильникау. Но и командиры, и войска оказались не на высоте таких требований вследствие взглядов, глубоко вкоренившихся за время мирной маневренной практики. Противник отступает, — дают сигнал: «отбой». В боевой обстановке также не хотят отступить от этой привычки мирного времени, несмотря на то, что во всех учебных руководствах преследование восхваляется как главнейшее дело на

войне.

Бригада Гривичича, согласно приказу, прибыла в Альт-Рогниц еще задолго до того, как мог быть поставлен вопрос: преследовать или не преследовать? Один батальон 2-й гвардейской дивизии, следовавший через Раач за 1-й гвардейской дивизией, был выслан против появившегося на фланге противника. У каменного креста, к югу от Рудерсдорфа, ему пришлось выдержать весьма кровопролитный бой, который уравнился, когда подошел второй батальон. В бою наступила пауза. Гривичич колебался продолжать наступление и поджидал приказа об отступлении, который другая бригада уже получила. Оба прусских батальона были слишком слабы, чтобы атаковать. Командир корпуса не считал нужным их подкрепить. В штабе корпуса господствовал такой взгляд: «Их (бригаду Гривичича) мы сегодня вечером увидим пленными в Траутенау; и это будет тем вернее, чем успешнее мы будем действовать с фронта». Это было, несомненно правильно. Но фронтальный успех мог быть достигнут только при продвижении до дороги к Пильникау. Бивакирование у Буркерсдорфа не могло дать победного конца. Командир корпуса, наконец, раскачался выслать восемь рот на Альт-Рогниц. Эта фланговая атака принудила австрийскую бригаду к отступлению. После ранения ее командира бригада рассеялась. Отдельные отряды имели еще несколько сильных столкновений. Австрийцы пытались через Ней-Рогниц, Гогенбрук и Граутенау выйти на дорогу к Пильникау. Большая их часть попала в руки главных сил 2-й гвардейской дивизии, которая за это время продвинулась на Траутенау. Этот успех, одержанный над одной бригадой, показывает, каких преимуществ можно было достигнуть в борьбе против всего корпуса, если бы 2-я гвардейская дивизия с самого начала была двинута на Кайле и если бы обе дивизии немедленно продвинулись через дорогу Траутенау — Праусниц до дороги Траутенау — Пильникау.

28 июня Эльбская и 1-я армии должны были следующим образом начать наступление на позицию у Мюнхенгреца (схема 49): 15-я и 16-я дивизии из Гюнервассера на Мюнхенгрец, 14-я из Либича на Могельниц, гвардейская ландверная дивизия в Гюнервассер, дивизия Горна (8-я) и Манштейна (6-я) от Подола на Брезину, Франзецкий (7-я) из Мокры-Вшен на Здиар, три бригады кавалерийского корпуса в Даубы и Лоцан, 2-й корпус в Зихров, остальная часть кавалерийского корпуса в район Либенау — Рейхенау, дивизия Тюмплинга (5-я) в Ровенско. Но кронпринц Саксонский, не выжидая этой атаки, начал отступление следующим образом: бригада Рингельсгейма через Подкост, бригады Пошахера, Пирета и Абелэ через Фюрстенбрук и Сobotку в Гичин, саксонский корпус через Трентзин, Насильнич и Брезно в Домаусниц, саксонская кавалерия на Унтер-Бауцен, саксонская тяжелая артиллерия и обоз в Юнгбунцлау и в район восточнее последнего. Так как Эльбекая армия должна была пройти довольно значительное расстояние, то атака должна была начаться не раньше 9 час. Ввиду этого австрийцы и саксонцы могли бы уйти без потерь, если бы бригада Лейнингена, оставленная в качестве арьергарда на другом берегу Изера у монастыря, не стала выжидать атаки 15-й дивизии и если бы для ее выручки к северу от Муски не расположились две конные бригады и немного пехоты на высоте Мускиберг.

Вследствие этого бой разыгрался между бригадой Лейнингена и авангардами 15-й и 16-й дивизий и между дивизией Франзецкого и частями войск, расположенных на высоте Мускиберг. Австрийцы понесли значительные потери, особенно пленными из числа итальянского пополнения, и затем, с помощью бригады Абелэ, отступили через Фюрстенбрук. С прусской стороны почти все силы были сосредоточены на узком пространстве поля сражения. Только гвардейская ландверная дивизия осталась у Гюнервассера, дивизия Альвенслебена (из кавалерийского корпуса) на линии Либенау — Лангенбрюк и дивизия Тюмплинга у Ровенско. Масса из одной кавалерийской и восьми

пехотных дивизий, в общей сложности около 120 000 чел., собранная непосредственно на глазах своего командира, страдала от «губительности сосредоточения», нуждалась в самом необходимом и с трудом могла быть использована.

Несмотря на то, что преследование не состоялось, штаб армии был все-таки довольно точно осведомлен кавалерией о местонахождении противника. Наблюдался марш длинной походной колонны от Соботки на Гичин, установлена была сильная австрийская кавалерия у Гичина и вечером обнаружен арьергард у Подкоста. По этим данным нетрудно было разгадать, где находился австрийский корпус вечером. Донесения относительно саксонцев были менее полными. Недалеко от Юнгбунцлау разъезды наткнулись на сторожевое охранение. Но движение от Бакова на Унтер-Бауцен даже не было замечено. Из всего этого штаб армии сделал вывод, что если не вся неприятельская армия, то, несомненно, саксонский корпус вновь занял позицию у Юнгбунцлау и что там-то его и следует атаковать. Для этого, после полудня 29 июня, должны были быть выставлены следующие части: у Бакова 15-я дивизия на правом берегу Изера и на левом берегу, 14-я и гвардейская ландверная дивизия за ними у Мюнхенгреца. 2-й корпус должен был двигаться от Домброва через Церов на Мартиновиц по дороге Юнгбунцлау — Обер-Бауцен, дивизия Тюмплинга в Соботку, остальная часть оставалась на месте. 30 июня могла бы состояться атака на незанятую позицию.

В результате, благодаря победе под Траутенау и несмотря на неудачные бои у Скалица и Буркерсдорфа, к вечеру 28 июня положение Бенедека ни в коем случае не являлось неблагоприятным. 4-й и 10-й корпуса были в состоянии в течение двух или даже трех дней препятствовать 2-й прусской армии переправиться через верхнюю Эльбу. Хотя из остальных шести корпусов 6-й и 8-й значительно пострадали, все же налицо было еще достаточно сил, чтобы начать с шансами на успех наступление против прусской 1-й армии, которая ни в каком направлении не могла бы развернуть все свои силы. Но подходил уже последний срок, и надо было действовать. Самое позднее 30 июня могло последовать столкновение, в котором, вероятно, не приняла бы участие Эльбская армия, а, может быть, и некоторая часть 1-й армии. Во всяком случае, австрийцам была необходима решительная победа. Простое отеснение противника или бой без решительного исхода кончились бы тем, что с одной стороны подошла бы 1-я, а с другой — Эльбская армия, и тогда сомнительная победа превратилась бы в несомненное поражение. Но были ли австрийцы в состоянии нанести в сражении решительный удар, это по предшествующему опыту казалось весьма сомнительным. Дело не дошло и до попытки. Известия о неудачах у Скалица и Буркерсдорфа, а также ложные донесения о продвижении противника в Гичин лишили Бенедека веры в самого себя и доверия к своим войскам, и он отказался от намеченного наступления, решив испытать свое счастье на следующей новой позиции: Иозефштадт (2-й корпус), Яромер (4-й), Зальнай (8-й). Литич (10-й), Ланчов (6-й), Милетин (3-й), Гориц (1-й), Миловиц (саксонский корпус). Этим решением Бенедек отказывался от всяких шансов на победу. Сильная по природе позиция Иозефштадт — Милетин была так плотно занята шестью корпусами, что для 2-й прусской армии имелось мало вероятия быстро ею завладеть. Тем слабее был фланг, обращенный к западу, между Горицом и Миловицом; 1-го и саксонского корпусов было недостаточно, чтобы оборонять его против 1-й и Эльбской армий. Широкий фронт прусских армий отеснил бы узкий фланг к Эльбе. Тем временем кавалерийский корпус мог бы переправиться через Эльбу ниже, кавалерийская дивизия Гартмана продвинулась бы через Меттау, и занятием имевшихся переправ между Кениггрецом и Иозефштадтом были бы завершены Канны.

Следовательно, вопрос заключался не в том, будут ли австрийцы отеснены, — что рисовалось командованию армий как высшее достижение, — а в том, будут ли они, как этого хотел Мольтке, окружены на левом берегу Эльбы. Иначе говоря, вопрос сводился к

тому, будет ли кампания тянуться от этапа к этапу, от Эльбы и Майна до Дуная и за Дунай, и в нее вмешаются государства, пока лишь наблюдающие, или же война Пруссии против Австрии и центральных германских государств, а, может быть, и против Франции, а также война Италии с Австрией будут закончены в один день на одном поле сражения. 2-я армия, сделала со своей стороны все для достижения полного успеха и недоделанное могла наверстать в течение ближайших дней. Все существенное, что оставалось сделать для достижения действительного успеха, выпадало на долю двух других армий. Если бы они с самого начала (см. схему 44) наступали пятью колоннами, не заботясь о неприятеле, которого, вероятно, вовсе не было (а если он и был, то слишком слабый, чтобы оказать серьезное сопротивление), самое позднее 27 июня они вышли бы на линию Юнгбунцлау — Эйзенброд, а 29-го не только продвинулись бы левым флангом до Гичина, как это случилось в действительности, но достигли бы также правым флангом Нейбидшова и Хлумеца. Тогда потребовался бы только короткий нажим, и 30 июня был бы окончательно приведен в исполнение план Мольтке. Но это уже становилось неисполнимым после того, как день 28 июня был израсходован на призрачный бой, в котором «все шло очень хорошо», и совершенно невозможным после того, как 29 июня было употреблено на подготовку штурма Юнгбунцлау, а 30-е — на его выполнение. Крайним сроком был тот момент, когда рано утром 29 июня пришла телеграмма Мольтке, в которой он подбадривал 1-ю армию к «поспешному наступлению». Вероятно, можно было еще хоть приблизительно подойти к поставленной большой цели. 2-я армия не нуждалась ни в каких дальнейших указаниях. Она имела в виду 29 июня пройти 1-м корпусом до Пильникау, гвардейским корпусом до Ретгендорфа, с авангардом у Кенигингофа, 5-м корпусом до Градлица и 6-м до Скалица. Постановка этих задач привела к новым боям.

Против генерала фон-Штейнмеца, расположенного у Скалица, находилось на Иозефштадтской дороге за Валовским оврагом сторожевое охранение 4-го австрийского корпуса (схема 50). Штейнмец не хотел допустить, чтобы противник «завлек его в Яромер», а собирався, не слишком о нем заботясь, проследовать мимо его левого крыла через Вестец, Ветрник и Хвалковиц в Градлиц. Но когда его авангард юго-западнее Ветрника поднялся на плоскогорье между Хвалковицом и Мисколесом, ясно определилось, что противник занимает выгодную позицию у Швейншеделя и Зебука, между Аупой и Шварцвассером. Движение нельзя было продолжать, не рискуя быть атакованным на марше во фланг или тыл. Авангард и левый боковой отряд, который продвинулся из Требешова вверх по Валовскому оврагу, на линии Мисколеса соединились и развернулись для атаки. Австрийский командир корпуса граф Фестетич имел указания уклоняться от атаки превосходящих сил. Но чтобы «не деморализовать свои войска преждевременным отступлением», Фестетич хотел отбить первый натиск противника и лишь затем начать отступление. Дело вылилось в обычные австрийские контратаки отдельными частями, в отражение их частым огнем, в бои за овладение Швейншеделем, рошей у овчарни и кирпичным заводом за Зубеком, наконец, в прекращение боя пруссаками и отступление австрийцев в Яромер. Так как бой начался после полудня, то последние части 5-го корпуса достигли Градлица только ночью.

29 июня 10-й австрийский корпус и бригада Флейшгакера из 4-го корпуса должны были следовать из Нейшлоса через Кенигингоф на Дубенец (см. схему 49). Только бригада Вимпфена была послана по кратчайшей и наилучшей, но в то же время самой опасной дороге через Кецельсдорф. Она благополучно достигла Кенигингофа, не войдя в соприкосновение с противником, а затем продолжала марш на Дубенец. Прочие бригады, артиллерийский резерв, артиллерийский парк и обозы должны были следовать кружной дорогой по правому берегу Эльбы, непосредственно перед Кенигингофом переправиться через реку, и, пройдя его, возвратиться на правый берег. Чтобы прикрыть движение через город, десять рот полка Коронини выдвинулись к восточному выходу, и три из них заняли

кирпичный завод. В два часа дня, когда обозы, артиллерийский парк, артиллерийский резерв и бригада Кнебеля уже переправились по южному мосту, а два батальона — остатки бригады Гривичича — отдыхали на базарной площади, от Буркерсдорфа показался авангард гвардейского корпуса. Три роты, находившиеся в кирпичном заводе, были немедленно усилены тремя ротами из резерва. Но и шесть рот не могли долго удержаться против двух батарей и двух с половиной батальонов авангарда. Когда они стали отступать, то оказалось, что северный мост уже прегражден прусской пехотой. С боем на улицах, сопровождавшимся значительными потерями, в особенности пленными, два батальона Гривичича и два батальона следовавшей за ним бригады Монделя, под прикрытием десяти рот Коронини, отступили через южный мост. Оставшиеся позади батальоны бригады Монделя и бригада Флейшгакера прошли прямо полем на высоту вокзала, на которую выехала многочисленная артиллерия, воспрепятствовавшая всякому преследованию за Эльбу.

К вечеру 29 июня левый берег Эльбы выше Яромера был очищен от австрийцев и занят пруссаками. Прусский гвардейский и 5-й корпуса и бригада Гофмана находились у Реттендорфа, Кенигингофа и Градлица, 1-й корпусу Пильникау, 6-й у Скалица и кавалерийская дивизия у Кайле. На противоположном берегу 6-й, 8-й и 10-й корпуса и 2-я и 3-я резервные кавалерийские дивизии располагались на сильной позиции, образованной высотами, окаймляющими долину Эльбы между Кашовом и Дубравицом. Правый фланг прикрывали 2-й и 4-й корпуса и 1-я резервная и 2-я легкая кавалерийская дивизии между Яромером и Кашовом. Левый фланг прикрывал 3-й корпус в районе Милетина, Цабреса, Здобина, Хростова и Тетина. 2-я армия считала, что она не может атаковать столь превосходящие ее силы на очень крепкой позиции. Напротив, казалось, что австрийцы могут атаковать с шансами на успех. В их руках было много переправ через реку выше и ниже позиции, по которым они могли перебраться на левый берег и атаковать во фланг сосредоточенное прусское расположение. Но так как четыре из корпусов Бенедика понесли тяжелые потери в отдельных столкновениях, то он отказался от всякой мысли об атаке. Его чаяния сводились лишь к тому, чтобы на издавна известной, знаменитой позиции отбить атаку. Чтобы быть в этом бою возможно сильнее, уже утром 29 июня был заготовлен приказ кронпринцу Саксонскому, чтобы он, не вступая в упорные бои, шел на соединение с главными силами армии. Оборонительный бой против 2-й армии нужно было выдержать прежде, чем 1-я и Эльбская армии успеют подойти. Но 2-я армия не давала своего согласия на такой план. 30 июня она хотела не атаковать, а иметь дневку.

Как австрийская, так и 2-я прусская армии решили, следовательно, выжидать. Тем важнее было подтянуть 1-ю армию. Но из тисков «губительного сосредоточения» невозможно было спешно двинуться против неприятельского фланга и тыла в направлении на Гориц — Кениггрец. Лишь поодиночке дивизии могли освободиться из общей массы. Кроме того, нельзя было оставить совершенно без внимания Юнгбунцлау. Ввиду этого было приказано: под командованием командира 2-го корпуса генерала Шмидта Тюмплинг (5-я дивизия) из Ровенско и Вердер (3-я дивизия) из Церова наступают на Гичин; Герварт (4-я дивизия) из Здиара и кавалерийская дивизия Альвенслебена следуют за первым, Франзецкий (7-я дивизия) из Возила через Соботку — за вторым. Вечером Горн (8-я дивизия), Манштейн (6-я дивизия) и кавалерийская дивизия Ганна направляются за ними в Унтер-Бауцен и Обер-Бауцен, чтобы служить резервом как дивизиям, выдвинутым на Гичин, так и Эльбской армии, остановленной против Юнгбунцлау. Не вопреки, а именно вследствие того, что главная забота штаба армии заключалась в как можно более плотном сосредоточении всех своих сил, оказалось, что вместо десяти дивизий армия смогла двинуть против неприятеля всего две. Между Тюмплингом и Вердером и между следовавшими за ними во второй линии дивизиями Герварта и Франзецкого было слишком большое расстояние, чтобы последние могли в тот

же день принять участие в бою. И, несмотря на это, решение должно было последовать еще в этот же день.

Бригада Пошахера и кавалерийская дивизия Эдельсгейма уже 28 июня прибыли в Гичин (схема 51). Бригады Пирета, Лейнингена и Абелэ подошли туда в течение следующего утра. Бригада Рингельсгейма прибыла в Лохов, саксонская дивизия Штиглица в Подград, а дивизия Шимпфа лишь к вечеру в Гичиновес. Эти марши, казалось, соответствовали задаче, поставленной в приказе по армии утром 28 июня: «Не допустить, чтобы противник оказался между главными силами армии и вашими частями». Другое сообщение: «Штаб главнокомандующего 29 июня будет в Милетине, 30-го в Гичине» указывало на то, что намечался в самом ближайшем времени подход армии. Ввиду этого кронпринц решил остаться у Гичина. Противник не преследовал. Только у Ровенско находилась со вчерашнего дня дивизия Тюмплинга. Граф Клам-Галлас, для обеспечения себя с этой стороны, занял бригадой Пошахера высоту Брадаберг, Пирет занял Маркт-Эйзенштадтль, Лейнинген был расположен за Пошахером в виде резерва, а к кронпринцу Клам-Галлас обратился с просьбой — выдвинуть одну бригаду в Дилец и другую поставить за ней в виде резерва. Но так как казалось, что никакой атаки не предстоит, то дивизия Штиглица осталась у Вокшица и Подграда. Зато бригада Абелэ заняла лошину у Прахова. Позиция, разделенная на две части крутым кряжем Привизина, была выбрана неудачно. Если обороняющийся отступил бы по одну сторону кряжа, то победоносно наступающий оказался бы в тылу другой части обороняющегося. Если бы обе части стали наступать, то они совершенно отделились бы друг от друга. Было также невыгодно, что Дилец и Маркт-Эйзенштадтль находились, в низине, и они были заняты лишь по старой привычке занимать для обороны населенные пункты.

В 3 ч. 30м. дня неожиданно прибыло донесение о приближении противника по Турнауской дороге. Это заставило занять западную опушку южного Подульша и леса, что южнее Клейн-Гинолица; дивизия Штиглица была вызвана на участок севернее Дилеца, который до ее прибытия занимала кавалерийская бригада Валлиса; артиллерия выехала на позицию к востоку от Брады. Противник наступал частью по большой дороге из Обер-Книшница, частью через селение Цидлина на Цамес. Здесь он заставил отступить гусар Валлиса, спешившихся на высоте 324, что западнее селения Цамес, и обе правофланговые батареи, находившиеся между селениями Брада и Дилец. К западу от селения Цамес противник занял северный Подульш, Гинолиц, высоту южнее Яворница и начал наступление через селение Бреска на Прахов. Противник остановился у опушки леса и у южного Подульша, но продолжал наступление на Дилец. Два взвода стрелков уже ворвались в деревню, когда подошла саксонская бригада и восстановила положение. Зато прусская артиллерия, выехавшая первоначально к югу и к юго-западу от Обер-Книшница, выдвинулась западнее Цамеса и принудила часть австрийских и саксонских батарей отойти с позиции к востоку от селения Брада на позицию севернее Кбельница. В этот момент боя, в 7 час. вечера, пришел приказ Бенедика: продолжать движение на соединение с армией, избегая крупных боев. Кронпринц все-таки остался бы на занятой позиции до наступления темноты, если бы не получил преувеличенного донесения Рингельсгейма, что его атакует в четыре раза сильнейший противник.

Было приказано отступать. Пирет должен был удерживать Маркт-Эйзенштадтль, Штиглиц — отходить к Цебинбергу, Лейнинген и Пошахер — в Гичин. Саксонцы уже собирались очистить Дилец, когда последовала общая охватывающая атака этой деревни. Часть войск была отрезана и продолжала еще обороняться. Чтобы вырвать у неприятеля его успех, Пирет перешел в наступление группами по три батальона через ручей Цидлинабах, переходя его у мельницы Валха, на северо-восточный выход из Дилеца и на Цамес. Колонны, атаковавшие в нескольких местах под звуки музыки, захлебывались под

убийственным частым огнем. Потеряв шестую часть своего состава, бригада покинула Маркт-Эйзенштадтль и отошла в Гичин. Незадолго до того, как был отдан приказ об отступлении, Пошахер также с несколькими батальонами предпринял атаку против Гинолица, которая удалась, но этим успехом было затруднено отступление через лес и из деревни. В 8 ч. 30 м. Тюмплинг с двумя батальонами предпринял охватывающее наступление, занял Подульш и Браду и отрезал несколько рот. Но после ранения ген. Тюмплинга это продвижение приостановилось. В 10 час. ген. Каминский вступил в командование и приказал продолжать наступление, но к этому времени Пирет, Штиглиц и Валлис уже отошли, огибая Гичин с востока, а Лейнинген, Пошахер, вся артиллерия и кавалерия отошли через Гичин.

Бригада Рингельсгейма заняла позицию западнее Вохавца, а бригада Абелэ севернее до Прахова. Части были высланы в Унтер-Лохов и Обер-Лохов, а также через лес и по дороге к селению Бреска. Против этих позиций от Сobotки наступал Вердер. Авангард Вердера отгеснил выдвинутые противником части и захватил Унтер-Лохов, лес, что к северу, и Сент-Анненкапелле. Обер-Лохов был занят значительными силами, луга восточнее Унтер-Лохова было трудно трудно пройти; огонь австрийской артиллерии с высоты 330 был весьма действителен. Генералу Янушевскому было поручено обойти эту сильную позицию через Вострушно с двумя батальонами и одной батареей. Но этот маневр еще не достиг цели, когда австрийцы предприняли контратаку. Два батальона двинулись от Обер-Лохова и четыре батальона от Вохавца, три батальона тем временем заняли южный край высоты 295. Атака Обер-Лохова удалась. Две роты были принуждены очистить лесной участок севернее Унтер-Лохова. Атака же от Вохавца разбилась о частый огонь пехоты, перебравшейся тем временем через полосу лугов восточнее Унтер-Лохова. Бой находился в этой стадии, когда пришел приказ об отступлении, что и было осуществлено без крупных затруднений, так как для отступления имелись две дороги — через Голин и Вохавец, а противник не преследовал. Только у Прахова боковой отряд был частично потеснен.

Ввиду того, что у Вохавца не было достаточного количества воды, генерал Шмидт решил продолжать движение, несмотря на наступающую темноту. Генерал Шмидт со своим штабом поехал вперед прежде, чем пехота могла поспеть за ним. У самого Гичина он был встречен огнем. Но следовавший за ним батальон нашел ворота свободными и вошел в город. Бригада Рингельсгейма, первоначально назначенная в авангард, должна была удерживать город, но оказалась в таком состоянии, что не могла выполнить эту задачу и уже миновала улицы города. Прусский батальон вошел в город с западной стороны, а с северо-востока, примерно, в то же время (10 ч. 30 м. вечера) подошла саксонская бригада на замену бригады Рингельсгейма. Батальон должен был отступить. Новая попытка ворваться в город была опять отражена. Саксонцы удержались в городе. Дивизия Вердера расположилась неподалеку к западу биваком. Около полуночи перед городом показался авангардный батальон 5-й дивизии. Но и его атака была отражена. Лишь после того, как подполковник фон-Годи с тремя с половиной батальонами подошел из Дилеца, переправился восточнее Кбельница через реку Цидлина и начал наступать с севера, саксонская бригада очистила город и отступила в направлении на Смидар. Гичин был занят пруссаками.

Отказавшись от практиковавшейся до этого системы действий, на этот раз решили преследовать. Результаты вскоре сказались. Когда в первый раз пруссаки входили в город, находившийся в нем граф Клам-Галлас еще только изготавлял приказы для дальнейшего отступления. Он должен был поспешно уехать верхом. Приказы не были отданы. Его войска и часть смешавшихся с ними саксонцев на следующее утро оказались рассеянными у Милетина, Горица, Смидара, Нейбидшова и даже в Иозефштадте (см. схему 49).

Штаб 1-й армии сначала требовал нескольких дней отдыха, затем придвинул резервы из Обер-Бауцена и Унтер-Бауцена к Гичину, а когда рассеялись юнгбунцлауские привидения, подтянул Эльбскую армию в Либан. Таким образом, вся 1-я армия была сосредоточена у Гичина. После полудня преследование продолжалось в направлении на Милетин: Манштейн (6-я дивизия) вел преследование до Хотеца, Тюмплинг (5-я дивизия) до Улибица, в направлении на Гориц, Франзецкий (7-я дивизия) до Конецхлума, в направлении на Смидар, Горн (8-я дивизия) до Милетина; 2-й корпус остался у Гичина и Подграда. Кавалерийский корпус сам просил разрешения продвинуться вперед для преследования, но это предложение было принято несочувственно, и кавалерийский корпус был расположен в Дворце и Робусе. А какие результаты могло бы дать преследование кавалерийским корпусом, об этом можно судить по тому, что появление одного кавалерийского полка у Горица убедило Клам-Галласа продолжать отступление: из Горица в Садовую, из Милетина через Грос-Бюрглиц и Масловед в Кенигтрец. Таким образом, левый фланг австрийской армии оказался совершенно открытым. На Эльбе имела место только незначительная канонада, но на следующий день надо было ожидать и фронтальной атаки и натиска с тыла через Милетин и Гориц. В этой обстановке далее выжидать было невозможно. С наступлением темноты в полной тишине было начато отступление: 3-й и 10-й корпуса отходили через Ланчов, Грос-Бюрглиц, Цереквиц и Садовую в Липу, 6-й корпус через Дубенец, Хотеборек, Цицеловес и Гореновес в Вистар, 8-й и 4-й через Литич, Вельхов, Рачиц и Зендраиц в Неделишт, 2-й корпус через Зальнай и Йезбин в селение Тротина, саксонскому корпусу было указано отходить из Смидара через Нейбидшов и Неханиц.

Это был, конечно, успех, но не тот успех, на который рассчитывал и который представлял себе Мольтке. Его план операции был достаточно прост (см. схему 44). Армии были отделены большим пространством. Мольтке направил их по ближайшим дорогам в том направлении, куда, по его расчету, австрийцы должны были решиться двинуться. И другу, и недругу было назначено общее «франдеву». Из Саксонии, Лаузица и Силезии, а также из Моравии стекались пруссаки и австрийцы на пространство между Эльбой и Изером: одни, чтобы соединенными силами разбить разделенного на две части противника, другие - чтобы с разных сторон атаковать сосредоточенного противника; одни, чтобы использовать преимущества внутренних линий, другие — преимущества внешних. С напряжением всех сил австрийцы прибыли к месту первыми, по крайней мере, головными частями (см. схему 43). Но длина их походных колонн затянула развертывание на пять дней. Приходилось выжидать пять долгих дней, прежде чем можно было начать намеченное наступление на направляющуюся к реке Изер главную армию противника. Но разве не было вероятным при такой обстановке, что главная армия противника, которую надо было атаковать, сама перейдет в наступление до истечения этого срока, и разве не было вероятным, что Силезская армия, уже дошедшая до горных проходов, еще раньше появится на Верхней Эльбе? В таком случае австрийской армии пришлось бы, не закончив развертывания или едва его закончив, вступить в решительную борьбу в районе Милетина с прусской главной армией, в то время как два корпуса в непосредственной близости отражали бы атаку на фланг и тыл. Позиция на верхней Эльбе была очень сильна. Но рано или поздно ее левое крыло должно было быть обойдено. Тогда весь поток обрушился бы на левый фланг и тыл австрийской армии. Даже если бы она отразила все атаки, но не уничтожила полностью противника, она все-таки оказалась бы обреченной на гибель.

Нужно было избежать такого положения. Надо было удерживать обе неприятельские армии вдали одну от другой. Кронпринц Саксонский получил приказ: ни в коем случае не допустить переправы противника через реку Изер. Габленц был выдвинут в Траутенау, а Рамминг — в район Скалиц — Наход, чтобы задержать при выходе из гор оба корпуса, ожидавшиеся со стороны Силезии. Взвесив силы обеих сторон,

надо признать, что оба мероприятия были недостаточными. И все же они оказались небезуспешными. Правда, противника не удалось задержать на Изере, но он задержался там сам. Габленц вывел своего противника из игры. Рамминг удержался все-таки у Скалица и был поддержан двумя корпусами. Положение совершенно изменилось. На восточном фронте превосходство сил было на стороне австрийцев. Четыре корпуса имели против себя два; три корпуса находились против одного. Им оставалось только атаковать. На западном фронте в ближайшие дни неожиданности не угрожали. Но Бенедек не использовал имевшегося уже в руках преимущества. Он хотел остаться при своем старом плане: два корпуса оставить на верхней Эльбе, а с остальными наличными силами изготавиться к наступлению на фронт Изера. Тем самым он лишал себя всяких шансов на успех. 28 июня на восточном фронте четыре корпуса могли бы, вероятно, одержать крупный успех. Двух же корпусов было недостаточно даже для того, чтобы избежать поражения, и если бы не очевидные ошибки Бонина и Гиллера, то уже 27 июня корпуса были бы разбиты. Пруссаки надвигались четырьмя колоннами. Только против двух из них австрийцы могли выставить по одному корпусу. Даже если бы австрийцы победили или оказали успешное сопротивление в одном пункте, они все-таки остались бы под угрозой охвата с тыла одной из не атакованных прусских колонн.

Австрийцы очень скоро увидели, какие из этого для них создаются невыгоды, а для противника — преимущества. Но прусские генералы этим не прониклись или, во всяком случае, не использовали этого преимущества. Штейнмец у Находа не мог добиться большего, как только отражать атаки противника. И, несмотря на это, Рамминг отступил до Скалица, так как он считал само собою разумеющимся, что 2-я гвардейская дивизия не останется у Костелеца, а двинется ему в тыл. Гиллеру надо было только переправиться у Баусница через Аупу, чтобы нанести Габленцу решительный удар. Сознавая эту опасность, австрийский фельдмаршал-лейтенант на другой день после победы отступил от Траутенау. У Буркерсдорфа он мог бы оказать Гиллеру успешное сопротивление, если бы он предполагал, что 2-я гвардейская дивизия не совершит единственно разумного для нее действия — движения ему в тыл. Отступление от Мюнхенгреца было решено потому, что прусский корпус находившийся у Турнау, неизбежно, как казалось по обстановке, продвинется на Гичин. Пруссакам под Скалицом не было необходимости атаковать. Эрцгерцог Леопольд отступил бы и без того, так как ему предназначалось действовать против неприятеля, наступавшего в тыл от Изера. Кронпринц Саксонский должен был прекратить бой у Гичина, так как 2-я армия угрожала переправиться через Эльбу. Если бы прусские штабы армий и корпусов лучше понимали свои задачи, то австрийцы, находившиеся постоянно под угрозой охвата или обхода, поневоле сосредоточивались бы к центру и оказались бы там окруженными.

Идея, полностью владевшая Мольтке, — уничтожить противника — была совершенно чужда частным начальникам. Они видели свою задачу в соединении разбросанных армий. В этом взгляде у них была линия соприкосновения с Мольтке. Но Мольтке хотел, чтобы противник оказался внутри круга соединяющихся армий, они же хотели предоставить противнику возможность сосредоточить свои силы в другом месте. Если и тот, и другие соглашались развернуть армии, то следовало решить, надо ли завязывать сражение. Для штабов армий ближайшей целью войны представлялось сосредоточить в одно целое у Гичина или у Милетина 250 000 чел. Во всяком случае, надо было опрокидывать противника, который пытался бы воспрепятствовать движению, если только не хотели поступить так, как пытались сделать Бонин под Траутенау и Штейнмец под Швейншеделем и чего Гиллер даже достиг под Паршницом, а именно: не обращая внимания на расположенного вблизи противника, стремиться достигнуть намеченного для ночлега района. Это понятно: командиры корпусов 2-й армии полагали, что им не поставлена задача вступить в бой с противником, а лишь задача — в течение 28 июня

достигнуть участка Арнау, Кенигингоф и Шурц. Они должны были как можно меньше отвлекаться от этой задачи. К тому же наступление в большом масштабе было не так легко выполнимо, поскольку с самого момента выступления войсковые соединения были расчленены на свои составные части. Под Находом Штейнмец отразил противника, но не смог атаковать его, так как прибывавшие на поле сражения войска его корпуса были раздроблены малыми частями по всему фронту. Генерал Гроссман под Траутенау получил задачу: двинувшись с десятью батальонами, увлечь в атаку выдвинутые вперед восемь батальонов Будденброка. Повидимому, он этого приказа не получил. Но даже если бы этот приказ дошел до него, он все-таки не был бы в состоянии повести в атаку десять батальонов, так как они были разбросаны мелкими группами и перемешаны. Под Скалицом большая часть прусской пехоты была брошена в дубовую рощу и фазанник. Правда, отдельные части могли оттуда двинуться на неприятельскую позицию, но, конечно, было выше всяких человеческих сил повести в дружное наступление множество перемешавшихся друг с другом полубатальонов, рот и стрелковых взводов. Отдельная атака Кирхбаха под Скалицом велась на слабо занятую позицию, а атака Гиллера у Буркерсдорфа — на уже отступавшего противника.

В 1-й армии, по крайней мере, применяли планомерные атаки. Но вместо того, чтобы атаковать теми корпусами, которые наталкивались на противника, а прочими продолжать движение до тех пор, пока они не выиграют неприятельских флангов и тыла, в действительности сразу же все задерживалось и стягивалось для атаки фронта и оконечностей крыльев. И прежде чем эти передвижения заканчивались, противник, если таковой вообще имелся, отступал. Приготовления оказывались слишком основательными и слишком медлительными. Выяснилась необходимость непосредственного развертывания из походного движения. Но чем длиннее походные колонны, тем большие затруднения встречает такое развертывание. Корпуса того времени не имели еще столь многочисленной артиллерии и обозов, как теперь. Но ту растяжку походной колонны, которой им не хватало, корпуса стремились наверстать, по крайней мере, большими дистанциями между головным отрядом, авангардом, главными силами, резервом пехоты, резервом артиллерии и резервом кавалерии. Эти бесконечно длинные колонны могли лишь медленно продвигаться вперед. Под Находом последний резерв прибыл на поле сражения в 11 час. ночи. Бонин мог бы достигнуть Траутенау раньше противника, если бы он на марше не заставлял пехоту, строго по уставу, осматривать склоны по обе стороны дороги, не спрятались ли в домах, в кустах и на высотах какой-нибудь коварный враг. Хвосту пехоты первой армии понадобилось четверо суток, чтобы выбраться из района тесного сосредоточения у Рейхенберга и перейти через Изер. Начальник штаба армии, генерал фон-Фойгтс-Рец жаловался, что местность слишком тесна, чтобы развернуть все войска. Но в его власти было расширить местность по желанию вправо и влево и дать простор сосредоточенным массам. Конечно, в движении 1-й армии не было той неумолимости и той неудержимости, с которой Наполеон толкал вперед свои колонны.

Участь боев решается сильным артиллерийским огнем. Это было известно уже из войн начала столетия. Чтобы не слишком рано израсходовать это ценное средство достижения победы, резервной артиллерии отвели в походном порядке одно из последних мест. Это было удобно и полководцу, чтобы возможно позднее оказаться внеобходимости распорядиться чуждым ему вспомогательным родом войск. Когда, наконец, приходилось атаковать, пехота оказывалась беспомощной и бессильной против длинных линий австрийских батарей.

Можно было бы думать, что при таких обстоятельствах обстановка складывается в пользу легкого успеха австрийцев. Но их тактика также не была лишена значительных особенностей. Вечный спор о том, надо ли стремиться развернуть больше солдат,

вооруженных ружьями, в одну линию, чтобы они имели возможность действовать своим оружием, или располагать их больше в глубину, чтобы они не имели возможности его применять, — был решен австрийцами в последнем смысле и притом в крайнем его толковании. Под Находом четыре бригады были расположены в колоннах друг за другом, в три линии каждая, и образовали двенадцать линий. Два батальона передовой линии в колоннах были в огневом бою слабее одного развернутого батальона. Этот перевес в огневом бою даже не находился в зависимости от того, что этот развернутый батальон был вооружен игольчатыми ружьями. Бой наступающей колонны против развернутого строя был решен в пользу последнего со времени Прейсиш-Эйлау и Ватерлоо и еще раз подтвержден в сражении при Альме. Убийственный огонь игольчатых ружей обращал отбитую атаку в кровавое поражение. Тактика атаки в глубоко эшелонированных колоннах, питающихся из глубины боевого порядка, удерживание позади резервов и, наконец, изобретение ружейного мастера Дрейзе — все это привело к тому, что как разбитые корпуса Рамминга и эрцгерцога Леопольда, так и победоносный корпус Габленца были потрясены в своих основах. Но решающее значение имели те невыполненные, но угрожавшие противнику обходы, которые вытекали из оперативного плана Мольтке. В общей сложности бои 27 и 28 июня давали 2-й армии возможность уничтожить противника. В действительности же они дали разве только победу. Многие ошибки и погрешности командования не могли все же остаться совершенно без последствий. Хорошо было то, что ротные и взводные командиры были полны инициативы и решимости, что дух солдат был наилучший и войска были в состоянии все выполнить. Но с совершенно дезорганизованной массой нельзя было достигнуть решительной победы. Приходилось довольствоваться тем, что противник отступал из-за того, что мы должны были бы сделать, но в действительности не сделали.

Управление боем в другой армии, обыкновенно излишне обстоятельное, оказалось удовлетворительным, когда под Гичином не осталось времени для продолжительной подготовки. Там была достигнута победа с меньшими силами, а преследование превратило ее в настоящую победу. Одна колонна столкнулась с сильным противником и дралась без решающего исхода. Соседняя колонна встретила более слабого противника, отбросила его, направилась в тыл более сильного противника и выполнила, таким образом, то, что 2-я армия должна, была бы делать в каждом бою. Это дало победный исход. Австрийцы оказались не в состоянии сохранять свое расположение, и намеченное оборонительное сражение не состоялось. Но для использования обстановки не хватало немедленной атаки неприятельского фронта 2-й армией при продвижении 1-й армии на линию Гориц — Кениггрец. Последнее, при наличии всего двух дивизий, было невыполнимо, 1-я и Эльбская армии вместо того, чтобы правым крылом достигнуть Хлумеца, имели восемь дивизий далеко позади, на заднем плане. Это дало противнику время уйти от окружения. Из проектированного Мольтке сражения на уничтожение получилась лишь «ординарная победа».

[Назад](#)

Кениггрец

27 июня 1866 г. один австрийский корпус у Находа, а 28 июня два других у Скалица и Буркерсдорфа (см. схему 49) были настолько потрясены, что их дальнейшая боеспособность не только для наступления, но и для обороны находилась под сомнением. Ввиду этого Бенедек нашел возможным дальнейшее проведение своего плана — обороняться двумя корпусами фронтом на восток, а шестью корпусами атаковать противника, подходившего с запада. Бывших в наличии боевых сил стало уже недостаточно, чтобы одновременно справиться с двумя задачами, из которых каждая сама по себе была очень трудна. Но так как противник с запада двигался крайне медленно, то являлась возможность на короткое время предоставить его самому себе и все силы собрать против другого противника, который, как казалось, дерзко продвигался вперед. Если бы удалось отбросить этого противника, для победоносной армии осталось бы еще время обратиться в другую сторону. Ввиду этого поспешно подтягивался кронпринц Саксонский. Восемь корпусов должны были быть брошены навстречу четырем корпусам прусской 2-й армии. Если боеспособность трех из восьми имевшихся корпусов и была под сомнением, то все-таки многое обещало успех этому новому плану. Прусская 1-я армия действительно намеревалась в течение двух или трех дней продолжать стоять на Изере против воображаемого неприятеля, и поэтому, казалось, на ближайшее время ее можно было не принимать в расчет. 29 июня прибыл последний корпус растянувшейся на несколько переходов австрийской походной колонны. В тот же день отошли и прикрылись рекой, хотя и не без боев и потерь, еще два корпуса, бывшие 28 июня на левом берегу Эльбы. К вечеру там было собрано шесть корпусов. Их казалось достаточно, чтобы 30 июня на очень сильной позиции победоносно отразить атаку 2-й прусской армии. В тот же день мог подойти кронпринц Саксонский, и в этом случае 1 июля можно было перейти в решительное наступление на отбитого противника.

Но едва план был составлен, как одна за другой стали исчезать необходимые для успеха предпосылки. Рано утром 29 июня Мольтке потребовал, чтобы 1-я армия оставила в покое рожденного ее фантазией противника и без промедления шла на поддержку 2-й армии. Это требование было выполнено постольку, поскольку возможно было быстро выбраться из занятого армией тесного расположения. Кронпринц Саксонский, оставшийся согласно предыдущему указанию у Гичина, получил приказ незамедлительно отойти, но уже тогда, когда он ввязался в серьезный бой. 30-го 2-я прусская армия не атаковала, а следовательно, и не могла быть отражена. Оба противника занимались только бесцельной артиллерийской стрельбой. Вместо желанной атаки австрийцы в течение дня получили следующие донесения: кронпринц Саксонский вечером 29-го разбит под Гичином. 1-я легкая кавалерийская дивизия и саксонский корпус отошли к Смидару, 1-й корпус к Милетину и Горицу; многие части обоих корпусов рассеялись по разным направлениям. Около полудня перед Горицом показалась неприятельская кавалерия. Граф Клам-Галлас в силу этого тотчас же стал продолжать отход к Кениггрецу. Снова корпуса оказались разбитыми. Таким образом, Бенедек на пространстве между Милетином и Яромером располагал только шестью сосредоточенными корпусами. С ними он должен был быть готовым не только к желанной атаке четырех корпусов с фронта, но и к весьма нежеланной атаке пяти корпусов во фланг и тыл. В этом случае он должен был расценить, по рецепту Клаузевица, «что у него осталось от общей массы, что можно еще было назвать боеспособным, т.е. те части, которые еще не совсем обратились в потухшие вулканы». Затем ему следовало взвесить, «обеспечен ли надежно его тыл», и он должен был придти к заключению, что налицо было около пяти потухших вулканов, что три корпуса еще можно было назвать пригодными и

что с обеспечением тыла дело обстоит в высшей степени скверно. В результате этого анализа и последовало естественное решение очистить поле сражения.

Еще в полдень 3-й корпус от Милетина был оттянут к Ланчову; вечером обозы были высланы вперед, чтобы в час ночи 1 июля могли приступить к движению шесть корпусов, четыре кавалерийских дивизии и армейский артиллерийский резерв. Выполнение отхода было нелегким. Кавалерия противника уже в полдень 30-го настигла 1-й корпус, и врага каждую минуту можно было ожидать, примерно, с линии Гориц — Нейбидшов. Если бы хотели избежать флангового удара оттуда переходом в сторону Эльбы, то должны были бы считаться с возможностью быть атакованными 2-й армией со стороны Меттау. Ночной марш был предпринят четырьмя колоннами между дорогой Ланчов — Грос-Бюрглиц — Садовая и рекой Эльбой. Так как многочисленные обозы неоднократно запруживали дороги, походные колонны были слишком длинны и нельзя было избежать некоторых трений, то ничего не было удивительного в том, что в 10 час. утра 3-й корпус еще находился у Ланчова, а арьергард с артиллерией был виден у Либталя (в 3 км к югу от Кенигингофа) и что только поздней ночью на 2 июля последние части достигли своих биваков в районе Садовая, Кениггрец, Эльба, Тротина. Саксонский корпус и 1-я легкая кавалерийская дивизия через Нейбидшов и Неханиц были оттянуты к Лубно и Нидер-Приму (в 2 и 5 км восточнее Неханица) (схема 52).

Армия, которую теперь вел назад Бенедек, была совершенно разбита. Что еще оставалось стойкого в армии к 30-му, все это было растеряно ночным переходом. Картина, представившаяся взору главнокомандующего во время отступления, лишила его последней веры в себя и в свою армию. Прибыв в Кениггрец, он в полдень 1 июля в полном отчаянии телеграфировал: «Настоятельно прошу ваше величество заключить мир во что бы то ни стало: катастрофа для армии неизбежна». Катастрофа в действительности наступила бы, если бы противник преследовал хотя бы только кавалерией и если бы продолжаемый отход обратился в бегство и разложение. Но раз противник не показывался, раз нигде не было столкновений, в сердце несчастного полководца вновь затеплилась надежда. Во все стороны были высланы разъезды, чтобы осветить необъяснимую остановку противника. Полученная после полудня из Вены телеграмма «Мир заключить невозможно. Приказываю, если это неизбежно, приступить к отходу в полнейшем порядке. Произошло ли сражение?» застала Бенедека уже в более спокойном состоянии. Он готовится к позиции для войск, его сердечно приветствуют, он говорит слова ободрения, приказывает построить укрепления на обращенном к противнику фронте между Липой и Неделиштом и свои впечатления и настроения излагает в такой телеграмме:

«6-й и 10-й корпуса пострадали чрезвычайно, 8-й очень сильно, 1-й и саксонский корпуса необыкновенно изнурены, и потребуются несколько дней, чтобы привести их в порядок, 4-й корпус тоже потерпел урон. Из восьми корпусов только два не были в сражении, и хотя они имели частичные столкновение, но остались совершенно свежими; однако, и эти корпуса, как и кавалерия и артиллерийский резерв, очень утомлены. Большие потери вызывает, главным образом, игольчатое ружье, убийственное действие которого на всех без исключения, бывших в сражении, производит сильное впечатление. Все это принудило меня отойти сюда. На пути я застал огромные обозы армии, которые не могли быть выброшены достаточно вперед, и если бы, при подобной обстановке, последовала атака противника или последует раньше, чем 1-й корпус и саксонцы приведут себя в порядок, а армия хотя бы несколько не оправится, катастрофа стала бы неизбежной. К счастью, противник сегодня до настоящего момента еще не нажимал. Поэтому завтра я

предоставлю армии отдых, оттяну обозы, но дольше оставаться здесь не могу, так как на послезавтра в лагерях наступит недостаток в питьевой воде. 3-го я буду продолжать отход к Пардубицу. Если я не буду обойден, то я вновь смогу рассчитывать на войска, а если представится случай к наступлению, я им воспользуюсь; в противном случае я приложу все усилия, чтобы привести армию в возможно лучшем порядке к Ольмюцу, и, насколько это будет в моих силах, с безусловным самопожертвованием, постараюсь выполнить высочайший приказ вашего величества».

Если бы каким-либо путем эта телеграмма попала в неприятельскую главную квартиру, на нее взглянули бы там, как на драгоценное приобретение; а между тем, она едва ли содержала что-либо, что уже и без того не было известно. 2-я армия хвасталась, что она сокрушила четыре неприятельских корпуса, 1-я — что она разбила два корпуса. Что же могло получиться от этих обломков после быстрого ночного марша на тесном пространстве! Если кавалерийский корпус, несмотря на неустанные просьбы, все-таки был удержан позади пехоты в надежной сохранности, если кавалерийская дивизия Гартмана была послана в направлении, противоположном расположению неприятеля, и тем самым войска были лишены всяческих сведений о противнике, то все же известно было достаточно: разбитый противник быстро отступает, и его нужно преследовать незамедлительно. Часть всей армии должна следовать за ним вниз по Эльбе; другие две части сопровождают его справа и слева, охватывая его фланги, как только он сделает остановку и подумает о бое. Четвертая часть, особенно кавалерия, будет пробовать стать на пути его отступления, будет преграждать ему дорогу, задерживать его, пока не подойдут другие части. Так поступили Ганнибал при Каннах, Наполеон при Иене, так можно было бы поступить и теперь, так как враг мог двигаться и отдыхать только сомкнутыми массами.

Приказ Мольтке в ночь на 1 июля давал к тому же указание о способе и направлении преследования (см. схему 49). Он гласил:

«2-я армия занимает левый берег верхней Эльбы, правый фланг ее должен быть готовым через Кенингоф примкнуть к левому флангу наступающей 1-й армии. Эта армия безостановочно наступает в направлении на Кениггрец. Значительные неприятельские части, которые стали бы угрожать правому флангудвигающихся войск, генерал фон-Герварт должен атаковать и оттеснить от главных неприятельских сил».

Этот приказ был отдан в то время, когда австрийская главная армия находилась еще на правом берегу верхней Эльбы между Яромером и Милетином. Гичин был очищен, и 2-я армия ожидала атаки Бенедика. После того, как австрийская армия отошла, указания Мольтке должны были быть приурочены к измененному положению. Левый берег верхней Эльбы приходилось захватывать уже не между Кенингофом и Яромером, но занимать там, где противник расположился по ту сторону, на своей новой позиции. Так как противник отошел к югу, то и наступление 1-й армии должно было бы принять более южное направление, а Эльбская армия должна была, бы продвигаться еще правее.

Из этого должно было вытекать (см. схему 52): Эльбская армия 1 июля движется в направлении на Хлумец и Пардубиц приблизительно до Кенигштадтля и Грос-Глушица (западнее Нейбидшова), а 1-я, чтобы подождать соседнюю армию, продвигается только до Нейбидшова, Миловица и Грос-Иерица. Правое крыло 2-й армии примыкает к левому крылу, между тем как 1-й корпус, уже направленный к Аулейову, наступает на Милетин и Цабрес, а гвардия — к Литичу и Зальнаю. Левое крыло той же армии движется к Скалицу

и Клены 1-го вечером; прежде чем последняя неприятельская часть втиснулась бы у Кениггреца в узкое пространство между Эльбой и Быстрицей, прусские армии могли бы уже развернуться на линии Кенигштадтль — Клены. Продолжали ли бы австрийцы 2 июля стоять на месте или снова захотели бы уклониться от атаки, этого в прусской главной квартире не могли предугадать; все меры должны были бы сводиться только к продолжению преследования. 2 июля на левом берегу Эльбы могла быть достигнута дорога Кениггрец — Гогенбрук — Тиништ, на другом берегу правое крыло Эльбской армии почти доходило бы до Боданеча (северо-западнее Пардубица). Для отхода австрийцев оставались бы свободными только пути от Кениггреца, через Пардубиц, Сеземиц и Голиц. Для отхода с верхней Эльбы к Садовой, Кениггрецу, Тротине для шести корпусов, шедших по четырем дорогам, понадобилось более 24 час; восемь корпусов на трех дорогах должны были бы потребовать гораздо более длительного времени. Прежде чем арьергард получил бы пространство для движения, он был бы достигнут 1-м и гвардейским корпусами, двигавшимися через Гореновес и Смириц, и в то же время фланги многомильных колонн были бы охвачены двигающимися по бокам корпусами 1-й и Эльбской армий. Корпусам пришлось бы остановиться и принять бой. Точно так же и передовые колонны встретили бы затруднения для отхода, если бы прусская кавалерия была использована хотя бы в какой-то мере целесообразно и, конечно, если бы она была для этого соответственно вооружена. Если бы кавалерийский корпус сначала же занял свое место на правом крыле Эльбской армии или впереди его, а кавалерийская дивизия Гартмана сопровождала бы левое крыло 2-й армии, то первый смог бы своевременно запереть переправы у Пардубица и Сеземица, а кавалерийская дивизия — дорогу у Голица. Австрийская армия вечером 2-го была бы окружена, независимо от того, оставалась ли она на месте, шла ли вперед или назад.

Что приказ Мольтке мог бы быть выполнен в этом или близком к этому виде, это совершенно исключалось. Командование обеих армий совсем не думало о преследовании и еще менее об окружении и разгроме. Все до сих пор совершенное они считали только прологом к войне. Те сражения, которые уже имели место, ни той, ни другой стороной не учитывались в качестве серьезного успеха или неудачи. Только частично были испытаны и взвешены силы. Теперь следовало сосредоточить войска в одну массу, затем искать противника и дать решительное сражение. Но ведь это «решительное сражение» уже произошло 27-го, 28-го и 29-го. В эти три дня правое крыло и центр австрийцев после сильных боев были оттеснены за Эльбу. В последний день Мольтке удалось подтянуть, по крайней мере, часть своих многочисленных резервов, с помощью их совершенно отбросить левое крыло неприятеля и тем принудить к отходу остаток австрийской армии. Сражение не вышло таким, как можно было надеяться и ожидать. Это не было сражение на уничтожение, но все же это было такое сражение, в результате которого боеспособность большей половины неприятельских сил была поставлена под сомнение. В таком, хотя бы и несовершенном исходе, подготовка к новому сражению, проводимому «по ранжиру», уже ничего не могла изменить. Надо было стараться немедленным преследованием нагнать упущенное и исправить сделанные ошибки. Если оперативный план Мольтке и был грубо изуродован, все же расположение армий для подобного преследования не было неблагоприятным. Особенно положение 2-й армии на левом берегу Эльбы представляло такие условия для преграждения отхода, каких лишь с трудом можно было достигать в напоминающих эту обстановку кампаниях 1757, 1800 и 1870 гг. А между тем именно против такого расположения на левом берегу Эльбы особенно упорно возражал штаб армии. Отделенная от 1-й армии рекой 2-я армия, как полагал штаб, подвергалась риску «быть разбитой в одиночку». Боязнь этого стояла в резком противоречии с тогдашним состоянием австрийской армии, разбитой в шести столкновениях и боях. Если бы австрийская армия стояла на левом берегу Эльбы, то вопрос мог бы сводиться к тому, чтобы 1-ю и Эльбскую армии также перебросить туда

же, но ни в коем случае не к тому, чтобы 2-ю армию оттянуть на правый берег.

Лишь с большим трудом удалось Мольтке 1 июля удержать на левом берегу три корпуса, между тем как 1-й корпус продвинулся до Праусница, а его авангард до Аулейова (схема 53). Но он не мог помешать тому, что 1-я армия вместо того, чтобы двинуться против неприятеля на линию Нейбидшов — Гориц, двинулась от неприятеля к линии Гориц — Милетин, и что Эльбская армия взяла направление не на Хлумец, но отклонилась к Хох-Везели. 2-го оказалось невозможным противостоять настойчивым требованиям иметь в этот день дневку. Только Эльбской армии рекомендовалось продвинуться до Смидара. Тем самым был решен отказ от преследования и намечалась новая операция.

Многие считали, что противник расположен за Эльбой между Кениггрецом и Иозефштадтом, другие предполагали его у Пардубица, а иные даже у Колина. Конечно, Мольтке желал знать что-либо более определенное, прежде чем наметить новый удар; поэтому 2-й армии было указано произвести разведку в направлении через Меттау. Между тем, 3 июля Эльбская армия должна была двигаться к Хлумцу, 1-я — на линию Нейбидшов — Гориц, 1-й корпус — к Грос-Бюрглицу и Цереквицу, прочие части 2-й армии должны были оставаться на левом берегу.

Приказ Мольтке оканчивается так:

«Если впереди Эльбы еще находятся значительные силы противника, то их надлежит немедленно атаковать с возможно большим превосходством в силах».

Значительные силы, действительно, должны были оказаться впереди Эльбы, так как приблизительно в то самое время, как был отдан упомянутый приказ, Бенедек телеграфировал в Вену:

«Армия завтра остается на своей позиции у Кениггреца; однодневный отдых и щедрое снабжение продовольствием подействовали на нее хорошо. Надеюсь, что в дальнейшем отдыхе не будет нужды».

Вопрос императора: «было ли сражение?» побудил австрийского полководца, после того как он рисовал свою армию близкой к неминуемой катастрофе, в 24 часа подготовиться к сражению на такой позиции, на которой он должен был подвергнуться к окружению справа.

Как бы старательно с прусской стороны ни избегали до сих пор всякого соприкосновения с противником, однако непосредственная близость австрийцев в течение дневки не могла уже остаться секретом. Сторожевые посты прусского авангарда у Миловица не могли отстоять более чем на 2 км от таких же постов австрийского авангарда, находившегося у Дуба. Офицер штаба 1-й армии, смело прорвавшийся через сторожевое охранение, сообщал: 2-й корпус у Садовой, 10-й у Лангенгофа, позади в направлении к Кениггрецу 1-й, у Проблуса саксонцы. Другой офицер, который проехал через Грос-Бюрглиц, нашел Бенатек занятым; он видел кавалерийский полк, проходивший от Милетина к Иозефштадту, наблюдал пехотные массы. Можно было с большой степенью вероятности сделать вывод, что австрийская армия, по крайней мере ее большая часть, находится еще впереди Эльбы за Быстрицей. Ее правое крыло не простирается далее Бенатека, а левое доходит, по меньшей мере, до Проблуса. Таким образом, предусмотренный в приказе Мольтке последний случай был налицо. Стоящего впереди

Эльбы противника надо было бы тотчас же атаковать «с возможно большим превосходством в силах», т.е. всеми имевшимися в распоряжении силами. Духу этого приказа отвечало бы, если бы 1-я армия наступала против предполагаемого, равного 12 км, фронта Проблус — Бенатек и если бы Эльбская армия с кавалерийским корпусом удлинила ее правое крыло, а 1-й и гвардейский корпуса — левое. Противник, расположенный на узком фронте и глубоко эшелонированный, был бы прижат к Эльбе далеко охватывающими флангами пруссаков. Для преграждения путей на левом берегу могли бы послужить 5-й и 6-й корпуса с кавалерийской дивизией Гартмана, которые нужно было бы двинуть еще 2 июля. От левого крыла 2-й армии и от Эльбской армии потребовалось бы большее форсирование движения. Но если гвардейская ландверная дивизия в этот день совершила переход в 35 км от Копидльно к Неханицу, то без сомнения, более юные и обученные части могли бы выполнить и более высокие требования. И если не вполне, то хотя приблизительно, окружение было бы достигнуто 3 июля. Оно не облегчалось, если 1-я армия с моста же бросалась в атаку, ей было выгоднее несколько подождать движения флангов. Если же противник, что едва ли было мыслимо, пробился бы вперед через Быстрицу, то тем раньше и надежнее он попал бы в полное и гибельное для него окружение. Подобное развертывание и подобная атака вполне отвечали бы идеям Ганнибала у Канн, Наполеона при Иене, но совсем не отвечали воззрениям, господствовавшим в рассматриваемый нами период. Массирование войск против неприятельского фронта и накопление резервов ценились гораздо больше, чем охваты и фланговые атаки.

Штаб 1-й армии раньше других получил известие об остановке австрийцев на правом берегу Эльбы (схема 54). Он решил самостоятельно наметить меры для осуществления указанной атаки. По рисовавшейся штабу картине противник весьма значительными силами — два корпуса — занимал позицию у Садовой, одним корпусом — позицию у Проблуса. Против первых корпусов пять дивизий 1-й армии должны были сосредоточиться на высотах Миловица, а 7-я дивизия от Грос-Иерица через Цереквиц и Бенатек должна была примкнуть к ним у Садовой; против корпуса, который предполагался у Проблуса, должна была сосредоточиться у Неханица Эльбская армия.

Позицию у Садовой следовало искать по ту сторону Быстрицы, на высотах у Липы и Лангенгофа. Массовая атака, хотя бы даже 70 000 и более человек, против фронта этой сильной, защищенной многочисленной и превосходной артиллерией, позиции едва ли обещала успех.

Обстановка для Эльбской армии, казалось, складывалась благоприятнее. Левое крыло противника, хотя бы оно и простиралось очень далеко за Проблус, не находило прочного для себя обеспечения. Но близко за саксонцами, по донесениям, находился 1-й корпус. А два корпуса, во всяком случае, должны были быть в состоянии отбить атаку двух-трех дивизий Эльбской армии. Но, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, штаб 1-й армии был уверен в успехе, массированное наступление 70 000 чел. считал непреодолимым и «уничтожение» противника неизбежным. Сомнения вызывала лишь возможность флангового удара со стороны Иозефштадта. 2-й армии была послана просьба парировать эту фланговую атаку гвардейским корпусом от Кенигингофа; командование 2-й армии пошло навстречу этой просьбе тем путем, что 6-му корпусу предложило произвести демонстрацию по направлению к Иозефштадту, 5-й и гвардейский корпуса расположил за Эльбой в качестве резерва, а 1-й корпус двинул через Милетин к Грос-Бюрглицу и Цереквицу. Таким образом, шесть дивизий были привязаны к Иозефштадту, столько же к Садовой, три дивизии у Неханица получили едва ли выполнимую задачу, а две дивизии двигались сами по себе к какой-то неопределенной цели с неясной перспективой.

Прусские удачи достигались до этого времени «огнем игольчатого ружья» и «охватами»; теперь же массирование войск и глубокое их расчленение должны были фактически ограничить сферу применения огня игольчатых ружей, а суживание фронта мешало охватам. Сильной стороной австрийцев были целесообразно расположенные длинные артиллерийские линии, их слабостью была ударная тактика. Поэтому пруссаки должны были быть готовы парировать такую тактику, а артиллерийские позиции противника атаковать в лоб.

Если бы представление 1-й армии о противнике отвечало действительности, то, вероятно, 3 июля для обеих сторон протекло бы довольно безрезультатно. Но так как в действительности по эту сторону Эльбы оставалось не четыре, а восемь австрийских корпусов, то план сражения, насколько он вытекал из общих распоряжений обоих армейских штабов, таил в себе даже зерно опасности для прусского оружия. К счастью, начальник штаба 1-й армии еще вечером 2-го отправился в Гичин, в главную квартиру, чтобы доложить об обстановке и распоряжениях. Так как части 1-й армии уже находились в движении, то отданные распоряжения для фронтальной атаки нельзя было уже направить в необходимое русло. Оставалось рассчитывать на неспособность противника к атаке. Поэтому, по предложению Мольтке, король ограничился приказом, чтобы 2-я армия «всеми силами двинулась на поддержку 1-й армии против правого фланга вероятного неприятельского наступления, дабы атаковать при первой же возможности». Так как при этом дело шло уже только о часах, то не было возможности часть 2-й армии двинуть вперед по левому берегу Эльбы. Все четыре корпуса были стиснуты на узком пространстве между Эльбой и Быстрицей. Это обстоятельство ограничивало перспективы нанесения удара в тыл противнику; найти или восстановить мост ниже Иозефштадта можно было бы только в течение дня. Ближайшее стремление Мольтке сводилось к тому, чтобы осуществить наступление и против левого фланга противника, хотя этим в значительной степени создавалась возможность прорыва неприятелем центра пруссаков.

Ввиду близости противника Бенедек также ждал атаки на 3-е, самое позднее - на 4 июля; поэтому 3-й корпус должен был занять высоты Липы и Хлума, вправо отсюда 4-й корпус — высоты между Хлумом и Неделиштом и 2-й — пространство между Неделиштом и Эльбой (схема 55). Влево от 3-го корпуса 10-й корпус должен был расположиться у Лангенгофа и саксонский — на высотах восточнее Трезовица и Поповица. На представление кронпринца Саксонского, что он на этих высотах будет фланкировать со стороны Градека, последовал отвод саксонского корпуса обратно к Проблусу и Нидер-Приму и, помимо 1-й легкой кавалерийской дивизии, был подтянут в качестве резерва 8-й корпус. В качестве общего резерва должны были служить: 1-й корпус у Розница, 6-й у Всестара, 2-я легкая кавалерийская дивизия южнее Неделишта, 1-я и 3-я резервные кавалерийские дивизии у Светы, 2-я резервная кавалерийская дивизия у Бризы.

Фронт этой позиции, как и все фронты, конечно, имел свои слабости и недостатки, но благодаря многочисленной и превосходной австрийской артиллерии и недостаточной и, в общем, неумело применяемой прусской артиллерии едва ли эти слабости имели бы значение. Но тем большие сомнения должно было вызвать положение флангов. Левый фланг совершенно висел в воздухе. Состоящий только из трех бригад, расстрелянный под Скалицом 8-й корпус был не в состоянии отразить опасности, вытекающие из такого положения правого фланга. Обеспечение правого фланга Эльбой было совершенно проблематично. Река не являлась непреодолимой преградой, по крайней мере, для артиллерийской стрельбы. Во многих местах имелись мосты, в других местах река допускала наводку мостов или имела броды.

Удерживать здесь позицию было невозможно, если бы хотя бы часть 2-й армии

продвинулась вперед по левому берегу Эльбы. Но даже если бы сначала все силы этой армии находились на правом берегу и здесь, примерно у Неделишта, наткнулись на серьезное сопротивление, то часть ее войск без всякого приказа по армии естественно оказалась бы переброшенной на другой незанятый берег и тем вынудила бы к отходу правое неприятельское крыло. Следовательно, если бы австрийцы продолжали стоять на месте, они были бы сжаты, почти окружены и уничтожены. Надежды на победу основывались только на наступлении. Если бы Бенедек на правом крыле и в центре ограничился посильной обороной, а с четырьмя — пятью корпусами и таким же числом кавалерийских дивизий двинулся через Трезовец, Неханиц, Кунчиц и т.д. против слабой Эльбской армии и правого крыла 1-й армии, то победа не была бы еще вовсе исключена из области возможного, конечно, при том предположении, что австрийская армия вообще еще была в состоянии предпринять подобное наступление. Во всяком случае, главной предпосылкой для этого являюсь устойчивость на правом фланге. Эта предпосылка отпадала после того, как командир 4-го корпуса граф Фестетич признал неподходящей указанную ему позицию между Хлумом и Нсделиштом и двинулся на высоты Масловеда, показавшиеся ему более приемлемыми, а командир 2-го корпуса граф Тун, исполняя свою задачу прикрывать правый фланг 4-го корпуса, двинулся на линию Масловед, Гореновес, и только бригада Генрикеца осталась у Зендраица. В результате австрийская армия оказалась расположенной не между Бенатеком и Проблусом, как заставляли думать донесения, но между Гореновесом и Проблусом, и это было почти одно и то же. Наступление Эльбской и 1-й армий на эту позицию привело к трем отдельным боям у Неханица, Садовой и Бенатека.

Около трех часов Эльбская армия от Лоты, Смидара, Хотелица, Хох-Везели тремя колоннами двинулась к Празеку, Кобылицу и Лодину (схема 54). От этих пунктов она могла бы через Богарну, Кунчиц и Неханиц достигнуть левого берега реки Быстрицы. Но Герварт получил донесение, что Неханиц занят, свел все три колонны в одну, чтобы этой единственной несокрушимой колонной пробиться по находящейся перед этим пунктом теснине длиной около 1000 м, состоявшей из дамб и мостов (схема 55). Между тем начальник авангарда генерал фон-Шёлер уже выслал два батальона через Кунчиц, один через Комаров; этим он открыл теснину, прогнал слабого противника и продвинулся со своими семью батальонами на линию Градек, Лубно. Под прикрытием этого расположения дивизии могли пройти теснину одна за другой. Самым естественным и подходящим казалось атаковать с юга неприятельскую позицию, левое крыло которой предполагалось у Нидер-Прима. Авангард, упираясь левым флангом в долину Быстрицы, мог несколько задержаться, передовая дивизия Канштейна примкнула бы справа для последующего наступления от Штецирека через лес и Обер-Прим, а следующие дивизии (Мюнстера и Эцеля) и кавалерийский корпус мало-помалу удлиннили бы правое крыло. Мольтке решительно требовал такой фланговой атаки. Герварт, напротив, стоял за движение против фронта. Канштейн должен был через Ней-Прим и фазанник повернуться на Нидер-Прим, Мюнстер — от Лубно двигаться на Проблус через Поповицкий лес. В угоду Мольтке послали только одну бригаду Канштейна через лес от Штецирека на Обер-Прим. Идти дальше этого навстречу старику, даже при наилучших стремлениях, не могли. Артиллерийская пальба со стороны Садовой звучала грозным предупреждением. Бой казался здесь не стоящим на месте, а передвигающимся назад. Священной обязанностью было «идти на поддержку 1-й армии». Но еще важнее казалось удержать Эцеля западнее Неханица. Его дивизия должна была здесь прочно задержаться на тот случай, если обе другие дивизии под давлением превосходного противника были бы потеснены назад через длинную, в 1000 м протяжением, теснину. При таких распоряжениях Герварт мог очутиться в большой опасности, если бы противнику пришла мысль атаковать своими многочисленными резервами правое крыло Канштейна, а своим правым крылом и левым флангом 10-го корпуса ударить в левый фланг Мюнстера.

Со стороны неприятеля 2-я саксонская бригада находилась в соприкосновении с Габленцем между Штрзетицом и Проблусом. 3-я бригада по-полубригадно занимала Проблус и Нидер-Прим. Три батареи развернулись между отдельными деревнями. Позади деревни Проблус находилась дивизия Штиглица (лейб-бригада и 1-я бригада), шесть резервных батарей и конная дивизия. Левый фланг юго-восточнее Проблуса был прикрыт австрийской бригадой Шульца, которая выдвинула два батальона к Обер-Приму и батальон в лес у Штецирека, 1-й легкой кавалерийской дивизией восточнее Обер-Прима, которая обе свои батареи развернула севернее этой деревни, и, наконец, бригадой Рота у Бризайского леса. Таким образом, налицо было изобилие сил, чтобы рано или поздно двинуться на врага общим наступлением, охватывая его с обеих сторон. Но такие движения не были в духе времени. Более предпочтительным являлся решительный прорыв. А для него прекрасным объектом являлся авангард Шёлера, который шел впереди обеих дивизий справа через лес у Штецирека, в центре через Ней-Прим и фазанник, слева к Поповицкому лесу. Вперед выдвигается лейб-бригада с одной батареей. Она должна двинуться на Ней-Прим южное Нидер-Прима по луговой низине, а бригада Шульца должна была прикрыть ее левый фланг. Шесть рот из Нидер-Прима, гарнизон этой деревни, примыкают к этому движению: два батальона опрокинуты, фазанник и Ней-Прим захвачены. Однако, теперь появляется батальон правого крыла Шёлера. Вытеснив австрийский батальон из леса у Штецирека, он двигается на Обер-Прим и открывает огонь также против левого фланга лейб-бригады. Попытка к прорыву оставлена. Сначала надо суметь обеспечить фланг и тыл. Шесть рот из Нидер-Прима возвращены к своему пункту. Лейб-бригада подтягивается ближе к этой деревне. Для ее поддержки выдвигается вперед 2-я бригада с крайнего правого фланга, а для поддержки бригады Шульца выдвигается бригада Рота. Кавалерийские дивизии должны обойти лес с юга. Бригада Шульца выбивает прусский батальон из Обер-Прима и следует за ним в южном направлении через лес. В середине его она натывается на правую бригаду Канштейна. От левой бригады лишь шесть рот сохранили свое направление на Ней-Прим, а остальные по недоразумению попали в лес и здесь натолкнулись на фланг бригады Шульца, завязавшей бой с правой бригадой. Бригада Шульца отходит в беспорядке и, увлекая за собой бригаду Рота, отбрасывается к Обер-Приму на обе саксонские бригады, которые как раз готовились возобновить прорыв. Вся масса четырех бригад обстреливается частым огнем со стороны леса, а также шести рот, которые выдвинулись вперед через Ней-Прим. Войска приходят в расстройство, начинается отход под защитой некоторых стойких батальонов. «Для предупреждения распространения беспорядка» первая бригада располагается позади засеки на опушке леса восточнее Проблуса, три резервных батареи выезжают на позицию восточнее выступа южной окраины Нидер-Прима. Шульц и Рот занимают опушку Бризайского леса, только что прибывшая бригада Вебера — его южную опушку. Перед широким фронтом Нидер-Прим — Бризайский лес дивизия Канштейна вынуждена приостановить свое преследование.

В это время у командования Эльбской армии могла мелькнуть догадка, что Мольтке не так-то уж был неправ, что место Мюнстеру было не левее Канштейна, а правее, и что мысль «итти на поддержку 1-й армии» лучше всего осуществилась бы, если бы противник, расположенный у Проблуса и Нидер-Прима, был отброшен на Штрзетиц, Дангенгоф и Липу. Теперь приходилось только ждать, пока подойдет Мюнстер, чтобы он и Канштейн могли концентрической атакой отбросить противника на позицию, лежащую далее к востоку.

В 1-й армии, против Садовой, части уже ночью были наготове. В 6 час. утра авангард дивизии Горна от Кленница двинулся вперед развернутым фронтом. Дуб был очищен, но кирпичный завод западнее Садовой был занят. Здесь происходит столкновение. Австрийская батарея, расположенная между лесом Гола и лесом Свип,

открывает огонь. Заслышав первый выстрел, Франзецкий в 7 ч. 30 м. двигает свою дивизию от Цереквица на Бенатек. Приблизительно около того же времени 5-я и 6-я дивизии развертываются у Кленица. К 8 час. Герварт (4-я дивизия), сопровождаемый резервной артиллерией 2-го корпуса, через Штрахов достиг Мцана, Вердер через Лоту — Завадилки, кавалерийский корпус — Суха. Все деревни на реке Быстрице от Поповица до Садовой, включая сахарный завод южнее этой деревни, а также кустарники Скалка заняты противником. Авангард Франзецкого также встречен огнем со стороны Бенатека и Горновеса.

В 8 час. в Дуб прибывает король и приказывает овладеть линией реки Быстрицы. Горн задерживает авангард перед Садовой, а с главными силами и резервом делает обход на Советиц и у кустарников Скалка переходит через речку. Противник очищает Садовую. Горн придает два батальона Франзецкому, а с остальными поворачивает на лес Гола. Герварт у Мцана рано вступил и артиллерийское состязание, продвинулся к сахарному заводу и Унтер-Догалицу и переходит Быстрицу. Обе дивизии, Герварта и Горна, проникают в лес Гола, захватывают южную опушку, а также Обер-Догалиц; двенадцать батальонов они оставляют позади за лесом. Дивизии Вердера удастся занять Догалицку и Мокровус. Результат достигнут. Выдвинутые вперед к Быстрице неприятельские отряды отброшены назад. Но на высотах от Липы и Лангенгофа до Трезовица расположены длинной линией 160 орудий. Против них прусские гладкоствольные батареи бессильны, и их отводят назад; нарезные же, незначительные числом, но все-таки не находящие достаточного пространства для развертывания и лишенные единства управления, оказываются в на-редкость невыгодном положении. Расположенные у Быстрицы в низине, они не могут усмотреть неприятельских орудий, расположенных за хребтом, а туман и пороховой дым мешают им следить за ходом своей стрельбы. Их выстрелы, посылаемые вслепую, не мешают противнику сосредотачивать свой огонь по лесу Гола и Обер-Догалицу.

Здесь у южной окраины на фронте в 1200 м располагаются колоннами, тесно прижатые друг к другу, сначала семь, потом девять, наконец, одиннадцать батальонов. Для всякой атаки они представляют собою несокрушимую стену, которой, однако, наносятся сильные повреждения непрерывно рвущимися гранатами, сбиваемыми сучьями, падающими деревьями. Хорошо размещенная и способная к бою линия стрелков — один, самое большое два батальона, как, например, под Находом известный 2-й батальон 37-го полка, — сыграла бы большую роль и понесла бы гораздо меньшие потери. Прежде всего, эта линия мало-помалу продвинулась бы вперед на дальность ружейного огня. Еще большее число батальонов стоит позади леса, занимая Садовую. Их положение ненадежно. Противник по желанию или наитию направляет и против них огонь своих батарей. Наконец, и 5-я и 6-я дивизии переходят через Быстрицу и в обстановке губительного огня гранат ждут приказа для движения вперед.

Оба полководца, бросая во все стороны орлиные взоры, стараются уловить благоприятный момент для атаки. Пойдут в атаку прусские колонны — их ожидает участь Ожеро под Прейсиш-Эйлау; бросятся вперед австрийские массы — их ожидает жребий бригады Хертвека под Находом. Но между всеми средствами, ведущими к победе, только прорыв считается достойным великого полководца.

Наконец-то должен пробить час для Аустерлица или Ваграма. Мольтке говорит: «Еще рано. Удачи не будет, а если и будет удача, то оба сокрушающих фланговых удара не дадут своих результатов». А Баумбах, начальник штаба Бенедика, говорит на другой стороне: «Еще рано. Подобные сражения длятся, по крайней мере, два дня. Завтра, когда враги дойдут до крайней степени истощения, настанет время двинуть вперед корпуса

Клана и Рамминга (1-й и 6-й)». Он мог бы также сказать «Если удастся несколько потеснить пруссаков перед нами на фронте, то тем скорее погубят нас фланговые удары». Оба полководца колеблются. Принц Фридрих Карл решает ждать, пока подойдет кронпринц. Бенедек чувствует уверенность, что его «старое солдатское счастье» в конце концов подскажет ему настоящий момент. И вот они ждут и ждут.

Дивизия Франзецкого у Бенатека была обстреляна огнем со стороны Гореновеса и Масловеда. Этим намечалось расположение правого неприятельского крыла на линии Липа, Масловед, Гореновес. На этот участок позиции и должно бы направиться движение дивизии Горна и Франзецкого через Советиц и Бенатек, они должны были бы развернуться против этого участка, чтобы сдержать здесь противника, в то время как Герварт и Вердер приняли бы на себя подобную задачу по другую сторону дороги, Манштейн и Тюмплинг удлиннили бы линию вправо, по крайней мере, до Неханица; таким путем шесть дивизий атаковали бы длинный фронт, а Эльбской армии была бы предоставлена свобода для флангового удара. Но, послушный закону сосредоточения масс, Горн уклоняется к лесу Гола и хочет туда же через лес Свил и Цистовес притянуть и Франзецкого. Этот фланговый марш Франзецкого вдоль фронта двух корпусов удасться не мог. Впрочем, неприятельские передовые части были вытеснены из Бенатека и далее из леса Свила; был даже занят Цистовес. Но когда противник перешел в контратаку с линии Хлум — Масловед — фазанник, то Францецкому стоило величайшего труда вырваться из клещей с юга и востока. Он потерял южную часть леса и лишь с напряжением всех своих сил мог еще удержаться в северной части и в надворных постройках к западу от Цистовеса.

Фельдмаршал-лейтенант Моллилари, вступивший в командование 4-м корпусом вместо раненого графа Фестетича думал развить достигнутый успех. Он предложил графу Туну также перейти в наступление своим правым крылом со стороны Гореновеса. Эта концентрическая атака должна была разбить Франзецкого, а затем было бы опрокинуто с фланга все неприятельское расположение на Быстрице. Это было хорошо задумано. Но 38 австрийских батальонов слишком уж долгое время пробовали одолеть 14 прусских. И теперь было сомнительно, достаточно ли пяти свежих батальонов у Гореновеса и шести других за центром, чтобы не только отбросить одну дивизию, но и выполнить целый грандиозный план. Как бы то ни было, только что намеченная атака была отменена приказом Бенедека: 4-му и 2-му корпусам надлежит возвратиться на указанную им позицию Хлум — Неделишт — Эльба. Личные представления Моллилари остались бесплодными, ибо была получена телеграмма коменданта Йозефштадта, гласившая (см. схему 58):

«5-й прусский корпус от Градляца через Зальнай и т.д., по видимому, имеет в виду действовать против правого фланга нашей армии. Здесь проходят мимо большие колонны».

2-я прусская армия, относительно которой надеялись, что она и 3 июля, как и в предыдущие дни, спокойно будет стоять на месте, пришла в движение. Предложение Моллилари — двинуть 1-й и 6-й корпуса против появившегося теперь противника — не явилось достаточно убедительным. Раз вся 2-я армия пришла в движение, выполнение намеченной атаки было невозможно, если бы даже 1-й и 6-й корпуса оказались своевременно подтянутыми. Теперь речь могла идти разве только об обороне либо на передовой линии Масловед — Гореновес — ручей Тротина, либо на отнесенной дальше назад линии Хлум — Неделишт — Эльба. Обе линии можно было удержать лишь временно, особенно, если бы обороняющийся получил здесь поддержку. Для продолжительной обороны не годилась ни одна. Поэтому останавливаться на той или

другой позиции не имело особого смысла. Но необходимость оттянуть назад 2-й и 4-й корпуса во всяком случае влекла за собой дурные последствия. Оттянуть войска из серьезного и кровавого боя — это значит объявить их разбитыми, дать им понять, что они не доросли до противника. И это было тем серьезнее, что бои предшествующих дней уже привели австрийцев к убеждению, что они не в силах преодолеть более совершенное прусское оружие. К тому же было сомнительно, чтобы 2-й корпус был в силах выполнить длинный фланговый марш и все же образовать между Неделиштом и Эльбой «оборонительный загиб» (eine «defensiven Hacken»). Два корпуса правого крыла приступили к отходу, и этот отход, естественно, должен был развиваться в отступление всей армии.

Бригады Саффрана и Вюртемберга (2-й корпус) из боя в лесу Свип оттягиваются к Масловеду и отсюда должны идти к Неделишту. Для их прикрытия бригада Тома из Гореновеса выдвигается на высоты между Масловедом и Зендрацицем, а 40 орудий с небольшим количеством пехоты у Гореновеса располагаются фронтом на север. Бригада Генрикеца двумя батальонами уже заняла Рачиц и лесистый берег Тротины, а четырьмя батальонами заняла позицию у деревни Тротина. Одним из них она наблюдает пространство между ручьем и Эльбой и обеспечивает мосты у Лохеница и Предмерица. Это были жидкие, легко обходимые и охватываемые арьергарды, которые теперь, около 12 час. дня готовились к встрече с надвигающейся 2-й армией.

Последняя не торопилась. В полночь был послан из Гричина приказ Мольтке, в 4 часа этот приказ прибыл в Кенигингоф в штаб армии, и только в 7 ч. 30 м. находившаяся здесь 1-я гвардейская дивизия получила само собой разумеющийся приказ о выступлении (см. схему 54). В 8 ч. 30 м. она отдает приказ своему авангарду занять у Дубравица позицию, окопаться и ждать. Генерала фон-Альвенслебена этот приказ не удерживает на месте; получив одновременно с приказом просьбу о помощи со стороны Франзецкого, он тотчас же выступает. По истечении часа начинают двигаться и главные силы. 1-му корпусу также около 4 час. было предоставлено право двинуться еще до получения приказа по армии. Через пять с половиной часов начинает движение авангард от Аулейова. В 11 час. он еще не достиг Грос-Бюрглица. 6-му корпусу было приказано: 12-й дивизией выступить из Градлица в 6 час., 21-й бригадой — в 7 час. и 22-й — в 8 час, чтобы у Шурца, Штангендорфа и Кукуса перейти на правый берег и затем продемонстрировать против Иозефштадта. Находившиеся уже в движении колонны нуждались лишь в некотором изменении направления, чтобы достичь указанных им пунктов. Таким образом двигались: 1-й корпус, имея за собой кавалерийскую дивизию, через Грос-Тротин и Цабрес к Грос-Бюрглицу, гвардия через Дубравиц, Дубенец и Хотеборек к Иерицеку и Лоте, 11-я дивизия, за которой двигался и корпус, через Сибоед и Литич к Вельхову, 12-я через Зальнай, Вестец и Эртину. Продолжая марш, в 11 час. достигли: 1-я гвардейская дивизия — Хотеборек, 11-я дивизия — вправо от Тротины высоты к северу от Рачица, 12-я дивизия — Габрины. 1-я гвардейская и 11-я дивизия имели перед собой сильную батарею у Гореновеса; 11-я и 12-я у Рачица и на высотах восточнее Тротины наткнулись на отряды бригады Генрикеца (см. схему 55). У Врховница, а также к северо-западу от Рачица открыли огонь в общей сложности около 48 орудий. Затем пехота двинулась вперед. Рачиц и гора на другом берегу Тротины попали в руки пруссаков. Наконец, и авангарду 1-й гвардейской дивизии удалось захватить Гореновес с запада и заставить неприятельскую батарею сняться с позиции. Все три дивизии, частью с боем, продвигались дальше (схема 56): вправо на высоты Гореновеса и потом на плато восточнее Масловеда, в центре — на плато южнее Рачица и далее к Зендрацицу, влево — через Родов к Тротине.

Вновь они обнаруживают перед собой артиллерийскую линию, которая

простирается от северной окраины Хлума до Неделишга. Под прикрытием 120 орудий три бригады 2-го корпуса, укрытые ложиной, отходят от Масловеда к Неделишту, оставляют здесь одну бригаду и двигаются далее, чтобы занять позицию восточнее.

Значительно позднее, чем 2-й корпус, приступает к отходу 4-й. Бригада эрцгерцога Иосифа, еще относительно нетронутая, занимает позицию между Хлумом и укреплением III. Остатки бригад Бранденштейна и Поека ищут убежища далее в тылу. Бригада Флейшгакера еще удерживает за собой Цистовес. На прусской стороне 12-я дивизия сдерживается бригадой Генрикеца у Тротины. 11-я дивизия из-за сильного артиллерийского огня не может продвинуться вперед от Зендравица дальше к Неделишту. Лишь 1-й гвардейской дивизии (около восьми батальонов) под прикрытием развернувшейся у Масловеда артиллерии удается спуститься вниз в ложину и, прикрываясь, повидимому, туманом и пороховым дымом, а до некоторой степени, может быть, также высокими всходами хлеба, вновь подняться на крутую высоту. Австрийская пехота, истомленная маршами и боем, доверяется защите могучей артиллерии. Последняя сосредоточивает свой огонь на артиллерии противника. Внезапно из ложины появляются гвардейские батальоны, устремляются на ближайшие батареи и, обстреляв беглым огнем беспечные батальоны бригады Иосифа, принуждают их к отходу.

Бригады Бранденштейна и Поека также вовлечены в этот отход. 4-й корпус отступает в направлении на Светы. Теперь и 11-я дивизия приступает к движению на Неделишт. Бригада Генрикеца, угрожаемая с фланга, отходит к Лохеницу, преследуемая 12-й дивизией. Остальные три бригады 2-го корпуса в результате отхода 4-го корпуса потеряли уверенность в обеспечении своего левого фланга и покинули Неделишт и позицию к востоку от него. Весь корпус старается перейти на другую сторону Эльбы у Лохеница и Предмерица. Гвардия восточнее Хлума продвинулась дальше, захватив и этот пункт, занятый очень слабо. Контратаки бригады Бенедика с запада из Липского леса и бригады Аппиано с юга отбиты беглым огнем. Во время преследования захвачен Розбериц, а при поддержке авангарда 2-й гвардейской дивизии — также Липский лес и Липа.

Приблизительно в то же время, к 3 час. дня, имела место концентрическая атака Канштейна и Мюнстера на Нидер-Прим и Проблус. Но этой атаке ждать не стали. Противник не мог допустить, что одна дивизия Эльбской армии будет оставаться позади Неханица, а другая застрянет в Поповицком лесу. Он был убежден, что в самое ближайшее время они удлинят правое крыло Канштейна. Выдержать такую атаку австрийцам не под силу. Две саксонские бригады разбиты и еще находятся в процессе приведения себя в порядок. Одна еще с Гичина глубоко расстроена. 8-й корпус, по сообщению его начальника штаба, «уничтожен» («aufgerieben»). Надо ускользнуть от охвата, грозящего полной гибелью. Отдается приказ о постепенном отходе под прикрытием третьей бригады и артиллерии. Мюнстер и Канштейн встречают перед собой только арьергарды.

«Тесно сомкнутая и в самом импонирующем виде» выступила бригада Шварцкоппена из Поповицкого леса. Проблус был взят первой же атакой. Южнее леса следует в качестве правого уступа бригада Гиллера. Она находит Нидер-Прим уже занятым частями Канштейна, артиллерию - снявшейся, и двигается дальше против Бризайского леса.

Удар 1-й гвардейской дивизии, с одной стороны, и дивизии Канштейна, с другой, поколебали все неприятельское здание. Для полного разрушения недоставало лишь тут и там нескольких толчков.

2-я армия заняла Липу, Хлум, Неделишт, северную часть Лохеница, выдвинутую часть Розберица: Эльбская армия заняла Проблус и Нидер-Прим; 1-я армия удержала свои прежние позиции. С австрийской стороны 2-й и 4-й корпуса, а также бригады Бенедика и Аппиано отходят назад через Светы и Всестар. Две другие бригады 3-го корпуса так же, как и пехота 10-го, находят свое положение между Липой и Штрезетицем слишком опасным и одновременно, включая и мелкие части, также начинают отходить в общем направлении на Кениггрец. Бригада Флейшгакера — 4-го корпуса — сначала попыталась от Цистовеса (к северу от Хлума) отойти на Неделишт, но наткнулась на подходившие части гвардейского корпуса, повернула обратно и попыталась теперь обходом Липы и далее через Лангенгоф присоединиться к общему потоку отступающих. Из саксонского корпуса дивизия Шимпфа стала отступать через Розниц и Бризу, между тем как дивизия Штиглица, имея позади себя бригаду Шульца (8-го корпуса), удерживала Бризайский лес, а обе другие бригады этого корпуса собирались у Харбусица. Прикрытие отхода в центре и на правом фланге выпадает на долю артиллерии. Она продолжает с позиции Липа — Штрезетиц обстреливать лес Гола, чтобы сдерживать 1-ю армию. Другая артиллерийская позиция пролегла между Лангенгофом, Всестаром, Светы и далее за эту деревню. Ее задача — сдерживать дальнейшие продвижения 1-й гвардейской дивизии. За нею Светы, Всестар и Розниц занимают пехотой.

Бенедек еще первые часы после полудня посвящает свое внимание исключительно противнику у Садовой. Он ждет благоприятного момента, чтобы осуществить большую контратаку. Эрцгерцог Эрнест, командовавший 3-м корпусом, с одной бригадой сделал попытку атаковать в обычном порядке лес Гола; однако он был отбит. Продолжая мечтать о повторном ударе большими силами, Бенедек узнает о том, что произошло на его флангах и в тылу только тогда, когда Хлум уже был взят; теперь он решает своим резервом — 1-м и 6-м корпусами, выдвинутыми в пространство между Розберицом и Бором, — возобновить сражение или хотя бы прикрыть отход. Бригада Пирета (1-го корпуса) брошена на Проблус, Раммингу поручается 6-м корпусом взять обратно Розбериц и Хлум, три бригады 1-го корпуса удерживаются в резерве.

Хотя к Хлуму и подошли 24, а затем еще 12 прусских орудий, 1-я гвардейская дивизия находилась все же в критическом положении. Ее 8 батальонов были разбросаны на большом пространстве. Около 120 орудий взяли под сокрушительный огонь деревни Розбериц и Хлум, а также гвардейские батареи. Сильно теснимая, распыленная кучка батальонов, казалось, не могла оказать упорного сопротивления подавляющему напору целого корпуса. И все же намечавшаяся Бенедekom атака не имела шансов на длительный успех: ведь до этого времени все подобные атаки массами систематически срывались; и если бы эта атака вначале и удалась, все же ей пришлось бы натолкнуться на многочисленные преследующие части и она распалась бы сама собою. Каждую минуту должны были подойти 2-я гвардейская дивизия и 1-й корпус с севера, 1-я армия с запада.

Конечно, наиболее целесообразным было бы, если бы 6-й корпус наступал между Светы и Эльбой; это скорее заставило бы отойти австрийские резервы. 5-му корпусу надо было бы следовать непосредственно за 6-м. Масса, состоящая из двух корпусов, справа поддержанная 2-й гвардейской дивизией, могла бы не только помешать отходу австрийцев по мостам выше Кениггреца, но часть сил послать и на ту сторону Эльбы, чтобы обложить восточный фронт крепости. Если бы одновременно с этим Эльбская армия двинулась от Обер-Прима на Харбусиц, а каварерийский корпус на Куклену, то этим мог бы быть перерезан и путь на Пардубиц. Тогда спаслись бы лишь не многие из австрийцев, большая же их часть была бы окружена, а наступление резервов еще усугубило бы общий разгром.

Но подобному исходу боев этого дня помешали мероприятия прусских армейских и

корпусных штабов. 2-я гвардейская дивизия с пути Гореновес, Масловед, Хлум уклонилась влево, чтобы занять более целесообразную позицию между 1-й гвардейской и 11-й дивизиями; но штаб корпуса послал ее на другой фланг, чтобы сокрушить несчастную бригаду Флейшгакера, которая, будучи отрезанной, искала спасения круглым путем и настичь которую уже было нельзя. Походные колонны 1-го корпуса справа, а 5-го слева были штабом армии стянуты к центру. Они обязательно должны были двигаться на «исторические липы» Гореновеса и составили сильный и прекрасный, но совершенно бездейственный резерв. Лишь авангард 1-го корпуса оторвался и прямым путем от Бенатека достиг Хлума, которому угрожал противник. Из 5 дивизий, осужденных на бездействие, лишь одна бригада была сохранена для поля сражения. И все же, если бы 6-й корпус последовал путем, предугазанной обстановкой, и продвинулся бы вперед между Светы и Эльбой, он перехватил бы поток беглецов хотя бы к северу от большой дороги. Но от такого решительного шага штаб корпуса был удержан понятным чувством обязанности помочь стесненной гвардии. 11-я дивизия получила приказ свернуть вправо и двигаться на линию Розбериц, Светы; 12-й дивизии приказано было занять Лохениц и Предмериц лишь небольшими частями, а с остальными силами двинуться вправо.

Тем самым отказывались от всякого преследования, и массе австрийских сил была предоставлена возможность совершить беспрепятственный отход; все наличные силы были применены для борьбы с двумя корпусами резерва. Из последних двинулся вперед сначала 6-й корпус. Против узкой, слабо занятой южной опушки Розберица небольшой фронт бригадной колонны оказался достаточным для охватывающей атаки. Два-три батальона, занимавшие деревню, были мало-помалу оттеснены к Хлуму. У южной опушки этой деревни и у дороги на Неделишт, идущей в ложбине и занятой стрелками, атака была приостановлена, а затем и отбита. Вторая атака, предпринятая бригадами 1-го корпуса и частями 3-го, имела тот же исход, после того как авангард 1-го прусского корпуса прибыл в Хлум на поддержку гвардии. Отходившие у Розберица подверглись угрозе, с одной стороны, от выдвинувшегося от Неделишта правого крыла 11-й дивизии, с другой стороны — от бригады кавалерийского корпуса.

Австрийская артиллерия долго держалась на позиции между Липой и Штрезетицем, но ее левый фланг, обходимый Эльбской армией, наконец, отступил. На правом фланге некоторые батареи еще упорствовали, продолжая вести огонь, пока беглым огнем из Липы не были перебиты сначала запряжки, а затем и орудийная прислуга. Когда огонь прекратился, 1-я армия двинулась вперед, имея во главе находившиеся у Садовой две бригады кавалерийского корпуса. Головная из них подошла к Розберицу в тот момент, когда отступавшие бригады 1-го австрийского корпуса старались уклониться от атаки 11-й дивизии. Для прикрытия теснимой пехоты были выдвинуты вперед резервные кавалерийские дивизии принца Гольштинского (1-я) и Куденговэ (3-я). Между этой кавалерией и сначала бригадами дивизии Ганна, а затем передними полками спешившей от Неханица к Штрезетицу дивизии Альвенслебена {32} произошло столкновение. Результаты были переменные, но скорее склонялись в пользу более сильных и более сомкнутых австрийцев. Во всяком случае, австрийская кавалерия обеспечила последним частям своей теснимой пехоты время, крайне необходимое им для того, чтобы вырваться из когтей преследующих. Но и после удачной атаки она в конце концов была сломлена огнем наступающей пехоты со стороны Липы, Догалицки и Мокровуса. Менее удачно сложилась обстановка для слишком долго задержавшейся артиллерии, которая под огнем потеряла часть своих запряжек и, беспомощная, попала в руки противника. Как только прекратился кавалерийский бой, пехота снова двинулась вперед.

6-й корпус захватил мызу на большой дороге южнее Светы, а также Розниц и Бризу (схема 57). Эльбская армия между тем отбила атаку Пирета, заняла Бризайский лес и

совместно с подошедшей бригадой Эцеля захватила Штецирек. Позади линии Штецирек — Светы сосредоточились восемнадцать пехотных и три кавалерийских дивизии. Мечта армейских штабов осуществлялась: три армии одной компактной массой были собраны на теснейшем пространстве; они могли локоть к локтю двигаться вперед. Но и неприятель развернулся перед пруссаками на таком же фронте.

Оставшуюся у них, все еще многочисленную, артиллерию австрийцы снова расположили: на позиции правым флангом у дороги Кениггрец — Иозефштадт, недалеко от дороги Светы — Плотист, а левым флангом у Штессера. И эта артиллерия, видимо, решила оказать упорное сопротивление. Могло даже показаться, что противник замышляет контратаку, ибо к юго-западу от Штессера появляются новые батареи и своим огнем вынуждают бригаду Эцеля от Штецирека отойти к Обер-Приму. Мольтке пытается побудить к преследованию Эльбскую армию, штаб 2-й армии — 5-й корпус и кавалерийскую дивизию Гартмана. Необходимо, однако, сначала устранить сильный барьер, который стоит на пути всякого продвижения вперед. 1-я армия еще утром того же дня нашла невозможным двигаться фронтально на подобную артиллерийскую линию; фланговый удар, охват или обход, осуществления которых пруссаки только-что старательно избегали, признаются теперь необходимыми. Войск для исполнения таких маневров имеется много. 200 000 чел., сосредоточенные на небольшом пространстве, представляют удивительную картину, но она вызывает у принца Фридриха Карла такую фразу «Чего бы я только ни дал за то, чтобы иметь возможность здесь командовать и установить порядок». Для выполнения этой геркулесовой работы в оставшиеся короткие вечерние часы, чтобы затем направить массы или часть их для флангового удара, не нашлось никого. На холме у Розница всякий, имевший претензию считать себя полководцем, ломал себе голову над вопросом, что бы в таком случае предприняли Наполеон или Гнейзенау. Излишний вопрос, так как ни тот, ни другой из них не поставили бы себя в подобное положение. Наконец, из всех взглядов за и против выяснилось одно: сегодня предпринимать что-либо уже нельзя.

Этот отрицательный результат был неминуем. Мольтке хотел охватить, окружить, уничтожить; для этой цели фланги должны быть сильными и выдвинутыми вперед (см. схему 53). Правое крыло должно было бы двигаться на Хлумец, Пардубиц, Голиц, а левое — через Меттау на Тиништ. Главное сводилось к тому, чтобы помешать врагу в его отходе на Ольмюц или Вену. Штабы армий держались иных взглядов: они хотели сделать сильными не свои фланги, а свой центр, не продвигать фланги вперед, но, воздерживаясь от всякого воздействия на фланги неприятеля, группироваться к середине (см. схему 54). Правое крыло вынуждено было направляться не на Хлумец, Пардубиц, Голиц против фланга и в тыл, но на Неханиц в лоб, а левое крыло — не через Меттау на Тиништ, но через Эльбу на ее правый берег. Вопрос заключался не в том, чтобы отрезать противника от Ольмюца или Вены, но чтобы оттеснить его туда. Не стремились подойти к неприятельской позиции с восточной или южной стороны, — старались надвигаться на нее с запада и севера. Последовательное осуществление этих принципов собрало три прусские армии в одну общую массу и вывело ее прямо на неприятельский фронт. Идеал, созданный теоретиками, был осуществлен: теперь открывалась возможность произвести прорыв массой в 200 000 чел. Но противник не трогался с места и непоколебимо продолжал свой огонь. Таким образом, австрийская армия была спасена, хотя, правда, ценой потери более 44000 чел. (24%) и 188 орудий. Результат был достигнут, даже крупный результат, но не тот, который был уже в руках у пруссаков. Штабы армий в этом случае настояли на своем.

Бенедек, спасавший свою армию, также мог приписать себе заслугу, которую нельзя недооценивать. Правда, принятие сражения тылом к Эльбе, желание добиться

победы массовым ударом против неприятельского фронта, молчаливое допущение отклонения своего правого фланга с линии Хлум — Неделишт — Эльба на линию Масловед — Гореновес были, конечно, актами неудачными. Но когда над ним навис разгром, Бенедек показал себя настоящим полководцем. Наступлением своих резервов на Розбериц и Хлум, атаками своей кавалерии, своей сосредоточенной на позиции артиллерией Бенедек сумел до возможного ослабить высочайший кризис. Он спас, по крайней мере, три четверти своей армии. А между тем на пути к достижению этого результата стояли исключительные препоны.

Различные войсковые части перемешивались между собою неоднократно, но ядро 2-го и 4-го корпусов (см. схему 57), так же как и 2-я легкая кавалерийская дивизия, старались перейти Эльбу выше Кениггреца, а 8-й и саксонский корпуса вместе с прочими кавалерийскими дивизиями устремились через Эльбу ниже этого пункта. Главный же поток беглецов ринулся на самую крепость. Войска питали наивную веру, будто Кениггрец для того и построен, чтобы обеспечить им беспрепятственный переход через Эльбу. Но комендант, напротив, стоял упорно на том, что доверенную ему крепость он должен отстоять своему императору и против друга и против недруга, и что Австрия не может погибнуть, пока существует Кениггрец. Он приказал закрыть ворота. Войска очутились перед недоступными для штурма валами, перед наполненными водой рвами и затопленными полями. Запутавшись в лабиринте ручьев и заболоченных участков, войска, теснимые сзади, не могли пробиться ни вперед, ни в стороны. Множество повозок, орудий было брошено в воду, всадники, прижатые к самым рвам, пробовали перескочить их и тонули. Комендант сообщает в Вену:

«Целые корпуса *en debandade* {33} переходят палисады около крепости и внутри нее, переправляются вплавь через рвы и Эльбу, карабкаются на стены главной ограды. Защита совершенно бессильна. Ожидаю приказаний».

Ужас и смятение еще более возрастают, когда среди стиснутых в кучу масс начинается стрельба; создается впечатление, будто противник уже стоит на том берегу. Наконец, в 11 час. проход делается свободным, поток устремляется по узким улицам через мосты и неудержимо течет дальше на Голиц.

Оттуда в 10 час. вечера Бенедек телеграфирует:

«Катастрофа, которой опасались еще позавчера, сегодня наступила полностью».

Катастрофа, конечно, наступила (см. схему 58), но сражение на уничтожение, подготовленное Мольтке со столь большими шансами на успех, сорвалось во второй раз. Третья попытка, по крайней мере, в такой же форме, предпринята уже быть не могла. Австрийцы теперь уже не находились в центре между тремя прусскими армиями, надвигающимися с разных сторон; две армии стояли просто фронтом одна против другой. Побежденные, повидимому, могли без существенной помехи отойти на Вену или Ольмюц. Бенедек останавливается на последнем решении. Путь на Вену слишком далек. Армия совсем разложится прежде, чем дойдет до правого берега Дуная. В Ольмюце же войска после более короткого марша снова соберутся с силами и вернут свою боеспособность. Отсюда столица будет лучше защищена, чем из-за Дуная. Угрожаемый на своем марше фланговой позицией, противник будет вынужден оставить притязания на Вену и приняться за безнадежную осаду.

Но этот план не отвечал взглядам венского кабинета. Тотчас же по получении здесь

в 1 час дня телеграммы Бенедика было принято решение оставить захваченную в Италии территорию, освободить тем самым южную армию и продолжать войну с Пруссией с повышенной энергией. Но чтобы не унижить себя перед побежденным у Кустоццы ролью просителя, император Франц-Иосиф решил уступить Венецию Наполеону III как вознаграждение за посредничество в достижении перемирия с Италией. Наполеон охотно пошел на выполнение этого плана, дававшего возможность новым милостивым подарком обязать созданную им братскую державу, но еще больше ему хотелось этим стать поперек дороги пруссакам, притязавшим на победу. Каждый успех небольшой презренной северогерманской державы Франция ощущала как удар, направленный лично против нее; она видела в этом угрозу ее господству на континенте. И теперь Наполеону представлялась возможность выполнить роль третейского судьи. Он благосклонно принял Венецию и дружественно предложил быть посредником в установлении перемирия не только с Италией, но также и с Пруссией, выслушать притязания всех сторон, а затем с высоты своего курульного кресла вынести приговор, воздающий каждому по его заслугам. Но перемирие не удовлетворяло ни Австрию, ни Пруссию. Одна хотела возратить потерянное, другая хотела удержать приобретенное. Однако обе приняли посредничество. Австрия после Кенигрца не могла отклонить единственную руку помощи, ей протягиваемую, а Пруссия не хотела взять себе на шею нового врага. Обе старались затянуть посредничество. Пруссия не могла заключить перемирия без согласия союзной Италии и без ознакомления с условиями мира, а Австрия не могла уступить Венеции, пока еще не высказалась Италия, и вместе с тем должна была обеспечить соединение южной армии с северной. Министр-президент граф Менсдорф отправляется в главную квартиру и тщетно пытается освободить Бенедика от его иллюзий. Ему удается лишь выговорить отправку 10-го корпуса по железной дороге в Вену и туда же двинуть походным порядком четыре кавалерийские дивизии; но с семью корпусами и одной кавалерийской дивизией Бенедик продолжает свое движение на Ольмюц.

Для этого марша уже 4 июля армия была разделена на три колонны, в пределах которых разрозненные части мало-помалу разбирались по своим корпусам. Главная колонна (1-й, 5-й, 6-й, 10-й корпуса, армейский артиллерийский резерв) должна была двигаться через Голиц, Гогенмаут, Лейтомышль, Цвиттау, Моравское Трюбау, Гевич и Кониц; правая колонна (2-й, 4-й корпуса, 2-я легкая кавалерийская дивизия) — через Гогенбрук, Вамберг, Вильденшверт, Ландскрон, Гогенштадт, Мюглиц и Литтау; левая колонна (8-й и саксонский корпуса, четыре кавалерийские дивизии) от Пардубица направлялась через Хрудим, Храст, Поличку, Цвиттау, а затем за главной колонной на расстоянии одного дня перехода через Моравское Трюбау и далее по дороге правой колонны через Мюглиц и Литтау; между 10 и 11 июля колонны должны были достигнуть Ольмюца. Эта программа была выполнена с небольшими изменениями. Отклонились от основного направления только 10-й корпус у Цвиттау через Брюзау и Леттовиц, чтобы отсюда двинуться на Вену по железной дороге, и четыре кавалерийские дивизии с линии Саар — Цвиттау, чтобы двинуться туда же четырьмя колоннами через Требич и Брюнн.

В прусской главной квартире 4 июля не имели никакого представления о размерах одержанной победы. Противник накануне, после полудня, отошел на Кенигрц, но перед крепостью оставался неподвижным. Вечером, когда сражение утихло, исход его был неясен. Конечно, можно было еще допустить, что на следующее утро противник очистит правый берег Эльбы; но не было оснований думать, что он будет продолжать отход по ту сторону. Атаковать его фронтально на позиции за Эльбой казалось невозможным. Предполагалось попробовать обход через Пардубиц и ниже, но с серьезным обеспечением своего левого фланга. И только, когда в полдень 4-го прибыл из Голица Габленц и в крайне подавленном состоянии духа заявил, что у его императора нет более армии и что он просит о перемирии, — только тогда начали постигать размеры достигнутого успеха.

Итак, временно неприятель был устранен. Преследование его возлагается на 2-ю армию, а против нового врага, который каждую минуту ожидается со стороны Вены, король решает направить 1-ю и Эльбскую армии. 5-го достигают Эльбы своими передовыми частями: 2-я армия — у Пардубица, 1-я у Прелауча и Эльбская — у Кладруба. От этих пунктов 2-я армия должна была отклониться на Моравское Трюбау, а 1-я и Эльбская армии должны были двигаться прямо на Вену. Последние две, двигаясь левым крылом через Хрудим и Поличку, правым — через Дейч-Брод и Иглау, 12 июля достигают линии и Брюнн — Моравский Будвиц. Только в небольших стычках у Саара и Тишновица пришлось придти в соприкосновение с четырьмя отступавшими дивизиями австрийской кавалерии.

Уже во время первых дней марша пришло известие, что король Виктор-Эммануил одинаково отклонил как предложенную ему Наполеоном Венецию, так и предложение о перемирии. Италия желала собственными силами стать великой и свободной и принадлежать ей по праву провинции отобрать с мечом в руке, но не принимать издревле итальянскую область как милостивый подарок из рук своего покровителя да, пожалуй, еще позорной ценою потери Ниццы и Савойи. И не только не устанавливалось перемирие, но к притязаниям на Венецию присоединилось еще притязание на южный Тироль, а генералу Чиальдини было предложено в ту же ночь перейти По. Австрийская южная армия оказывается теперь скованной и не может двигаться на Вену. Столица является, таким образом, не защищенной; для ее спасения можно рассчитывать только на северную армию. Все это существенным образом меняет обстановку. До сих пор Мольтке полагал, что Бенедек после короткого перерыва и отдыха перейдет из своего укрепленного лагеря в наступление, почему 2-я армия и должна была продвигаться до линии Кониц — Литтау, что к северо-западу от Ольмюца. В случае наступления против нее Бенедека армия должна была уклониться на Глад, чтобы оттянуть австрийцев дальше от Вены и, может быть, дать этим возможность 1-й армии ударить во фланг и тыл австрийцев. Если же северная армия попыталась бы отойти на Вену и Пресбург, 2-я армия должна была бы тотчас же следовать за ней, в то время как 1-я армия через Лунденбург преграждала бы ей путь по долине Моравы, а Эльбская армия стояла бы заслоном против Вены.

Теперь, когда выяснилась вероятность отхода австрийцев от Ольмюца и невозможность с их стороны атаки, Мольтке соглашается на предложение штаба армии двигаться не на Литтау, Кониц, а на Просниц, Плуменау и Урчиц. Но при этом он полагал, что 2-я армия постарается атаковать и отрезать противника, как только он приступит к отходу, и постарается отеснить его к северу или северо-востоку. Однако командование армии вовсе не имело этого в виду. Повидимому, оно рассчитывало на умно выбранную «позицию», которая должна была удержать противника от всякого отхода. Поскольку этого не получалось, командование армии решило «ввиду полного отрыва от 1-й армии» не нападать на численно превосходящих австрийцев, но стремиться, если будет обнаружено движение австрийцев к югу, «предупредить последних путем соединения с 1-й армией» и таким образом открыть свободный путь к Дунаю. Но раз позиция у Просница должна была играть роль хотя бы только устрашающего средства, ее надлежало достигнуть заблаговременно. А так как после сражения противнику была дана фора в три перехода, естественно, напрашивалась мысль двигаться наиболее прямым и коротким путем и повести все корпуса по возможности в одной линии. Надо было найти, по крайней мере, три отдельные дороги, если только не останавливались на мысли всю армию перебросить через Эльбу у Пардубица, а полагали все же нужным три корпуса (6-й оставался временно под Кениггрецом и Йозефштадтом) переправить на левый берег по отдельным мостам. Правая колонна могла от Пардубица через Грохов — Тейниц, Луше, Лейтомышль, Цвиттау, Брюзау, Леттовиц подойти к Урчицу, средняя — от Немчица через Голиц, Гогенмаут, Лейтомышль (отдельно от правой колонны), Моравское Трюбау, Гевич, Кониц к Просницу, левая — от Опатовица через Тиништ, Вильденшверт, Ландскрон,

Мюглиц к Ольшану. Но 2-я армия, в сущности одной колонной из трех, а позднее четырех корпусов, двинулась дорогой от Пардубица через Гогенмаут, Лейтомышль, Богемское Трюбау, Гевич и Кониц. Кружность этого пути, повидимому, не постарались наверстать форсированным движением. 12 июля, когда 1-я и Эльбская армии достигли линии Брюнн — Моравский Будвиц, 2-я армия прошла лишь две трети своего пути, достигнув передовыми частями Гевича. Такой темп марша не соответствовал энергии, развитой неприятелем.

Австрия хотела освободить южную армию во что бы то ни стало. На ее предложение, чтобы французская армия или флот сделали Италию уступчивой и чтобы они оккупировали уступленную Венецию, Наполеон не согласился. К счастью для Италии, хотя и отданы были энергичные приказания, но, благодаря французскому влиянию, не были, как говорится, энергично выполнены. Переход Чиальдини через По не оказался особенно угрожающим. С 86 000 чел., составлявших большей частью гарнизоны крепостей, можно итальянского генерала держать в респекте. По крайней мере 50 000 могут быть переброшены через Альпы. Эрцгерцог Альбрехт назначается главнокомандующим всеми вооруженными силами. Он намеревается собрать в Вене большую армию. Туда должно быть направлено все, что еще может быть поставлено на ноги, но прежде всего туда должна быть стянута северная армия. Уже 9 июля, при своем вступлении в Ольмюц, Бенедек получил приказание сначала 3-й, а потом и саксонский корпус двинуть по железной дороге. Теперь направляются в Вену и остальные корпуса. Бенедек создает этому затруднения: он не может отказаться от своего любимого плана оперировать против флангов противника, хотя бы и с клаузевицскими «потухшими вулканами»; он опасается, что форсированные марши окончательно расстроят армию. Приказ «во что бы то ни стало» прибыть по железной дороге или походным порядком через Пресбург к Вене не оставляет Бенедеку никакого выхода. Саксонскому корпусу предоставляется право продолжать свой переезд железной дорогой. С остальными пятью корпусами, 2-й кавалерийской дивизией и артиллерийским резервом Бенедек 14-го и 15-го приступает к маршу через Пресбург на Вену. К одному большому врагу Пруссии, который здесь сосредоточивается, должен присоединиться еще другой.

Наполеон потерпел одно поражение при Садовой, второе он потерпел благодаря отклонению его предложений Виктором-Эммануилом. Его роли третейского судьи Европы, а также избранника своей нации был нанесен тяжелый удар. Восстановление старого престижа является теперь для него необходимостью, если он хочет и дальше оставаться в Тюильри. Бенедетти посылается в прусскую главную квартиру в качестве посла, чтобы с полной настойчивостью добиться сначала перемирия, а затем и мира. Существенным мотивом является то, что Пруссия не должна стать слишком сильной. Лишить победителя всяческих выгод, конечно, невозможно, но приобретенный им прирост в силе должен быть уравновешен соответственной территориальной уступкой в пользу Франции. Наполеон только видимо нейтрален, в действительности же он принадлежит уже к числу воюющих сторон. Но сначала он пробует достигнуть своих целей не путем оружия, а переговорами и более или менее замаскированными угрозами. Затруднения для дипломатов состоят в том, что Пруссия весьма готова заключить перемирие, но должна поставить его в зависимость от решения союзной Италии и встречных предложений; Австрия же, в противовес требованиям Пруссии, не хотела идти ни на перемирие, ни на уступки, и, наконец, Италия отказывалась сложить оружие. Чтобы сгладить эти противоречия, может быть, Наполеон и будет вынужден бросить меч на чашу весов. «Что мы предпримем, если двинется Франция?» — спрашивает Бисмарк. — «Нам придется отойти за Эльбу», — отвечает Мольтке. Но этого не должно быть. Пруссия пытается удержать Францию, идет ей навстречу, насколько это возможно, а между тем старается нанести Австрии новое поражение, чтобы сделать ее уступчивой по

отношению к прусским умеренным требованиям. Формирующаяся у Вены армия должна быть разбита раньше, чем подойдет Бенедек.

«Поэтому, как вторично указывается 13 июля 2-й армии — задачей является помешать соединению австрийских северной и южной армий при любых обстоятельствах».

Из состава 2-й армии 13 июля достигли: кавалерийская дивизия — Коница, из 1-го корпуса авангард — Вахтеля, отдельный отряд Будденброка — Грохова, главные силы — Стефанау, 5-й корпус — Гевича, гвардия — Моравского Трюбау, 6-й корпус — Ландскрона. В тот же день части противника стоят: 2-я легкая кавалерийская дивизия у — Литтау, 2-й корпус — у Кренау, 4-й — у Шноболина, саксонская кавалерийская дивизия — у Нимлау, сзади 6-й корпус и еще неотправленные части саксонского корпуса — у Ольмюца, 8-й корпус — у Нейшгифта, 1-й — у Прерау, 14-го должны были двинуться: 6-й корпус через Вейскирхен в долину Вааги, саксонская кавалерийская дивизия, 4-й и 2-й корпуса на Кожегин и Тобичау, 2-я легкая кавалерийская дивизия на Кронау главные обозы — через Прерау, Моштениц и далее по левому берегу Моравы. Таким образом, на другой день длинная колонна должна была двинуться от Литтау через Кренау и Шноболин вдоль левого берега Моравы к Тобичау и Кожегину. Для 2-й армии наступает крайний час, чтобы приступить к своей главной задаче — оттеснения северной армии.

Уже утром 14-го, прежде чем кавалерийская дивизия Гартмана достигла Костельца, с высоты у Грохова были замечены длинные столбы пыли между Литтау и Ольмюцом и на дорогах вниз по долине Моравы. Совершенно ясно: австрийская армия находится на марше. У Просница уже происходит столкновение кавалерии обеих сторон, а, по словам местных жителей, утром через Кралиц прошла пехотная бригада. Генерал Гартман предполагает нанести удар через Дуб или Тобичау в направлении на Прерау (схема 59), для чего просит пехотной поддержки и сам едет к 5-му корпусу в Нейшгифт (юго-восточнее Коница), чтобы лично и настоятельно поддержать свою просьбу. Штейнмец находит план прекрасным, но считает свое расположение слишком удаленным, чтобы быть в состоянии содействовать. 1-й корпус находится ближе и, конечно, будет готов оказать всяческую помощь. Гартману удается получить приказ от случайно присутствующего кронпринца: «1-й корпус еще сегодня вечером посылает пехотную бригаду с батареей на Тобичау и овладевает переправами между Тобичау и Траубеком». Но раньше чем Гартман с этим приказом прибыл к Бонину в Плуменау, наступает вечер. «Сегодня уже слишком поздно, — получается ответ, — но завтра ранним утром бригада выступит». В это время генерал фон-Боршгель, заместитель Гартмана, с кавалерийской дивизией продвинулся к Просницу, а 1-й кирасирский полк он продвинул вперед к Тобичау. Этот полк у Бискупица натывается на две сторожевые роты и атакует их. Каре разорвано на две части, много людей ранено. Но в результате полк с потерей 6 офицеров и 14 солдат принужден отойти.

К вечеру на австрийской стороне были расположены: 2-я легкая кавалерийская дивизия у Кренау, 8-й корпус у Нейшгифта (южнее Ольмюца), 2-й у Тобичау, 4-й у Кожегина, 1-й у Прерау; на прусской стороне — кавалерийская дивизия и отряд Будденброка у Просница, 1-й корпус у Плуменау, 5-я у Нейшгифта (юго-восточнее Коница), гвардия у Гевича, 6-й у Моравского Трюбау. 2-я армия сильно растянулась; два корпуса остаются значительно позади, но кавалерийская дивизия, 1-й и 5-й корпуса находятся в достаточной мере под рукой, чтобы быть в состоянии задержать на марше хотя бы часть противостоящей северной армии, оттеснить ее или преследовать. Ввиду приказаний во что бы то ни стало не допустить соединения северной и южной армий, необходимо было во всяком случае действовать с напряжением всех сил. Однако, штаб

армии считает такое поведение не соответствующим обстановке. Полученное донесение «северная армия отходит» благодаря другим сведениям превращается в «северная армия отошла». Этим самым текущая задача преследования снимается, но постоянная, как бы врожденная, задача соединения с 1-й армией остается неизменной. Гвардейский и 6-й корпуса должны тотчас же выступить и 17-го достигнуть Брюнна, 5-й и корпус в первую голову должен занять Просниц, а затем расположиться по квартирам у Плуменау, 1-й корпус должен занять позицию у Вейшовица, Урчица, Оттаславица с авангардом у Кралица и прикрывать Брюннскую дорогу. Оба корпуса получают задачу внимательно наблюдать за Ольмюцом, который, повидимому, оставлен противником, и «если сведения об уходе противника подтвердятся», то выступить на Брюнн для поддержки 1-й армии. Стараются не воспрепятствовать «во что бы то ни стало» соединению северной и южной армий, но допустить таковое; в то же время — согласно или против желания Мольтке — становится на очередь соединение 2-й и 1-й прусских армий. План не удается вполне, так как предположение, что «северная армия отошла», не оправдалось, а приказание «бригаде 1-го корпуса двинуться на Тобичау» осталось в силе.

Ранним утром 15 июля 4-й и 2-й австрийские корпуса должны были продолжать свое движение (схема 60) на Тобичау и Кожегин западнее Моравы, 8-й — следовать за ними от Нейшпифта, 1-й — оставаться в Прерау, части саксонского корпуса должны были здесь же быть готовыми к отправке по железной дороге. Граф Тун счел, однако, движение по правому берегу Моравы опасным, решил двинуться левым берегом по дороге, перегруженной обозами, и, прежде чем до него могло дойти запрещение, в 2 часа утра со 2-м корпусом двинулся через Траубек и Хропин на Кремзир. В результате 8-й корпус, значительно изолированный, в 4 часа приступил к фланговому маршу в следующем порядке: 3 эскадрона, 150 заводных лошадей, 60 повозок, бригада Роткирха, обозы и транспорты, бригады Рота и Кирхмайера, 2-я легкая кавалерийская дивизия. Бригада Вебера также должна была сняться в 4 часа и в качестве бокового отряда двинуться главной колонной через Врбатец и Кралиц.

Прусская бригада Малотки (4-й и 44-й полки), как было указано, выступила в 4 часа от Штиховица и двинулась через Просниц, Кралиц, Грубшиц, Клонотовиц в направлении на Тобичау. Три эскадрона, заводные лошади и 60 повозок миновали город раньше, чем произошло столкновение, две роты бригады Роткирха занимали город в тот самый момент, когда между ротами авангарда, с одной стороны, и боковым прикрытием, с другой, завязался бой вблизи Виклицкой мызы. Стрелковый батальон 44-го полка прогоняет противника из перелеска, что к северо-востоку от мызы, и прочно в нем закрепляется. Опираясь на этот пункт, 44-й полк разворачивается. Батарея Малотки вместе с двумя батареями подошедшей дивизии Гартмана снимаются с передков у Клопотовица и вступают в бой у Верована с батареей Роткирха, постепенно усиливаемой из артиллерийского резерва. Походная колонна австрийской пехоты поворотом направо занимает позицию вдоль по дороге. Как только 44-й полк развернулся, а 4-й последовал за ним вправо, Малотки отдает приказ двигаться вперед. Неприятельский левофланговый полк Тоскана, атакованный с охватом его флангов, подается назад частью на восток, частью на север. Подполковник фон-Бредов с кирасирами 5-го полка, найдя укрытый от взоров противника брод через Блятту выше Бискупица, неожиданно атакует австрийские батареи при Вероване. Семнадцать орудий захвачены, шестнадцать уходят через Ракодау, семь — через Дуб. Бенедек, который со своим штабом находится на высоте, вынужден поспешно отсюда уехать. Угрожаемая с юга генералом Малотки, с севера Бредовым, бригада Роткирха приступила к отходу на Циттов. Части, отошедшие на Тобичау, оттесняются семью ротами 4-го полка через Мюленфлис, Мораву и Бецву, пока их не принимают на себя у Хенчельсдорфа части 1-го корпуса. С остатками своей бригады Малотки занимает позицию у Верована. Против него у Дуба появляется эрцгерцог

Леопольд с бригадами Рота и Кирхмайера. Бригада Вебера, которой небольшой неприятельский отряд помешал выполнению ее задачи по боковому прикрытию, и 2-я легкая кавалерийская дивизия также подходят сюда, 22 батальона, 12 эскадронов, 40 орудий не атакуют, но позволяют артиллерии Малотки обстреливать себя в течении 2½ часов до тех пор, пока не начинают подходить главные силы 1-го прусского корпуса через Грубшиц и части Будденброка через Кралиц.

Теперь начинается отход через Дуб и Бродек, а одной бригадой на Ольмюц. Малотки остается на Мораве, 1-й корпус доходит до Блятты. Бонин дальше принимать участие в сражении не хочет. Гартману предоставляется с гусарской бригадой, одним эскадронам улан, одной батареей и посаженной на повозки ротой выполнить намеченный удар на Прерау.

Для принятия 8-го австрийского корпуса 1-м корпусом высылаются от Прерау: бригада Пошахера в район севернее Рокетница, батальон бригады Лейнингена в эту деревню, два батальона в Длухониц, один юго-восточнее этой деревни (между Бецвой и железной дорогой), один батальон и одна батарея в промежутке между обеими деревнями. Гартман, перейдя Бецву у Врбовеца и закрепив переправу ротой, атакует эту батарею и два последних батальона; всех их ему удастся принудить к отступлению. Этот отход увлекает за собой также батальоны, находящиеся в Длухонице и возле него; обозы, двигавшиеся по дороге Рокетниц — Прерау, приведены в непоправимое замешательство. Но атака на батальон, появившийся из Рокетница, не удается. Когда же бригада Пошахера поворачивает влево, наступая против немногих гусарских эскадронов, и берет под огонь их батарею, Гартман приказывает трубить сбор и отходить через Врбовец. Три эскадрона гусар ландвера, которые несколько задержались, атакуются австрийскими гусарами, принуждены к отходу и теряют часть своей добычи — пленных и провиантские повозки. 1-й и 8-й корпуса тем не менее продолжают свой путь на Прерау.

Малотки и кирасиры 5-го полка отбрасывают и последнюю свежую австрийскую бригаду — бригаду Роткирха; появление Бонина и атаки Гартмана втягивают в общее отступление также 8-й и 1-й корпуса (схема 61). В тот же день, 15 июля, разъезд 8-й дивизии разрушает железную дорогу у Гединга. Бенедек видит себя отрезанным от пути и железной дороги, идущих по долине Моравы, и вынужден отойти в долину Вааги по дурным горным дорогам. 6-й корпус, а за ним саксонская дивизия Штиглица должны от Лейпника отойти через Вейскирхен, 1-й корпус и саксонская бригада Вагнера — через Голлешау, Висовиц, перевал Влар и Немсову, 8-й корпус и 2-я легкая кавалерийская дивизия — сначала также через Голлешау и Висовиц, а далее через Бойковиц, Грозенкау и Костольну, 2-й корпус — от Кремзира через венгерский Градиш, Страны и Нейштадтль, 4-й корпус и саксонская кавалерийская дивизия — через Здаунек, Остру, Вельку, Мигаву и Вербовцо в долину Вааги. Бенедек, совершая, правда, большие обходные движения, может все же через Тирнау и Пресбург достигнуть Вены. Являлась необходимость снова его преследовать, оттеснить, принудить, по крайней мере, к отходу на Коморн. Это должно было привести его армию к полному разгрому и доставить пруссакам время и пространство для овладения Дунайской позицией у Вены, как бы она ни была сильна и как бы ни была широка река. Мольтке уже по первому, хотя еще преждевременному известию об отходе Бенедек, рано утром 15 июля приказал 2-й армии 5-м и 1-м корпусами следовать за уходящим противником через Кремзир и Напагедль. 1-я армия должна была сосредоточиться у Лунденбурга, чтобы преградить бегущим путь по долине Моравы. Во всяком случае преследование должно было вестись на Кремзир и Напагедль, а не на Прерау. Если бы кавалерийская дивизия и 1-й корпус рано утром 15-го двинулись этой дорогой, а за ними последовал 5-й корпус, то 17-го одна дивизия 1-го корпуса была бы у Венгерского Брода, другая достигла бы Остры. В тот же день 8-я дивизия стояла бы у

Голича, 5-я — у Чейча, 18-го дивизии могли бы соответственно выдвинуться к Страны, Вельке, Тирнау и Пресбургу, 5-й корпус двигался бы по долине Моравы. Едва ли можно сомневаться, что Бенедек был бы совершенно отрезан от Пресбурга, его армия подверглась бы полному разложению, войне был бы конец.

«Непонятный» и «невыполнимый» приказ Мольтке не передается штабом армии для дальнейшего исполнения. Напротив, со стороны того же штаба находит одобрение предложение Штейнмеца. Вечером 15-го Гартман и Малотки стоят у Тобичау и Верована, 1-й корпус — между Грубшицом и Вискупицом, 6-й — у Просница; Штейнмец, незнакомый с событиями дня, намеревается предложенный ему 14-го «удар» на Прерау выполнить 16-го. А для этого он желает поддержки со стороны дивизии Бонина, которого, судя по приказу армии, он предполагает расположенным у Плуменау и Урчица. Случайно он узнает, что 1-й корпус расположен непосредственно перед ним; тогда он находит более простым предоставить произвести удар самому Бонину. Последний охотно берется выполнить то, что он должен был бы выполнить днем раньше, но сначала хочет накормить части; только в 2 часа пополудни он соединяется с Гартманом, к вечеру достигает Прерау, находит там жизненные припасы и овес, но не противника. Последний нашел время уже с 3 час. утра вытянуть походную колонну в 40 000 чел. на дороге через Голлешау. Чтобы кое-что сделать, Бонин велит, вопреки приказанию Мольтке, взорвать железнодорожный мост через Бецву и тем делает невозможной собственную связь с Силезией для дальнейших операций. Затем он возвращается на бивак за р. Блятта. Этим прекращается всякое серьезное преследование со стороны 2-й армии, и неприятелю предоставляется возможность того самого соединения, которому надлежало воспрепятствовать «во что бы то ни стало». По распоряжению штаба, армии 1-й корпус остается у Прерау и Тобичау для наблюдения за пустым Ольмюцом, между тем как 5-й корпус и дивизия Гартмана после дневки двигаются вниз по Мораве, а гвардия и 6-й корпус 17-го достигают Брюнна.

День у Тобичау воспринят был в Вене как тяжкая неудача. Только 3-й и 10-й корпуса сосредоточились у столицы; правда, саксонская бригада и четыре кавалерийские дивизии придут в кратчайшее время, но ожидаемые из Италии 50 000 чел. могут быть на месте только 22-го. Однако, и с их поддержкой нельзя было рассчитывать на благополучную оборону позади Дуная и на Флоридсдорфских укреплениях, еще менее можно было рассчитывать на наступление. Присоединение северной армии существенно необходимо. Ближайший путь по долине Моравы прегражден. Предпринятое движение долиной Вааги на Пресбург вызывало значительное промедление. Но последнее будет еще большим, если и этот кружной путь будет прегражден у Пресбурга: тогда по необходимости должно быть предпринято еще более далекое движение через Коморн. Перевал у Блюменау, ведущий из долины Моравы на Пресбург, правда, занят бригадой Мондля из 10-го корпуса, но она не в силах выдержать серьезного напора. Для ее поддержки подтягивается 2-й корпус — головной корпус длинной походной колонны, идущей долиной Вааги. Он должен с максимальной возможной скоростью двигаться к угрожаемому пункту, пользуясь подводами и конно-железной дорогой.

В прусской главной квартире картина рисовалась иначе. Сколько корпусов из-под Ольмюца достигло по железной дороге Вены — неизвестно. Считается достоверным, что большая часть южной армии туда уже прибыла. Силы, готовые к обороне, исчисляются в 100 000 чел. Наступление их со стороны Флоридсдорфских укреплений может совпасть с наступлением северной армии со стороны Пресбурга, если последняя там сосредоточится. Поэтому задача овладеть Пресбургом является в высокой степени важной. Этот пункт разделяет обе армии. От него можно атаковать как правый фланг разворачивающейся за Дунаем южной армии, так и левый фланг северной армии, идущей к югу по долине Вааги.

Чтобы осуществить прорыв, необходимо атаковать южную армию за Дунаем и на Флоридсдорфских укреплениях, а северную — в долине Вааги. Для первой задачи были пригодны части 1-й армии, не назначенные против Пресбурга, и Эльбская армия, для второй могли быть назначены 1-й и 5-й корпуса с дивизией Гартмана, которым Мольтке директивой, отданной рано утром 15-го, указал направление на Кремзир и Напагедль. 2-я армия пренебрегала выполнением этой задачи и этим сама себя устранила от ближайших операций. 1-й корпус спокойно стоял на позиции перед пустым Ольмюцом. 5-й корпус и дивизия Гартмана пошли влево, гвардия и 6-й корпус — вправо на несколько переходов за 1-й армией. Для многих задач — для наступления на дунайский фронт, захвата Пресбурга, оттеснения Бенедека, фланговой атаки на правом берегу Дуная — остались в распоряжении только 1-я и Эльбская армии. Прежде чем приступить к новому решительному сражению, пришлось бы подождать, по меньшей мере, гвардейский и 6-й корпуса. Чтобы подготовить сражение, левому флангу 1-й армии от Брюнна указано направление через Гединг, Голич вниз по Мораве на Пресбург, а правому — Эльбской — от Цнайма и через Лаа и Вильферсдорф на Вену.

21-го числа Эльбская армия располагается (схема 62) у Гаунерсдорфа, ее авангард у Вильферсдорфа, боковой отряд — два эскадрона под начальством принца Геесенского — у Штокерау; из состава 1-й армии 2-й и 3-й корпуса, а также кавалерийская дивизия Альвенслебена (1-я) — за Вейденбахом влево до Ангерна и назад до Шпанберга, кавалерийская дивизия Ганна (2-я) у Мархега, 7-я {34} и 8-я дивизии под начальством Франзецкого у Штампфена и Мариентала. 2-я армия располагалась; 6-й корпус (11-я дивизия) у Вильферсдорфа, гвардия — до Дрезинга, 5-й корпус — далеко позади в районе Штрасница и Везели, кавалерийская дивизия Гартмана была продвинута до Скалица.

На австрийской стороне к этому времени располагались: одна бригада 3-го корпуса у Кремса, две у Тульна, 10-й корпус и бригада 5-го корпуса, 10 июля прибывшего из Италии, на укреплениях Флоридсдорфа, три другие бригады этого корпуса — в Вене, 9-й корпус, также прибывший из Италии, но днем раньше, располагался у Швехата, саксонская бригада — у Медлинга. 1-я легкая кавалерийская дивизия была поделена между 3-м и 10-м корпусами. Три резервные кавалерийские дивизии наблюдали за Дунаем на протяжении Гайнбург — Швехат. К бригаде Монделя (10-го корпуса) у Блуменау уже подошла бригада Генрикеца, три остальные бригады 2-го корпуса ожидали ближайшим утром. 4-й корпус занял у Надаса и Мигавы горные проходы на дорогах, ведущих из долины Моравы к Тирнау и Вербовце. Последний пункт заняла 2-я легкая кавалерийская дивизия, а позади голова длинной колонны Бенедека достигла Нейштадтля. Все эти части отстояли еще от Пресбурга на три-четыре перехода, на ближайшие дни они так же мало принимались в расчет, как и корпуса за Дунаем. Последние были слишком слабы, чтобы осмелиться атаковать пруссаков за Вейденбахом или Русбахом, но достаточно сильны, чтобы отбить атаку на Флоридсдорфские укрепления или помешать переправе через Дунай. На 22-е все дело сводилось к вопросу, удержит ли граф Тун со своими 27 батальонами, 11 эскадронами и 40 орудиями перевал у Блуменау против Франзецкого с его 17 батальонами, 24 эскадронами и 78 орудиями или не удержит. Будет он сражаться успешно — соединение северной и южной армий обеспечено, будет он сражаться плохо — Австрия, вероятно, погибнет. Франзецкий на следующий день должен получить подкрепления. Тогда Бенедек, даже без всякого преследования со стороны противника, должен будет решиться на движение через Коморн, и дунайская позиция будет открыта для атаки как с фронта, так и со стороны Пресбурга. Но этого Австрия допустить не может. Она обнаруживает склонность уступить настоянию Франции и принять пятидневное перемирие, начинающееся 22-го в полдень. Также и Пруссия готова «принести эту, в военном отношении невыгодную, жертву пятью днями, чтобы быть приятной Наполеону». Предположенных часов 22 июля оказывается недостаточно, чтобы

привести к концу бой, осторожно начатый Французским и удачно им развитый. В определенный момент враждебные действия должны были прекратиться, и войска отошли за демаркационную линию. Этим соединением обеих австрийских армий было обеспечено, и Пруссия попала в положение, в военном смысле неблагоприятное. Достигнутый успех как Австрия, так и Франция хотели использовать, и притом каждая по-своему.

В тот же день начинаются переговоры в Никольсбурге. На выход из германского союза Австрия уже, повидимому, готова была согласиться, так же как и на образование северогерманского и южногерманского союзов. Этим выполнялось основное требование Бисмарка. Король, между тем, упорно настаивал на территориальном расширении за счет Шлезвиг-Гольштинии. Старые требования Фридриха II — получение австрийской Силезии и части Богемии, а также возвращение понесенных в страдальческие наполеоновские годы и не восстановленных потерь в виде Ансбаха, Байрейта и Остфрисланда — король считал своим полным правом; наконец, Саксонию он не прочь был получить хотя бы частью. Против этих притязаний Вена подняла решительный протест. Ни австрийская, ни саксонская территории не должны быть затронуты. Скорее погибнуть с честью, чем уступить пядь земли. С другой стороны, королю казалось предпочтительнее совсем отречься от престола, чем вернуться домой без провинций, на которые народ заявлял справедливые притязания. Такими областями, не говоря о Шлезвиг-Гольштинии, могли быть еще только Ганновер, Кургессен и Нассау — непримиримые враги северо-германского союза.

Между тем, Наполеон III должен был учитывать другие интересы, чем Австрия. Пугалом, устрашавшим как Францию, так и прочие великие державы уже в течение столетий, была объединенная Германия. Под чьим руководством оказалась бы эта большая центральная держава, это было несущественно. Угрожала ли Европе Великая Германия с 70 млн. жителей под властью австрийского императора или Германия без Австрии с прусским королем во главе, — это было одинаково опасно. Но так как немецкие стремления к объединению уже не могли быть совершенно отброшены изобретателем национального принципа, северогерманский союз все же казался наименьшим злом. При помощи южногерманского союза, находившегося под покровительством Франции, а может быть, еще с придатком и самостоятельного немецкого государства на Рейне можно еще было создать для выросшей Пруссии богатую последствием конкуренцию. Какие короли и князья останутся в составе северогерманского союза в качестве прусских вассалов, какие выйдут из него, — это едва ли имело значение. Таким образом, по-видимому, все договаривающиеся стороны готовы были сойтись на северогерманском союзе под главенством Пруссии и на вычеркивании Ганновера, Кургессена и Нассау из ряда самостоятельных государств. Для Пруссии задача сводилась к тому, чтобы на этом базисе придти к решению раньше, чем вмешаются в дело другие державы, и поэтому в побочных вопросах, вроде целостности Саксонии или издержек войны, решено было, по возможности, проявить уступчивость в отношении Австрии. Франция же была заинтересована в том, чтобы привести дело к концу раньше, чем Пруссия сделается, благодаря новой победе, слишком могучей и тогда уже не позволит ограничивать себя в своих притязаниях. Австрия жаждет перерыва в операциях, выигрыша времени. Все трое стремятся не к скучным переговорам, но к быстрому результату, чтобы принять его или откинуть, кончить войну или ее продолжать. И действительно, незадолго до истечения срока перемирия для подписания предварительных условий мира недоставало лишь согласия Австрии. Однако, для завершения этой формальности встретились затруднения. Перемирие выполнило свое дело в полной мере. В течение пятидневного срока Бенедек со своей армией перешел Дунай у Пресбурга, 2-й и 4-й корпуса последовали за ним. Резервные части подошли во множестве. Позади Дуная сосредоточилась армия в 276 000 чел. при 840 орудиях — армия

таких размеров, какие едва ли видел мир! Она располагалась на неприступной позиции, с которой сама могла по усмотрению двинуться вправо или влево на слишком тесно сосредоточенную массу, — 218 000 пруссаков. Победитель у Кустоццы, который когда-то разрешил трудную задачу, разбив с небольшой армией во много раз более сильного врага, покажет себя на высоте более легкой задачи — одолеть слабейшего. В Гофбурге собирается военный совет. Настроение приподнятое, каким ему и надлежало быть после одержанной за несколько дней перед этим морской победы у Лиссы. Фельдмаршал-лейтенант Жони, начальник штаба эрцгерцога Альбрехта, в коротких словах излагает выгоды положения, но приходит к заключению, что использовать эти выгоды уже не представляется возможным. Северная армия, по мнению Бенедекка, 1 июля была совершенно близка к гибели, 4-го, согласно взгляду Габленца, она едва ли уже и существовала. С тех пор ее гнали к Ольмюцу, в Моравскую долину, через Карпаты, в долину Вааги, через Дунай к Вене. Что в ней уцелело при преследовании, было измотано торопливостью командующего. Армия близка к гибели. Войска, истощенные, обессиленные, павшие духом, более не способны к наступлению. Сомнительный герой, размахнувшийся для нанесения полновесного удара, замечает, что его меч разломан. Кобыла Роланда — лучшая в мире, но она пала. Рядом с этим решительным доводом против продолжения войны едва ли приходят на ум те обстоятельства, что в Венгрии ждут только нового поражения, чтобы произвести революцию, что итальянцы идут вперед, а южные немцы — назад. Предварительные условия мира между Австрией и Пруссией должны быть подписаны. Документ готов к подписи. Но тут Бенедетти ставит согласие Франции на прусские приобретения в зависимость от компенсации, причем бросает намек на левый берег Рейна. Бисмарк прерывает его словами: «Не делайте мне сегодня никаких официальных заявлений этого рода». Документ подписывается. Бенедетти исчезает. Он появится в положенный час.

Два раза могли получиться Канны. Но идея полного окружения и уничтожения врага была слишком чужда прусским генералам, чтобы мог вполне удалиться простой и величественный план Мольтке. Противника только оттесняли назад. Бесспорно, он был полностью сломлен. Но раз он обретал хотя бы немного спокойствия, он получал возможность, как надеялись, поправиться, подтянуть к себе подкрепления, вновь обрести способность к сопротивлению и наступлению. Этого столь желанного для противника покоя ему и не нужно было давать. 2-я армия обязана была его преследовать. В течение долгих лет мира о преследовании мало говорилось. По опыту многих маневров только и знали, что разбитый противник утром после понесенного поражения оказывается так же свеж, предприимчив и опасен, как и за 24 часа до этого. Австрийская армия в ряде боев и столкновений могла потерять почти треть своего состава, и все же она оставалась значительно более сильной, чем 2-я армия; к тому же ею руководил полководец, которого считали воплощением наступательной мысли, с решительностью и предприимчивостью которого связывали всяческие ожидания. Отсюда понятно, что находящаяся под влиянием воззрений мирного времени 2-я армия только с осторожностью могла двигаться за превосходившим ее врагом, который, из боязни расправы, каждую минуту мог вновь оказать сопротивление. До Ольмюца во всяком случае еще можно было питать иллюзию, будто австрийцы отступают только для того, чтобы вызвать разделение сил противника, а затем разбить его по частям. Но когда Бенедекк после не более чем однодневного отдыха в большом укрепленном лагере вновь торопливо стал продолжать движение, трудно было уже приписывать ему и после этого какие-то наступательные замыслы. У него не было другой мысли, как уйти на Вену или на Пресбург. Но к этой цели головные части 2-й прусской армии были уже ближе, чем масса австрийцев. Создавалась обстановка, похожая на Иену.

Совершенно в духе Наполеона Мольтке по телеграфу приказывает вести

преследование в решительном направлении. Но протекло 60 лет, которые сохранили в умах только названия Иена и Пренцлау, но совершенно вытесни из памяти связанные с этим понятия. Приказа Мольтке просто не поняли и его не могли выполнить, так как не разумели его смысла. Лишь благодаря инициативе одного генерала удалось с горстью войск достигнуть результата, на какой не считала себя вправе рассчитывать целая армия. При таких условиях нельзя было осуществить ни сражения на уничтожение, ни сокрушительного преследования; Приходилось предоставлять противнику мало-помалу уничтожать самого себя.

И другим полководцам приходилось считаться с недостатком понимания, выучки и решительности у подчиненных им командиров, но они старались устранить эти недостатки несокрушимостью авторитета и категоричностью приказаний. Мольтке не полководец, а лишь начальник генерального штаба — был лишен достаточного авторитета и не имел права говорить с решительностью власть имущего. Он должен был довольствоваться вежливыми советами, учтивым составлением директив и тому подобными средствами, и только в случаях крайней необходимости он мог королевским «приказываю» устранять грубейшие ошибки. Но сила его ума была тем не менее достаточно велика, чтобы достигнуть, если не всего, то все же многого.

[Назад](#)

КАМПАНИЯ 1870 — 1871 гг.

От развертывания армий до отхода французов за Мозель

Наполеон III в результате кампании 1866 г. вместо левого берега Рейна и Бельгии получил значительный подрыв во власти и внешнем престиже. Чтобы достигнуть лучших результатов, император не отказывался пускать вперед более или менее скрытые угрозы, но сделать ставку на армию, ослабленную всяческими недочетами, являвшимися следствием многолетнего пренебрежения, он не посмел. Но раз он хотел сохранить для себя трон, а для Франции — главенство среди европейских держав, он должен был помешать полному объединению Германий и вернуть Пруссию в нужные ему рамки. Поэтому война была неизбежна, но чтобы ее вести, надо было найти союзников, а армию коренным образом преобразовать, если не создать заново. Поэтому с врагами и друзьями Пруссии последних лет завязаны были самые горячие сношения. Удалось также вооружить пехоту новым ружьем, превосходящим прусское. Большинство же других реформ и планов улучшения армии находилось еще в начальной стадии выполнения, когда попытка нанести противнику сначала хотя бы политическое поражение привела к взрыву войны.

Убеденный в том, что он со своими 300 000 чел. окажется численно более слабым, Наполеон решил «недостающее количество восполнить быстротой своих движений». Это звучало удивительно для того человека, который, вследствие болезненных припадков, частенько бывал осужден на неподвижность, и для той армии, которую еще надлежало создать и снабдить самым необходимым. Готовым казался только план кампании: Рейн должен быть перейден у Максау и выше (схема 63); южно-германцы собираются под старым флагом Рейнского союза, и вместе с ними осуществляется поход на Берлин; в это время дальше, правее, австрийцы ставят себе ту же цель; итальянцы примыкают к великому движению народов, датчане, поддержанные французским десантным корпусом, поднимают Ганновер.

Но прежде чем французская армия могла приступить к переходу через Рейн, она должна была сосредоточиться на его левом берегу. При тогдашнем состоянии железнодорожной сети это могло быть выполнено двумя группами; одной, из двух корпусов, — в Эльзасе и другой, из пяти корпусов, — в Лотарингии. Один корпус должен был сформироваться в Шалоне, чтобы при всеобщем, движении вперед следовать уступом слева. Из всех предположений, положенных в основу плана кампании, ни одно не оказалось удачным. Южные немцы стали не под знамя Рейнского союза, а под немецкое знамя. Они, как и северные немцы, сосредоточились на Рейне между Кобленцем и Карлсруэ. Тем самым французский план существенно упростился. Французам незачем переходить через Рейн: противник будет найден уже по эту сторону реки.

Союзные державы, оставшиеся одни по другую сторону Рейна, не выступили; великая коалиция, еще не заключенная, уже рассыпалась. Германия и Франция стояли одинокими одна против другой.

Сознавая себя более сильными в отношении организации, мобилизационной техники, сети железных дорог и быстроты стратегического развертывания, немцы имели в виду напасть раньше, чем французы смогли бы сосредоточиться. 1-я армия (7-й и 8-й корпуса) должна, была сосредоточиться на Мозеле у Витлиха, из 2-й армии 3-й и 10-й корпуса должны были по леворейнской железной дороге через Бинген придвинуться к Нейкирхену, а гвардейский и 4-й корпуса через Мангейм к Гомбургу, затем эти шесть

корпусов через Мерциг, Сааргемюнде должны были двинуться вперед, чтобы отыскать противника, еще не готового к военным действиям, и разбить его. Резерв, из которого 12-й корпус и половина 9-го сосредоточивались севернее Майнца, а другая половина 9-го у Вормса, должен был в нескольких переходах следовать за 2-й армией. 3-я армия (5-й и 11-й корпуса, 1-й и 2-й баварские корпуса, вюртембергцы и баденцы) должна была, наступая из Пфальца, отыскать сосредоточившегося в Эльзасе врага, и отбросить его в южном направлении, чтобы затем, зайдя вправо, поддержать наступление 1-й и 2-й армий.

Но этот план пришлось оставить. Французы еще до объявления войны начали перевозку войсковых частей в их мирном составе и потому в течение немногих дней собрали в Лотарингии такую войсковую массу, которая хотя и не была опасна ни 1-й, ни 2-й армиям, но могла все же угрожать высаживавшимся по-батальонно в Нейкирхене и Гомбурге (схема 64) корпусам 2-й армии. Признано было необходимым пункты выгрузки, намеченные у Нейкирхена и Гамбурга, отнести назад к Бингену и Мангейму. Этим, конечно, терялось время, но получался выигрыш в силах. Оба корпуса резервной армии (9-й и 12-й) выгружались в Майнце и Вормсе приблизительно на одной линии с корпусами 2-й армии, высаживавшимися у Бингена и Мангейма, и могли теперь продвигаться вперед общим фронтом с последними. Создавалась даже перспектива, что корпуса (1-й и 2-й), доставленные пока-что только до Берлина, по освобождении Бингенской и Мангеймской железнодорожных линий будут подвезены еще достаточно своевременно, чтобы примкнуть к общему движению вперед. 2-й армии не приходилось поджидать эти корпуса в изгибе Рейна южнее Майнца. Они могли с полной надежностью выдвигать станции высадки от этапа к этапу, до Нейкирхена и Гомбурга, одновременно с движением вперед остальной армии. И тогда для наступления через реку Саар можно было располагать уже не шестью, а десятью корпусами. Фронт Мерциг, Сааргемюнде мог быть усилен одним корпусом и удлинен вправо до Зирка, влево — до Финтингена.

Когда выяснилось, что французов, поспешивших с развертыванием, застигнуть врасплох не удастся, стала очевидной необходимость искать победы использованием всех сил, хотя бы это и означало оттяжку на несколько дней. Задача, поставленная вначале для 1-й и 2-й армий, оставалась в силе: искать противника и разбить его. Выполнение этой задачи только облегчалось большим количеством корпусов, и более широким фронтом.

Слева ко 2-й армии примыкала 3-я. Благодаря присоединению 6-го корпуса, который был перевезен сначала только до Горлица и должен был пропускать мимо себя 5-й корпус, армия по размерам доведена была до шести корпусов. Правофланговый корпус, направляясь через Пирмасенс и Вольмюнстер, примыкает к левому флангу 2-й армии, а отдельные отряды высылают к Бичу. Другой корпус двигается через горы, направляясь правой дивизией через Штюрсельбронн и Филиппсбург на Нейвейлер и Цаберн, а левой — через Обер-Штейнбах, Егерталь и Нидербронн на Ингвейлер и Бухсвейлер. Два корпуса идут через Лаутер между горами и Гагенауским лесом, два других — южнее этого леса. Чтобы создать самостоятельную дорогу для сосредоточенного у Карлсруэ корпуса Вердера (вюртембергцы и баденцы), делается попытка построить мост через Рейн между Рапгатам и Зельцом или где-либо выше на подходящем месте. При такой обстановке поставленные 3-й армии задачи — оттеснить противника, находящегося, по сведениям, у Бича и в нижнем Эльзасе, к югу и наступлением с востока поддержать 2-ю армию — являются крайне простыми для решения.

Таким образом, вся немецкая армия пойдет вперед между Мозелем и Рейном по всем сколько-нибудь пригодным дорогам и будет искать врага. О последнем уже известно, что левая группа его продвинулась от Меца вперед и авангардом (2-й корпус Фроссара) заняла высоты южнее Саарбрюкена и самый город, главные силы (3-й корпус Базена)

расположены между Сааргемюнде и С.-Авольдом, резерв (гвардия) вдоль дороги на Мец продвинул до немецкой Ниды; 4-й корпус (Лямиро), расположенный по-дивизионно и по-бригадно, прикрывает левый фланг, растянувшись до Зирка, а 5-й корпус (Фальби) — правый фланг, располагаясь между Бичом и Сааргемюнде. Эльзасская группа с 1-м корпусом (Мак-Магон) и 7-м (Дуэ) распределена вдоль Рейна от Бельфора до Гагенау. Одна дивизия последнего находится еще в Лионе. Обе группы находятся в постоянном движении, и каждый день может получиться новая картина. Достоверным представляется лишь то, что четыре корпуса с их главными силами находятся между Саарбрюкеном и Мецом, один корпус в районе Бича, один в Верхнем Эльзасе; еще один корпус, который в каждый момент может быть усилен двумя близстоящими, сосредоточивается в Нижнем Эльзасе.

Если теперь линия немцев, которая тянется от Перля до Раштата, должна искать врага, то фланги армий, не встречающие перед собой никого или очень небольшие силы, должны будут делать захождения внутрь. Поэтому, чтобы достигнуть врага, им потребуется больше времени, чем центру, который имеет противника близко перед собой. Отсюда вытекало, что фланги должны раньше перейти границу, чем центр. В один день, примерно, 9 августа {35}, правое крыло 1-й армии могло продвинуться от Перля южнее Диденгофена, левое крыло 2-й и правое 3-й — до Сааральбена, Эрмингена, Ралингена и Клейн-Редерхингена, левое крыло 3-й армии — до Зуфленгейма и близко к Бишвейлеру. Таким путем сами собой подготовлялись наступательные движения против неприятельских флангов. Во всяком случае, немецкие фланги не подвергались угрозе ни справа через Диденгофен и Мец, ни слева через Страсбург. Эти крепости в то время были заняты настолько слабо, что вне своих укреплений они могли оказать лишь самое незначительное влияние и представляли собой только неудобные препятствия. Серьезнее, в смысле угрозы, мог оказаться подвоз армейского резерва (6-й корпус Канробера) из Шалона к Нанси или Мецу. Часть обходящего правого фланга была бы этим затронута, и в соответствующей мере было бы ослаблено его фланкирующее влияние.

Являлось еще вопросом, какое решение будет принято главным французским командованием, когда вечером 9 августа стало приходиться множество противоречивых сведений и неопределенных слухов. Решение тотчас же отступать во всяком случае исключалось. Уже около 20 дней работала пресса и неумолчно кричали толпы в Париже: «а Berlin» {36}. И если бы теперь начался отход, едва, только в каком-то отдалении показался противник и раньше, чем раздались выстрелы, то это стоило бы императору трона, маршалам и генералам — их положения и армии — славы. Отход на Мец привел бы, кроме того, к сражению при самой неблагоприятной обстановке, а отход к Нанси подверг бы разбросанные дивизии и бригады 4-го корпуса, а также и 2-го тяжелому поражению. Как вероятное, можно можно было принять, что усиленный 2-й корпус отойдет на давно изученную и считающуюся превосходной позицию у Каденбронна (южнее Саарбрюкена и западнее Сааргемюнде), остальные части обеспечат его фланги. Подобным образом поступит, вероятно, и Мак-Магон, который на не менее превосходной позиции у Берта вполне мог ожидать атаки с востока. Если в последнем случае поражение и не являлось совершенно исключенным, то все же бой можно было принять с таким же правом, как сделали это Гогенлоэ у Иены, Бенигсен у Фридланда, Бенедек у Кениггреца. Если бы немцы 10 августа продолжали движение на всем фронте правым флангом 1-й армии восточнее Меца, левым флангом 2-й армии — вверх по реке Саар, правым флангом 3-й армии — на Цаберн, а левым — на Бухсвейлер и Хохфельден, то многие колонны натолкнулись бы на сопротивление, и даже очень серьезное, тех частей врага, которые располагались на более или менее хороших позициях; но это не задержало бы тех колонн, которые не имели перед собой противника. Последние не могли поддержать свой атакующий или атакованный соседний корпус более рационально, чем продолжая свой

путь по указанному им маршруту, чтобы в случае необходимости ударить во фланг или тыл противника. Но каков бы ни был исход боев в Лотарингии, вечером 10 августа фланговые корпуса немецких 1-й и 2-й армий достигли бы справа района Меца, слева района к западу от Финетингена, и тогда французам, каковы бы у них ни были успехи или неудачи, пришлось бы, чтобы уйти от угрожающего окружения, предпринимать отход, а немцы должны были бы немедленно приступить к преследованию и достигнуть справа Номени и Дельме, а слева Диеза, Мезьера и Риксингена. Но чтобы совершенно замкнуть кольцо окружения, 1-й армии надлежало придать 3-ю, 5-ю и 6-ю, а 2-й — гвардейскую и 12-ю кавалерийскую дивизии, которые, выдвигаясь вперед правым и левым флангами, должны были перехватывать переправы на Сейле между Марсалем и Ланфруакуром или переправы на Мерте и Рейн-Марнском канале между Нанси и Энвилем, чтобы тем принудить к остановке всю отступающую массу и навязать противнику новое сражение с немцами, наступающими со всех сторон [37]. Также и Мак-Магон должен будет отойти назад, раз он будет атакован с востока, а затем с севера через Лангензульцбах, Рейхсгофен и Нидербрэнн. Может быть, сначала он понадеялся бы найти еще выход в южном направлении, но ему будут угрожать, с одной стороны, колонны, выходящие из гор, с другой стороны, те, что выдвинутся против него от Гагенау и южнее, а 1-я, 2-я и 4-я кавалерийские дивизии, выдвинутые вперед, и баварские кавалерийские бригады преградят ему дорогу на Модере или на Цорне и Рейн-Марнском канале.

5-й корпус, если он и не будет подтянут к 1-му корпусу, испытает большие затруднения, чтобы избежать окружения.

Пусть остается нерешенным, в какой мере удалось бы окружение и уничтожение различных французских армий и корпусов? От целесообразного и неустанного преследования, осуществляемого немецкими армиями и корпусами, существенно зависела бы величина результата. Если бы даже много врагов спаслось от уничтожения, все-таки то, что осталось бы от французской армии, не было бы уже более пригодно к великим делам. Французская полевая армия, по сути дела, могла бы тогда считаться не существующей. Немцам оставалось бы заняться Парижем и другими крепостями.

Подобный результат был достаточно ясно предуказан первоначальной директивой Мольтке — отыскать противника, двигаясь с линии Мерциг — Сааргемюнде, и разбить его (схема 65). Но на пути выполнения этого плана препятствием являлись взгляды штабов армий о сосредоточении сил, массировании сил перед боем и сохранении излишне больших резервов. Распоряжения Бенедекка в 1866 г. для марша из Моравии в Богемию сильно осуждались. Тем не менее, — как будто это так и должно было быть и иначе и быть не могло, — 2-я армия двинулась все же в порядке бенедекского походного движения: четыре корпуса (4-й, гвардия, 9-й [38], 12-й) по большой дороге через Кайзерслаутерн на Гомбург, два (3-й и 10-й) от Бингена по другой дороге к Нейнкирхену, хотя и направо и налево подходящих дорог было сколько угодно. От Нейнкирхена 3-й корпус должен был наступать через Зульцбах, 10-й — от Бексбаха через С.-Ингбетр к Саарбрюкену, гвардейский корпус от Гомбурга через Блискартель к Блиттерсдорфу, 4-й через Цвейбрюкен и Горнбах дальше к Сааргемюнде, 9-й и 12-й — за первыми двумя корпусами. Но это было еще не все. Из-за ошибочного понимания приказов главной квартиры и по собственному вдохновению 1-я армия двинула свой 8-й корпус от Оттвейлера через Фишбах, а 7-й — от Лебаха на Саарбрюкен. В результате на этот город нацелились четыре корпуса в первой и два корпуса во второй линии, между тем как один корпус был направлен на глубоко врезающийся, трудно проходимый участок реки Саар между С.-Арнуаль и Сааргемюнде, а другой — против этого легко обороняемого города. Если бы план получил осуществление таким образом, то на теснейшем пространстве перед фронтом Каденброннской позиции, вероятно, столпилось бы от шести до семи

армейских корпусов, а у противника, за вычетом частей, нужных для обороны позиций и удержания Сааргемюнде, оставались бы еще силы перейти в наступление со стороны открытой западной части против немцев, стесненных между рекой Саар и Каденбронном. Фактически для французов такой удар был, конечно, так же невероятен, как и большая и решительная победа для немцев. В результате здесь, как это было и при Садовой, приходилось ожидать чего-либо иного, кроме стояния друг против друга беспомощных масс.

Таковыми же соображениями, как 1-я и 2-я армии, руководилась и 3-я. Для прикрытия Эльзаса Мак-Магон выбрал позицию у Верта фронтом на восток. Она, как он надеялся, обеспечивала ему связь с главной армией и угрожала с фланга движению немцев на Страсбург. Последние должны были почувствовать необходимость атаковать сильную позицию, на защиту которой могли быть подтянуты еще 5-й и 7-й корпуса. Чтобы преградить главные переправы через пограничную реку Лаутер, был выдвинут отряд к Лаутербургу, дивизия Дуэ (8 батальонов) — к Вейсенбургу и небольшие отряды для занятия Климбаха, Лембаха и Зульца.

3-я немецкая армия получила от главной квартиры задачу: 4 августа перейти границу, отбросить Мак-Магона в южном направлении и двинуться вперед через Вогезы к верхнему течению р. Саар, приблизительно между Сааральбеном и Финстингеном. Сюда она должна была явиться настолько своевременно, чтобы 9 августа вместе со 2-й армией с линии Саарбрюкен — Финстинген повести наступление на французскую главную армию. События 8 июля 1868 г. должны были повториться. Масса 2-й армии должна была держаться выжидательно, пока 3-я армия не принесла бы с собой решение вопроса и победу. Удалось ли бы уговорить 1-ю армию принять на себя роль Эльбской армии и побудить ее к удару против неприятельского левого фланга, это представлялось сомнительным вследствие упрямства генерала фон-Штейнмеца. Вообще ввиду большого удаления Лаутера от реки Саар и при всех лежащих на пути препонах, гладкое выполнение плана имело очень мало шансов. Это обнаружилось уже 4 августа.

В этот день 2-й баварский корпус должен был из Бергцаберна перейти к Вейсенбургу (схема 66), 5-й — через Капсвейр к С.-Реми и Воогхейсхену, 11-й — через Шайд к Бинвалдцигельхютте, корпус Вердера должен был достигнуть Лаутербурга, 1-й баварский корпус — следовать в качестве резерва. Конечные цели переходов тремя левыми корпусами были достигнуты без особых затруднений. Лишь 2-й баварский корпус натолкнулся в Вейсенбурге на заброшенную, но совершенно сохранившуюся и занятую врагом крепость с высокими стенами и глубокими водяными рвами, а за нею на сильной возвышенной позиции находилась дивизия Дуэ с хорошей преградой на фронте. Покончить с крепостью и позицией без достаточной артиллерии оказалось нелегко. На звуки артиллерийской стрельбы прибыли 5-й корпус левым берегом, 11-й корпус правым берегом Лаутера. Первый перешел реку у Альтенштадта. Уступая соединенной атаке трех корпусов против фронта и фланга, противник очистил позицию, хотя и после кровавого сопротивления, и исчез по дороге на Климбах от взоров победителя. Быстрое и полное энергии вступление в бой у Вейсенбурга 5-го и 11-го корпусов дает прекрасную иллюстрацию тому настроению, которое воодушевляло командиров и войска. Но если бы 3-я армия для преодоления всякого сопротивления, которое стояло на пути какой-либо колонны в виде действительной, а может быть, и мнимой позиции, стала стягивать по три корпуса, она добилась бы относительно слабых результатов и понесла бы большие потери, а реки Саар достигла бы едва ли своевременно. Как показала война 1866 г., каждая из колонн наступающей армии должна сначала сама справляться с попадающимся на пути противником. Соседние колонны совершенно минуют этого врага, чтобы потом, сохраняя свое направление движения, обратиться, если нужно, против фланга и тыла неприятеля.

Когда три корпуса взяли направление на Вейсенбург, туда был направлен и 1-й баварский корпус. Из четырех собравшихся корпусов 5 августа 2-й баварский двинулся через Климбах к Лембаху, 8-я дивизия через Клеебург, Драхснброн, Лобзан к Прейшдорфу, 10-я дивизия и 11-й корпус частью по большой дороге, частью по железной дороге к Зульцу, позади 1-й баварский корпус к Ингольштейму, корпус Вердера был притянут к Ашбаху; 4-я кавалерийская дивизия должна была двигаться по дороге на Гагенау. У Зульца, у перекрестка дорог, ведущих на запад и на юг, стоят обе дивизии 11-го корпуса; справа и слева, у Лембаха и Ашбаха, находится по корпусу, один в резерве у Ингольштейма; в качестве авангарда выдвинут к западу 5-й корпус, 4-я кавалерийская дивизия освещает обстановку в направлении на юг.

Кавалерия в последнем направлении находит лишь слабого противника, наоборот, в направлении на запад, за Зауэром, у Верта она находит врага на сильной позиции (схема 67). Поэтому 6 августа в первую очередь должен был быть выполнен заход левым плечом, для чего были продвинуты: 1-й баварский корпус на Ламнертсloch и Лобзан, 5-й корпус на Прейшдорф, 11-й на Хельшлох, чтобы 7-го три корпуса могли произвести наступление на позицию фронтом едва ли в 5 км. Правый фланг, должен был прикрывать 2-й баварский корпус у Лембаха и Вингена, левый — корпус Вердера у Реймерсвейлера, а тыл — 4-я кавалерийская дивизия, расположенная у Гунспаха. Эти распоряжения не имеют в виду оттеснения противника к югу и дальнейшего движения через горы, чтобы 8-го достигнуть реки Саар, а 9-го принять участие в концентрической атаке всех немецких сил на главную французскую армию. Атакой сильного неприятельского фронта с обеспечением обоих флангов едва ли достигалось что-либо лучшее, кроме оттеснения врага через горы к реке Саар, трудного преследования и слишком позднего подхода к большому сражению. Но даже и скромная победа ни коим образом не была обеспечена. Мак-Магон уже за несколько дней до этого получил разрешение свободно распоряжаться не только 7-м корпусом (Дуэ), но и 5-м корпусом (Фальи). Если бы он обладал волей и принял определенное решение, он мог бы оба корпуса своевременно направить против флангов противника. Но движения Фальи по большой дороге через Штюрцельброн на Лембах, Дуэ — через Гагенау на Зурбург было бы, впрочем, недостаточно. В этих районах, в горах как и в лесу, для задержания противника достаточно было бы какой-либо одной дивизии, чтобы каких-либо две дивизии или в общей сложности три кавалерийские дивизии иметь свободными для охватывающего наступления через Вейсенбург и Нидер-Редерн. В действительности и Мак-Магон должен был попробовать осуществить фланговый удар, по крайней мере, 5-м корпусом; но ему нехватало для этого веры в удачу и нужной для выполнения решимости. Неопределенными приказами удалось лишь притянуть одну дивизию 7-го корпуса до начала сражения и одну дивизию 5-го корпуса во время сражения, но и эти небольшие силы были применены не для атаки, но в качестве резерва и для обеспечения фланга. С французской стороны центр тяжести действий также заранее был перенесен на обеспечение флангов. Таким образом, 6 августа обе армии, расположенные в виде двух четырехугольников, должны были расположиться одна перед другой. Казалось, ни один из противников не подумал о том, что лучшее обеспечение собственных флангов достигается наступлением против неприятельских флангов.

Развертывание, намечавшееся 3-й армией, однако, осуществлено не было. Немецкое сторожевое охранение стояло столь близко к неприятельскому, что горячее желание как частных начальников, так и войск завязать бой оказалось слишком сильным; сражение развивалось само собой (схема 68). Вскоре оказалось, что атака сильного фронта, предпринята ли она двумя дивизиями или тремя корпусами, не может привести ни к какому решительному результату. Короткий фронт французов и рвение немцев сами собой привели к наступлению против фронта и обоих флангов; Мак-Магон расположился на позиции, как бы заранее подставляя себя под удары и с фронта, и с флангов (схема 69).

Еще больший успех был бы достигнут, если бы прямо с места многие колонны были двинуты как через горы, так и по равнине севернее и южнее Гагенауского леса.

Точно так же 1-я и 2-я армии в том тяжелом положении, в каком они очутились (схема 70), были выручены инициативой строевых начальников и геройским мужеством частей. В то время как отделившаяся 6 августа от 7-го корпуса 13-я дивизия в качестве правого бокового прикрытия двигалась через Фельклинген на Форбах, 14-я дивизия должна была по Лембахской дороге продвинуться только до Гихенбаха, но она продолжала свой путь до Саарбрюкена и далее через этот пункт; наблюдая движение корпуса Фроссара на Шпихернских высотах, дивизия заключила, что неприятель хочет отступить. Чтобы задержать его, начальник дивизии фон-Камеке решил на атаку сильной позиции. Его совершенно недостаточные для этого силы были подкреплены передовыми частями ближайших корпусов, а именно 16-й и 5-й дивизиями. Благодаря необузданной храбрости войск, удалось захватить опушку позиции, а по Форбахской дороге продвинуться до Штиринген-Венделя. Эти успехи немцев, вероятно, побудили бы Фроссара отойти, по крайней мере, к Каденбронну. Однако, известие, что противник атакует Форбах {39} решило дело. Еще ночью был предпринят отход к Сааргемюнде.

Победами у Верта и Шпихерна французская армия была как бы разорвана на части (схема 71). Мак-Магон с пятью дивизиями (четыре 1-го корпуса, одна 7-го) отошел через Цаберн к Саарбургу. Одна дивизия 7-го корпуса у Мюльгаузена сочла себя угрожаемой с тыла со стороны отряда вюртембергского полковника фон-Зейберта, находившегося, по сведениям, в южном Бадене, и порядком, похожим на бегство, отошла к Бельфору, куда к ней присоединилась и 3-я дивизия корпуса из Лиона. Фальи сначала укрылся под защиту пушек Лютцельштейна, а затем соединился с Мак-Магоном у Саарбурга. 7-го к Фроссару примкнули у Пютлингена две дивизии 3-го корпуса. Обе другие находились у С.-Авольда; позади стояли: гвардия у Лубельна и 4-й корпус у Больхена, Гельсдорфа и Бузендорфа. Собрать вновь все эти совершенно разбросанные части казалось возможным уже не за Мозелем, а только у Шалона. Соответствующие приказы были разосланы корпусам, насколько их можно было найти, еще 7 августа. Согласно этим предписаниям, 2-й, 3-й, 4-й корпуса и гвардия должны были сначала собраться в Меце, чтобы затем в сосредоточенном порядке двигаться дальше к Шалону; Мак-Магон и Фальи через Нанси, Дуэ (7-й корпус) по железной дороге должны были стараться прибыть туда же. На основании ложных сведений Мак-Магон поверил, что дорога через Нанси уже перехвачена противником, и свернул к югу, Фальи взял еще южнее, и оба кружными путями, а в конце концов так же, как и Дуэ, по железной дороге прибыли к Шалону между 17 и 21 августа в состоянии деморализации и расстройтва; войска едва ли уже были пригодны для боевых целей.

Только немедленный нажим 6 и 7 августа мог бы еще более увеличить расстройство и путаницу, 3-я армия попыталась организовать преследование. Когда противник исчез с поля сражения у Верта, 4-я кавалерийская дивизия была вытянута вперед из ее далеко позади лежащего резервного расположения и, так как не знали, куда отошел противник, была направлена по ложной дороге. И все же 7 августа после полудня дивизия у Цаберна настигла французский арьергард. Но противник к этому времени настолько пришел в себя и столько имел в своем распоряжении артиллерии, что не позволил себя опрокинуть в горном проходе кавалерийской атакой. Этим прекращалось преследование в Эльзасе. 3-я армия медленно следовала за разбитым противником и достигла реки Саар между Саарунионом и Саарбургом не 8-го, а 12-го.

Левое крыло 2-й армии 7 и 8 августа продвигалось между Бичом и Сааргемюнде, между рекой Саар и горами. Двумя днями раньше оно достигло бы здесь больших

результатов. Теперь, само собой разумеется, здесь никакого противника уже не было. Наивная надежда, созданная фальшивыми известиями, что Мак-Магон начнет отступать через Бич и может оказаться отрезанным, оказалась совершенно ложной.

Преследование со Шпихернского поля сражения, казалось, было простым и удобным. Но войска, дравшиеся 6-го, были до крайности истощены маршами и боем и совершенно перемешались. Массы, располагавшиеся дальше в тылу, нужно было сначала распутать, чтобы их можно было пустить в ход; поэтому они оттягивались еще далее. Понадобилось, по крайней мере, два дня неустанной работы, чтобы освободиться из связывающей тесноты, и понадобилось еще более длительное время, чтобы беспомощно перепутавшиеся обозы поставить на соответствующие пути. К счастью, противник, если и не был особенно стеснен, то, во всяком случае, был далеко отброшен. Он нуждался во времени, чтобы собрать свои силы, и еще не выиграл достаточно в пространстве к тому моменту, когда немцы могли начать преследование.

[Назад](#)

Движение немцев к Мозелю и через него. Сражение у Коломбей — Нуьи и Марс-ля-Тура

После сражения у Шпихерна на правом фланге 1-й армии 7 августа прибыл в Лебах, в одном переходе к востоку от Релингена, 1-й корпус, а на левом фланге 2-й армии к Лоренцену, что в нескольких километрах восточнее Сааруниона, 8 августа прибыл 4-й корпус (схема 72). Таким образом, Релинген и Саарунион были намечены как фланговые пункты на линии реки Саар, между которыми 9-го к вечеру десять корпусов 1-й и 2-й армий выдвинулись вперед из их глубоких походных колонн; их можно было так расположить, чтобы отсюда, в духе Мольтке, «искать и разбить врага». Этот враг не отошел на Саарбург, как сначала предполагала немецкая сторона, так как здесь он был бы отрезан. Он не отошел также на плоскогорье между Тулем и Нанси, омываемое Мозелем и Мертой, так как здесь он был бы окружен. Конечно, он предпринял, как и подтвердили донесения кавалерии, естественный отход на Мец, Верден и Шалон. Если бы 300 000 немцев от реки Саар следовали с отнесенным несколько назад центром на Мец, а с несколько выдвинутыми вперед флангами на Берtringен (южнее Диденгофена) и Дьелуар, они могли бы рассчитывать оттеснить 144 000 французов за Мозель и к Мецу. Каковы же были бы последствия, если бы 13-го достигнута была река, — это зависело от поведения противника. Если бы французская армия несколькими колоннами двинулась через Мец и вправо и влево мимо него к Маасу, то с ней многого сделать было бы нельзя. Преследование во всяком случае должно было бы вестись, как и раньше.

Всякая армия, находящаяся в отступлении и чувствующая себя слабее своего противника, невольно будет притянута крепостью, в которой она будет надеяться получить отдых и уверенность после всех перенесенных опасностей и испытаний. Если бы французская армия отдалась в Меце этому желанному покою и обеспеченности лишь на то время, пока головные части неприятельских колонн не появились на Мозеле, то для продолжения отхода этой армии по существу оставалась бы свободной только дорога на Верден, непосредственно прикрытая Мецом, а на этой единственной дороге колонна длиной по крайней мере в 120 км численностью в 164 000 чел., как можно определить силы французов {40}, не могла бы избежать охвата по ту сторону Мозеля со стороны заходящего влево правого фланга, заходящего вправо левого фланга и со стороны поспешившей вперед и преграждающей дорогу кавалерии.

Однако, продвижение немцев через Мозель по обеим сторонам Меца в те времена было невыполнимо. Штабы армий, которые при движении к реке Саар нанизывали 4 корпуса один за другим на одну дорогу, которые 6 корпусов сдвигали вместе на фронте в несколько километров, конечно, никакими мыслимыми директивами нельзя было бы заставить повести по ту сторону этой реки десять корпусов по такому же количеству дорог и притом на фронте, все же еще узком, в 40 — 50 км. Они хотели двигаться гораздо глубже и сосредоточеннее, и прежде всего они не пошли бы на разъединение их Мецом, чтобы не доставить захваченному в тиски врагу видимой возможности броситься соединенными силами на разъединенные армии. Мольтке должен был считаться с такими общепринятыми тогда взглядами и отказаться от своего простого образа действий — «найти и разбить врага», хотя при большом преимуществе в силах это рано или поздно должно было привести к окружению и уничтожению противника. Так как обход обоими флангами представлялся слишком опасным, Мольтке пришлось довольствоваться обходом одного фланга и притом правого. Приходилось не захватывать неприятеля в кольцо атакой по левую сторону Мозеля с двух сторон, но оттеснять на север к люксембургской и бельгийской границам.

2-я армия (см. схему 73) тремя колоннами (3-й, 9-й и 2-й корпуса через С.-Авольд, Фалькенберг и Номени, 10-й и 12-й через Сааргемюнде, Грос-Тенхен и Дельме, гвардия и 4-й {41} через Сааральбен и Мерхинген) должна была двигаться к левому берегу Мозеля, между тем как 1-я армия двумя колоннами (1-й корпус приблизительно через Курсель и Панж, 7-й и 8-й корпуса через Лубельн и Ремилы) должна была прикрыть со стороны Меца движение 2-й армии, а 3-я армия составляла уступ, следуя правым флангом через Саарунион. 450 000 чел. ставят себе задачей обойти 150 000 чел. Эти 150 000, конечно, могли бы оттеснить слабое боковое прикрытие в 90 000 чел. (1-я армия), но в дальнейшем продвижении они наткнулись бы на обходящую и разворачивающуюся 2-ю армию, а, возможно, также и на 3-ю. Опасность неприятельского наступления была поэтому незначительна, гораздо опаснее было неприятельское отступление. Удача плана зависела от того, будет ли 2-я армия безостановочно продвигаться вперед, задержится ли противник возможно долее у Меца.

Подобная задержка совершенно не отвечала намерениям Наполеона III. Вскоре после сражения у Верта и Шпихерна он решился на безостановочный отход к Шалону, так как только там он смел надеяться соединить все имевшиеся в его распоряжении войска и сравняться с врагом, который должен будет значительно ослабить себя обложением крепостей и прикрытием своих коммуникаций.

Императрица-регентша уговорила, однако, своего супруга пойти навстречу желанию народа и не покидать Меца, опоры восточной границы. В качестве подкрепления по железной дороге высылался корпус Канробера. А раз Наполеону предстояло во всяком случае удержать Мец, он тем самым должен был пойти на сражение на французском Ниде с крепостью позади в качестве опорного пункта.

Против этой позиции должна была направиться 1-я армия, которая 10 августа достигла 1-м корпусом Крейцвальда, 7-м — Карлингена и 8-м — Лаутербаха. Достаточно приводилось оправданий в пользу того, что она не пробивалась вперед, а оставалась 11-го стоять на месте, чтобы подождать 2-ю армию для общей атаки. Но ничем нельзя оправдать, что эта последняя 10 августа, т.е. четыре полных дня после Шпихерна, по существу еще стояла на реке Саар и не использовала стоянки противника, чтобы пройти вперед большую часть пути; впрочем, 11-го она достигла 3-м корпусом Фалькенберга, но остальными корпусами первой линии достигла лишь Геллимера, Геблингена и Харскирхена, а 9-й и 12-й дошли до Форбаха и Сааргемюнде.

Для штаба 2-й армии движение к Мозелю отступало теперь по своему значению на второй план. В том, что противник занял сильную позицию (схема 74), штаб усмотрел тотчас же не оборонительные, но скорее наступательные тенденции, т.е. говоря иначе, тенденцию атаки на вдвое более сильного противника. Такая атака всегда была сопряжена с исключительными трудностями. Не говоря о легендарных деяниях древности, о колониальных войнах, о Гогенлоэ и Рюхеле под Иеной, которые правило «всюду прежде всего атаковать» возвели в непреклонный принцип, собственно, только Фридрих II задавался атаками на врага, обладавшего двойным превосходством в силах, и притом не всегда счастливо. Теперь же старый, больной человек, военный дилетант, с войсками, уже потрясенными, должен был, якобы, позволить себе смелость, которая его, даже после начального успеха, привела бы к полной гибели. Если и Мольтке усматривал в поведении врага только временное занятие позиции, что со стороны слабо теснимого врага было вполне понятно, то нельзя было заглушить голоса принца Фридриха Карла, который из двух войн вышел полководцем, покрытым славой, превосходный план которого о наступлении на позицию на реке Саар был только испорчен Штейнмецом и который из десяти корпусов, о которых шла речь, командовал семью.

А принц ожидал или рассчитывал на наступление и надеялся блестящим образом подтвердить правильность принципа «стратегически наступать, тактически обороняться». В целях подготовки к сражению 3-й корпус должен был у Фалькенберга «найти оборонительную позицию», 1-я армия с 1-м и 7-м корпусами 12-го должна была дойти до Немецкого Нида между Большеном и Мерингеном, 8-й корпус — следовать до Нидервизе и Бушборна, 9-й — к Лубельну за 3-м, 2-й — продвинуться к С.-Авольду. Остальными четырьмя корпусами штаб армии рассчитывал осуществить поворот направо и к вечеру 15-го с «напряжением всех сил» развернуться на линии Фалькенберг — Верни. 16-го терпеливо ожидавший Наполеон должен был атаковать позицию Большен — Фалькенберг и погибнуть от флангового удара с линии Фалькенберг — Верни.

К сожалению, он ничего не знал об измышлявшихся против него планах. Иначе, может быть, он сосредоточил бы свою армию за рекой Сейль, атаковал левый фланг немцев у Верни и обошел бы прекрасную фланговую позицию {42} в то время, как немцы на фронте все еще ждали бы отчаянных атак воскресшего Нея и старой гвардии. Ничего не подозревая о приписываемой ему геройской роли, Наполеон отказался от своего оборонительного сражения как только вдали показались головы неприятельских колонн, и 12-го отошел на новую позицию, которая справа упиралась в реку Сейль у Маньи и через Пельтр и Коломбей достигала Мозеля у Шиель.

Марши немцев 11-го и 12-го были бесполезны. Напрасно войска правого фланга стягивались по дурным дорогам под проливные дождем; тесно сосредоточенные, они не находили ни пристанища, ни продовольствия, терпели во всем недостаток. Но эти неприятности меркли перед тем обстоятельством, что задерживались обходные марши 2-й армии, от которых как раз зависел конечный результат. Только 10-й корпус, по крайней мере, одной дивизией продвинулся до Дельме. Все остальные корпуса остались еще далеко позади. 13-го, впрочем, возобновляется движение к Мозелю. 3-й корпус продвигается по большой Понт-а-Муссонской дороге до Бюши, 9-й — до Херлингена, но уже 14-го первый делает снова остановку головой у Лувињи, а последний — у Люппи, давая возможность 12-му корпусу дойти до южнее расположенного Сольна (схема 75). От надежды на неприятельскую атаку люди не так-то легко освобождаются, и теперь они были склонны думать, что противник отошел под батареи Меца лишь с той целью, чтобы тем самым приобрести лучший разбег для нового прыжка вперед. Этот прыжок, как полагали, последует в южном направлении на Шато-Сален. Здесь он наткнулся бы у пересечения с дорогой Саарбрюкен — Понт-а-Муссон на сосредоточенные на сильной позиции 3-й, 9-й и 12-й корпуса, которые с тыла и с флангов могли быть поддержаны 2-м, 4-м и гвардейским корпусами, в то время как 1-я армия, которая с 13 августа 1-м и 7-м корпусами перешла Немецкий Нид, а 8-м дошла до него, приняла бы на себя задачу Блюхера при Ватерлоо. Роли поменялись бы, если бы неприятель повел атаку в избранном раньше направлении вдоль дороги Мец — Саарбрюкен.

Теперь уже ожидание неприятельской атаки не казалось совершенно неоправданным. Немецкая кавалерия, которая 12 августа своими разъездами достигла Мозеля, донесла, что вдоль его левого берега на железнодорожном участке Фруар — Мец следуют длинные эшелоны на коротких расстояниях и что в этих поездах должны были находиться войска канроберовского корпуса. Нельзя было допустить, чтобы армейский резерв — зерно, около которого должна была сформироваться армия в Шалоне, — подвозился к Мецу лишь для того, чтобы оказаться заключенным в крепость вместе с другими корпусами Рейнской армии или чтобы, едва высадившись из вагонов, предпринять вновь мучительный отход к Шалону, откуда он только-что поспешно прибыл. Эти перевозки должны были иметь особое значение. Идея атаки становилась возможной, противник усиливался, а немцы сами себя ослабляли. Если правофланговая

колонна 2-й армии стала бы продолжать свой путь к Понт-а-Муссону, то 1-я армия мало-помалу сделалась бы изолированной, и Наполеон, конечно, мог придти к мысли использовать совершенно пустое пространство между Мозелем и Нидом для атаки своими 174 000 чел. на повисший в воздухе правый фланг 1-й армии.

Обходное движение 2-й армии (схема 76) не должно было приостанавливаться, но правофланговой колонне следовало дать иное направление. Как можно раньше, насколько позволяла это недостаточная сеть дорог южнее Меца, 3-й корпус должен был бы, чтобы захватить возможно больше переправ через Мозель, свернуть с большой дороги и взять направление на Шампей или Арри, 9-й корпус — на Корни. К этому могли потом почти непосредственно примкнуть: 7-й корпус по дороге на Панж, 8-й, двигавшийся на Курсель и Теншен, 1-й, двигавшийся на С.-Барб и Ври, и 1-я и 3-я кавалерийские дивизии, продвигавшиеся вперед вдоль Мозеля. Тогда всякий раз было бы под рукой 5 корпусов, чтобы разбить любую наполеоновскую атаку, с каким бы количеством корпусов она ни предпринималась, но, с другой стороны, всегда сохранялась готовность задержать противника, если бы он возымел мысль отступить дальше. Другими словами: в то время как 2-я армия обходит правый фланг противника, 1-я старается удержать его с фронта и при этом может быть поддержана правым флангом 2-й армии. Если бы такое развертывание производилось и после того, как 1-я армия была уже свободна от задачи бокового прикрытия южнее Меца и ей дано было направление на фронт неприятельской позиции, т.е. с 10 августа, то к 13-му 2-я армия достигла бы Мозеля и было бы установлено первое соприкосновение с противником на позиции Маньи — Шиель.

Уже давно, когда еще немцы готовились к большому сражению на Ниде, Наполеон был занят мыслью вопреки императрице-регентше, министерству, парламенту и общественному мнению вновь осуществить отход к Шалону. При Дьелуаре и Понт-а-Муссоне показались «uhlans», {43} которые, казалось, ясно возвещали: скоро вся неприятельская армия пойдет через Мозель, — и тогда стояние на месте будет равнозначно окружению. Но осуществление отхода, хотя и признанного необходимым, должно было вызвать в Париже бурю негодования, избежать которого было бы настоятельно необходимо. Поэтому император сложил с себя верховное командование и передал его вечером 12-го Базену с поручением немедленно приступить к отходу. Это была разумная мера. Решением о лишении себя командования император полностью отвечал чувствам народа, а что назначение Базена в редакциях бульварных листов встретит полное одобрение, — это можно было предвидеть. Но с этим прекращались не все затруднения.

Если бы новый полководец выполнил повеление своего властителя и сумел благополучно доставить армию к Вердену, через Маас и к Шалону, он подвергся бы всеобщему осуждению, был бы заклеен именем изменника и погиб бы навсегда, поскольку он с легким сердцем покинул на волю судьбы восточный оплот страны. Одинаковая судьба ожидала его, если бы он, испугавшись отступления, остался в Меце и был в нем заперт. Ибо тогда он преступно упустил бы возможность соединить свою армию с армией Мак-Магона в целях создания непобедимой боевой силы. Базен мог рассчитывать на смягчающие обстоятельства лишь в том случае, если бы он, после блестящего сопротивления, был вынужден превосходным врагом или к отходу на Верден, или к возвращению в Мец. Запереться же в Мец без борьбы казалось едва ли не позорнее, чем, обратившись как бы в бегство, отойти через Маас к Шалону. Сражение было бы неизбежно. Что оно будет иметь место, об этом Базену не нужно было заботиться, раз он приступал к движению на Верден.

6 августа немцы уже сражались южнее реки Саар. Эта река отстоит от Мозеля

между Диденгофеном и Фруаром на 40 — 80 км. В течение семи дней это пространство во всяком случае должно было быть пройдено. Головы неприятельских колонн без сомнения уже достигли Мозеля и в ближайшие дни перейдут реку. Таким образом, немецкая армия стоит на Мозеле выше Меца, французская — у Меца и большей частью на правом берегу. Последняя может отступить по одной дороге или разделиться по 2 — 3 дорогам, и все же колонны будут слишком длинными, чтобы врагу нельзя было их настичь. Удастся ли, по крайней мере в первые дни, миновать преследующего врага, чтобы вблизи Вердена занять позицию, отбить непосредственно нападающего противника и выиграть необходимое время для перехода через Масс, — это было в высшей мере сомнительно. Много вероятнее, что на полдороге между крепостями дело дойдет до боевого столкновения и что французы под давлением превосходных сил или будут окружены, или оттеснены на север к люксембургской и бельгийской границам. Но тогда уже окончательно Базен станет изменником, и погибнет не только он, но и Франция. Затруднения велики; они делались еще более серьезными оттого, что маршал совсем не знал, как организовать марш от Меца к Вердену с 164 000 чел. и со всеми необходимыми для них лошадьми, орудиями и повозками. Так же мало он мог дать себе отчет, как он произведет атаку с этой армией или как он примет и будет вести бой, если сам будет атакован. В противовес опасностям, связанным с отходом к Вердену, Мец с С.-Кантенем {44}, господствующим над всей местностью, соблазняли его остаться. Нет даже нужды допускать тотчас же окружение; на сильной, опирающейся на крепость позиции Базен надеялся в ближайшее время оказать превосходному врагу победоносный отпор. Даже если он и не удастся, все-таки будет еще время или перейти к обороне, или отойти к Шалону. Базен должен был принять то или иное решение, но в конце каждой дороги, какую бы он не пошел, уже виднелся смертный приговор изменнику. Среди мрачных раздумий и бесконечных сомнений он был встревожен вестью: «Понта-а-Муссон занят 10000 чел. (19-я дивизия)». Итак, неприятель собирается перейти Мозель.

Одно теперь очевидно: на правом берегу Мозеля французская армия не смеет оставаться; она должна во всяком случае перейти на левый берег, на плато между Гравелотом и Марс-ля-Туром. Но, придя сюда, наткнется ли она на отдельные неприятельские колонны и сбросит их обратно в Мозель, или же соединенными силами будет продолжать движение на Верден, или, наконец, опершись на Мец, будет ждать атаки врага, — все это покажет обстановка. Утро 14-го предназначается для выступления.

Как выполнить переход на левый берег, Базен мог обдумать беспрепятственно. Многочисленный штаб был во всяком случае к его услугам. Но все до сих пор совершенные ошибки были приписаны одному ему: он своими диспозициями якобы вносил только путаницу и неудачи в походное движение. И хотя сам маршал и не был особенно силен в сочинении приказов на походные движения, все же он надеялся лучше выполнить это дело, чем прикомандированные к нему стратегические сотрудники.

Добрый совет, которого он в эти дни был лишен, впоследствии высказывался слишком часто. Пять дорог через Марс-ля-Тур, Френ, через Конфлан, Этэн, через Бриэ, через Фенч и через Диденгофен предоставлялись в его распоряжение, чтобы он мог поспешно исчезнуть со своими пятью корпусами. Это было бы бегством, которое принесло бы с собой для него вечный стыд и срам, развеяло бы по ветру его армию, подвергло бы ее отдельным поражениям и, вероятно, привело бы ее, в лучшем случае в виде отдельных обломков, к Шалону и только увеличило бы там беспорядок.

Базену, который считал сражение неизбежным и для такого сражения хотел сосредоточить всю армию, не пришлось выслушивать подобных советов. Он решил на первых порах воспользоваться только двумя южными дорогами через Марс-ля-Тур и

Конфлан, одной для трех, другой для двух корпусов (схема 78). К несчастью, обе эти дороги до Гравелота совпадают. И вот все пять корпусов с их обозами и со всем, к ним относящимся, должны были двинуться в путь единственной чудовищной колонной. Невыполнимость этого сказала скоро. В затруднительном положении обнаружили, однако, еще одну узкую, крутую, глубоко врытую и лишь относительно пригодную дорогу, которая через Пляппвиль, Лесси, Шатель-Сен-Жермен и Мальмезон выводила на Конфланскую дорогу. При дальнейшем розыске нашли, что с большой дороги Вуаппи — Бриэ у С.-Прива или Аманвиллера можно свернуть на Донкур. Пользуясь этими тремя дорогами, французская армия в течение 15 августа, хотя и жертвуя частью своих обозов, могла бы еще собраться между Марс-ля-Туром, Донкуром и Гравелотом с тем, чтобы атаковать, уходить или защищаться. Но к этому же дню 2-ю армию, которая должна была 18-го достигнуть Мозеля, можно было ожидать южнее дороги Гравелот — Марс-ля-Тур. Самое позднее 16-го могло произойти сражение, в котором 1-я армия могла принять ощутительное участие, выступив из-за Мозеля, ниже Меца. Но ни та, ни другая стороны своевременно не явились на свидание. 2-я армия не пришла, так как Мозель она достигла не 13-го, а 15-го; французская армия, наоборот, стояла на месте, так как она задержалась на правом берегу Мозеля.

Генерал фон-дер-Гольц с 26-й пехотной бригадой был выдвинут впереди фронта 7-го корпуса к Лакенекси (см. схему 77). Когда около полудня кавалерия донесла ему, что французы готовятся очистить позицию Маньи, Шиель и отойти за Мозель, он понял необходимость по возможности задержать противника и дать время подойти отставшей 2-й армии. Нельзя было терять ни минуты, так как 2-й корпус, составлявший правое крыло, и 4-й корпус, составлявший левое крыло французского расположения, уже исчезли: первый южнее форта Келё за Сейль и второй через остров Шамбьер за Мозель; центр — 3-й корпус и гвардия — также уже начал бы свой отход через город, если бы ему не помешала полная закупорка улиц обозами всех видов. Отправив донесение своему командиру дивизии и известив штаб 1-го корпуса, генерал фон-дер-Гольц в 3 ч. 30 м. пополудни со своими семью батальонами, тремя эскадронами и двумя батареями двинулся против центра неприятельского расположения у Коломбея. Вальерский ручей был перейден, и пункт этот занят авангардом. Но дальнейшему продвижению вперед помешали развертывавшиеся на плато на том берегу значительные силы противника. 2-й французский корпус при приближении прусской бригады развернулся, дивизия Кастаньи (2-я) беглым шагом вернулась в свои старые окопы против Коломбея. Слева примкнула дивизия Аймара (4-я) до Вальерского ручья между Ванту и Нуйи, справа дивизия Метмана (3-я), правый фланг прикрыла позже дивизия Монтодона (1-я) севернее Грижи фронтом на юго-восток. Гвардия заняла позицию западнее Борни. Базен допустил все эти передвижения, но приказал ограничиться обороной, ни шагу не делая далее, и отойти, как только это будет возможно.

Против подавляющих сил противника бригада Гольца, естественно, многого достигнуть не могла. Но мало-помалу, с часа на час по всем дорогам подходили подкрепления: бригада Фалькенштейна (2-я) 1-го корпуса от Мозери через Монтуа, полубригада Мемерти (3-я) от Ретонфея через Нуассевиль; обе они заняли позицию от Ля-Планшетт до Ловальера и оттуда удлиннили ее до Нуйи. 25-я бригада прибыла через Куэнси для непосредственного подкрепления бригады Гольца, так что вся 13-я дивизия, поддержанная корпусной артиллерией, заняла пространство между Ля-Планшеттом и Коломбеем, в то время как 23-я бригада вступила в бой южнее этого пункта, 27-я южнее Куэнси держалась в резерве, и, наконец, поздно вечером авангард 18-й дивизии от Орни через Мерси-ле-О продвинулся до Грижи. Части войск, уже вступившие в бой, отнюдь не выжидали развертывания сил, продолжавшегося много часов. Каждое вновь прибывающее подкрепление давало толчок к новой атаке и дальнейшему продвижению

вперед. Таким образом, французы в центре были оттеснены до Борни, на флангах — до Грижи и Белькруа. Продвинуться дальше было для немцев уже невыполнимо. Их левый фланг находился в непосредственной близости к форту Келё, и только наступающая темнота и собственные войска помешали ему обстрелять своими орудиями позицию 7-го армейского корпуса.

Между тем, дальше на севере разгоралось второе сражение. На зов артиллерийской канонады генерал Лямиро перевел обратно из-за Мозеля свой 4-й корпус, одну дивизию оставил в форте С.-Жюльен и с двумя другими занял свою прежнюю позицию, простиравшуюся от Вальерского ручья через Мей до Виллер л'Орм. Для войск 1-го армейского корпуса южнее района Нуйи, образовавших правый фланг прусской позиции, казалось неминуемым, что вытянувшийся фронт французов между Мей и Виллер-л'Орм, совершая захождение вправо, выдвинется вперед, пересечет район Нуйи, Сервиньи, врежется в правый прусский фланг и охватит всю боевую линию, увлеченную горячим боем. Не было хотя бы относительно достаточного количества пехоты, чтобы встретить такую угрожающую атаку. Оборону фланга пришлось верить продвинувшейся вперед артиллерии. Некоторые батареи были расположены у Пуа и Сервиньи, большая же часть — на высотах по обе стороны у Нуассевиля, а прибывшая между тем полностью бригада Мемерти получила задачу во всяком случае удержать территорию у Нуйи. Позднее была выслана вперед через Сервиньи 1-я бригада, прибывшая из Теншена. 1-я была подтянута до Нуассевиля, а батареи переведены от Пуа на высоты у Фальи. Все эти распоряжения, сделанные для того, чтобы предупредить угрожавший охват, оказались ненужными. Генерал Лямиро не для того поторопился возвратиться через Мозель, чтобы атаковать противника или причинить ему какую-либо неприятность. Он думал лишь о том, чтобы вновь занять свою старую позицию Мей — Виллер л'Орм и удержать ее за собой, чтобы защитить не готовый еще форт С.-Жюльен и воспрепятствовать противнику занять высокий правый берег Мозеля, с которого можно было увидеть лагерь значительной части французской армии между Мецом и Вуаппи. Так как 4-я и 1-я бригады 1-го прусского армейского корпуса подошли слишком поздно вечером, чтобы предпринять еще атаку против 4-го французского корпуса, то сражение на обоих северных флангах ограничилось бы артиллерийским состязанием, если бы не были испробованы повторные атаки немногих рот на Мей — ключ сильной позиции Лямиро, — атаки, в конце концов, естественно, отбитые. Столь дешевыми результатами французы, хотя и отступившие с темнотою, настроили себя на некий победный лад, причем это настроение едва ли разделялось солдатами. Войска, которые после кровавого боя должны предпринять утомительный отход, чувствуют себя не победителями, а побежденными. Дух корпусов, которые до этого времени считались свежими, был этим сражением не поднят, а понижен. Навстречу новым боям они шли без уверенности в победе.

Немцы достигли своей цели. Отход не менее чем трех французских корпусов был задержан по крайней мере на 24 часа. Не 15-го и даже не 16-го сосредоточится французская армия у Марс-ля-Тура и Гравелота.

Гораздо более значительными могли бы быть результаты, если бы армейское командование при первых сведениях об отходе противника двинуло вперед всю 1-ю армию и вечером заняло приблизительно ту позицию, на которой находились французы утром. Из этого само собой вытекла бы решительная атака через Мозель ниже Меца. Однако армейское командование было далеко от подобного движения вперед. Наоборот, в течение сражения оно неоднократно, последний раз вечером, посылало приказания прекратить сражение и возвратиться на прежние позиции. Но командиры 7-го и 1-го армейских корпусов, фон-Цастров и фон-Мантейфель, находили для себя невозможным выполнить эти приказы. Они имели право подвергать свои войска потерям, связанным с

трудной атакой, но не более тяжким потерям, сопровождающим отступление. Солдаты должны были быть укреплены в своей вере к самим себе и к командирам, но отнюдь не расшатаны. Генерал фон-Мантейфель все же согласился отойти, по крайней мере ночью, но генерал фон-Цастров остался в боевой готовности на занятых позициях и отошел лишь тогда, когда французы исчезли с правого берега.

Если сражение при Коломбей — Нуи в результате не могло дать ничего другого, то, конечно, оно с очевидностью выяснило бессмысленность расположения частей возможно более узким фронтом, с возможно большей глубиной и с возможно более сильными резервами. Из узкого фронта могли быть двинуты вперед лишь слабые авангарды. Для оказания поддержки войска могли быть подтянуты лишь мало-помалу. Сосредоточенным массам оказывали раньше безусловное доверие, а теперь видели себя вынужденными атаковать мелкими частями и тончайшими линиями и притом атаковать крепкие позиции и превосходные силы. Наступил даже момент, когда противник, которого хотели отбросить назад, развернулся на более широком фронте и сам угрожал опасным охватом. Резерв, который должен был бы видеть свою задачу в противодействии такой опасности и сам должен был бы перейти к охвату, считал, что он слишком далеко расположен, чтобы еще 14-го быть в состоянии оказать помощь. В ближайший день 8-й армейский корпус имел в виду приступить к движению, но не для того, чтобы удлинить собственный правый фланг и охватить левый фланг неприятеля, а для того, чтобы новыми массами подкрепить фронтальную атаку, которая обрела, уже свой конец у укреплений Меца.

Так как французы отошли на запад, а немцы на восток, то между ними образовалась все возрастающая пустота (см. схему 75). Этому нездоровому состоянию приказ Мольтке должен был положить конец; он понудил бы 1-ю армию вернуться назад на победоносно добытые позиции, а затем, вероятно, и дальше через Мозель. Между тем, король в сопровождении свиты выехал вперед. С высоты у Фланвиля было ясно, что поле по эту сторону Меца было пусто. По ту же сторону, в долине Мозеля, поднимались столбы пыли, тянулись около С.-Кантена и вытягивались на плато у Гравелота. Было ясно: неприятель уходит по дороге на Верден. Головные части колонны в 100 000 чел., которые вчера дрались у Коломбея, может быть, пройдут вперед на длину перехода, но хвост вечером еще будет у Меца, и пройдут еще дни, пока эта колонна и уже несколько подавшиеся вперед части французских войск окажутся продвинутыми от Мозеля до Мааса и далее за него. Неприятелю надо помешать в исполнении его марша. Он должен быть принужден остановиться и принять бой. Наиболее простое и надежное средство достигнуть этой цели сводилось к тому, чтобы приказать 1-й армии переправиться через Мозель ниже Меца, 2-й — выше Меца, а задачу наблюдения Меца с востока предоставить 2-му корпусу (ср. схему 79). Но от такого способа пришлось отказаться, так как не представлялось возможным возлагать на 1-ю армию ту вполне самостоятельную задачу, которая была возложена на нее вначале. Поэтому задача преследования легла главным образом на плечи 2-й армии. За ее правым флангом должны были следовать два корпуса (7-й и 8-й) 1-й армии. На 1-й корпус возлагалась задача наблюдать восточный фронт (ср. схему 78).

На французской стороне 14 августа отход был проведен настолько хорошо, насколько это было возможно при общем незнании того, что должно было произойти, при беспомощности и беспорядке, при закупоренных и загруженных дорогах. Только глубокой ночью на 15-е последние части передовых корпусов достигли указанных им пунктов. Таким образом, кавалерийские дивизии Валабрега (2-й корпус), Фортонна (1-я резервная кавалерийская дивизия) и дю-Барайля (3-я резервная кавалерийская дивизия) стояли теперь у Вионвиля, Гравелота и Мальмезона, 2-й корпус (2½ дивизии) — вдоль большой дороги между Розерье-лем и Лонгвилем, 15-й корпус отсюда — вдоль железной

дороги до Вуаппи (схема 78). Рано утром 15-го должны были проследовать дальше: Фортон — к Марс-ля-Туру, дю-Барайль — на Донкур, 2-й корпус — на Резонвиль, а как только 6-й начнет сюда продвигаться, то далее к Марс-ля-Туру. В освободившиеся места лагерного расположения устремились: гвардия на Лонгвиль и Мулен, 3-й корпус — на Пляппвиль и Деван-ле-Пон, 4-й — на Вуаппи и восточнее до Мозеля. Впрочем, эти три корпуса получили приказание тотчас же двинуться дальше, но закупорка путей и полное изнурение войск помешали выполнению этого. Только гвардия вечером могла расположиться на высотах Гравелота позади 6-го корпуса. Двум дивизиям 3-го корпуса удалось через Пляппвиль протолкнуться до Верневилья и Ля-Фоли. Обе другие дивизии, так же как и 4-й корпус, в течение ночи на 16-е оставались еще в долине Мозеля. Этим пяти дивизиям приходилось дожидаться, прежде чем могла быть предпринята атака или продолжено движение на Верден. Итак, своим хвостом французская армия оставалась еще у Меца, а головой она была принуждена к остановке раньше, чем это имелось в виду.

Уже за несколько дней Мольтке напоминал 2-й армии о посылке масс кавалерии для разведки на левый берег Мозеля. Только дивизия Рейнбабена (5-я кав. дивизия) и 3-я гвардейская кав. бригада были использованы соответствующим образом, хотя и с опозданием. Остальные две и две трети дивизии остались позади, чтобы быть налицо при заключительной атаке в ожидаемом сражении у Нида или у Меца.

Разъездами было установлено, что французские биваки между Маньи и Шиель 13-го оставались без изменения. В подтверждение этих донесений немец из Меца принес известие, что до вечера 13-го не было никакого движения французов в западном направлении. 14-го августа около полудня разъезды наши дорогу Мец — Верден у Вионвиля свободной далеко в обе стороны. Рано утром 15-го полковник граф Гребен, который с несколькими эскадронами и одной батареей проник вдоль правого берега Мозеля до района севернее Оньи, обстрелял неприятельские лагеря, расположенные на правом берегу между Лонгвилем и Муленом.

На 15-е Рейнбабен получил приказ достигнуть дороги Мец — Верден. После высылки бокового охранения и различных частей для связи, из 36 эскадронов осталось всего шесть, которые с одной батареей под начальством генерала фон-Редерна достигли района Марс-ля-Тура. Батарея вступила в перестрелку с батареями дивизии Фортонна. Редерн мало-помалу получал подкрепления от отрядов, которые были привлечены артиллерийской канонадой. Но прежде чем дело дошло до атаки, французская кавалерия отошла назад к Вионвилю. В силу этого 2-й корпус остался стоять у Резонвиля и соединился здесь с 6-м корпусом, правый фланг которого доходил до С.-Марселя в одну огромную массу, в которую входила и гвардия, прибывшая вечером к Гравелоту. Эти детали, конечно, для немецкой кавалерии были неуловимы, но она могла установить, что большие неприятельские силы у Резонвиля и восточнее приостановили свое движение по дороге Мец — Верден. Севернее этой дороги разъезды наткнулись на сильную кавалерию, за которой пехота непосредственно еще не следовала. Картина могла бы быть дополнена, если бы 1-я армия при посредстве разъездов ниже Меца, на левом или на высоком правом берегу Мааса, установила, что от французской армии оставалось между Мецом, С.-Кантенем и Пляппвилем. Но и без этих разведок достоверно выяснилось, что французская армия в ее движении к Вердену не выдвинулась еще за линию Вионвиль — Мальмезон. Ее масса находилась между этими пунктами и Мецом. 16-го она, несомненно, еще продвинется вперед, пройдет до Марс-ля-Тура и западнее; но большой перемены ожидать уже не приходится. Если некоторые части уйдут по дороге на Бриэ, это лишь ослабит французские силы для боя.

Мольтке уже 14-го августа напоминал о необходимости продвигаться на левом

берегу Мозеля крупными силами против путей, связывавших Мец и Верден, а 15-го телеграфировал: «Преследование по дороге Мец — Верден важно». Едва ли уже было нужно, чтобы вечером 15-го было еще прибавлено: «Плоды победы (14-го) должны быть пожаты энергичным наступлением 2-й армии на дорогу из Меца в Верден как через Френ, так и через Этэн» и далее: «Соответственно нашим взглядам, решение кампании заключается в том, чтобы отходящие от Меца главные силы врага отбросить к северу».

Относительно того, что предстояло 2-й армии делать 15-го днем (схема 79), не могло быть сомнений. Французская армия, правое крыло которой сегодня стоит у Вионвиля, а завтра будет стоять у Марс-ля-Тура или несколько западнее, должна быть отброшена к северу. Для этого необходимо было охватить правый, а при возможности и незнакомый еще левый фланг, первый оттеснить от Вердена, второй — от Меца. Чтобы достигнуть этой цели, надо было использовать все находившиеся вблизи корпуса и воспользоваться всеми возможными переправами на Мозеле как существующими, так и вновь устроенными. Из шести корпусов 9-й корпус 14-го головой продвинулся до Пельтра к полю сражения, 3-й находился у Лувины, Из 10-го корпуса 20-я дивизия находилась у Понт-а-Муссона, ядро 19-й дивизии — у Тиокура, полубригада Линкера — у Новеана. Гвардейский корпус, расположенный у Дьелуара, выдвинул свой авангард через Мозель до Ле-Катр-Вана, 4-й корпус должен был в этот день пройти в Марбах, 12-й — к Номени, 2-й — к Гану-сюр-Нид. Этим определялось дальнейшее движение для 9-го корпуса — через Корни и Арс к Гравелоту, для 3-го — через Арри к Вионвилю, для 10-го следующим за ним 12-м — от Тиокура к Марс-ля-Туру, для гвардии и 4-го корпуса — на Ганнонвиль и Латур. Корпуса находились, конечно, в очень различных удалениях от своих конечных пунктов. Однако, в полдень 15-го могли еще продвинуться: 9-й корпус в окрестности Корни, 3-й — на ту сторону Мозеля, 10-й — за Тиокур, гвардейский корпус до Флирея. 16-го, во всяком случае, три корпуса вошли бы в соприкосновение с противником; за ними 7-й, 8-й, 12-й и 4-й следовали бы в качестве резервов. Конечно, резервы не были бы столь сильными, если бы 1-я армия стала обходить Мец с севера. Но тогда в атаку, и притом сокрушительную атаку, двинулись бы не четыре, а семь корпусов.

Задача 2-й армии ясна. Директива Мольтке сводится к тому, чтобы продвигаться к двум ведущим из Меца к Вердену дорогам. Где на этих дорогах находится противник, это было установлено кавалерией настолько хорошо, насколько это возможно при подобных обстоятельствах.

Ошибочно думать, что на войне донесениям кавалерии придают значение или хотя бы охотно их получают. Высший начальник обычно создает себе то или иное представление о друге и недруге, причем главную роль в этом играют личные желания. Если прибывающие сведения окажутся совпадающими с этими представлениями, то они принимаются с чувством удовлетворения; если же они противоречат им, то отбрасываются как совершенно ложные и служат лишь подтверждением, что кавалерия вновь ничего не сделала. 2-я армия при ее наступлении от Саара к Мозелю свою задачу обойти врага выполняла лишь как побочное дело; ее главное внимание было устремлено на то, чтобы подготовиться к невероятной атаке со стороны врага. Теперь, когда подошли к Мозелю, противник уже не мог ускользнуть и должен был принять сражение. Но 2-я армия оставляет его без внимания; она, занята другим врагом, который должен с неестественной поспешностью уйти с Мозеля к Маасу и которого надлежит преследовать, чтобы в конце концов вынудить к сражению на Марне. Донесения кавалерии, конечно, совершенно ложные, покоятся на воображении и желании видеть вещи в темном свете. Сражение 14-го вели не французская армия, не три корпуса, не восемь дивизий или 100000 чел., а слабый арьергард, который после геройского сопротивления против подавляющих сил дошел 15 августа, может быть, только до Резонвиля. Теперь задача 2-й

армии — движение к Маасу.

Поэтому 16 августа должны продвинуться (см. схему 78): 12-й корпус к Понт-а-Муссону с авангардом у Реньевилля, гвардия к Борнекуру (авангард — Рамбюкур), 4-й корпус к Ле-Сезрэ (авангард — Туль), 2-й корпус к Бюши, 3-й и 10-й корпуса должны захватить большую дорогу Мец — Верден и при этом наскоро покончить дело со слабым неприятельским арьергардом, остановившимся у Резонвила.

Шестнадцать немецких корпусов вторглись во Францию, десять настигли неприятельскую армию и заставили ее остановиться, семь могут атаковать в первой линии, два будут вести решительный бой.

Если бы хоть эти два корпуса действовали единодушно! Но каждый из них будет следовать собственному внушению и той ошибочной «ориентировке», которая ему давалась штабом армии. От 10-го корпуса полубригада Шварцкоппена с 3-й гвардейской кавалерийской бригадой (Бранденбург) высылается от Тиокура на С.-Илер, может быть для того, чтобы выловить еще несколько мародеров. Полубригада Лемана должна двигаться от Тиокура, полубригада Линкера от Новеана к Марс-ля-Туру, — первая, чтобы поддержать Рейнбабена, последняя - чтобы соединиться с Леманом. Крац с 20-й дивизией от Понт-а-Муссона должен двинуться на Тиокур и служить остальным в качестве стратегического резерва.

Все эти руководимые храбрыми людьми и настоящими солдатами отряды, хотя они и были разбросаны по всевозможным направлениям, соберутся вкуче на поле сражения. Но этого недостаточно, чтобы выдержать успешную борьбу с французской армией. Главнейшая заслуга ведения одного из славнейших боев столетия принадлежит генералу фон-Альвенслебену и 3-му армейскому корпусу, которым он командовал. Убеденный в правильности плана Мольтке — предупредить врага на левом берегу Мозеля — генерал отнесся критически и с нетерпением ко всем попыткам штаба армии, во имя принципа «стратегически наступать, тактически обороняться», достигнуть побед на правом берегу реки. Как только получено было известие о сражении Коломбей — Нуйи, он не позволил себе задержаться и по собственной инициативе двинулся к Мозелю. Если он дорогой и был задержан на некоторое время штабом армии, все же он продолжал проводить свой замысел, и 15-го вечером 6-й дивизией он дошел до Паньи и южнее до уровня Шампея, 5-й дивизией до Новеана на левом берегу и 6-й кавалерийской дивизией до Корни на правом берегу Мозеля, чтобы рано утром 16-го с двумя последними двинуться через Горз к Вионвиллю, а с первой через Арнавиль, Онвиль, Шамблей и Марс-ля-Тур к Жарни. При этом он натолкнулся на врага. Независимо от сил последнего, Альвенслебен решил преградить обе дороги, ведущие от Меца к Вердену, чтобы помешать движению противника, а в случае, если противник отеснил бы его превосходными силами, отступить на Верден в надежде, что 10-й корпус, а может быть, и другие части 2-й армии принудят противника остановиться и вернуться к Мецу.

3-й армейский корпус еще только начал свой переход, когда начальник штаба 10-го корпуса подполковник фон-Каприви прибыл в Ксонвиль к дивизии Рейнбабена. «Что-то нужно предпринять, чтобы установить, права ли кавалерия, донося, что противник находится между Резонвилем и Мецом, или прав штаб армии, утверждающий, что враг уже на Маасе». Вопрос можно было бы решить простым расчетом: 14-го утром противник еще стоял у Меца; с этого дня ни один француз не прошел в направлении из Меца через Вионвиль, значит, противник поскольку он пользуется главной дорогой, оставался между Вионвилем и Мецом. Этот расчет оказывается, однако недостаточно убедительным. Только атака может дать необходимый ответ. Рейнбабен идет вперед, открывает

артиллерийский огонь по кавалерийскому лагерю у Вионвиля, где люди заняты были приготовлением пищи, кормом, водопоем и т.д. Результат: беспорядочное отступление дивизии Фортонна, дикое бегство находящихся вблизи обозов, но в то же время развертывание и движение вперед пехоты, стоявшей у Резонвиля. На линию С.-Марсель — Вионвиль выдвигаются 1-я и 3-я дивизии Канробера (6-й корпус), южнее дороги удлиняет фронт 2-я дивизия Фроссара (2-й корпус), между тем как 1-я дивизия и бригада Ляпассэ становятся фронтом на юг, откуда показываются гусары 6-й кавалерийской дивизии. 4-я дивизия {45} Канробера остается у Резонвиля, гвардия — у Гравелота. 9-я бригада, идущая в голове 5-й дивизии, вынуждена от Горза в направлении на Резонвиль пробивать себе путь через перелески С.-Арнауля и Вионвиля. 10-й бригаде мало-помалу удается охватить противника, стоявшего на пути ее движения к Вионвилю, и оттеснить его в северо-восточном направлении. 5-я дивизия находится уже в жарком бою, когда 6-я дивизия двигается от Солея 12-й бригадой на Вионвиль по обе стороны большой дороги, а 11-й бригадой южнее.

В бою, продолжавшемся несколько часов, были заняты Вионвиль, высоты восточнее этого пункта, Флавины и северная опушка перелесков Вионвиля и С.-Арнауля. На новой французской позиции обнаруживается слабый пункт там, где находится стык фронта, обращенного на запад, с фронтом, обращенным на юг, и где возможна атака с двух сторон. Этим пользуется 10-я бригада, подкрепленная полубригадой Линкера, и отбрасывает находящуюся перед ней бригаду Валязэ в северном направлении на бригаду Бастуля. Так как одновременно переходят в наступление и остальные прусские бригады, весь корпус Фроссара (2-й) в беспорядке отступает. К этому отступлению присоединяется севернее дороги бригада Колена 6-го корпуса.

Чтобы защититься от преследователя, Канробер приказывает другой бригаде 3-й дивизии сделать полуоборот влево и приказывает первой дивизии Тиксие от С.-Марселя удлинить вправо фронт бригады. 24-му полку и батальону 20-го полка угрожает губительный фланговый удар, так как они образуют слабое левое крыло севернее дороги на Верден. Кавалерийская бригада Бредова (по 3 эскадрона кирасир 7-го полка и улан 16-го полка) брошена в атаку вдоль Старой Римской дороги на неприятельские массы. Первая линия пройдена, артиллерийская линия прорвана, запряжки и прислуга порублены. Вторая линия не выдерживает кавалерийского натиска. Батареи, расположенные на высотах, находящихся далее в тылу, берутся на передки и обращаются в бегство. После атаки, растянувшейся на 3 000 шагов, навстречу утомленным всадникам со всех сторон устремляется свежая французская кавалерия. Длинный путь должен был быть пройден еще раз в обратном направлении.

В результате — бригада Бредова потеряла половину своего состава, десять французских батарей покинули поле сражения, 3-я дивизия Канробера отказывается от какого бы то ни было наступления. Эта дивизия образует затем правый фланг позиции, занятой 4-й дивизией Канробера, гренадерской дивизией гвардии и бригадой Ляпассэ, — позиции, начинавшейся от Римской дороги, пересекавшей дорогу на Верден непосредственно к западу от Резонвиля и достигавшей дороги Резонвиль—Горз у «белого дома» (Maison blanche) (схема 80). В качестве резерва к востоку от Резонвиля подтягивается дивизия Монтодона 3-го корпуса, западнее Гравелота располагается вольтижерская дивизия гвардии, восточнее — разбитый корпус Фроссара.

Атаковать эту позицию, занятую 7½ дивизиями, — безнадежное дело, а чтобы ее обойти — нет сил. Но и атака против двух прусских дивизий натолкнется на огонь пехоты и артиллерии, на самый решительный отпор со стороны командиров и войск. Сражение здесь ведется теперь преимущественно артиллерией обеих сторон более или менее

оживленно. После же полудня сражение разгорается на левом прусском фланге севернее дороги на Верден. Здесь дивизия Тиксие (1-я) 6-го корпуса от С.-Марселя выдвинулась на Старую Римскую дорогу. Вправо до Брювиля к ней должен примкнуть от Верневилля Лебеф (3-й корпус), как только он сосредоточит три свои дивизии. Еще далее вправо ожидается Лямиро (1-й корпус), который с раннего утра с тремя дивизиями от Вуаппи идет через С.-Прива и Аманвейлер (на схеме Amanvillers) на Донкур. Если бы эти семь дивизий двигались просто рядом одна с другой, то сдерживаемый на фронте хотя бы равной ему по силе частью 3-й корпус несомненно был бы уничтожен и даже 10-го корпуса было бы недостаточно, чтобы надолго сдержать широкий фланговый удар. Французы должны были выиграть 16-го большое сражение и на другой день иметь перед собой на выбор — или дальше развивать эту победу, или, по крайней мере, беспрепятственно уходить за Маас.

Однако, одна дивизия корпуса Лебефа (3-го) и одна дивизия корпуса Лямиро (4-го) слишком поздно могут развернуться из их глубоких и нерасчлененных походных колонн. Таким образом, две дивизии для сражения пропадают. Но остающихся пяти еще вполне достаточно, чтобы осуществить сокрушительный фланговый удар.

Расположенный против дивизии Тиксие слабый левый фланг 6-й дивизии севернее дороги на Верден должен принять назад. Высота, что восточнее Вионвилля, составляет теперь выдающийся угол боевой линии. Последняя тянется отсюда влево к Тронвильскому кустарнику (V. de Tronville), который занимает подошедшая полубригада Лемапа.

Против этой рощицы, занятой немногими батальонами, направляется теперь удар Тиксие с северо-востока, Лебефа — с севера и дивизии Гренье (2-я дивизия корпуса Лямиро) — от Брювиля. Тиксие преимущественно сдерживается левым флангом 6-й дивизии. Лебеф, со своими двумя дивизиями, сводит дело к легкой перестрелке. Ранним утром между другими задачами боя он получил задачу «de maintenir fortement» {46}; на этом указании он будет теперь крепко стоять, несмотря на то, что надлежало бы быстро отогнать совершенно ничтожного врага. Глубокое расчленение своих сил и сохранение сильных резервов рисуются ему наиболее подходящим средством, чтобы поддержать сильный фланговый удар и вообще оказать содействие тому делу, которое должно было решить судьбу обеих армий. Все же концентрического удара части дивизий Тиксие и Гренье оказывается достаточно, чтобы вынудить полубригаду Лемана к отходу. Она постепенно очищает сначала северную, затем южную часть рощицы и отступает к Тронвилю, который подготовлен к упорной обороне. Но долго ли может продлиться оборона этого пункта, который лежит уже совершенно в тылу позиции 3-го армейского корпуса?

В эту опасную минуту появляется 20-я дивизия (Крааца). Она выступила утром из Понт-а-Муссона, от Тиокура она двигается уже на артиллерийские выстрелы, несколько батальонов она выделяет стесненной 5-й дивизии и достигает Тронвиля с девятью батальонами, сделав переход в 6 миль {47}. Продвижения двух батальонов от Тронвиля к Тронвильскому кустарнику оказывается достаточно, чтобы вызвать изменение в обстановке. Лямиро видит угрозу своему фронту и одновременно считает, что и его правый фланг подвергается опасности со стороны Марс-ля-Тура от «armee de fantassins» {48}. Дивизия Гренье отводится назад, Краац следует в Тронвильский кустарник. Здесь еще долго тянется борьба, но опасность, созданная Тиксие, Лебефом и Гренье с их четырьмя дивизиями, кажется пока устраненной.

Между тем появляется дивизия Сиссея, которая в походной колонне Лямиро

занимала второе место. Она получает приказ атаковать противника в тыл, чтобы добиться решительного исхода. Перспективы успеха прекрасные. Если Сиссей пойдет вперед западнее Тронвильского кустарника, то тем облегчится положение Гренье. Дивизия Краца отойдет назад, а если к наступлению, может быть, согласится примкнуть еще и Лебеф с Тиксие, то может осуществиться атака пяти дивизий в тыл 3-му армейскому корпусу, который одновременно должен будет выдержать с фронта напор по меньшей мере четырех с половиной дивизий.

К сожалению, и Сиссей находит на своем пути «*armee de fantassins*», а именно полдивизии Шварцкоппена (бригада Веделя: полки 16-й и 57-й). Утром она двинулась от Тиокура на С.-Илер и отсюда на артиллерийские выстрелы к Марс-ля-Туру. Здесь она получает приказ атаковать правый фланг противника. То, что ей было указано в качестве такового, может быть, и был правый фланг Гренье, но не фланг Сиссея, укрытый от взоров высотами. В результате дивизия натывается на его центр.

Длинный путь, пройденный в зное августовского дня, совершенно истощил силы умиравших от жажды людей. Но крик «там противник» заставляет исчезнуть у вестфальцев все следы усталости. С бьющимися сердцами, но крепкие духом они идут навстречу превосходящему их врагу, который по дороге на Брювиль занял позицию позади глубокого оврага. На мгновение атакующий исчезает в овраге, потом он карабкается по крутому откосу. Вверху у края его встречает частый огонь с 150, 100, 50 шагов. С другой стороны отвечают таким же. Две линии, глубиной около шести шеренг; две огромные белые тучи, непрерывно прорезываемые короткими блестящими искрами огня; оглушительный рев; ничего не видишь кругом, кроме товарища, который внезапно падает возле тебя. Стоять на месте невозможно. «Встать! Вперед!» Голос замирает. Но близстоящие видят командира с обнаженной саблей и высоко поднятое знамя. Сосед ободряет голосом соседа. Цепь бросается вперед. Однако, выдающиеся фланги противника совершают теперь захождение внутрь и открывают по флангам и тылу атакующих адский огонь. Что еще уцелело — назад, в овраг, и снова карабкается на высоту под непрерывно преследующим огнем противника. Артиллерия пытается прикрыть отход. Три эскадрона 1-го гвардейского драгунского полка идут навстречу врагу. Они находят лощину, чтобы незаметно приблизиться, и бросаются на правый фланг. Но для маленькой кучки он все еще остается слишком широким. Офицеры и передние всадники прорываются сквозь стрелковую цепь в гущу пуль и штыков.

Атака как пехоты, так и кавалерии совершенно сорвана. Бригада Веделя и гвардейские драгуны 1-го полка больше не существуют. Перед французами открывается свободное пространство, чтобы с дивизиями правого фланга выполнить большой сокрушающий удар. Но Сиссей с южной окраины оврага вперед не двинулся. Впечатление, оставленное на нем атакой, оказалось слишком глубоким. Французы убеждены, что атака, только что счастливо отбитая, будет возобновлена новым и более сильным врагом. «Вы не заставите нас поверить, что ваш полк решился бы атаковать нас с такими силами, если бы он не имел за собой корпуса», — так сказано было на другой день при опросе раненому офицеру 16-го полка. А так как Лямиро не чувствует себя в силах помериться с новой бригадой Веделя, он находит целесообразным оттянуть назад дивизию Сиссея к Брювиллю и Донкуру, куда за ним следует Гренье и куда с наступлением темноты подходит до сих пор отсутствовавшая дивизия Лоренцеа.

Отважные атаки бригады Веделя и гвардейских драгун хотя и отбитые, вызвали отход Лямиро, а этот отход решил исход сражения в пользу пруссаков.

Кавалерийский бой на крайнем фланге западнее ручья Ирон, в котором генерал

фон-Барби с шестью полками отбросил дивизию Леграна и бригаду де-Франса, так же как и окончательный захват Тронвильского кустарника дивизией Краца, не могли развить указанный выше исход боя, они могли только подкрепить его. Французский правый фланг - Лямиро, Лебеф, Тиксие, частично очистили поле сражения, частично поддерживали для формы мало-помалу затихавшую перестрелку. Левый фланг французов еще сохранял за собой позицию у Резонвиля. Здесь фронт слишком силен, чтобы им можно было овладеть. Но сюда подходит поддержка.

32-я бригада, шедшая в голове 8-го корпуса, к которой добровольно примкнул 11-й полк 9-го корпуса {49}, после полудня переправилась через Мозель у Корни и поставила себе задачей все же еще достигнуть поля сражения. Командир дивизии генерал фон-Барнеков приказывает своим девяти батальонам по дороге на Горз развернуться южнее леса Оньон с тем, чтобы через лес зайти во фланг и тыл противнику, стоящему у Резонвиля. Но оказавшаяся в стесненном положении 5-я дивизия требовала непосредственной поддержки. Барнекову ничего не оставалось, как идти через Горз, затем одним полком за другим вести атаки по узкому гребню вдоль дороги на Резонвиль и после начального успеха оказаться в конце концов отбитым беглым огнем превосходных резервов. После тройной попытки и тройной же неудачи пруссаки были вынуждены отойти на высоту, примыкавшую непосредственно к северной опушке леса, а французы удержали за собой высоту севернее «белого дома».

25-я дивизия также перешла Мозель у Корни. В голове ее генерал фон-Виттих с 49-й бригадой (4 батальона, 4 эскадрона, 3 батареи) ворвался в лес Оньон, опрокинул батальон гвардейских егерей, достиг северо-западной опушки и отсюда открыл огонь по резервам, отходившим к Резонвилю. Дальнейшему продвижению помешали неприятельские части, удержавшиеся в лесу восточнее. Только к 10 час. вечера бой здесь обрывается, и части располагаются биваком на лесной прогалине.

Во всяком случае был достигнут тот результат, что сосредоточенные у Резонвиля массы двинулись к Гравелоту и далее отнюдь не в организованном порядке. И вместе с тем был показан путь, на котором возможно было достичь больших результатов и на котором и были бы достигнуты большие результаты, если бы генералу фон-Барнекову было позволено со своими девятью батальонами двинуться через лес Оньон на путь отхода противника между Резонвилем и Гравелотом, а 25-я дивизия поддержала бы это наступление через Арс восточнее оврага Манс. Это, вероятно, заставило бы французов приступить к отходу в северном направлении, и было бы выполнено требуемое Мольтке оттеснение к люксембургско-бельгийской границе.

Но принц Фридрих Карл был далек от подобных задач; получив сведения, что 3-й армейский корпус втянулся в очень серьезный бой, он в полдень быстрым аллюром поспешил на поле сражения. Здесь, как он рисовал себе, перед ним был незаконченный бой. Чтобы обратить его в победу, он приказал вечером перейти в общее наступление, т.е. делать то, над чем уже десять часов бился 3-й корпус, напрягая все свои силы, но эти усилия находили свой естественный предел в потерях, истощении, недостатке патронов и в сильной позиции, занятой превосходным противником. Приказ мог быть выполнен лишь в скромных размерах, так как у артиллерии не доставало запряжек, а у пехоты патронов. Атака небольших сил пехоты, какие можно было собрать при наступающей темноте, и двух кавалерийских бригад сорвалась под беглым огнем еще нетронутых французских батальонов. Если бы она удалась, противник был бы потеснен в том направлении, которое он сам облюбовал для своего отхода.

Приказ принца имел своим источником возвышенное чувство горделивой

храбрости, но в результате принес то, что славный день был завершен неудачей. Что в сражении уже ничего более нельзя было достигнуть, это приходилось приписывать не командирам и не отсутствию храбрости, а недостаточному количеству войск. Но внести изменения в это было уже нельзя и, во всяком случае, не фронтальной атакой, осуществляемой недостаточными силами. Были все данные удовлетвориться исходом. Чего 60 000 чел. могли достигнуть против 164 000 чел., это было достигнуто в полной степени. Довольно было и того, что меньшие силы заставили большие отказаться от наступательных предприятий и вернуться на, позиции, лежавшие более или менее позади. Тем самым движение на Верден сделалось невозможным, и теперь оставался выбор между отходом в северном направлении или отходом к Мецу.

Едва ли можно сказать, что французский план сражения, — был ли он придуман Базеном или создан сам собой при данной обстановке, — облегчил успех немцам. Самая идея — удерживать 3-й корпус на сильной позиции с хорошо обеспеченным против охвата левым флангом, и очень сильным правым флангом повести атаку — была безусловно многообещающей. Но план потерпел крах из-за способа его осуществления и предвзятого мнения Базена и его корпусных командиров, будто они имеют перед собой не незначительное меньшинство, но очень крупное превосходство в силах. И это не было переоценкой врага. По отнюдь не преувеличенным расчетам масса немецких войск могла и должна была оказаться на месте боя, если и не ранним утром, то в течение дня. В том, что французы были удержаны и подкреплены в этой своей вере в преобладающие силы противника, и состоит великая заслуга генерала фон-Альвенслебена и 3-го армейского корпуса. Средством, которым генерал старался достигнуть своей цели, было, — по выражению, примененному в труде французского генерального штаба, — «зверское наступление».

Если бы корпус Альвенслебена и полудивизия Шварцкоппена, поступая умно и рассудительно, заняли хорошую позицию, они были бы уничтожены, не будучи вознаграждены за свою жертву большим результатом. Но атака, вновь и вновь атака, атака во что бы то ни стало — она принесла с собой беспримерные потери, но также и победу, можно даже сказать — предопределила, исход кампании.

Если последняя отбитая Базеном атака и дала ему кажущееся право официально донести: «Прусская армия, разбитая во всех пунктах, отошла», то его внутреннее убеждение сказалось в словах, обращенных к окружающим: «Il faut sauver l'armee francaise» {50}. Спасать армию уходом за Маас было уже невозможно, если немцы, как можно было заключить, двигались в северном направлении. Выполнить волю Мольтке и самих себя оттеснить к люксембургско-бельгийской границе было бы гибелью. Оставалось одно, что и выразил Базен, продолжая свою мысль словами: «Et pour cela retourner a Metz» {51}. Это было спасением, по крайней мере, на, некоторое время, в течение которого многое могло произойти. Может быть, даже это было лучшим спасением, чем то, которое могло дать соединение разбитой и преследуемой Рейнской армии с обломками армии Мак-Магона и с прибывавшими из Парижа в Шалон батальонами национальной гвардии. Но тотчас же отходить к Мецу было неприемлемо, так как было донесено о только что блестяще одержанной победе, да и неприятель стоял слишком близко у левого фланга. Предстояло вступить в новое безнадежное сражение.

[Назад](#)

Сражение у Гравелота — Сен Прива

Во французской армии ночь с 16 на 17 августа провели (схема 81): три дивизии 4-го корпуса у Донкура, две дивизии 3-го и одна дивизия (Тиксие) 6-го между С.-Марселем, Виллер-о-Буа и Старой Римской дорогой, остальные восемь с половиной (по две от 3-го и 6-го корпусов, две с половиной 2-го корпуса и две гвардейских) между Резонвилем, Гравелотом, северной опушкой леса Оньон и высотой южнее Резонвиля.

Почти прямо против них немецкие передовые посты протянулись от оврага Манс наискось через лес Оньон, по северной опушке Вионвильского леса, посередине между Резонвилем с одной стороны и Флавины — Вионвиль с другой к Тронвильскому кустарнику, который они окружали с севера. Сзади стояли 25-я дивизия в лесу Оньон, 16-я — на дороге Горз — Резонвиль, 3-й корпус у Вионвиля; 10-й — у Тронвиля с боковым прикрытием к Марс-ля-Туру. Еще в течение ночи были двинуты: 9-й корпус — к высоте западнее Горз, 12-й — через Тиокур, гвардейский — через Бенэ — Сен-Бенуа и Шамблей к Марс-ля-Туру. Непосредственно за 9-м корпусом должны были через Мозель следовать: 7-й корпус к Гравелоту и 8-й, оставляя Горз к западу, к Резонвилю.

Базен считал, что 16-го он имел дело с 1-й и 2-й немецкими армиями, и был убежден, что 17-го к этому присоединится 3-я армия. Такие предположения не были подсказаны воображением, рассматривающим события сквозь темные очки; все три немецкие армии, конечно, могли в этот день сосредоточиться между Мозелем и Маасом. Но если держаться только тех неоспоримых фактов, что французская армия 16-го отступила, что враг стоял близко против нее и что подкрепления со стороны Мозеля находились на пути к нему, то Базен был обязан поверить если и не в численное превосходство, то во всяком случае в лучшую боеспособность своего противника. Отсюда понятно, что он не хотел наступать. Это ему не удалось 16-го, а 17-го совсем не должно было удалиться. Но он не хотел также стоять и на месте, так как он должен был ждать, что будет охвачен справа и слева и оттеснен в северо-восточном направлении. Одновременно он не мог также повернуть свою армию налево или направо, чтобы в длиннейшей колонне провести ее вдоль неприятельского фронта или через Конфлан к Вердену, или через Гравелот к Мецу. Он скоро был бы принужден остановиться и очутился бы в том же положении, как и прежде.

Лучшие условия представлял отход через Бриэ. На этом пути он отходил от противника почти в перпендикулярном направлении. Вправо и влево от большой дороги Гравелот — Бриэ могли быть использованы еще два пути через Омекур и Муанвиль, и этим выигрывалось бы большое сокращение в длине походных колонн. Все же последние оставались еще настолько длинными, что для предотвращения возможности неприятельской атаки движение по этим дорогам должно было начаться уже 16-го вечером. Но это было невозможно. Все корпуса, включая и 4-й корпус, который до некоторой степени сохранил свои позиции, частью почти разложились, частью перепутались; у всех было безнадежное и пришибленное настроение разбитой армии. Организовать из перепутанной массы ночью или утром 17-го три узких колонны для наступления через Орну было невозможно. Если же это было бы выполнено уже днем, то оно сделало бы возможным преследование, частью непосредственное, а частью осуществляемое через Конфлан, в результате чего произошло бы желанное для Мольтке оттеснение к люксембургско-бельгийской границе. Если бы преследование началось и очень поздно, во всяком случае без повторных арьергардных боев дело бы не обошлось, а в таком случае какой был смысл отступлением, близким к бегству, окончательно

разрушать и без того расшатанную и обескураженную армию, длинной дорогой доводить ее до Шалона и соединять ее там с остатками макмагоновской армии, в то время как 450 000 немцев более прямым путем могли бы явиться туда почти одновременно для решительного сражения? Подобные перспективы не были для Базена соблазнительными. В таком случае все же лучше было оттянуть от опасного охвата левый фланг от Резонвиля через Гравелот за овраг Манс и отвести фронт с линии Гравелот — Донкур к Мозелю. На высотах восточнее ручья Манс и западнее оврага Монтво имелась «position inexpugnable» {52}, на которой без всякого опасения можно было подождать, а затем и отбить атаку. Раз это случилось, можно было бы, совершив новый отход назад, обрести позади укреплений Меца заслуженный покой. Попытка одним махом выполнить оба этапа отхода, вероятно, привела бы к полному разложению армии. Необходимо было сделать остановку на сильной позиции, восстановить порядок и принять бой. Это был тот минимум, которого можно было еще потребовать от армии, официально одержавшей 16 августа блестящую победу. Короткий отход был убедительно объяснен необходимостью пополнения снарядами и продовольствием, причем совершенно серьезно сообщалось, что указанный марш к Шалону будет произведен через расположение противника, отбитого и уничтоженного. Так звучали официально сообщаемые намерения. Фактически отход к Мецу уже с вечера 16-го, если не раньше, был решенным делом. Этот отход при любых обстоятельствах едва ли мог привести к полному крушению.

Более чем за сто лет до этого, в 1757 г., австрийская армия принца Карла Лотарингского после кровавого сражения была отброшена к Праге и в ней укрылась. Известие об этом вызвало в Вене полный ужас. Но при более детальном взвешивании всех обстоятельств признали выгодность подобного укрытия в Праге по сравнению с отходом, похожим на бегство. Принцу Карлу было указано производить вылазки, но не доводить их до прорыва. В Праге было достаточно запасов, принц мог оставаться в ней и только заботиться о том, чтобы удержать перед крепостью большую часть прусской армии. А против небольшого остатка этой армии надеялись сформировать достаточную армию, которая пришла бы на выручку осажденной крепости. Сражение у Колина доказало правильность таких соображений.

Впрочем, обстановка в 1870 г. была несколько иная, чем в 1757 г. В Париже не было и намека на энергию Марии Терезии, в руководстве деблокирующей армии не чувствовалось разумного расчета графа Дауна, а вместо небольшого числа прусских батальонов, истекавших кровью у Колина, на поле сражения и после обложения Меца оставалась немецкая армия в 250 000 чел. Однако, после того, как понадобилось бы обложить в крепости еще одну французскую армию, обстановка стала бы более похожей на обстановку июня 1757 г., но для использования ее Мольтке, конечно, не располагал людскими силами.

Нужно признать правильным то замечание критики, что для Базена лучше всего было бы своими 160 000 чел. просто разбить наголову 450 000 немцев. Но так как он не чувствовал себя на высоте подобной задачи и, кроме того, не желал быть оттесненным к люксембургско-бельгийской границе и не желал также, чтобы в Шалоне его как совершенно разбитого полководца встретил тоже разбитый Мак-Магон, отход к Мецу все же оставался сносным исходом.

Но было ли еще возможно использовать такой выход из положения? Можно ли было отвести французскую армию на неприступную позицию, раз этой армии нельзя было внушить мысль об отходе через Бриэ? Едва ли, раз неприятель на другой день должен был идти вперед. Произошла бы паника, бегство, как думал Базен. Но к счастью, страшный враг не двинулся в течение всего 17 августа, и оставалось время «спасти армию».

Гвардейская дивизия и 2-й корпус были отведены через Гравелот мимо 25-й немецкой дивизии, другая гвардейская дивизия и 3-й корпус отведены через Мальмезон, 4-й через Верневиль оттянут на возвышенный гребень по ту сторону ручья Манс. 6-й корпус должен был следовать до Верневилья в качестве арьергарда. Но так как здесь не нашлось подходящей позиции, то корпус был оттянут к правому флангу. Общее передвижение оказалось до крайности трудным: полки должны были сначала соединиться с соответствующими полками, бригады с бригадами, дивизии с дивизиями. Отдельные колонны перекрещивались не иначе, как в самых разнообразных направлениях. Ночь давно уже наступила, когда последние части достигли указанных им пунктов, расположенных самое большее в 10 км, не будучи никоим образом потревожены неприятелем. На следующий день располагались: 6-й корпус на возвышенности между Ронкуром и высотой 321, южнее Сен-Прива; 4-й — от высоты 322 севернее железной дороги до Монтиньи-ля-Гранж; 3-й примыкал слева до изгиба дороги восточнее Сент-Юбера; 2-й — отсюда до Розерель; бригада Ляпассэ — у Жюси и Сен-Рюфэна; гвардия — у Пляппвиля.

Базену посчастливилось не только вывести армию из очень опасного положения, но и отвести ее на такую позицию, на которой он со своей стороны мог задать противнику очень трудную задачу.

Первой мыслью Мольтке по получении известия об исходе боев 16 августа (схема 81) было возобновление атаки и преследование. Следовало на обоих флангах достигнуть крайне близко пролегающей линии отступления — будь то через Конфлан на Верден или через Гравелот на Мец — и оттеснить побежденного на Бриэ или Диденгофен. Но эти замыслы начальника генерального штаба натолкнулись на решительное сопротивление штаба 2-й армии, смелый наступательный пыл которого, видимо, пострадал от дурно осуществленной фронтальной атаки накануне вечером. Трудность положения и тягостное состояние частей, выдержавших 12-часовой бой, обрисовывались в ярком свете. Слабые остатки 3-го и 10-го корпусов не дерзали атаковать значительно превосходившего их врага. Было уже сомнительно, смогли ли бы они в случае необходимости оказать сопротивление. Надлежало избегать всего того, что могло бы «раздразнить» противника и вызвать его на атаку.

Это мнение едва ли разделялось генералом фон-Альвенслебеном. Ведь это он 16 августа пришел к мысли удержать противника, с которым он сцепился, пока другие не подойдут для разгрома этого врага. Он готов был даже на отход — шаг за шагом — к Вердену. Так же и 17-го он не побоялся бы, если бы это было нужно, такого отхода, раз он знал, что с одной стороны подходили гвардейский и 12-й корпуса, а с другой — 7-й, 8-й и 9-й, и эти силы могли бы быстро превратить преследование противника в решительное его поражение.

Но такие соображения не получили должного значения. Фантастические мысли седого рубаки не могли преодолеть возражений штаба армии и представлений испытанных и разумных генералов, вроде Гебена. Мольтке должен был понять, что его план рухнет сам собою, раз те, которые будут его выполнять, откажут в своем содействии, и предложил королю отложить наступление на 18-е.

В 1 ч. 45 м. пополудни отдается следующий приказ:

«2-я армия завтра, 18-го, выступает в 5 час. утра и наступает вперед уступами с левого фланга между ручьями Ирон и Горз (в общем, между Виль-Сюр-Ирон и Резонвилем), 8-й корпус примыкает к этому движению на правом фланге 2-й

армии, 7-й корпус берет на себя вначале задачу обеспечить общее движение 2-й армии против каких-либо действий со стороны Меца».

Намеченные для марша границы — ручьи Ирон и Горз — были на западе перейдены уже тем, что левофланговый корпус 2-й армии был направлен на Ганнонвиль. Рекомендовалось сохранить этот небольшой фронт слишком узкого для шести корпусов пространства, и с основной линии Горз — Ганнонвиль указанное продвижение уступами слева начать уже в полдень 17-го. Каждый полководец, серьезно желающий победить, использует предшествующий день, ночь, утро, чтобы поставить себя в бою в возможно благоприятное положение. Но в таком благоприятном положении по отношению к противнику 2-я армия не могла оказаться, продолжая стоять у Горза — Ганнонвиля. Например, она не могла знать, находится ли противник 17-го утром со своим 4-м корпусом в отступлении через Бриэ, а если кавалерия и уведомила бы ее, до каких пунктов дойдет противник утром, в полдень, вечером, все же армия оказывалась слишком далеко расположенной, чтобы 18-го она могла использовать выгоды своего положения в духе намеченного Мольтке оттеснения к люксембургско-бельгийской границе. Поэтому совершенно необходимо было шестью корпусами еще 17-го выдвинуться на линию Конфлан — Резонвиль. Тогда 18-го правое крыло могло бы непосредственно следовать за противником, отходящим через Бриэ, а левое двигалось бы охватывающим маневром в направлении на Лонгюйон, Монмеди, Стенэ.

Едва ли, впрочем, 3-й и 10-й корпуса были в состоянии рано утром 17-го двинуться вперед для атаки. Необходимо было привести в порядок потрепанные части, подвезти снаряды и патроны, пополнить запряжки батарей. Но в полдень, когда в отходе противника нельзя уже было сомневаться, мог быть уже совершен небольшой переход вперед хотя бы для того, чтобы лишить войска тягостных картин поля сражения и доставить жаждущим ту воду, которой недоставало им на высоких равнинах Вионвиля и Тронвиля. Также и для корпусов, находившихся и движении, конечная цель перехода могла быть отодвинута дальше, так как все напряжения, гребуемые сегодня от войсковых частей, завтра в сражении послужат им на пользу. Было бы вполне в пределах выполнимого, если бы 17 августа корпуса достигли (схема 82): гвардейский корпус через Ганнонвиль — Конфлана, 12-й — через Марс-ля-Тур — Жарни, 10-й — от Тронвиля — Брювиля, 3-й — от Вионвиля — Сен-Марселя, 9-й — от Горза — Флавины, 8-й — от пункта восточнее Горза — Резонвиля, 7-й — через Арс — северной опушки лесов Оньон и Во; гвардейская, 5-я, 6-я и 12-я кавалерийские дивизии, продвинувшись дальше гвардейского и 12-го корпусов, передовыми частями достигли бы Бриэ и Обуэ. И тогда было бы выяснено, что противник не переходил Орна, но что значительные силы его располагались за оврагом Манс, Восточнее Гравелота.

Если бы утром неприятель попытался еще двинуться через Бриэ, то он был бы застигнут между дорогами Гравелот, Верневиль, Сент-Мари, Обуэ и С.-Рюфэн, Аманвиллер (Аманвейлер), Сен-Прива, Монтуа. А если он остановится на мысли отойти к Мецу через Сен-Прива, Аманвиллер, Шатель-Сен-Жермен и С.-Рюфэн, то он будет находиться между теми же дорогами со всей армией или с арьергардами. Таким образом, французская армия, независимо от ее первоначальных намерений, должна занять или уже заняла позицию на гребне между ручьем Манс и оврагом Монтво. Ее левый фланг занимает высоты у Пуэн-дю-Жура и Розерьеля. Как далеко простирается ее правый фланг — неизвестно, так как вечером 17-го еще не все части могли достигнуть указанных им пунктов и так как на позиции, по крайней мере, один из ее фланговых рубежей будет величиной крайне переменной. Кто этого не знал из военной истории, тот мог этому поучиться на примере сражения 16 августа. Утром этого дня правый фланг французов определялся у Розонвиля. В полдень он обнаружился у Марс-ля-Тура, а кавалерия

оказалась еще далее к западу по ту сторону ручья Ирон: 18-го правый фланг французов находился у Ронкура. Чтобы в этом убедиться, недостаточно было бы увидеть занятыми Сен-Прива и Ронкур; следовало бы также установить, что Монтуа не занято и что в Маланкуре нет частей второго эшелона, И если бы кавалерия, что не так-то уж легко, установила все это 18-го утром, она должна была бы гарантировать также, что и в течение дня эти пункты будут оставаться незанятыми.

Поэтому, чтобы быть готовой ко всяким возможностям, немецкая сторона должна была бы принять: вся французская армия, силою в 150 000 чел., стоит на возвышенностях восточнее ручья Манс от С.-Рюфэна до Орна у Монтуа и решила оказать упорное сопротивление. Если в этом сказывается переоценка противника в каком-либо отношении, то она служит наступающему только на пользу. При такой предпосылке, в соответствии с приказом Мольтке, 18 августа корпуса продвинулись бы: гвардия от Конфлана через Бриэ к Муайэвр-ля-Гранд, 12-й корпус от Жарни вдоль Орна через Обуэ к Монтуа, 10-й — от Брювиля через Жиромон к Сент-Мари, 3-й — от Сен-Марселя через Донкур, Жуавиль, Батильи, Сент-Эль и через Габонвиль к Сен-Прива, 9-й — через Кольр и Верневиль к Аманвиллеру, 8-й — через Мальмезон и Гравелот на Моску и Пуэн-дю-Жур.

Теснее, уже, сомкнутое армия, конечно, не могла бы двигаться. На каждый корпус приходилось не больше трех километров фронта, и все же общее протяжение фронта армии могло оставаться столь растянутым и левофланговые колонны в случае нужды так легко могли быть передвинуты еще севернее, что сохранялась возможность обхода и охвата противника как слева, так и справа. Подобный охват мог быть еще завершен при посредстве кавалерии: гвардейской, 5-й, 6-й и 12-й кавалерийских дивизий, которые могли выдвинуться впереди пехоты по обе стороны Орна, и 1-й и 3-й дивизий, которые могли отрезать Мец и в случае необходимости держать под огнем дорогу на Верден у С.-Рюфэна и Мулена.

При движении вперед каждый корпус наступал в одной только колонне. Такой порядок при наступлении от Рейна к реке Саар и от реки Саар к Мозелю диктовался недостатком сквозных дорог. Но теперь вблизи от неприятеля нужно было, насколько это возможно, создать отдельные колонны не только для каждого корпуса, но для каждой дивизии, даже для каждой бригады, и такие колонны при отсутствии построенных дорог должны были бы следовать прямо по местности, отделенные одна от другой большими или меньшими интервалами, чтобы в случае необходимости иметь возможность быстро развернуться для боя.

Так как фактически противник протягивал свой правый фланг только до Ронкура, то справа он легко мог быть обойден двумя-тремя корпусами. Последние были бы двинуты и дальше: 10-й — через Монтуа к Маренго, 12-й — через Бронво и Маранж (Маринген) и гвардия — на Семекур, кавалерия — на Вуаппи.

Невероятно, чтобы противник в случае, если бы начал осуществляться такой охват, стал до последнего человека оборонять свою неприступную позицию; он постарался бы уйти через Сольни, Лорри и Шатель-Сен-Жермен. Но это было бы для него тем труднее, чем энергичнее пробивался бы вперед не только левый, но также и правый фланг немцев.

Для осуществления этого плана потребовались бы значительные маршевые напряжения. Можно было бы обойтись и без таковых, если бы 1-я армия 15, 16 и 17 августа была использована для перехода через Мозель ниже Меца. Но трудности еще более возрастали в связи с тем, что 2-я армия 17-го не выдвинулась вперед за линию Ганнонвиль — Горз (схема 83). Да и 18-го ничего не было предпринято, чтобы быстротой

решения и скоростью передвижений наверстать потерянное время. Понадобилось целых пять часов, чтобы приступить к движению, остановиться, развернуться, изменить направление и достичь 9-м корпусом Кольра, а 12-м — Жарни. А гвардейский корпус, выжидавший прохода 12-го, так и не мог выполнить приказ штаба армии и дойти до Донкура.

Теперь следовало принять решение. Гарантия победы до сих пор заключалась в сильном левом фланге, который мог бы господствовать над правым неприятельским, куда бы тот ни простирался. Но эту гарантию командующий армией поставил под сомнение тем, что он: приказал 3-му и 10-му корпусам, а также кавалерийским дивизиям следовать за центром в роли резерва по наполеоновскому образцу, тем самым почти лишая себя возможности полезного их использования; левый фланг, который, по приказу Мольтке, должен был наносить решительный удар, сокращался, таким образом, на соответствующее число корпусов. Для того, чтобы сохранить если и не твердую уверенность в победе, то хотя бы ее вероятность, четыре корпуса — 8-й, 9-й, гвардейский и 12-й — должны были бы заполнить пространство между дорогой Мец — Верден и Орном с расчетом на то, что правый фланг противника не достигает этой реки. Так как 8-му корпусу выпадал путь чрез Гравелот к Мальмезону, то для 2-й армии представлялось бы возможным направить 9-й корпус через Кольр на Верневиль, Аманвиллер, одну гвардейскую дивизию от Донкура через Жуавиль и Габонвиль к Сен-Прива, другую — через Батильи и Сент-Мари на Ронкур, 12-й корпус — вдоль Орна через Куэнвиль и Обуэ к Монтуа и Маланкуру. Такой марш отвечал бы приказу Мольтке об эшелонировании слева и лежащей в нем идее общего поворота направо; в течение 2 — 3 часов он вызвал бы, по меньшей мере, отход правого французского фланга.

Какие бы сообщения и расчеты ни направляли и Мольтке, и штаб армии по ложному пути, по мнению первого правый фланг неприятеля был расположен у Монтиньи-ля-Гранж, а по мнению штаба армии — у Ля-Фоли. Но расположить армию в 150 000 чел. между Пуэн-дю-Жур и Ля-Фоли было просто невозможно. Разве только арьергард мог бы уместиться на таком узком пространстве. Чтобы отбросить его, не требовалось изменять намечавшееся до этого продвижение 2-й армии. Но главной квартире, как и штабу армии, представлялось уже нецелесообразным из-за арьергарда делать левым флангом большой обход вправо вдоль Орна. Поэтому 8-му корпусу было указано атаковать фронт Пуэн-дю-Жур, Ля Фоли, а 9-му и гвардейскому — правый фланг, для чего они должны были двигаться к Верневиллю — первый от Кольра, а второй от Донкура. Сосредоточенные здесь и лишённые возможности развернуться, они должны были, вероятно, «тяжестью своей массы» обеспечить решение в предстоящем арьергардном бою. 12-й корпус должен был идти на Сент-Мари. В этом направлении он двинулся лишь одной дивизией, а другую разумно оставил на правом берегу Орна.

Командир 9-го корпуса фон-Маншгейн со времени перехода через Рейн вынужден был долгое время двигаться позади остальных корпусов, обязанный время от времени занимать резервные позиции. Еще 16 августа 1-я армия оттеснила его от назначенной ему переправы через Мозель. Только по слухам удавалось ему узнавать о победах, которые где-то вдали одерживались другими. И вот теперь, наконец, он был впереди, горя желанием овладеть своей долей участия в борьбе и победе. В это время штаб армии сообщил, что противник частью отходит к Мецу, частью уходит в северо-западном направлении. Времени терять нельзя. Когда генерал после быстрого аллюра, запыхавшись, поднялся на высоту западнее Верневиля и увидел в бинокль белые палатки французского лагеря у Монтиньи-ля-Гранж (схема 84), он воскликнул вполне удовлетворенный: «Не все еще ушли; для этих путей еще не свободен, сейчас они готовят обед». Итак, это был противник, отступающий на Бриэ, насколько он вообще еще был

достигим. То, что находилось дальше к северу, уже ускользнуло от удара, если только гвардейскому и 12-му корпусам не удастся своевременно захватить врага. 9-й корпус во всяком случае должен возможно скорее атаковать, задержать и разгромить попавшего ему в руки противника. Два авангардных батальона 18-й дивизии высылаются по указанной им дороге на Ля-Фоли; дивизионная и корпусная артиллерия по-батареино поспешно высылаются вперед, справа налево, на возвышенность, спускающуюся от Аманвиллера к Верневиллю; батареи, которые на усталых лошадях неслись недостаточно быстро, подхлестывались суровыми словами. Противник у Монтины и южнее его не заставляет себя долго ждать: он открывает огонь. Это нужно было предвидеть. Но полной неожиданностью было то обстоятельство, что к юго-востоку от Аманвиллера французские батареи; в данном случае не более чем с 600 м, открыли огонь. Крайние слева немецкие батареи делают поворот, но это помогает мало! «Поражаемая спереди, слева и наполовину с тыла не только страшным огнем гранат, шрапнелей и митральез, но и убийственным беглым огнем многочисленных групп стрелков, артиллерия вначале понесла ужасные потери».

Два авангардных батальона, подкрепленные тремя ротами, были у Шантрена полностью скованы правым флангом 3-го французского корпуса и так же мало могли оказать какую-либо помощь стесненной артиллерии, как и шесть батальонов, еще развертывавшихся у Верневилля, а три батальона, продвинутое в восточную часть леса Кюсс, могли оказать лишь очень слабую помощь. Казалось, достаточно было самого небольшого удара вперед, чтобы задавить жалкие немецкие силы уничтожающим превосходством. И все же командир корпуса решил, продолжая артиллерийскую борьбу в том же духе, выждать, пока гвардия не появится на его левом фланге. Тогда атака была бы выполнена как раз так, как рекомендовал это штаб армии, с той лишь разницей, что удлинённый фронт был бы атакован не только 8-м корпусом, но и 18-й дивизией, а фланг подвергся бы атаке не только стоявшей в резерве в лесу Кюсс 25-й дивизии, но и гвардейского корпуса.

Однако, выполнение подобного намерения — вести артиллерийскую борьбу против окружающего со всех сторон врага — было невозможно. Одна французская стрелковая цепь, укрытая до этого времени возвышенностью, бросается вперед. Четыре орудия потеряны. Остальную часть корпусной артиллерии, несмотря на потери в людях и лошадях, спасает самопожертвование одного батальона. Но так как французы не умеют использовать свой успех и не двигаются дальше, то в общем положении едва ли что-либо изменилось. Одиннадцать передовых рот у Шантрена обеспечивают правый фланг против первой дивизии (Монтодон) 3-го корпуса. Западнее Шампенуа четыре батареи продолжают борьбу против семнадцати французских у Монтины и Аманвиллера. Слева 25-я дивизия и три батальона 18-й удерживают лес Кюсс — прекрасную мишень для обстрела. Гессенские батареи, располагаясь к северу от железной дороги, ведут огонь против артиллерии первой дивизии (Сиссей), правее 4-го корпуса. Высоты посредине занимают несколько рот. Приблизительно половина пехоты оказалась уже у первой линии; другая держится частью в лесу Кюсс, частью у Верневилля, готовая вместе с гвардией двинуться вперед для решительного удара.

Последняя, получив известие, что правый фланг французов находится не у Ля-Фоли, но севернее Аманвиллера, двигается не на Верневиль, а сворачивает на Габонвиль. Когда 1-я гвардейская дивизия прибыла туда, командир ее, генерал фон-Папэ, подтвердил полученные им уже на походе сведения, что немецкий фронт простирается не до Аманвиллера, но через Сен-Прива до Сент-Мари. Для дивизии было бы естественным и необходимым удлинить фронт 9-го корпуса, развернуться между Сент-Эль и лесом Кюсс и повести прежде всего артиллерийский бой против неприятеля, расположенного от Сен-

Прива до Сент-Мари. Тогда 2-я гвардейская дивизия могла бы принять влево, охватить Сент-Мари с запада, 12-й корпус мог бы пойти не на эту деревню, но на Куэнвиль и Обуэ, спокойно зайти противнику в тыл и легко решить исход сражения.

Однако, генерал фон-Папэ слышал рассказ генерала фон-Альвенслебена о том, что действие ружей системы Шасспо и митральез явно недооценивается, что атака французского фронта до крайности трудна и что поэтому и даны были указания о необходимости маневрировать. Этому доброму совету генерал готов был последовать самым тщательным образом: обойти Сент-Мари, затем пройти через Монтуа на Маланкур и атаковать французов с тыла.

Девять гвардейских батарей сами по себе были достаточны для борьбы с французской артиллерией, расположенной южнее Сен-Прива. Сначала без всякой поддержки со стороны пехоты, а затем поддержанные двумя батальонами, эти батареи с трудом спаслись от огня неприятельских стрелков, залегших в бороздах пашен, держались поэтому на большом расстоянии и в длившейся часами канонаде достигали лишь той выгоды, что заставляли противника бесполезно тратить снаряды, которых у него было не очень много.

В течение этого времени 1-я дивизия должна была продолжать свой обход по крайней мере до тех пор, пока она была в силах атаковать Сент-Мари с запада и с северо-запада, а ее авангард — с юга. Если бы это удалось, дивизия была бы готова к дальнейшему наступлению против правого фланга французской позиции между Ронкуром и Сен-Прива, а подошедшая тем временем 2-я гвардейская дивизия могла бы атаковать фронт Сен-Прива — железная дорога севернее Аманвиллера. Весь неприятельский фронт между Ронкуром и Монтины-ля-Гранж оказался бы атакованным, и 12-й корпус беспрепятственно мог бы предпринять решающий охват через Куэнвиль и Обуэ, Монтуа и Маланкур.

Эти простые, отвечающие приказу Мольтке действия были испорчены штабом армии, который 3-ю гвардейскую бригаду передал 11-му корпусу и этим сильно ослабил намеченную атаку на фронте южнее Сен-Прива, штабом гвардейского корпуса, который обходный марш 1-й гвардейской дивизии приостановил уже юго-западнее Сент-Мари, и, наконец, генералом фон-Папэ, который «по политическим соображениям» от 2-й саксонской дивизии Нергоффа выпросил себе в поддержку 47-ю бригаду для атаки Сент-Мари, хотя он имел за собой в тылу 12 собственных батальонов. Предпринятая с юга и с запада атака, подготовленная саксонской и двумя гвардейскими батареями, удалась при первом же натиске, но целесообразное развертывание 1-й гвардейской дивизии было нарушено, а правый фланг 12-го корпуса для обхода был оттянут слишком далеко к югу.

Выбитые из Сент-Мари французские батальоны получают в подкрепление части с фронта Сен-Прива Ронкур, но отражаются авангардом 1-й гвардейской дивизии (гвардейские фузилеры и гвардейские егеря) у восточной части Сент-Мари, 47-й бригадой и несколькими саксонскими батареями у оврага, спускающегося в направлении к Гомекуру, 45-й бригадой в кустарниках Обуэ и откатываются назад, в направлении на главную позицию (схема 85).

Теперь 45-я бригада, располагающаяся в кустарниках Обуэ, образует левое крыло 12-го корпуса, а 47-я бригада к северо-западу от Сент-Мари — его правое крыло. Между ними сосредоточиваются саксонские батареи; две пехотные бригады находятся еще в пути. Пехота 1-й гвардейской дивизии сосредоточивается у Сент-Мари и южнее, 4-я гвардейская бригада у Сент-Эля. Между Элем и Габонвилем расположились на позиции

гвардейские батареи. Они считали, что французские батареи уничтожены ими. Фактически последние лишь вышли из сферы огня, чтобы сохранить иссякавшие снаряды для решительного момента.

Развертывание оказалось совершенно искаженным: гвардейский корпус уже не расположен перед фронтом от высоты 321 (в 1 км юго-западнее Сен-Прива) до Ронкура, а 12-й не охватывает неприятельскую позицию; три гвардейские бригады и 12-й корпус сосредоточиваются для атаки в лоб сильного фронта. Кронпринц Саксонский сам убеждается, что его левый фланг (45-я бригада) прямо с запада направляется на Ронкур, занятый, повидимому, значительными силами противника. Он хочет исправить ошибку и посылает приказ 48-й бригаде, подходившей от Батильи, двигаться вперед через Обуэ и Монтуа на Ронкур. Это несущественная поправка: 150-тысячная армия, располагающаяся на оборонительной позиции, в какой-то мере будет еще располагать резервами, чтобы отбить атаку одной бригады на фланговый пункт. Части, расположенные в Ронкуре, обращают свой фронт навстречу ожидаемому от Монтуа фланговому удару. Немного нужно, чтобы запереть также пространство между этой деревней и каменоломнями Жомона. Действительный фланговый удар должен быть нанесен дальше, по крайней мере через Маланкур, и требует больше войск, чем одна бригада. При данном положении дел гвардейскому корпусу придется фронтально атаковать позицию: высота 321, Сен-Прива, а 12-му корпусу — позицию: Сен-Прива, Ронкур. В такой момент необходимо вмешательство полководца, чтобы сбившееся с правильного пути развертывание вернуть в нужные рамки.

Фридрих Великий в весьма похожем сражении под Прагой оттянул вторую линию левого крыла, прибавил к этому Цитена с 50 эскадронами, совершенно охватил противника и решил сражение. Наполеон сделал бы из Сент-Мари селение «Четырнадцати святых» {53}, подтянул бы слева и справа все возможные силы и двинулся бы вперед с далеко охватывающим левым крылом. Мольтке, если бы он был на месте, приказал бы гвардейскому корпусу развернуться между Сент-Элем и кустарниками у Обуэ, заменил бы недостающую справа пехоту и слева артиллерию частями 10-го корпуса, а 12-й корпус вновь повернул бы на первоначально предназначенные ему пути на Монтуа и Маланкур. Все трое победили бы или пытались бы победить путем охвата флангов.

Штаб 2-й армии до последнего момента крепко держался убеждения, что противник хочет отойти через Бриэ. Те французские части, которые пришлось видеть у Аманвиллера, Сен-Прива и Ронкура, были, очевидно, эшелонами большой отступающей армии, которые остановились на длительный отдых, чтобы с новыми силами приняться за продолжение быстрого марша. Собственно говоря, достаточно было лишь помешать им в исполнении их намерения. А для этого едва ли нужно было отбрасывать их в беспорядке и панике к Мецу или совершенно отрезать от крепости. Если бы отдельные части походной колонны захотели остаться в местах их отдыха, то при их очевидной слабости было бы достаточно фронтального напора, чтобы побудить их к отходу. Заставляли задуматься только главные силы противника, на которые, по-видимому, наткнулся 9-й корпус и которые были достаточно сильны, чтобы осуществить прорыв. Здесь находился пункт, куда надлежало направлять резервы. 3-я гвардейская пехотная бригада и 3-й корпус назначаются для поддержки атаки или для противодействия прорыву. 10-й корпус также должен следовать в район большого решающего столкновения, но пока что удерживается на своем месте. Этими мероприятиями и ограничивается руководящая деятельность командования армии, после того как намерение обрушиться тяжелым сомкнутым ударом двух корпусов на неприятельский фланг у Ля-Фоли оказалось несостоятельным. Что должно произойти на левом фланге, это оставалось предоставленным самостоятельному усмотрению командования корпусов, дивизий, даже бригад, которые не имели увязанных

между собой задач и целей и скорее мешали друг другу, чем помогали.

Итак, для всей армии дело сводится к фронтальному наступлению, причем 9-й корпус должен ожидать наступления гвардейского корпуса, а последний — 12-го. Полный нетерпения смотрит Манштейн на принца Вюртембергского, а тот на кронпринца Саксонского. Последний сообщил, что в 5 час. пополудни он начнет наступать на Ронкур. Прошло уже полчаса, а у Монтуа еще не видно ни одного саксонца. Они подойдут укрыто и возьмут Ронкур, прежде чем гвардия перейдет в наступление.

Теперь самый удобный момент атаковать Сен-Прива. Французская артиллерия, как сообщает принц Гогенлоэ, подавлена. Видно пехоту, которая движется от Сен-Прива к Аманвиллеру. Ясно, что первый пункт, и без того лишь слабо занятый, уже очищается. И если гвардия не позаботится поскорее сорвать спелый плод, то это сделают саксонцы и покроют позором корпус, обязанный выполнить наиболее трудную задачу. От штаба армии получается разрешение тотчас же попытаться наступать. 1-я гвардейская дивизия должна продвигаться прямо на Сен-Прива, севернее большой дороги, а 2-я гвардейская дивизия — южнее ее.

Последняя (5 батальонов 4-й бригады) развёртывается у Сент-Эля и тотчас же двигается вперед. Тактика французских стрелков сводится к тому, чтобы держаться вне сферы действия игольчатого ружья, в нужном случае даже отходить, но засыпать надвигающуюся немецкую пехоту беглым огнем из дальнобойного Шаспо. Их план несколько нарушает артиллерия 1-й гвардейской дивизии, которая, по крайней мере, часть своего огня направляет против неприятельских стрелков, в особенности, когда они отходят. Во всяком случае потери 4-й бригады, которая наступает в первой линии двумя батальонами, сильно расчлененными в глубину, оказываются, ввиду упорной борьбы, довольно сильными. Простые люди не хотят понять, что они могут принести какую-то пользу королю и родине, если позволят убить себя во второй и третьей линиях.

Они не хотят умирать напрасно и стремятся вперед, чтобы образовать одну длинную линию стрелков. Между шоссе и лесом Кюсс простору было достаточно, а о том, чтобы в том или другом месте не было уж слишком тесно, заботится Шаспо. Оба батальона артиллерийского прикрытия примыкают справа. Севернее оврага, который тянется от Сент-Эля к Сен-Прива, наступают два с половиной батальона полка имени Франца (2-й гвардейский гренадерский полк), по оврагу и южнее двигаются пол-батальона того же полка, полк имени королевы (4-й гвардейский гренадерский полк) и один батальон имени Александра (1-й гвардейский гренадерский полк).

Граф Вальдерзее, командир полка имени королевы, старается охватить справа противника, расположенного на главной позиции на высотах между Сен-Прива и высотой 321. При помощи артиллерии атака удастся. Высота 321 взята правильным штурмом. Противник, сильно превосходящий силами, отходит частью на Сен-Прива, частью в восточном направлении.

Но здесь скоро все оживает. Подходят резервы. С юго-востока также приближается новый враг, готовящий контрудар (схема 80). Генерал Сиссей (1-я дивизия 4-го корпуса) приказывает оставить против 25-й дивизии передовую линию, а частями последующих эшелонов наступает на высоту 321. Тонкая линия стрелков, выбившихся из сил и с трудом цепляющихся за отвоеванную местность, не может противостоять этим массам. Капитан фон-Притвиц со своей батареей спускается по склону до линии стрелков, и хотя только трем орудиям удастся открыть огонь с расстояния 600 м, но нескольких удачных попаданий оказывается достаточно, чтобы, по меньшей мере, озадачить неприятельские

колонны. Оставшиеся позади орудия и остальные батареи 1-й гвардейской дивизии спешат сюда же, и им удастся своим огнем вынудить к отходу и резервы, и дивизию Сиссея, первых — к Маренго, вторую — к высоте 322. Батареи и батальон полка Александра все время прикрывают правый фланг. Большая часть полка королевы уклоняется на Сен-Прива и при помощи полубатальона полка Франца прогоняет противника с высоты 328. Взять Сен-Прива с юга слабыми силами невозможно. Части полукругом охватывают юго-западный склон и высоту 328.

Два с половиной батальона полка Франца, образующие левый фланг 4-й гвардейской бригады, при прямом наступлении на Сен-Прива попадают под сильнейший огонь со стороны окутанной белым дымовым облаком деревни. Батальоны ищут укрытия в глубоких канавах и за высокими деревьями шоссе. Они сосредоточиваются здесь на значительную глубину. Только часть их образует линию, направленную на юго-восток. Кое-что все же оказывается достигнутым: противник отходит за стены Сен-Прива, и там пехота до него добраться не может.

Против использования 1-й гвардейской дивизии севернее шоссе генерал фон-Папэ выставил возражения: у дивизии нет артиллерии, еще ни одного снаряда в Сен-Прива не упало, с одним игольчатым ружьем, имеющим столь ограниченную дальность выстрела, нельзя разбить противника. Полковник фон-дер-Беке, случайно оказавшийся при этом, предлагает в двадцать минут выставить корпусную артиллерию 10-го корпуса. Но ему было указано, что для этого нет уже времени, артиллерия едва ли нужна, гвардейская корпусная артиллерия полчаса назад привела неприятельскую артиллерию к молчанию, противник очищает уже позицию. Принц Вюртембергский требует от генерала фон-Папэ, чтобы он поторопился с атакой. «Он вечно копается». В качестве целей начальник штаба, генерал фон-Данненберг, указывает ему на наиболее высокие дома в Сен-Прива, точь-в-точь как на бригадном учении указывалось направление на колокольню Темпельгофа или Брица.

Однако, здесь дело шло вовсе не о бригадном учении, а об атаке неприятельской позиции Сен-Прива — Ронкур, которую, раз не хотели поджидать 12-го корпуса, приходилось атаковать на всем протяжении ее. Если атаковать только левый фланг, то неприятельский правый фланг совершит захождение влево и засыплет атакующую колонну фланкирующим или хотя бы косопрямельным огнем, в то время как огонь с фронта тоже будет уже достаточно сильным.

Чтобы выполнить указанную атаку, самым простым решением было бы: авангардом, составляющим правое крыло, наступать от Сент-Мари вдоль шоссе, а с 2-м и 4-м гвардейскими полками, стоящими в деревне и западнее ее, и с 1-й гвардейской пехотной бригадой, стоящей к юго-западу, развернуться влево, оставив в случае необходимости часть сил в качестве второго эшелона, следующего за первым. Для артиллерии (корпусная артиллерия 10-го корпуса, артиллерия 2-й гвардейской дивизии и 47-й бригады) было бы также целесообразно обстреливать в первую очередь не Сен-Прива, но неприятельские стрелковые линии и помогать пехоте на всем том пространстве, на котором эта пехота будет находиться под огнем ружей Шасспо, не имея возможности применить свое игольчатое ружье. Но о подобном развертывании генерал фон-Папэ и знать не хотел. Авангард с места был назначен охранять на всякий случай Сент-Мари, 2-й и 4-й гвардейские полки должны были выполнять роль резерва. В этом плане изменять было уже нечего. Оставалась, таким образом, одна 1-я бригада, чтобы пересечь ближайшим путем шоссе и затем попросту двигаться на самые высокие дома Сен-Прива.

Бригада раньше стояла укрыто на Гомекурском овраге, но затем, из-за стремления

все собрать в одну красивую массу, ее выдвинули на высоту в сфере дальнего огня ружей Шаспо и артиллерии. Здесь люди пластом легли на землю и вынуждены были насчитывать солидные потери. Поданные после двухчасовой передышки команды «встать», «идти вперед» и «свернуть вправо» были восприняты как выход из создавшегося невыносимого положения. Для продолжительной атаки из глубины двинулись вперед: тонкая линия стрелков, четыре ротных колонны, два полубатальона, четыре полубатальона второго эшелона и два батальона третьего эшелона.

Как только был достигнут восточный край Сент-Мари, бригада, сделав полуоборот или почти полный оборот влево, переходит глубокие рвы шоссе, проходит, чтобы не идти позади 4-й бригады, еще некоторое пространство дальше и затем по-батальонно или поротно заворачивает вправо. Скоро обнаружилось, что наиболее высоких домов Сен-Прива, как объектов атаки, недостаточно. Бригада вынуждена развернуться против длинной линии белого дыма, простирающейся от Сен-Прива до Ронкура.

Потери, которые в продолжение двухчасового перерыва в движении были еще относительно невелики, возрастают, как только бригада начинает двигаться, достигают ужасающих размеров при переходе через шоссе и не убавляются во время флангового движения. Огромная туча пыли окутывает густую колонну, которая справа обстреливается непрерывным беглым огнем; рвутся гранаты, и их осколки поражают парадирующих солдат потсдамского Люстгартена, которые, невзирая на окружающий их ужас, под команду «левой — правой» двигаются дальше, шагая все время в одинаковом ритме.

«Лишь бы только от этого обстрела со всех сторон могло уцелеть столько людей, чтобы они могли вступить в бой со своим игольчатым ружьем! Вперед, вперед!» — постоянно напоминает бригадный командир генерал фон-Кессель; «вперед!» — бьют барабаны, играют горнисты, и вперед устремляются гранатеры. Фатально то, что непрерывное падение людей вызывает все новые и новые задержки, вновь приходится сосредоточивать внимание на том, за кем идти в затылок, и возобновлять чувство локтя. Но, наконец, к противнику, занимающему главную позицию, удается подойти на дальность выстрела. Можно открыть огонь и дальше продвигаться перебежками.

Только половина, треть, четверть сил достигла этого рубежа, 2-й гвардейский полк попал в самое опасное место — между шоссе и правым флангом 1-й бригады (схема 86). 4-й гвардейский полк удлиняет левый фланг. Батальон полка Александра, полки королевы и Франца, 2-й, 3-й, 1-й и 4-й гвардейские полки образуют общую массу стрелков, простирающуюся от левого фланга 25-й дивизии до Ронкура. Эта деревня захвачена крайним левым флангом. Вся линия от высоты 321 до Ронкура в руках гвардии. Части оказываются построенными не по ранжиру и совсем не в безупречном порядке; наоборот, они сильно между собою перемешаны. Во многих местах обнаруживаются промежутки, не заполненные войсками. Позади — немногочисленные части поддержки и вторые эшелоны.

Противник потрясен уже сражением 16 августа, он потерял веру в себя и в своих командиров. Умно придуманный способ уничтожить противника непрерывным беглым огнем раньше, чем он в состоянии будет пустить в ход свое менее совершенное оружие, не удался. Теперь игольчатое ружье стало равноправным по сравнению с Шаспо, а в руках хорошо подготовленного стрелка даже выше Шаспо. Такому противнику нельзя долго оказывать сопротивление. У артиллерии снаряды почти вышли. Да и у пехоты обнаруживаются результаты продолжительного беглого огня. Стрелки один за другим расстреливают свои патроны и покидают окопы. Маршал Канробер при таких условиях считает уже невозможным удержать позицию; известие, что со стороны Монтуа и из

кустарников от Обуэ двитаются новые массы, ускоряет решение. Отдается приказ об отходе. Лишь деревня Сен-Прива, с удлинением фронта вправо вдоль дороги на замок Жомон, должна удерживаться сильным арьергардом. Два батальона и одна кавалерийская бригада, оставленные сначала у Ронкура, после потери этой деревни отходят в Жомонский лес.

Гвардейская пехота двигается на Сен-Прива. Каменные стены в рост человека, за ними дома с забаррикадированными окнами, бойницами и слуховыми окнами, впереди них стенки, по колено высотой, среди садов и полей, окопы в открытых промежутках образуют непреодолимую крепость. За несколько сот метров перед ней атака задерживается и обращается в упорное огневое состязание между прикрытыми и открыто лежащими солдатами. Но Сен-Прива будет захвачена в кольцо, если оба немецких фланга двинутся вперед. Однако, на это гвардия после понесенных ею ужасных потерь уже неспособна.

Между тем, имеются сильные подкрепления. Влево от Обуэ двигается 12-й корпус, вправо стоит наготове у Сент-Эля 10-й корпус. При этом, благодаря отходу одной части французов на Сен-Прива и Маренго, а другой — к высоте 322, во французском боевом расположении возле железной дороги образовалась зияющая трещина. 10-й корпус может ворваться, проникнуть в эту трещину, расширить ее, одну часть противника оттеснить к северу на 12-й корпус, другую совершенно отбросить на юг. К сожалению, 10-й корпус назначен быть только резервом. Резервы же держатся позади не для того, чтобы сомнительную победу сделать очевидной, но чтобы сохранить себя нетронутыми и невредимыми при всех превратностях и переменах боя. Таким образом, вся надежда была на 12-й корпус.

Сначала немногими выстрелами он поддерживал продвижение 1-й гвардейской пехотной бригады (см. схему 85). Затем 47-я бригада двинулась в кустарники у Обуэ, за 45-й бригадой, 46-я — за 47-й. 48-я бригада по пыльному известковому шоссе лишь медленно продвигалась через Обуэ и Монтуа (см. схему 86). По ту сторону этой деревни бригада развернулась, примкнула к 45-й бригаде, также развернувшейся, и обстреляла Ронкур, уже занятый гвардией.

Офицер-ординарец генерал фон-Папэ выехал навстречу 12-му корпусу, чтобы просить поддержки батарей для 1-й гвардейской бригады. По собственной инициативе он добился того, что от передовых бригад пять с половиной батальонов были посланы на Сен-Прива. Остальные части продолжают движение на Ронкур. Но и задние бригады, и масса артиллерии мало-помалу принимают первое направление. По издавна известному закону, части, предназначенные для самостоятельного, но легкого флангового удара, при первой возможности вновь поворачиваются к главным силам, чтобы плечо к плечу с ними преодолевать трудности фронтальной атаки. Так и здесь. Большая часть 12-го корпуса сталкивается с гвардией перед сильным фронтом Сен-Прива, а гораздо меньшая часть поворачивает для флангового удара на Ронкур, сменяет здесь гарнизон гвардии и, к своему удивлению, не только видит перед собой противника, развернувшегося севернее дороги Сен-Прива — Жомон, но и чувствует угрозу для своего левого фланга со стороны леса и каменоломен Жомона. Эти части не фланкируют, но сами фланкируются противником и оказываются слишком слабыми, чтобы без промедления устранить подобное фланкирование.

От шоссе до Жомонского леса стоят друг против друга два фронта. Справа французский фланг выдвинут вперед, слева другой фланг загнут назад и держит в своих руках южную часть Сен-Прива. Немногочисленные роты полков королевы и Франца не

могут преодолеть этой преграды.

Сен-Прива уже давно обстреливается корпусной артиллерией гвардии и саксонцев. Во многих местах вспыхивает пожар. Положение сильно стесненного гарнизона, состоящего из 14 батальонов, становится невыносимым. Много групп солдат покидают деревню. Долго удерживать ее будет невозможно, а если противник двинется вперед слева и справа, то гарнизон пропадет. Канробер приказывает постепенно отходить, сначала из южного и западного кварталов. Высоко вздымающееся над Сен-Прива пламя пожаров действует, как сигнальная ракета, призывающая к штурму. Роты полков королевы и Франца первые следуют зову, бросаются на менее защищенную южную околицу и врываются в деревню. Батальон и полк Франца на шоссе не хотят оставаться сзади, устремляются с запада и свои отдельные группы продвигают до выхода из деревни по пути на Маренго. Южная часть деревни в руках немцев. Северную часть, отрезанную от шоссе, удержать уже не удастся. Теперь генерал фон-Папэ приказывает дать сигнал: «Быстро вперед!» Среди гор трупов поднимаются немногие, которых пощадили пули. Все, как пруссаки, так и саксонцы, бросаются вперед. Западная часть захвачена почти налетом. Против высоких оград, крепких домов, кладбища в северо-западном углу деревни и северной части борьба ведется еще долго. Некоторые из штурмов отбиты. Батареи, в похвальном рвении оказать посильную помощь, поражают в сумятице боя и обороняющихся, и атакующих. И только когда наиболее упорно обороняемые дома оказываются окруженными, стойкие защитники принуждены прекратить отчаянную борьбу. Взяты бесчисленные пленные. Однако, под прикрытием этих боев 6-й французский корпус отходит довольно беспрепятственно и почти без потерь.

Теперь, казалось, наступил момент пустить в дело задержанные позади резервы. 20-я дивизия от Сент-Эля двинулась вперед (схема 87). Незнакомая с положением дел, она хочет идти в северо-восточном направлении, чтобы затем через Ронкур нанести решительный удар против фланга и тыла. Обстановка толкает дивизию к Сен-Прива. Одна бригада продвигается через деревню и на высотах у Маренго выставляет охранение перед отступающим противником. Между тем вся артиллерия выдвигается вперед. Вправо у леса Кюсс, севернее железной дороги, располагаются гессенские батареи. К ним примыкают все гвардейские батареи, перемешанные с некоторыми батареями 10-го корпуса на захваченной «неприступной позиции» южнее Сен-Прива. Севернее деревни до каменоломен Жомона располагаются некоторые прусские и все саксонские батареи. Чудовищная артиллерийская линия, которой ничто не могло бы противостоять, если бы ее создали раньше, теперь едва ли наносит вред врагу, но наверняка приносит его выдвинутой вперед собственной пехоте и получает самым реальным образом ответ со стороны французских батарей армейского резерва, расположенных у каменоломен Аманвиллера, которые находят удобную цель в виде горящей и светящейся деревни Сен-Прива.

Расположенные в одной линии и по количеству близкие к 250, стреляющие орудия представляют достойную заключительную картину наступления. Если бы это наступление велось тремя имевшимися в распоряжении корпусами против фронта и флангов, оно подействовало бы на неприятеля разрушительно и уничтожающе; предпринятое же двумя бригадами (из них одна совершенно без артиллерии) и прямо в лоб да еще на сильнейший пункт вообще сильной позиции, это наступление, несмотря на все последующие подкрепления, не привело ни к чему другому, как только побудило противника на несколько часов раньше приступить к уже намеченному отходу. Но такой исход, казалось, куплен был дорогой ценой чудовищных потерь, которые у пяти гвардейских полков, принимавших наибольшее участие в бою, исчислялись, в среднем, по 35 офицеров и 1 000 солдат. И все же несравненная храбрость войск, которые, несмотря на все ошибки и

недочеты командования и первоначальное превосходство противника и в людях и в вооружении, выполнили задачу, обеспечила здесь такую победу, которая выдвинула немецкую армию на одно из первых мест среди европейских армий. Это был главнейший результат Сен-Прива. Другой, не столь ценный, заключался в том, что не только 6-й корпус, но и вся французская армия была принуждена к отходу с ее «неприступной позиции».

Положение 9-го корпуса (см. схему 85) около 5 час. пополудни, несмотря даже на подкрепление его корпусной артиллерией 3-го корпуса, оставалось, по сравнению с прежним, без особых перемен. На правом фланге у Шантрена четыре-пять батальонов и четыре батареи отбивали попытки к охвату со стороны дивизии Монтодона (1-я дивизия 3-го корпуса). Десять батарей с небольшим количеством пехоты защищали возвышенности в центре против дивизий Гренье и Лоренцеца (2-я и 3-я 4-го корпуса). На левом фланге в лесу Кюсс была сосредоточена 25-я дивизия, получившая задачу перейти в наступление против дивизии Сиссея (1-я дивизия 4-го корпуса), как только гвардейский корпус начнет движение. Длительный артиллерийский огонь заставил 25-ю дивизию потерять значительную часть своих сил. И тем не менее 9-му корпусу не приходилось много тревожиться из-за того врага, который до сих пор не использовал ни одной возможности, чтобы перейти в настоящую атаку. Все же генерал фон-Манштейн начал просить о поддержке. Она была оказана ему в виде 3-й гвардейской бригады, но этим было значительно ослаблено прикрытие левого фланга. По уходе этой бригады атаку на сильную возвышенную позицию южнее Сен-Прива должна была вынести на своих плечах одна 4-я гвардейская бригада. Если бы эта атака была отбита 1½ дивизиями обороняющегося, и последние вместе с дивизией Сиссея перешли бы в контратаку, левый фланг 9-го корпуса оказался бы под самой серьезной угрозой. Поэтому было бы разумнее оставить 3-ю гвардейскую бригаду на левом фланге, на ее прежнем месте. Как показали последующие события, эта бригада совместно с 25-й дивизией, вероятно, разбила бы дивизию Сиссея и обошла бы 4-й корпус.

Но уму храброго генерала фон-Манштейна не были присущи такого рода мудрствования. Настоящий превосходный фронтальный удар, будь то против слабого или сильного врага, слабой или сильной позиции, он предпочитал всяким другим тактическим маневрам. Поэтому на 25-ю дивизию, усиленную шестью батареями, возложена была атака дивизии Сиссея (1-я дивизия 4-го корпуса), а на 3-ю гвардейскую бригаду, без придачи такого тяжелого обременения, как артиллерия, — атака обеих дивизий Гренье и Лоренцеца на их необычайно крепкой, снабженной многочисленными окопами позиции западнее Аманвиллера (см. схему 86). Атака последовала без предварительного развертывания; оно было выполнено уже в процессе боя. Гвардейский стрелковый батальон, который находился в голове, потерял всех офицеров, а также половину солдат и в последней фазе боя был под командой счастливо уцелевшего прапорщика. Потери остальных батальонов — двух батальонов полка Александра (1-й гвардейский гренадерский полк) и трех батальонов полка Елизаветы (3-й гвардейский гренадерский полк) — если и были значительны, то все же меньше; к правому флангу, в зависимости от степени интенсивности беглого огня ружей Шасспо, они шли на убыль. И все же шесть батальонов, несмотря на все потери, удержались перед неприятельской стрелковой линией (см. схему 87). Когда же с наступлением темноты они вновь двинулись вперед, то к своему удовлетворению нашли позицию очищенной. Она признана была французами безнадежной после того, как 6-й корпус стал отходить и правый фланг 4-го корпуса подвергся угрозе.

1-я армия вела сражение лишь в слабой связи со 2-й армией. 1-я армия имела директиву — 8-м корпусом (см. схему 84) наступать против фронта неприятеля между

Фоли и Пуэн-дю-Жур, а 7-м — ударить в левый фланг между Пуэн-дю-Жур и С.-Рюфэн. Последняя задача облегчалась высотами, расположенными к юго-востоку от каменоломен у Пуэн-дю-Жур, но затруднялась лежащим впереди атакуемого фланга лесом Во. Лишь немногие крутые и узкие дороги вели на высоту через густые заросли лиственного леса. Пехота, как сообщалось в донесениях, могла двигаться только в колонне по одному, а артиллерия и совсем не могла использовать сомнительные тропы.

Если бы штаб армии вспомнил о сражении при Иене, о прокладывании путей в Ландграфских горах и о Наполеоне, который с факелом в руках сам руководил работами, то невозможное, вероятно, превратилось бы в возможное. Времени было достаточно, чтобы переосмыслить работы Наполеона. Если бы таким путем удалось провести батареи через лес на высоты и при их поддержке предпринять указанное наступление против фланга, одновременно с фронтальным наступлением, то исход сражения на этом фланге был бы решен очень скоро. Но от таких авантюристических предприятий штаб армии был очень далек. И так как атака неприятельского левого фланга сопряжена была с большими затруднениями, штаб ограничился здесь обороной, которую Мольтке рекомендовал только для начала. Шесть батальонов, один эскадрон, одна батарея были оставлены у Арса, чтобы обеспечить немецкие тыловые пути против французского наступления по долине Мозеля, а 5½ батальонов были «высланы к опушке леса Во. Остальная часть 7-го корпуса оставалась на правом берегу Манса южнее Гравелота. Отсюда он мог содействовать фронтальному наступлению, которое должен был предпринять 8-й корпус с линии Гравелот — Мальмезон через глубокий овраг, леса Манс и Жениво, поднимаясь по склону против французской позиции Пуэн-дю-Жур — Лейпциг.

Чтобы встретить подобную атаку, 1-я дивизия (Берже) 2-го корпуса возвела почти непрерывные окопы вдоль большой дороги, начиная от южного изгиба юго-восточнее каменоломен Пуэн-дю-Жур до участка восточнее Сент-Юбера. Позади расположилась 2-я дивизия (Бастуля) того же корпуса, а вправо до Лейпцига примыкали дивизии Эймара (4-я), Метмана (3-я) и Нейраля (2-я) 3-го корпуса. Впереди позиции была выслана пехота в леса по обе стороны большой дороги и к Сент-Юберу. Не было недостатка ни в закрытиях, ни в свободном обстреле, ни в пехоте, не было бы недостатка и в артиллерии, если бы не господствовал прочный взгляд о необходимости сохранить сильные резервы из этого рода войск. Поэтому для артиллерии 7-го корпуса к югу от Гравелота, для артиллерии 8-го корпуса к северу от Гравелота было легко заставить французские батареи на важнейших позициях замолчать и сняться. Указание главной квартиры гласило, что борьба должна была ограничиться артиллерийским огнем, пока 9-й корпус не даст себя почувствовать дальше к северу. Но так как французские стрелки укрыто приблизились к немецким позициям и сильно беспокоили своим огнем батареи, то вольно или невольно пришлось перейти в наступление. Были высланы один, два, три батальона, чтобы наступать по большой дороге и вдоль нее. Подкрепления питали завязавшийся бой и постепенно расширяли фронт. Таким образом, удалось в горячей схватке проникнуть в лес Манс, с большими потерями достигнуть его восточной опушки и там закрепиться, вправо — до каменоломен Пуэн-дю-Жур, влево — на расстоянии 1 000 м до большой дороги. Затем удалось в кровавой борьбе взять Сент-Юбер, расположенный непосредственно перед неприятельской позицией.

«Если теперь совершить обходное движение от леса Во, то высота будет наша», — такова была мысль командира бригады на правом фланге. Но подобные мысли показались генералу фон-Штейнмецу совершенно вздорными. По его мнению, не только была уничтожена французская артиллерия и взят Сент-Юбер, но и вообще весь противник был разбит и вынужден к отходу. Теперь оставалась еще задача преследования. Чтобы ее разрешить, одна пехотная бригада, артиллерия 7-го корпуса и стоящая юго-западнее

Мальмезона первая кавалерийская дивизия должны были двигаться вперед через Гравелот и овраг Манс и сбросить бегущего врага в овраг Шатель-Сен-Жермен (см. схему 85). Сквозь толпы войск, пробивающихся вперед по шоссе, лишь четыре батареи достигают другой стороны оврага. Две из них не могут сняться с передков и вновь исчезают. Только батареи Гассе и Гнютге в состоянии открыть огонь и поддерживать его действительным образом также и против только что появившихся митральез. Однако, конная батарея Гассе несет ужасные потери. В конце концов уцелело только одно орудие, из которого вели стрельбу командир батареи и единственный не вышедший из строя офицер. Когда зарядные ящики стали пустыми, батарея получает из Гравелота приказание вернуться. Этого сделать нельзя, потому что все лошади лежат на земле. Командир дивизиона приводит новые запряжки, после чего удается шагом провести назад через овраг орудия и зарядные ящики, а на них раненых людей. Батарея Гнютге удается, прикрывшись стенами садов Сент-Юбера, продержаться еще дольше.

Из кавалерийской дивизии только 4-му уланскому полку, шедшему во главе колонны, посчастливилось достичь другой стороны оврага и развернуться южнее дороги. Атака на окопы, изрыгающие огонь, оказалась невозможной. После того, как полк понес потери на очень слабо укрытой позиции, был предпринят отход по обрывистой лесной тропе, и частью вечером, частью ночью полк присоединился к своей дивизии у Могадора. Пехотная бригада не могла совершить нормальное развертывание. Отдельные роты, взводы, даже отделения спешили туда, где они в передовой линии находили себе место, по собственному почину бросались на неприятельские цепи, оказывались отбитыми, преодолевали, тем не менее, значительные пространства впереди опушки леса и, наконец, сильно перемешавшись, залегали в 300 — 400 м перед неприятельскими окопами. В бою наступило после этого затишье.

Как можно еще было возобновить и продолжить бой? Одна бригада 7-го корпуса еще стояла в резерве позади Гравелота, но от нее пришлось один полк послать для обеспечения против французского 3-го корпуса, который мог угрожать как правому флангу 9-го корпуса, так и левому флангу 3-го корпуса через лес Жениво. С последним полком двинулся генерал фон-Гебен до пункта вблизи Сент-Юбера. Но рассчитывать на поворот в обстановке в результате этого не приходилось. Лишь со стороны фланга могло придти облегчение. Впрочем, на самом крайнем правом фланге генерал фон-дер-Гольц с 26-й пехотной бригадой двинулся от Арса, взял Жюси, но, наткнувшись на сильную позицию С.-Рюфэн - Розерьель, дальше продвинуться не мог, хотя бригада первого корпуса на правом берегу Мозеля также продвинула своих стрелков до «Красного дома» против Мулена. Хотя, таким образом, обе бригады подошли почти вплотную к главному пути отступления на Мец, все же никакого влияния на события у Моску и Пуэн-дю-Жура они не оказали. Чтобы добиться здесь решения, генералу фон-Штейнмецу не оставалось ничего другого, как двинуть 2-й корпус, который в 2 часа-утра выступил из Понт-а-Муссона и в 5 час. пополудни 3-й дивизией достиг Резонвиля.

Пока эта дивизия готовилась продолжать движение, последовала французская контратака (см. схему 86). Ее начали батареи, подтянутые из резерва, потом двинулась пехота. Расположенные впереди немецкие части были отброшены, но огнем с опушки леса и со стен Сент-Юбера атакующий был быстро приостановлен. Однако, в тылу немецкого фронта среди подразделений и отдельных людей, которые без начальников отходили назад и неожиданно услышали издали шум боя, произошла паника. Испуганная масса дикой толпой бросилась назад к Гравелоту. Она не достигла еще спасительного убежища, а французы еще не вернулись в свои окопы, как появилась 3-я дивизия и стала пробиваться вперед, сквозь массу людей, лошадей и повозок. Авангард (2-й батальон егерей 54-го полка), прибыв на высоту, продвинулся еще несколько вперед за

прежнюю линию и в центре немногими группами приблизился непосредственно к изгибу шоссе восточнее Сент-Юбера, а справа дошел до каменоломен Пуэн-дю-Жура в 150 м от неприятельских окопов. Слева против Моску удалось продвинуться лишь очень незначительно за стены садов Сент-Юбера. Позади этой линии, а частично и в самую эту линию втиснулись главные силы 3-й дивизии. Вскоре же, разбившись на свои мельчайшие составные части, дивизия смешалась с перепутанными частями 7-го корпуса. Между тем наступила совершенная темнота. Позиции противника (см. схему 87) обозначались только заревом горящих построек Пуэн-дю-Жура и Моску. Французы также не могли видеть своих врагов и могли только слышать их. Как только на немецкой стороне начинало чувствоваться движение, вновь вспыхивал огонь обороняющегося, и в ответ на это открывали огонь не только передовые части, но в ущерб им еще более энергично отвечали тыловые части атакующего.

Чтобы создать какой-либо порядок, части 8-го корпуса были возвращены к Гравелоту (схема 88), а когда и это не устранило путаницы, явилась мысль также и 3-ю дивизию сменить 4-й дивизией. Эти передвижения вызвали огонь, который затих еще очень нескоро. Оказалось возможным выставить боевое охранение, линия которого тянулась от Жюси по северной опушке леса Во к юго-западному углу каменоломен, затем проходила в небольшом удалении от шоссе и, огибая Сент-Юбер с севера, тянулась к южной части леса Жениво.

Так как об исходе сражения 2-й армии сведений еще не поступало, то состояние дел в 1-й армии возбуждало в главной квартире немало тревог. Общее мнение сводилось к тому, что 19 августа нужно мужественно ждать на сильной позиции у Гравелота предполагаемой атаки французов. Но Мольтке сумел убедить короля, что необходимо возобновить наступление, если только борьба вообще окажется необходимой. Он судил правильно.

На французской стороне происходило нечто подобное тому, что происходило на немецкой. Как здесь 8-й корпус и 3-я дивизия отошли к Гравелоту, так и французские солдаты, которые так долго защищали окопы у Пуэн-дю-Жура и Моску, с наступлением темноты начали покидать свои места сначала поодиночке, затем все большими и большими группами. Они были заменены новыми частями, которые так же, как и стоявшая против них 4-я немецкая дивизия, ожидали возобновления сражения. Ждать им пришлось недолго.

Базен уже возвратился в помещение штаба, когда адъютант Канробера донес ему об отходе 6-го корпуса. Удрученного вестника несчастья Базен утешил уверением, что неудача его начальника лишь ускорила на 12 час. уже решенный отход армии. Немедленно рассылаются уже с утра разработанные и заготовленные генеральным штабом распоряжения. Смысл их сводится к тому, чтобы отвести армию на «вторую позицию», а именно: 2-й корпус к Лонгвиллю между С.-Кантенем и Мозелем, 3-й—к Сею, Лесси и Лорри, 4-й—к Пляпвиллю и Ле-Сансоннэ, 6-й — отсюда до форта Мозель, гвардию, кавалерию и артиллерийский резерв — в тесное пространство, охватываемое корпусами. Доступ к Мецу был открытым. По ту сторону только 1-й корпус преграждал путь на свободу. Как полагал генерал фон-Гебен, опрокинуть это препятствие могло бы быть нетрудным делом, однако, при наличии позади всех немецких войск, включая и 3-ю армию, этот прорыв на свободу привел бы только к окружению самое позднее на Рейне.

Отход 2-го и 3-го корпусов был начат еще ночью. Когда наступил день, на местах оставались только слабые отряды. Между ними и немецкими передовыми частями у Пуэн-дю-Жура и каменоломен произошли только короткие столкновения.

Итак, в результате одного из наиболее кровопролитных сражений произошло лишь ускорение на 12 час. уже решенного отхода. За то, что отход все равно наступил бы раньше или позднее, надо благодарить Базена, его генералов и его армию, которые были убеждены, что даже на «неприступной позиции» нельзя оказать упорного сопротивления «зверской атаке» противника.

Поколение 1870 г. жило наполеоновскими традициями. Однако, то, что оно позаимствовало из походов великого мастера военного искусства в качестве стратегической драгоценности, это было взято не из периода его больших побед от Маренго до Фридланда, а из периода его заката после похода в Россию. Что Ульм был выигран посредством великолепнейшего обхода. Иена — движением широкого охватывающего фланга, Аустерлиц и Фридланд — атакой на один фланг, Маренго — атакой на оба фланга, — на это не было обращено внимания. Напротив, воображение было сильно захвачено гигантской атакой при Лейпциге против неприятельского центра и повторными попытками под Ватерлоо прорвать английский фронт. Что именно эти атаки не удались и повлекли за собой трагический конец корсиканского героя, это забывалось вследствие их величия. С тех пор признавалось неизменным условием победы массирование войск перед сражением. Двигаться надлежало глубокими плотными колоннами, армии должны были собираться в узкие глубокие массы.

То, что в этом отношении было достигнуто в 1870 г., достойно удивления и уже тогда вызывало восхищенное признание Гебена. 8 корпусов 1-й и 2-й армий, четверть миллиона солдат, двигаются к реке Саар узким фронтом, тесно сосредоточенные. Казалось, что грозной пятой этой чудовищной фаланги все, что осмелится ей противостоять, будет раздавлено.

И несмотря на это, французский корпус не покидает высот левого берега. Чтобы наказать подобную дерзость, авангард 1-й армии переходит в наступление. Но позиция слишком сильна, беглый встречный огонь слишком разрушителен, чтобы атака могла удалась. Приходится подтягивать подкрепления. Однако, от узкого массированного фронта удастся отломить для этой цели лишь небольшие куски, которые и подводятся один за другим для фронтальной атаки, но мало могут помочь в разрешении этой трудной задачи. Один командир корпуса за другим принимают на себя главное командование, но каждый оказывается перед лицом этой задачи довольно беспомощным. И только поздно вечером на фланге и в тылу противника появляется дивизия, руководимая скорее случаем, чем планом; невольно она учит собравшихся полководцев, как со времен Леонида нужно овладевать сильными позициями. Для всякого, кто хотел видеть, было ясно: массирование войск приводит лишь к фронтальным атакам, к движению в затылок друг другу, к все более и более ослабевающим ударам, которые остаются почти безрезультатными.

После победы у Шпихерна надо было преследовать. Но понадобилось четыре полных дня, чтобы до некоторой степени распутать гигантский узел и перевести обе армии через Саар. А между тем отесненный и рассеянный противник получил время, чтобы собраться и, отходя в порядке, оторваться от медлительного преследователя. Хотя при дальнейшем наступлении излишество массирования было ослаблено, все же система узких фронтов и глубокого расчленения, при котором корпус следовал за корпусом, сохранилась. Этой системе в значительной мере приходится приписать ту чудовищную несообразность, что 16 августа из десяти корпусов только один высылается против главной неприятельской армии, а 18-го армия из пяти корпусов предпринимает решительное наступление на неприступную позицию тремя бригадами.

Против такого способа ведения войны выступал Мольтке еще задолго до 1866 г. Он

доказывал, что тесно сосредоточенные массы, которые должны дать победу, не могут быть ни размещены, ни накормлены и, что самое дурное, не могут быть передвинуты. Он рассчитал длину походной колонны дивизии, корпуса и нашел, что корпус для подхода к полю сражения и развертывания на нем потребует почти целого дня и может быть введен в дело лишь постепенно, но отнюдь не всеми своими силами, а на второй корпус, следующий за первым, в этот день вообще уже нельзя рассчитывать.

На основании этого Мольтке требовал, по крайней мере, для каждого корпуса отдельной дороги.

Итак, корпуса не должны двигаться по одной или немногим дорогам в затылок друг другу, но должны идти по нескольким дорогам, по крайней мере столько же, сколько имеется корпусов, причем эти дороги должны идти приблизительно параллельно одна другой.

Величина расстояния между параллельными дорогами зависит от характера дорожной сети, и в культурных странах, по данным опыта, на значительных протяжениях равняется в среднем 7 — 8 км. Армия, состоящая примерно из шести корпусов, должна, следовательно, двигаться по меньшей мере шестью колоннами с интервалами в 7 - 8 км и иметь ширину фронта около 50 км. Корпус состава того времени, соответствующим образом оснащенный, при ширине фронта в 6 км может и развернуться, и развить должную огневую силу, попытки преодолеть которую оказались бы бесполезными. Но для быстрого развертывания, как высчитал Мольтке, походные колонны остаются все же слишком длинными, а теперь, при существенном усилении корпусов, даже очень длинными. При длительном движении вперед укоротить их невозможно. При подходе к противнику они должны быть разделены на две или, если возможно, четыре колонны, соответственно делению их на дивизии и бригады; при этом должны быть использованы соседние пути, а если таковых нет, надо пытаться двигаться вперед прямо по местности.

С подобной армией из шести корпусов Мольтке и хотел открыть кампанию 1870 г.: семью колоннами, фронтом в 50 км, перейти реку Саар между Мерцигом и Сааргемюнде, отыскать и разбить противника, который считался более слабым. Когда же обнаружилось, что французская армия могла развернуть в Лотарингии крупные силы и в более короткое время, чем это предполагалось, Мольтке стал ждать завершения развертывания, чтобы на первый раз выступить с восемью или десятью корпусами, обеспечить за собой преобладание сил и большим протяжением фронта обеспечить охват неприятельских флангов. Победа, которой он хотел достигнуть, должна была явиться сокрушительной, а для этого необходимо было не только фронтальное наступление, но прежде всего, как уже было под Кениггрецом, наступление против обоих флангов. Подобные фланговые удары будут облегчены, если противник окажется массивным на узком фронте, расчлененным в глубину и готовым на длительную борьбу. В основном решает все же более широкий фронт, который делает возможным охват и, естественно, предполагает наличие более мощной и многочисленной армии.

Поэтому первая задача полководца — создать себе более крупную армию. Наполеону I выполнить ее было нетрудно, так как он, могущественнейший владыка своего времени, легко мог создавать величайшую армию. Если в течение более длительной кампании он терял полное превосходство в силах, то он создавал передышку, как, например, после Прейсиш-Эйлау или Асперна, вновь доводил свои силы до нормальных размеров, а затем продолжал войну против одураченных противников обычными приемами. Мольтке не располагал столь богатыми источниками пополнения, но он держал имеющиеся у него силы сосредоточенными и достигал того, что, вопреки советам и

пожеланиям, обсервационные армии не были выставлены ни на Рейне в 1866 г., ни в Силезии в 1870 г. и что война велась только против действительно существующих врагов, а не против предполагаемых. Это уже само по себе было тем фактором, который существенно содействовал решению кампании, ибо Базен 16 августа едва ли отступил бы, если бы ежечасно не ждал очевидного и большого превосходства в силах со стороны немцев, да он и должен был его ждать. Атаковать противника с фронта и с флангов, располагая более сильной и многочисленной армией, — дело относительно легкое. Однако, все усилия выставить эту численно превосходящую противника армию и сосредоточить ее на одном театре могут не удалиться, и тогда полководец, увидев себя перед лицом более многочисленного противника, должен будет, как гласит простой совет, стать более сильным, по крайней мере, в решающем пункте.

Наполеон I осенью 1813 г., когда он имел меньшие силы, определил на фронте этот решающий пункт и собирал к нему все свои, все же еще не малые, силы. Надо было совершить геройскую, нечеловеческую атаку, сокрушающий прорыв. От нее зависит будущее, она должна решить, действительно ли «le monde va tourner encore une fois» {54}. Чудовищная атака срывается, как сорвались многие из ее предшественниц, и теперь совершается неминуемое. Человек, не пожелавший действовать охватом, сам подвергается охвату с двух сторон, сдавливается и окружается; он был бы уничтожен, если бы страх перед ним не открыл «ужасному человеку» заднюю дверь. Одно ясно; кто не желает охватить обоих флангов, может быть сам охвачен таким образом, независимо от того, будет ли он силен или слаб, и кто хочет довольствоваться атакой против одного фланга неприятеля, тот подвергается опасности быть охваченным со стороны другого фланга {55}. Поэтому Ганнибал при Каннах не усиливал центра, но ослабил его на треть по сравнению с неприятельскими силами. В результате получилось, правда, что этот слабый центр был оттеснен назад огромным напором неприятельской массы, но преобладающие над противником фланги карфагенян могли тем легче двинуться вперед, охватить идущие навстречу фланги римского войска и остановить как отход, так и преследование.

Фридрих Великий со своей небольшой армией наталкивался на сильные позиции и широкие фронты. Наступление против них привело бы его к еще более вероятному поражению, чем Наполеона. Он обходил позиции, чтобы обратиться против фланга и даже тыла противника. Противник старался развернуть свои силы к угрожаемой стороне. Король, после удачного выполнения обхода, находил перед собой новую позицию, фронт которой под Колином оказался слишком широким, под Кунерсдорфом слишком сильным, а фланги в обоих случаях недоступными. Под Лейтеном обход также привел к образованию нового фронта, но он оказался столь узким и глубоким, что мог быть, хотя и с трудом, охвачен с обеих сторон. Под Цорндорфом русские, угрожаемые с тыла, просто повернули кругом и создали для атакующего столь же сильный фронт, как и прежний. Главным образом благодаря кавалерии удалось атаковать сначала фронт, а затем один за другим фланги, и после длительной трудной борьбы удалось оттеснить упорного врага. Более решительным было сражение под Прагой, в котором победа достигнута была, главным образом, тем, что левый фланг боевого порядка для осуществления охвата был растянут ценою крайнего разжижения фронта.

Подражать примеру Лейтена и Цорндорфа для миллионной армии представляет некоторую трудность. Выступить в туманное декабрьское утро и с массой в двадцать корпусов обойти неприятельский фланг — не всякому по плечу. Но слабейший, если он не захочет признать наполеоновского положения «побеждает сильнейший» и решится разбить врага, несмотря на его превосходство, может следовать примеру Канн или Праги.

В настоящее время так же, как и при Каннах, центр может быть сведен к линии с

немногочисленными поддержками, хотя и с большим количеством патронов, и все же такой центр будет атаковать, как это сделала с большим успехом 18 августа 4-я гвардейская бригада; фланги же так же, как под Прагой, могут удлиниться для сокрушающего охвата, и всегда можно питать надежду, что противник, вроде Теренция Варрона при Каннах, Наполеона под Лейпцигом, Бенедика под Кениггрецом, будет организовывать большую или меньшую массу.

Конечно, нельзя упускать из виду, что противник примет свои меры против таких охватов и фланговых атак. Поэтому современное сражение, еще в большей мере, чем прежнее, сводится к борьбе за фланги. Под Кениггрецом оба корпуса правого австрийского крыла хотели атаковать левый фланг 1-й прусской армии. Они натолкнулись на сопротивление дивизии Францецкого. Прежде, чем оно было сломлено, они сами обнаружили угрозу своему правому флангу со стороны 2-й прусской армии. Они отходят назад, чтобы прикрыть фланг своей армии. Этот фланг обороняющегося оттесняется назад 1-й гвардейской дивизией, которая, в свою очередь, вынуждена уступить охватывающему удару австрийских резервов до тех пор, пока ее не принимает авангард 1-го корпуса; теперь она получает возможность оказать фронтальное сопротивление, в то время как 6-й корпус направляется против правого фланга наступающих австрийцев. Затем в отступательных боях атакует также и 1-я армия с прежней линии фронта фланговым ударом. Подобное происходит и на южном фланге.

16 августа 1870 г. 3-й корпус ударом против фронта и фланга отбрасывает назад 2-й французский корпус. Последний принят гвардией и частью 6-го корпуса. Другая часть последнего, две дивизии 3-го, а также 4-й корпус эшелонами наступают против левого немецкого фланга. Полубригада Лемана, 2-я дивизия и полудивизия Шварцкоппена последовательно принуждают их к отходу. 18 августа представило бы такую же картину, если бы французы на своем правом фланге использовали свои резервы активнее. Но они свели охват и контрохват к фланкированию крайнего фланга саксонцев небольшими французскими частями со стороны леса Жомон.

В этой борьбе за фланги побеждает тот, чьи резервы будут находиться не позади центра, а на крайнем фланге. Однако, они должны быть доставлены сюда не тогда только, когда орлиный взор полководца усмотрит среди бушующего моря битвы, занимающей много квадратных миль, решающий пункт; они должны быть направлены сюда уже во время подхода к полю сражения, со станций высадки, с использованием и железнодорожных перевозок.

Что именно под Кениггрецом произойдет большое сражение с двойным охватом, предвидеть было нельзя, но что 8-й корпус справа, а 6-й слева приведут к решению, — это можно было предвидеть, как только первый перешел саксонскую границу, а последний демонстрировал в направлении Моравии.

Некоторые уверяют, что дело вовсе не должно доходить до таких охватов и до такой борьбы из-за флангов. Противник, мол, соберет свои резервы, этой массой прорвет центр, сведенный к нулю, и этим быстро все закончит. Это был бы план Теренция Варрона, который оказался для него роковым.

Представьте себе опять-таки Кениггрец. Здесь, конечно, не было необходимости сосредоточивать большую часть 1-й армии перед центром австрийской позиции и создавать тем самым мишень для неприятельской артиллерии. Нельзя также оправдать направление части Эльбской армии против фронта. Двух корпусов 1-й армии было бы вполне достаточно, чтобы обеспечить весь фронт за Быстрицей и далее за Бенатек.

Остальные корпуса можно было придать Эльбской армии. Если бы потом Бенедек предпринял свой грозный массированный удар против Быстрицы и действительно отбросил назад оба прусских корпуса, то направленные против флангов четыре корпуса с севера, три с юга привели бы к неизбежной катастрофе еще скорее и надежнее, чем это было в действительности.

Немцы шли к Саару и Мозелю с наполеоновской тактикой массированных ударов. В продолжительном, хорошо питаемом бою они намеревались наносить удар за ударом до конечного штурма неприятельской позиции. При Гравелоте они также попытались выполнить это и потерпели полную неудачу. У Сен-Прива глубокие колонны наталкиваются на длинные линии, до которых они не могут достать. В самое короткое время оживает, хотя и в грубой форме, осужденная со времени Иены линейная тактика пехоты и артиллерии. Линия борется против линии, и в этой борьбе побеждает тот, кто образует более длинную линию и может охватить неприятельский фланг. Инстинктивно возвращаются к старому боевому приему, который Фридрих II выразил словами: «Атакуйте их мужественно нашими тяжелыми пушками, засыпайте картечью и затем выигрывайте их фланг».

[Назад](#)

Сражения под Бомонод и Седаном

16 и 18 августа не принесли немцам полного успеха. Базен был оттеснен не к люксембургско-бельгийской границе, как хотел Мольтке (там Базен должен был быть уничтожен), а только к Мецу. Правда, укрывшиеся здесь 170 000 чел. можно было считать устраненными от борьбы в открытом поле, но так как для их блокады считалось необходимым иметь около 200 000 чел., то подсчет — в отношении численности — складывался для немцев неблагоприятно.

То, что оставалось у них, а именно (схема 89): 3-я армия с 5½ корпусами (5-й, 6-й, 11-й, 1-й баварский, 2-й баварский и вюртембергская дивизия) и двумя кавалерийскими дивизиями (2-я, 4-я) в окрестностях Нанси, а также вновь образованная Маасская армия из трех корпусов (гвардейский, 4-й, 12-й) и четырех кавалерийских дивизий (гвардейская, 5-я, 6-я, 12-я) к западу от Меца, всего 240 000 чел., должно было продолжать движение на Париж. На пути туда Мак-Магон собрал новую армию около 150 000 чел. из частей, которые или потерпели тяжелое поражение за четырнадцать дней перед этим, или были потрепаны быстрым отступлением, или, наконец, были набраны отовсюду. Эта армия была не в силах оказать наступающей немецкой армии успешное сопротивление, еще менее она могла пробить себе путь через нее до ворот Меца для освобождения Базена. Казалось, ей оставался лишь отход с целью защиты столицы. Не столько усилением гарнизона, сколько угрозой неприятельским флангам Мак-Магон мог помешать окружению большой крепости или, по меньшей мере, оттянуть это окружение на долгое время. Но перед началом отхода Мак-Магон хотел еще удостовериться, не удастся ли Базену прорвать окружающее его кольцо. Если бы это удалось, он считал необходимым во что бы то ни стало двинуться на помощь стесненному товарищу.

С немецкой стороны признавалось необходимым по возможности помешать отходу армии от Шалона к Парижу и оттеснить ее в северном направлении. Для этого Маасская армия своим правым флангом (12-й корпус) должна была наступать вдоль дороги Этэн — Верден к Шалону и 26-го достичь С.-Менеульда, а 3-я армия с выдвинутым левым флангом — в тот же день достичь Витри. Затем с линии С.-Менеульд, Витри намечалась атака против фронта и правого фланга неприятельской позиции, расположенной, как предполагалось, в Шалонском лагере.

Немецкие колонны были еще далеко от этой цели, когда Мак-Магон 21 августа двинулся к Реймсу. Он полагал, что отсюда он сможет поспешить на помощь Базену, а также и во-время попасть к Парижу, не подвергаясь, однако, слишком рано, как это могло быть в Шалоне, атаке подавляющих сил врага. Маршал, как и присутствовавший в главной квартире император Наполеон к этому времени утратили свободу решения. Высшее руководство войной уже давно было предоставлено общественному мнению. Его решения, внушенные прессой и прессой же формулированные, в дальнейшем передавались просто от парламента, совета министров и императрицы-регентши Наполеону, Мак-Магону или Базену. Так была осуществлена примерно за десять дней до этого задержка Рейнской армии у Меца и сохранен оплот восточной границы. Теперь Мак-Магону рекомендовалось быстрое освобождение окруженной в этой крепости Рейнской армии.

Президенту сената Руэ, который лично привез это новое выражение народной воли, маршал представил решительные возражения. Движение армии на восток приведет ее к неизбежной неудаче, раз о намерениях и планах Базена ничего неизвестно. 23-го Мак-

Магон отойдет к Парижу, если к этому времени не получится других данных о Базене. Руэ возвратился в Париж, питая наивные надежды путем прокламаций создать благоприятное отношение со стороны народа к движению Мак-Магона. Но едва он тронулся в путь, как пришла телеграмма Базена от 19-го, т.е. дня отхода его к Мецу, заключительные слова телеграммы гласили:

«Я все же рассчитываю взять направление на север и через Монмеди и С.-Менеульд пробиться к Шалону, если этот путь не сильно занят. В последнем случае я пойду на Седан и даже на Мезьер, чтобы достигнуть Шалона».

На основании этого сообщения, которое никак нельзя было принять всерьез, Мак-Магон решил, что Базен уже находится по дороге к Монмеди, и решился, худо или хорошо, но идти навстречу ему к Стенэ. Вскоре была получена также телеграмма от министра-президента из Парижа, требовавшая соединения с Рейнской армией как настоятельной необходимости.

23-го французская армия двинулась от Реймса к р. Сюип между Донтриеном и С.-Мамом.

Обе немецкие армии, которые в этот день правым флангом достигли района к востоку от Вердена, а левым — С.-Дизье, постепенно узнали, что противник очистил Шалонский лагерь, что он отошел к Реймсу и там занял позицию. Наконец, 25-го была получена посланная через Лондон парижская телеграмма, содержащая слова: «Мак-Магон ищет соединения с Базеном»; эта телеграмма подтвердила ходившие слухи, вскрытые письма и газетные сведения.

Чтобы захватить неприятеля, двигавшегося от Реймса к Мецу через Вузье, Отенэ, Атиньи, Ле-Шен и Бомон, или, может быть, через Ретель, Туртерон и Музон, надлежало не продолжать движения в прежнем направлении, а сделать лучше захождение вправо. 25-го Маасская армия правым флангом (12-й корпус) достигла Домбаль, 3-я армия левым флангом (11-й корпус) достигла почти Витри (схема 90). Следовательно, обе армии могли бы выполнить захождение вправо при очень благоприятных условиях, если бы головами своих колонн они находились приблизительно на линии Домбаль, Витри и каждому корпусу предоставили самостоятельную дорогу. 26-го 12-й корпус, составлявший ось движения, мог бы продвинуться до Шарни, а остальные корпуса могли бы приблизительно достигнуть линии Домбаль, С.-Менеульд, Шалон.

В тот же день немецкая кавалерия установила, повидимому, правый французский фланг у Вузьера и Бюзанси. Отсюда противник мог продолжать свое движение через Маас к Мецу или повернуться против надвигающихся немцев, или, наконец, путем отступления уклониться от столкновения с превосходными силами врага.

Всем этим возможностям можно было бы противодействовать следующим развертыванием сил: два корпуса из блокадной армии от Бриэ и Конфлана наступают на Лонгюйон и Марвиль, 12-й корпус от Шарни к Жамецу, гвардейский корпус вдоль правого берега Мааса, 4-й корпус и два корпуса 3-й армии — между Маасом и Эном, остальные три с половиной корпуса — западнее последней реки; кавалерийские дивизии двигаются перед всем фронтом и в особенности перед левым флангом. Если бы враг вздумал двигаться в направлении на Мец, или наступать между Маасом и Эном, или ждать здесь атаки на благоприятной позиции во всех случаях он оказался бы атакованным с фронта и с одного или с обоих флангов и оттесненным к бельгийской границе. Сомнительным для успеха немцев был бы только случай отхода французов, если бы они

отступили так рано, что левый немецкий фланг не предупредил бы неприятеля в Мезьере. Тогда немцам пришлось бы стараться захождением влево или даже полным поворотом налево преградить дорогу для отхода на юг.

Марш-маневр, как он представлен на схеме 90, будучи проведен до 29 августа, т.е. до кануна сражения у Бомона, соответствует директиве, данной Мольтке при других обстоятельствах: «Найти противника и разбить его». В данном случае Мольтке отошёл от подобной идеи, так как для него вопрос сводился, прежде всего к тому, чтобы в ответ на угрозу освобождения Меца от блокады бросить возможно большее количество корпусов. Чтобы достигнуть этого, обе армии должны были с линии Домбаль, Витри узким фронтом отклониться на север (см. схему 89). Такое отклонение на север не обошлось без многократного перекрещивания и нагромождения трех с половиной корпусов на одной дороге. Обозы большею частью пришлось оставить сзади, и притом при такой обстановке, когда прохождение через горную страну как раз делало необходимым обращение к запасам продовольственных транспортов.

Для обеспечения марша и для поддержки кавалерии, выдвинутой к Вузье, Гран-Пре и Бюзанси, 12-й корпус 26 августа был направлен к Варену. Вслед за ним гвардейский, 4-й и оба баварских корпуса двинулись к Домбалью, Никсевиллю, Вердену. Остальные корпуса 3-й армии были готовы выступить на следующий день в северо-западном или северном направлении. Если бы противник продолжал свое движение к востоку, то едва ли представлялось возможным настичь его западнее Мааса, не теряя превосходства в силах. Противник мог в два дня достигнуть правого берега реки. Надо было попытаться настичь его здесь. По плану Мольтке, к 28 августа в районе Дамвиллер должны были сосредоточиться: 12-й корпус, двигаясь через Дэн, гвардейский корпус через Монфокон, Консенвуа и 4-й через Шарни; два корпуса блокадной армии должны были быть подтянуты через Этэн и Бриэ к правому крылу, оба баварских корпуса должны были следовать к Азану. В этом случае неприятельская армия после перехода Мааса могла повернуть к Дамвиллеру или продолжать движение на Лонгюйон. В обоих случаях налицо были серьезные данные, что она будет оттеснена к бельгийской границе семью корпусами.

Между тем донесения от кавалерии наводили на мысль, что Мак-Магон приостановил свое движение к Мецу. 28-го семь немецких корпусов у Дамвиллера не найдут перед собой никакого врага. Нужно было попытаться сосредоточить превосходные силы на левом берегу Мааса для сражения на уничтожение. С этой целью корпуса 1-й армии 27-го продвинулись на линию Стенэ, Дэн, Монфокон, Клермон, С.-Менеульд, а 28-го достигли линии Стенэ, Дэн, Бантевиль, Варен, Вьен-ле-Шато, Сернэ (схема 91). Было близко к тому, что и армия, развернувшаяся на линии Стенэ — Сернэ, не встретит перед собой врага.

Подобно тому, как немецкая армия 20-го (см. схему 89) сделала поворот на север против неприятеля, расположение которого не было твердо установлено, также и французская армия инстинктивно повернулась к югу против надвигающегося противника. Генерал Дуэ расположил свой 7-й корпус на позиции восточнее Вузье, фронтом на запад, и по полубригаде выдвинул к Бюзанси и Гран-Пре, 5-й корпус (Фальи) продвинулся 26-го к Ле-Шену, 1-й (Дюкро) — к Атиньи и Семюи, 12-й (Лебрен) — к Туртерону. Немецкая кавалерия, показавшаяся в этот день перед Бюзанси, Гран-Пре и Вузье, навела генерала Дуэ на мысль о предстоящем вскоре сражении (см. схему 91). Он решил оказать у Вузье и Бюзанси сопротивление. Мак-Магон 27-го выступил туда на его поддержку со всей остальной армией, но возвратился назад, так как, кроме кавалерии, другого противника не было видно.

Мак-Магону настоятельно советовали перейти в решительное наступление против двигающейся вперед Маасской армии и охватить ее с фланга. Подобное наступление во всяком случае не могло последовать раньше 28 августа, а в этот день оно наткнулось бы на 12-й корпус у Дэна, на гвардейский — у Бантевлля, на 4-й корпус, продвинувшийся от Монфокона к Сьержу, на 1-й баварский — севернее Варена; все дороги дальше к западу оказались бы уже занятыми. На следующий день немецкий правый фланг оставался бы на месте, левый был бы выдвинут вперед, и полное окружение французской армии произошло бы уже здесь, а не у Седана.

Не будучи в состоянии, несмотря на хорошую ориентировку, точно предусмотреть такой исход, Мак-Магон все же считал бесцельным ожидать атаки со стороны значительно превосходящих его немецких сил или предпринимать атаку против них. Еще меньше ожидал он удачи от продолжения марша на Мец, тем более что от Базена не поступало никаких известий. Он ожидал, что часть блокадной армии выступит ему навстречу, в то время как вся масса армий обоих кронпринцев обрушится против его фланга и тыла. И если он не хотел подвергнуть свою армию гибели, ему оставалось прежде всего отойти к Мезьеру. Так как немцы задержали свой левый фланг, не послали даже своей кавалерии левее Эна и так как в распоряжении имелось достаточное количество дорог, то 27-го вечером указанный отход, повидимому, мог быть выполнен беспрепятственно. Немецкое движение вправо оказалось бы ударом по воздуху, а затем предстоял бы крайне трудный поход на Париж.

В этот критический момент немцев выручил французский военный министр граф Пелликао. В ответ на сообщение Мак-Магона о его решении отступить, он в ночь на 23-е телеграфировал:

**«Если вы оставите без поддержки Базена, в Париже разразится революция...
Ваше быстрое соединение с Базеном является действительно необходимым».**

Следующая телеграмма содержала определенное требование совета министров спешить на помощь Базену. Теперь не было выбора. Мак-Магон решил вновь предпринять только что оставленный марш и продолжать его до тех пор, пока это будет возможно, пока выполнению его не окажет противодействия подавляющая сила врага. Что это противодействие со стороны противника, вероятно, совпадет с полным разгромом, Мак-Магон представлял себе с достаточной ясностью. По всем направлениям высылаются офицеры, чтобы, вместо указанных движений к западу, предписать обратные — на восток. Посланные достигают некоторых корпусов лишь тогда, когда последние уже тронулись в путь. Повороты кругом и уклонения длинных колонн, неизбежное перекрещивание с другими вызвали расстройство, которое при дурной погоде и испорченных от дождя дорогах вдвойне давало себя чувствовать. Только поздно в ночь на 29 августа пришли последние части к местам расположения на отдых. По дороге Атиньи — Вонк — Бомон 1-й корпус достиг Ле-Шена, 12-й — Ля-Безаса и его кавалерия — Бомона. На дороге Вузье — Стенэ 7-й корпус от Катр-Шана свернул к Бульт-о-Буа. С 5-м корпусом генерал Фальби, из-за неприятельской кавалерии, не осмелился продолжать движение через Бар к Бюзанси, свернул через Соммаут и вечером расположился биваком у Бель-Воле и леса Дам.

Сведения, поступавшие в главную квартиру в течение 28-го, позволяли сначала сделать заключение о движении противника в северо-западном направлении. Поэтому в 7 час. вечера 28 августа было приказано обеим армиям, развернувшимся между Дэном и Сернэ, совершить захождение вправо на линию Нуар, Вузье. Новые сведения, которые прибыли вечером, убедили Мольтке, что противник не оставил своего плана освободить Мец от блокады и что он намерен перейти Маас у Стенэ и ниже (схема 92). Противник

найдет Стенэ занятым и окажется вынужденным обратиться против правого фланга Маасской армии. Пока последняя будет оставаться без поддержки, она хорошо сделает, если на соответствующей позиции, например, между Энкревилем и Ландром, подождет атаки противника и подкреплений, которые вскоре могли бы появиться на ее левом фланге. Поэтому и получили приказание продвинуться: 1-й баварский корпус — от Варена к С.-Жювену, 2-й корпус — от Вьен-ле-Шато на Корнэ, 5-й корпус и вюртембергская дивизия — от Сернэ к Гран-Пре. С этими тремя с половиной корпусами и тремя корпусами Маасской армии, за которыми слева должны были следовать 11-й корпус на Монтуа и 6-й на Вьен-ле-Шато, имелось в виду выдвижение на дорогу Бюзанси — Стенэ.

Этот расчет Мольтке при всяком другом противнике был бы надежным, но только не тогда, когда противник был Мак-Магон, который нес с собой категорический наказ общественного мнения — сделать при всех обстоятельствах попытку перейти через Маас и все же, по возможности, избежать сражения с превосходящим в силах врагом.

Получив донесение, что Стенэ занят 15 000 немцев, Мак-Магон оставил мысль о переправе здесь и приказал 29-го 12-му корпусу продвинуться к Музолу, 1-му к Рокуру, 5-му к Бомону, 7-му к Ля-Безасу, 12-й и 1-й корпуса с кавалерийскими дивизиями Маргеритта и Боннемена выполнили приказ, и первый выдвинул головные отряды по дорогам на Кариньян и на Стенэ до Инора. 7-й корпус, введенный в заблуждение несколькими ложными донесениями, продвинулся от Бульт-о-Буа только до Оша и Сен-Пьермона. Так как офицер, везший приказание 5-му корпусу, был схвачен разъездом улан, то генерал Фальи, согласно прежним указаниям, повел свои 2½ дивизии к Бофору и Боклэру, чтобы здесь ожидать приказаний Мак-Магона для атаки на Стенэ.

С немецкой стороны 12-й корпус 29-го утром перешел Маас у Дэна и занял позицию между этим городом и Энкревилем. Но прибывающие донесения заставляли предполагать не атаку, а скорее отход противника. Установить с ним соприкосновение казалось необходимым тем более, что в королевском приказе, отданном накануне вечером, значилось:

«Продолжение наступления на линию Вузье, Бюзанси, Стенэ остается в прежней силе, а скорый захват их Маасской армией не исключается, если ей будут противостоять только слабейшие силы врага».

Так как это условие по всем поступившим сведениям оказывалось выполненным, кронпринц Саксонский приказал 1-й дивизии гвардейского корпуса двинуться к Бюзанси, 2-й — к Теноргу, 12-му корпусу — от Энкревиля к Нуару, а 4-му — на Ремонвиль. Перед гвардейским корпусом противник отошел к Сен-Пьермону; напротив, авангард 12-го корпуса у Нуара наткнулся на 5-й французский корпус. Начавшийся здесь бой был прорван саксонцами, чтобы избежать изолированных столкновений, тотчас же, как только было установлено присутствие более значительных неприятельских сил. Когда саксонцы отошли на высоты между Нуаром и Тайи, французский корпус двинулся в противоположном направлении после полученного, наконец, приказа из армии. Две бригады, оставшиеся в качестве арьергардов, маскировали этот отход, пока ночью разъезды 12-й кавалерийской дивизии не известили об отходе всего корпуса в направлении на Бомон. Пребывание арьергарда 7-го корпуса у Сен-Пьермона установлено было в течение ночи гвардейской кавалерией.

В главной квартире было и еще несколько других донесений, посланных утром и в первой половине дня. Имели ли они еще значение, или были уже опережены ходом

событий, не всегда можно было установить с определенностью. Мольтке рисовал себе обстановку так (схема 93): французы находились в движении к Маасу по двум дорогам — через Вонк, Ле-Шен, Стон, Ля-Безас и Бомон, а также через Вузье, Бюзанси и Нуар. Ввиду близости Маасской армии, которая уже достигла Бюзанси и Нуара, французы уже не могут больше пользоваться южной дорогой и переходят с этой дороги на северную. Да и на последней тоже нельзя будет продолжать движение. Поэтому вероятно, что французы расположатся на пространстве между крайними из занятых ими, согласно донесениям, пунктами — Ле-Шеном и Бомоном, выбрав хорошую позицию для сражения. Часть этой позиции восточнее дороги Бюзанси — Рокур предстояло атаковать Маасской армии, которой обеспечивалась поддержка обоих баварских корпусов.

Пространство западнее указанной дороги до Ле-Шена выпадало на долю 3-й армии. Решить, каким образом должна быть выполнена атака, естественно, предоставлялось штабам армий. Но так как для атаки против фронта Ля-Безас — Бомон с пользой могло быть применено едва ли более трех корпусов, включая оба баварских, то было естественным два корпуса Маасской армии послать за реку для охвата неприятельского левого фланга. Если бы подобным же образом левый фланг 3-й армии был вытянут за реку Эн, получились бы для обеих армий движения, примерно, обозначенные на схеме 93. Тогда имелись бы шансы отеснить противника к бельгийской границе, независимо от того, останется ли он между Ле-Шеном и Бомоном, отойдет ли назад или двинется в сторону влево или вправо.

Между тем, обе армии шли вперед (схема 94) не для того, чтобы охватить неприятеля, а для того, чтобы отдельными самодовлеющими атаками принудить его к отходу. Но противник и без того намеревался совершить этот отход. Прежде всего, полученное из главной квартиры известие, что противник находится между Ле-Шеном и Бомоном, штабы армий расшифровали так: «Противник находится у Ле-Шена и Бомона». Согласно этому толкованию, Маасская армия хотела атаковать противника, предполагаемого у Бомона, 12-м, 4-м и 1-м баварским корпусами в первой линии и гвардейским и 2-м баварским корпусами во второй, а 3-я армия намеревалась атаковать противника, не находившегося у Ле-Шена, 11-м корпусом и вюртембергской дивизией в первой линии, 6-м корпусом во второй. Противник, который был установлен между Сен-Пьермоном и Ошом, считался здесь не находящимся. 5-й корпус, который находился в движении через эти пункты к Стону, обязан был держать связь между обеими армиями и, смотря по необходимости, или повернуться против «ничего» у Ле-Шена, или усилить избыток сил, направленных против Бомона. Фикция, что дорога на Стон свободна от противника, не могла долго оставаться не раскрытой, так же как и фикция, что Ле-Шен сильно занят противником. Скоро обнаружилось, что в Ле-Шене нет ни одного человека, а что противник, замеченный у Оша, отошел на Стон и занял сильную позицию, по крайней мере, аррьергардом. В силу этого штаб армии решил 11-й корпус и вюртембергскую дивизию подтянуть к Ля-Берльеру. Таким образом, можно было ожидать, что к полудню 30 августа три корпуса атакуют противника у Бомона, два с половиной атакуют у Стона, а три корпуса останутся в резерве без употребления.

Для первой атаки было решено, что 12-й корпус одной дивизией через Ланевиль двинется по шоссе, другой от Боклэра через лес, 4-й корпус — западнее по двум лесным дорогам, 1-й баварский — по шоссе через Соммаут. Все пять колонн должны идти на Бомон. Гвардейский корпус в качестве резерва должен оставаться у Фоссэ, а 2-й баварский у Соммаута. Из трех лесных дорог, назначенных для движения, обе восточные выходили на шоссе непосредственно перед Бомоном, так что, по существу, только три дороги вели в город: шоссе Стенэ — Бомон, занятое 7-й дивизией и 12-м корпусом, шоссе через Соммаут, занятое 1-м баварским корпусом, и лежащая между ними лесная дорога,

предоставленная 8-й дивизии. В остальном отданный Маасской армией приказ о наступлении был, по тогдашним воззрениям и понятиям, безупречен. Перед Бомоном на очень узком фронте могла быть сосредоточена расчлененная в глубину масса войск из трех корпусов. Но, конечно, в этом случае даже значительно более слабый противник, расположившись на широком фронте, был бы в состоянии развить одинаковую, если не еще большую силу огня; наконец, если бы он стал отступать, его могли бы преследовать только незначительные силы, так что отход он выполнил бы беспрепятственно, если только на Маасе было бы подготовлено достаточно переправ. Пассивный резерв, составленный из двух корпусов, едва ли мог бы исправить слабые стороны этого наступления. Во всяком случае изменение в отданных распоряжениях было необходимым, после того как поздно вечером посланная за Маас кавалерия донесла о продвижении противника от Музона к Инору, чем подтверждались все сведения относительно передвижений противника, которые уже были известны из перехваченного приказа по французской армии. Видимо, предположения, которые набрасывал Мольтке, готовя приказ на 30 августа, были уже неуместны. Противник, очевидно, не имел в виду принимать сражение на пространстве между Бомоном и Ле-Шеном, так как с одной частью своих сил он уже перешел через Маас, а на следующий день, вероятно, проследует на правый берег и с остальными силами. На этот случай Мольтке раньше также предусматривал переход через Маас. Поэтому теперь подсказывалось решение — из того избытка сил, какой был в распоряжении Маасской армии, послать через реку, по крайней мере, два корпуса, чтобы ими на узком пространстве между Маасом и бельгийской границей приостановить движение противника и поставить его в положение, удобное для наступления на него с запада и для последующего разгрома. Но штаб армии не хотел менять раз отданных им распоряжений. Весь аппарат почти из 150 000 чел. будет приведен в движение в духе раз отданного приказанья, чтобы суметь еще нанести кое-какие потери находящемуся в отступлении корпусу.

Распоряжения отдаются в таком духе, чтобы тотчас же после полудня могла последовать внезапная атака на Бомон. За сообщение о том, что в это время противник был еще там, приходилось благодарить разъезд, который перехватил у офицера генерального штаба приказание Мак-Магона, предназначенное для 5-го корпуса. Эта незадача была причиной того, что корпус двинулся не утром, а лишь вечером 29-го, прибыл в Бомон только ночью и первую половину дня 30-го использовал не для дальнейшего движения, а для восстановления истощенных сил.

Офицеры и солдаты сидели за обедом в лагере южнее Бомона между шоссе на Стенэ и дорогой на Боссжур (схема 95), когда авангард 8-й дивизии (4-й егерский батальон) появился из лесу между Тюльри и фермой Бель-Воле. Было намерение не тревожить беспечных воинов, а сперва развернуть дивизию, прикрываясь высотой. Но когда какой-то крестьянин из ближайшей постройки крикнул по направлению французского лагеря «тут противник!» и посуда с пищей была самым поспешным образом брошена, командир дивизии фон-Шелер решил использовать временную неготовность противника, введя в дело две только что прибывшие с авангардом батареи. Несколько выстрелов, направленных в густые массы французских солдат, сделали свое дело. Однако, вскоре французы образовали группу стрелков, которая использовала выгоды дальноточности своих ружей и беглым огнем нанесла большие потери не только батальону егерей, но также и батареям, поставив в опасное положение прислугу при орудиях. Обстановка переменилась, когда французы в густых стрелковых линиях, поддержанных следующими сзади массами, бросились в атаку, попали в сферу действительного огня егерей и, потрясенные им, отхлынули назад.

Вторую атаку французы повели против 66-го полка, который с четырьмя батареями

двигался в голове 7-й дивизии через Бель-Тур к Бомону. Эта атака также была отбита. Между тем развертывание 8-й дивизии на высоте фермы Птит-Форе выполнялось без особенно большого успеха. Так как начальник авангарда удерживал в своем распоряжении роту, каждый командир полка — батальон, командир бригады — два батальона и т. д. и так как артиллерия требовала прикрытия, а каждая ферма — гарнизона, то для непосредственного боя, несмотря на то, что вся пехота вышла из лесу, оставалось только три с половиной батальона и четыре батареи, которые с тремя батальонами и четырьмя батареями 7-й дивизии должны были повести наступление на французский лагерь с юга и юго-востока. Лагерь, после короткого боя, с большими потерями для немцев, причиненными ружьями Шаспо, был очищен французами, причем были оставлены пленные и орудия.

При наступлении 7-я дивизия держалась южнее шоссе Стенэ — Бомон. Ни 66-й полк, ни следовавший за ним во втором эшелоне 26-й полк не обратили внимания на высоту, лежащую к юго-востоку от Бомона, хотя она командовала над лагерем, городом и путями отступления далее к северу. В результате получилось, что противник, который был там или туда отошел, разместился в канаве дороги, шедшей по насыпи, и взял под огонь правый фланг 66-го полка. Некоторые роты должны были зайти вправо и после тяжелого боя прогнали хорошо укрытого противника, который, наконец, отошел на Летан, преследуемый слабыми частями.

От Бель-Тура за 66-м полком следовал 26-й полк, а за ним следовала 14-я бригада — все направлялись на Бомон. Через Птит-Форе устремилась большая часть 16-й бригады и 31-й полк. Только 1 — 2 батальона этой бригады и 71-й полк двинулись на высоту западнее Бомона. Всюду навстречу им глядела линия неприятельских орудий, протянувшаяся севернее Бомона вправо и влево. Для её подавления развернулись 14 батарей 4-го корпуса южнее города, имея правый фланг на высоте южнее Летана, а левую половину — по ту сторону шоссе на Соммаут. Вправо эта линия была удлинена 23-й дивизией, которая шестью батальонами и десятью батареями перешла ручей Вам частью у Вама, частью у Болье и продвинулась на высоту юго-восточнее Бомона. Левый фланг удлинители три батареи, высланные вперед от 1-го баварского корпуса. Огонь 25 батарей имел, однако, лишь тот результат, что неприятельская артиллерия, обеспечив достаточно отход пехоты, стала сама отходить с позиции на позицию и, наконец, совсем исчезла за лесом Живодо. Во время этого артиллерийского состязания батальоны и четыре батареи 4-го корпуса расположились в Бомоне и южнее его, а 12-й корпус, за исключением шести батальонов и десяти батарей на высоте южнее Летана, примкнул к ним левее ручья Вам.

1-й баварский корпус ускорил свое движение на пушечные выстрелы. Командир шедшей в голове 2-й дивизии генерал Шумахер поспешил на поле сражения и получил предложение со стороны офицера из штаба 4-го корпуса взять направление на ферму Ля-Тибодин, так как оттуда с высот можно было взять под действительный фланговый огонь отступающего от Бомона противника.

Генерал охотно последовал этому предложению. Однако, выдвинутая вперед кавалерия наткнулась на огонь из кустов южнее фермы Ля-Арнотри, а при отходе — и со стороны фермы Ля-Тибодин. В первом случае огонь был со стороны отряда 5-го французского корпуса, который от Бомона отходил к Ля-Арнотри, а во втором — со стороны авангарда дивизии Консейля Дюмениля, которая хотела пройти от Оша через Ля-Безас и Ля-Тибодин к Музону, в то время как генерал Дуэ с двумя остальными дивизиями 7-го корпуса осмотрительно взял путь через Стон и Рокур на Ремильи.

Когда 4-я бригада, шедшая в голове 2-й баварской дивизии, развернулась и

двинулась на Ля-Тибодин, по ней был открыт огонь со стороны Ле-Гран-Дьелэ. Она должна была частью повернуть влево. Другая часть продолжала движение на Ля-Тибодин, прогнала оттуда противника, но последний все же вновь закрепился в кустарниках восточнее ручья Ионк, севернее дороги Ля Безас — Бомон. После короткой перестрелки севернее и южнее большой дороги, французы решительной атакой были отброшены к Варнифоре и притом так быстро, что 3-я бригада, на долю которой выпала фланговая атака через Ле-Гран-Дьелэ, натолкнулась лишь на отдельных рассеянных французов. В это же время егерский батальон прикрывал правый фланг против Ля-Арвотри. При содействии одного батальона 86-го полка, подошедшего по оврагу, который поднимается от Бомона к Ля-Арвотри, и при поддержке двух прусских и одной баварской батареей был прогнан и этот противник.

2-й батальон 86-го полка составлял на левом фланге авангард 4-го корпуса; этот батальон после приблизительно двухчасового отдыха в 3 часа с лишним снова начал движение из Бомона.

7-я дивизия, расчлененная в глубину, двигалась двумя батальонами на фронте восточнее дороги на Музон, 8-я дивизия — западнее этой дороги (схема 96). 1-му баварскому корпусу было указано штабом 3-й армии двинуться к Ля-Безасу возможно более крупными силами, чтобы «заполнить еще имеющуюся брешь на фронте армий между Бомоном и Стоном». На основании этого на левом фланге был оставлен только отряд из четырех батальонов и двух батарей под командованием полковника Шуа. Остаток 2-й дивизии следовал от Варнифоре за противником, отходящим к северу, в то время как 1-я дивизия двинута была по дороге на Ля-Безас. Таким образом, на левом фланге наступление вылилось в целесообразную форму. На правом фланге, после взятия Бомона, также было достаточно времени для переброски на ту сторону Мааса 12-го корпуса у Пуи, гвардейского корпуса у Стенэ, чтобы, по крайней мере, первый из них мог добиться успехов еще у Музона. Но штаб армии остался при мысли направить 12-й корпус позади правого фланга, а для гвардейского корпуса использовать лесные дороги, по которым раньше прошел 4-й корпус.

Два батальона 13-й бригады, идя в голове 7-й дивизии, двигались по узкому возвышенному кряжу между большой дорогой и Маасом, прогнав неприятельский арьергард из Ля-Сартель и леса Живодо, но на северной опушке натолкнулись на сильную позицию противника.

Двухчасовая пауза, которая пошла на подтягивание 4-го корпуса, его сосредоточение на теснейшем пространстве в Бомоне и возле него, на восстановление перепутавшихся частей и на восстановление порядка, для нового движения вперед могла бы дать Фальи такой выигрыш во времени, что он с незначительными арьергардными стычками спокойно мог бы по нескольким мостам перейти на правый берег Мааса. Но так как Фальи едва ли мог рассчитывать на столь большую паузу и не желал быть отброшенным в беспорядке на другую сторону реки, то он занял позицию на высотах у Вильмонтри и Мон-де-Брюн, которую он и намеревался удерживать до наступления темноты, чтобы потом незаметно отойти по подготовленным переправам. Для его поддержки генерал Лебрен выслал вперед через Музон одну пехотную и одну кавалерийскую бригаду 12-го корпуса (см. схему 95), а дивизии Лякретеля приказал занять высокий правый берег Мааса между Вармонтерном и фермой Альма. Таким путем левый фланг французской позиции приобрел исключительную прочность, которая была усилена еще тем обстоятельством, что через густой лес Живодо совсем не могла пройти артиллерия наступающего, а пехота могла пройти лишь небольшими частями и в беспорядке.

Командующий армией остановился на мысли овладеть позицией путем обхода ее левого фланга по долине Мааса. 45-й бригаде был отдан приказ наступать по дороге, идущей непосредственно вдоль берега. Стесненная на крайне узком пространстве, она подверглась сильному обстрелу из орудий, митральез и ружей дивизии Лякретеля. Имея в тылу такого врага, было трудно брать штурмом хорошо занятые высоты у Вильмонтри. План охвата был оставлен, бригада оттянута назад к Ля-Сартель. Только две роты, которым удалось овладеть северо-восточным выступом леса Живодо, здесь и остались.

Теперь являлся вопрос, следовало ли, по примеру Гравелота, посылать вперед из лесу в упорный бой батальон за батальоном, полк за полком, бригаду за бригадой смешавшимися толпами против французских батарей и французского беглого огня, терпя большие потери, расстраивая все тактические единицы и внося бесконечную путаницу, или же, по примеру боев у Садовой и леса Кюсс, применить имеющиеся под рукой богатые резервы в качестве удобной мишени для неприятельских гранат. Ни одно из решений не было соблазнительным. При этом у некоторых, во всяком случае в штабе корпуса, возникло предположение, что 12-му корпусу место не на левом, а на правом берегу Мааса. Здесь он мог бы прогнать противника, берущего под огонь фланг немцев, а другому противнику, который занял на пути движения немецких частей недоступную позицию, он мог бы преградить путь отхода через Музон. Но для осуществления столь прекрасных мыслей путь казался слишком далеким, а время дня слишком уж поздним. Последствия армейского приказа, по тогдашним представлениям, образцового, приходилось брать на себя и ждать, не явится ли помощь с какой-либо другой стороны.

В то время как 13-я бригада продвигалась вперед через лес Живодо, командир 4-го корпуса фон-Альвенслебен был убежден, что высота 918, лежащая к западу от леса, сильно занята противником. Он приказал 14-й бригаде, идущей за 13-й, взять влево через большую дорогу, чтобы вместе с 8-й дивизией захватить мнимый опорный пункт противника. Когда бригада перешла дорогу, она заполнила все пространство между нею и ручьем Ионк и оказалась в состоянии одна с приданными ей батареями атакой с юга и с юго-запада взять высоту, занятую только арьергардом. Несколько отставшая 8-я дивизия увидела себя совершенно вытесненной и решила своей большей частью и отрядом полковника Шуха спуститься к ручью Ионк и перейти на другой его берег, между тем как меньшая часть дивизии втиснулась между 13-й и 14-й бригадами. Таким образом, 4-й корпус получил несколько большее протяжение по фронту, хотя все еще достаточно скромное, при котором он мог до некоторой степени применить свои силы. Теперь наступление велось в следующем порядке, считая справа налево: четыре батальона 8-й дивизии, 14-я бригада, восемь батальонов 8-й дивизии, четыре батальона полковника Шуха. Атакой с фронта и с правого фланга захватывается Мон-де-Брюн, после полного обхода фланга захватывается высота к северу от Пуррона, левый фланг растягивается до Отрекура, части спускаются в долину реки под прикрытием развернувшихся на высотах батарей, занимается предместье Музона, противник оттесняется к Маасу, и колонны, отступающие на том берегу в северном направлении, берутся под огонь. Как полагается в подобных случаях, предпринимаются контратаки, атаки кавалерии. Они только усугубляют разгром. Теперь противник не может уже удержать позицию у Вильмонтри против атак 13-й и 45-й бригад. Большая его часть оттесняется к Маасу. Не все достигают того берега, иные погибают в волнах реки, иные захватываются в плен, иные прячутся, воспользовавшись надвигающейся темнотой, в прибрежных перелесках. Музон и мост остаются в руках французов. Попытка взять город с наступлением темноты не удастся; немцы должны довольствоваться взятием предместья. Позади его располагается 4-й корпус, севернее Бомона — 12-й корпус, южнее — гвардейский.

Между тем, 1-я баварская дивизия от Соммауга продвигалась к Ля-Безасу и далее в

направлении на Рокур. Французский арьергард у Стона из-за этого движения должен был своевременно начать отход. Но севернее Рокура арьергард был достигнут и после горячего боя отброшен к Ремильи. После длительного движения от С.-Жювена (см. схему 94) до Рокура, после кое-каких плутаний и стычек, наступающая темнота прекращает преследование. 1-я дивизия располагается на бивак.

Привлеченные артиллерийской канонадой со стороны Бомона и Музона 5-й корпус и 4-я кавалерийская дивизия двигаются по дороге Бюзанси — Рокур (схема 97). В результате вечером располагаются: 1-я баварская дивизия у Рокура, 4-я кавалерийская дивизия у Фляба, 2-я баварская дивизия севернее, 5-й корпус южнее Ля-Безаса, 2-й баварский корпус у Соммаута. 11-й корпус продвинулся до Стона, 2-я кавалерийская дивизия к Ошу, вюртембергская дивизия к Верьеру. Совершенно отдельно от армии, словно забытые, стояли: 6-й корпус у Вузьера, 5-я и 6-я кавалерийские дивизии у Туртерона и Ле-Шена.

1800 убитых и раненых на французской стороне, 3500 — на немецкой, казалось, делали исход сражения у Бомона для первой не особенно неудачным, если бы не потеря 3000 чел., пропавших без вести, в том числе 2000 нераненых пленных и 42 орудия, и если бы не новое значительное понижение духа всей армии, и без того уже достаточно обескураженной. Во всяком случае французы довольно счастливо вышли из дела. Сражение, которого Мак-Магон избегал столь долго, как только мог, но которого в дальнейшем избежать было нельзя, в конце концов произошло; однако, оно не оказалось, как можно было опасаться, разгромом. Оно было бы таковым, если бы штабы армий держали меньше корпусов в резерве и больше имели бы их на фронте, если бы они меньше стягивали свои армии к центру, а больше массировали их к флангам и если бы те корпуса, которые не натыкались на врага, не стояли на месте, а энергично шли вперед. Тогда сражение 30 августа, в связи с коротким преследованием 31-го, привело бы к полному окружению французской армии. Подобный катастрофический исход, к счастью для французов, был избегнут, но вместе с тем было с очевидностью выяснено, что продолжение операции по освобождению Базена невозможно. Если французская армия не хотела подвергнуться неизбежному разгрому, она должна была незамедлительно приступить к отходу. Для этого имелись две дороги в западном и две в южном направлении, по одной для каждого корпуса: от Ремильи по левому берегу Мааса через Доншери и Флиз, от Музона через Седан и Мезьер, от Стенэ вдоль Мааса на Верден и от Кариньяна через Монмеди и Френ.

Такой отход в противоположных направлениях привел бы, конечно, армию к разрыву на две части и сделал бы ее непригодной для принятия сражения. Но ведь сражения-то как раз и хотели избежать, а это надежнее всего обеспечивалось отходом по возможно большему количеству дорог и в разных направлениях. Если бы к движению было приступлено уже вечером 30-го и еще ночью было пройдено столько, чтобы оказаться вне сферы досягаемости противника, то отход удался бы так же хорошо, как и отход после Верта и Шпихерна, а при помощи железных дорог Дюкро, Лебрэн, Фальи и Дуэ так же хорошо соединились бы вновь в Париже, как несколько дней перед этим Мак-Магон, Фальи и Дуэ соединились в Шалоне. Даже если бы армия должна была оставаться сосредоточенной, то отступление или, если угодно, продолжение марша в южном направлении сулило лучшие перспективы и большую свободу движения, чем отход к западу. Тем не менее, Мак-Магон не захотел воспользоваться неожиданно предоставленным ему выходом, а продолжал крепко держаться намеченного уже им раньше отхода через Мезьер.

Хотя части были морально подавлены и до крайности истощены предшествующим

напряжением и недостатком продовольствия, все же ночной марш к Седану (см. схему 97 и 99) совершен был в относительно хорошем порядке. Впереди 5-й корпус через Дузи и Базейль достиг Фон-де-Живонн и северного гласиса крепости. Три дивизии 12-го корпуса следовали на полуторачасовом расстоянии и заняли правый берег Живонны от Базейля до Деньи. В хвосте шли две дивизии 1-го корпуса, которые восточнее Дузи прикрывали отход и удлиннили левый фланг 12-го корпуса до Живонна. 7-й корпус (см. схему 96) небольшой своей частью еще утром оставался у Музона, а главными силами вечером перешел Маас у Ремильи и присоединился к походным колоннам остальных корпусов. Когда резервные батареи и последняя дивизия Либера у Ремильи хотели следовать за другими через Маас, мост рухнул. Генерал Дуэ вынужден был остаться с этими частями своего корпуса на левом берегу. Вместо того, чтобы обрадоваться дороге, поступившей в его самостоятельное распоряжение, и воспользоваться ею по крайней мере до Доншери, он у Седана свернул на дорогу, указанную для всей остальной армии. По ней он дошел до Флуэна, куда в течение 31-го подтянулись и остальные части его корпуса. Утром этого дня армия была сосредоточена у Седана. Только генерал Дюкро с двумя дивизиями 1-го корпуса и с кавалерийской дивизией Маргеритта все еще стоял к юго-востоку от Кариньяна у Бланьи и только после полудня двинулся на Живоннскую позицию.

Его не пришлось ожидать для продолжения отхода. Когда авангард утром 31-го двинулся в путь, а за ним вытянулись корпуса, генерал Дюкро прибыл все же еще слишком рано, чтобы замкнуть длинную походную колонну в качестве арьергарда. Маршами 30 августа и вплоть до ночи 31-го войска были столь измучены, так долго были лишены всякого продовольствия, что утром они уже не могли продолжать дальнейший отход. Отдых, хотя бы до полудня, казался настоятельно необходимым и неизбежным.

Собранная на тесном пространстве в непосредственном соприкосновении с Седаном, французская армия могла чувствовать себя обеспеченной. С юга и востока, откуда мог ожидаться враг, ее прикрывали Маас и Живонна; на севере лежала нейтральная Бельгия. С этой стороны нельзя ожидать нападения, а с других сторон его легко отбить. Путь отхода к западу через Мезьер также считался не угрожаемым со стороны противника.

Правда, ведущая туда дорога между Сен-Манж и Вринь-о-Буа вследствие изгиба Мааса у Ижа, с одной стороны, и трудной проходимости оврага восточнее леса Фализет, с другой стороны, превращается как бы в узкую дамбу и узкий мост. Эту теснину должны были пройти 140 000 чел. с лошадьми, орудиями, повозками и обозами, чтобы у Мезьера перейти Маас и получить свободу. Что выход для этой огромной колонны по ту сторону не будет прегражден, за это ручалась склонность обеих немецких армий образовывать массы, ставить корпус за корпусом, смыкаться справа и слева. Они не удлинят своего левого фланга до Мезьера, и, чтобы избыток сил не оказался побуждающей причиной к этому, 6-й корпус оставляется у Атиньи для обеспечения тыловых сообщений. Поэтому относительно Мезьера Мак-Магон мог быть совершенно спокоен, даже если бы в ночь с 30-го на 31-е туда не прибыл генерал Винуа с частью 13-го корпуса.

Точно так же и относительно Мааса между Френуа и Мезьером, т.е. участка между Доншери и Флизом Мак-Магон мало беспокоился. Он не верил, чтобы немцы были способны на столь дальний обход. Но тем самым он слишком недооценивал своего противника. Фланг у Мааса во всяком случае следовало обеспечить. Для этого недостаточно было уничтожить существующие мосты; еще важнее было помешать их восстановлению, помешать наводке новых и использованию тех и других противником. Как только войска могли до некоторой степени придти в себя от тяжелых испытаний предшествующего дня, 7-й корпус должен был бы отойти к Доншери и взять на себя

оборону участка Френуа, Флиз. 13-й корпус (Винуа), прибывший вечером 30-го к Мезьеру, занял бы позицию на участке Бульзикур, Пуа. Проселочные дороги, лежащие к северу от большой дороги, короткими колонными путями и мостами были бы связаны во вторую непрерывную дорогу, оканчивающуюся в Шарлевиле. Тогда два корпуса смогли бы отходить одновременно. Третий занимал бы позицию на Живонне и следовал бы по обеим дорогам. На одной линии с ним следовал бы, после разрушения мостов на Маасе, 7-й корпус от Доншери через мост у Лез-Эвель в направлении к Варнекуру, наконец сзади — 13-й корпус. Отход в южном или юго-западном направлении мог быть выполнен четырьмя колоннами, идущими рядом по имеющимся в достаточном числе дорогам. Если бы время с полудня 31-го августа до раннего утра 1 сентября не было основательно упущено, какая-либо серьезная помеха со стороны противника была бы исключена.

Между тем, никакие колонные пути не прокладываются. 7-й корпус не идет к Доншери, а 13-й остается у Мезьера. Отдается лишь приказ разрушить мосты между Седаном и Мезьером. Этот приказ пунктуально выполняется лишь относительно мостов, лежащих недалеко от Мезьера, т.е. тех мостов, которыми еще сами французы могли воспользоваться. Для разрушения важнейшего моста у Доншери из Седана посылается саперная рота, которая прибывает туда с железнодорожным поездом. Она счастливо высаживается, но машинист, обеспокоенный вероятной близостью врага, тронул поезд раньше, чем были выгружены ящики с порохом и нужный инструмент. Поисковать других средств для разрушения важнейшего моста показалось роте ненужным.

Но и при сохранении моста у Доншери, отход мог быть совершен, если бы только к нему было приступлено своевременно. Однако 31 августа проходит, а соответствующее приказание не отдается.

Мак-Магон мог не представлять себе ясно серьезности своего положения, — так говорит критика. Нет, оно было ему слишком ясно. Оно было ему вполне ясно, когда он еще 23-го двинулся от Реймса, и оно было ему совершенно ясно 23-го, когда он, по настоятельному приказу из Парижа, снова должен был начать уже оставленное им движение, чтобы «помешать взрыву революции». После сражения 30-го он полагал, что смеет покинуть губительный план и приступить к отходу. Если бы полная жертв борьба, геройская храбрость всех частей, но также и крайняя слабость их перед суровой мощью превосходных сил врага были должным образом описаны, то общественное мнение имело бы перед собой реальную картину, оно одобрило бы решение отступить и этим еще несколько отдалило бы взрыв революции. Однако, император Наполеон III не разобрался в том счастливом подарке, которым являлось для него сражение у Бомона. Застывший в своей привычке в течение долгого царствования скрашивать всякую неудачу, всякое несчастье и выставляя самое мрачное в светлых тонах, он не пришел к мысли, что хотя бы раз следовало сказать правду в соответствующей обстановке форме; в телеграмме к императрице он сумел рассказать только «о совершенно незначительном столкновении». Но «незначительное столкновение» не может дать Мак-Магону права уклониться от наиважнейшей задачи, которую вся нация возложила на его плечи. Что он отошел к Седану, — уже одно это могло ему инкриминироваться как измена. Только вынужденно, в результате давления противника, которого нельзя было преодолеть, он мог бы осмелиться продолжать отход. Надо было принимать новое сражение. На этом пути обстоятельства еще не были слишком тревожными. Позади Живонны, как и окажется в дальнейшем, можно было долго и славно защищаться и, наконец, с почетом отойти «из-за недостатка снаряжения и продовольствия». Нужно было только, чтобы участок Мааса между Седаном и Мезьером был обеспечен. Апатия, расслабленность, вера в неизбежное зашли слишком далеко, чтобы можно было принять серьезные и исчерпывающие меры для такого обеспечения. Протяжение своей позиции вдоль Живонны и Мааса (схема 99)

вплоть до Мезьера казалось Мак-Магону также слишком большим. Он хотел держать свои силы сосредоточенными. Позиция, им выбранная, была безусловно пригодна для сопротивления. Фронт образовал Маас с крепостными сооружениями Седана, левый фланг у глубокой долины Живонны от Базейля до участка севернее с. Живонн занимали 12-й и 1-й корпуса, правый фланг и тыл были прикрыты 7-м корпусом у ручья Флуэн, 5-й корпус оставался вблизи крепости в качестве общего резерва. Таким образом, получалось три фронта, очень трудных для атаки. Их слабость состояла в том, что атака на один из них являлась также в большей или меньшей степени атакой во фланг и тыл других фронтов.

Немцы должны были бы 30 августа обойти, окружить и раздавить слабого противника (см. схему 97). Они считали, что лучше всего можно разрешить эту задачу, сосредоточиваясь возможно теснее. В тот момент, когда, действуя широким фронтом, они должны были бы совершенно окружить отступающего врага, они вообразили себе, что должны наносить удар в сердце, делать пролом в железной стене. Мольтке старается возможно скорее восстановить упущенное. 31-го должна быть произведена «атака с охватом обоих флангов». Маасской армии предлагается помешать левому французскому флангу ускользнуть в восточном направлении, а потому двумя корпусами наступать вперед по правому берегу Мааса; 3-й армии приказано направиться против фронта и правого фланга противника.

Во исполнение этого приказа гвардейский корпус Маасской армии переходит Маас у Пуйи, 12-й корпус — у Летана. Первый наступает по дороге через Кариньян и доходит до Пурю-о-Буа и Пурю-Сен-Реми, а второй остается по левую сторону Шиера и занимает Тетэнь, Бревильи, Дузи, Мэри и Амблмон. 4-й корпус остается в Музоне на левом берегу Мааса. От 3-й армии были двинуты 1-й баварский корпус к Ремильи, 11-й корпус через Шемири к Доншери, вюртембергская дивизия через Вендрес к Бутокуру; во второй линии 2-й баварский корпус к Рокуру, 5-й — к Шемери. Мольтке полагал, что переправы на Маасе разрушены и заняты, и предложил поэтому только дойти до реки и взять под огонь артиллерии лагерь и движения войск в низине на противоположном берегу. Однако, когда авангард 11-го корпуса появился перед Доншери, он нашел мост нетронутым, берег незанятым, а с высоты у Френуа 4-я кавалерийская дивизия увидела белый палаточный лагерь севернее Седана.

Итак, французы еще у Седана. Но нужно полагать, что самое позднее завтра утром, прикрываясь арьергардом на Живонне, они отойдут к Мезьеру. Подставлять им себя у этого города кажется ненужным. 3-я армия перейдет через Маас у Доншери и в других пунктах по уцелевшим мостам, помешает противнику двигаться дальше, заставит его развернуться и принять сражение и отбросит его к бельгийской границе. На сегодня 11-й корпус авангардом занимает Доншери, боковым отрядом Френуа и достигает Шевенжа; 5-й корпус доходит до Шеери и Омикура. Вюртембергская дивизия, идя от Вендреса, натывается у Бутокура на кавалерию, у Флиза — на пехоту; последнюю она отбрасывает назад к Мезьеру. Передовые посты выставлены к Шаландри, Флиз занят авангардом, Бутокур — дивизией.

Эти небольшие столкновения сами по себе значения не имели, однако, они показывали, что противник находится у Мезьера и может угрожать левому флангу немцев, во всяком случае притянуть на себя его силы и ослабить 3-ю армию перед решительным сражением. Эта армия могла бы быть сильнее, если бы 6-й корпус и 5-я кавалерийская дивизия не были оставлены у Атиньи. Из этого пункта, — так говорится в труде генерального штаба, — они могли так же хорошо и своевременно предупредить все действия французов против тыла армии, как и преградить дорогу французским войскам у

Мезьера при их попытке отступить к Реймсу и Парижу. Обоих этих задач корпус ни в какой мере не выполнил. Он своевременно не встретился с 13-м французским корпусом, который угрожал тылу 3-й армии, а позднее не преградил французским частям у Мезьера дорогу на Реймс и Париж. Но он без труда выполнил бы обе задачи, если бы сопровождал наступление немцев движением на левом фланге в направлении на Мезьер.

На правом фланге 3-й армии 1-й баварский корпус нашел мост у Ремилы разрушенным, а по ту сторону он увидел французские колонны на марше к Базойлю (см. схему 99). Начинается артиллерийский бой через реку. По мере подхода выдвинутой вперед артиллерии баварская артиллерийская линия удлиняется до Пон-Можи. Французские стрелки, выдвинутые к Маасу и через железнодорожный мост, наносят потери артиллерийской прислуге. Рота егерей 9-го батальона прогоняет французов с левого берега, другая рота егерей 4-го батальона прогоняет рабочих, которые хотели взорвать быки. Обе роты бросаются, несмотря на сильнейший огонь, через мост, выбрасывают порох из ящиков в Маас и захватывают на той стороне железнодорожную насыпь. По прибытии еще одной роты французские стрелки оказываются прогнанными с южной окраины Базейля; деревня занята, и совершается продвижение до северного ее края. Между тем французы прекращают артиллерийское состязание и отходят к северу. Часть их возвращается назад, чтобы вернуть потерянный пункт. В течение двух часов егеря, силы которых были доведены до пяти рот, под командованием майора Рашрейтера выдерживают натиск превосходного противника. Но так как генерал фон-дер-Танн желал избежать изолированных боев и отказал в присылке подкреплений на правый берег Мааса, майор увидел себя вынужденным приступить к планомерному отходу. Между тем, прибыл понтонный парк, и у Элликура был наведен мост. Как этот мост, так и железнодорожный обеспечивались пехотой и артиллерийскими позициями на левом берегу, позади которых были разбиты биваки.

По приказу, отданному 31 августа вечером, 11-й и 5-й корпуса должны были ранним утром 1 сентября продвинуться через Доншери до Вринь-о-Буа, а вюртембергская дивизия должна была у Дом-ле-Мениль перейти Маас по наведенному мосту и занять позицию с тем, чтобы быть в состоянии или повернуться против Мезьера, или служить резервом обоим корпусам (см. схему 98). 2-му баварскому корпусу приказано было одной дивизией занять высоты против Доншери, двумя другими — высоты против Френуа и Ваделинкура, 6-й кавалерийской дивизии — быть наготове у Флиза, 2-й кавалерийской — у Бутокура, 4-й кавалерийской — южнее Френуа. Для Маасской армии оставалась в силе директива, данная еще днем раньше: «Помешать противнику прорваться в восточном направлении». Штаб Маасской армии считал эту директиву уже достаточно выполненной выдвиганием гвардейского корпуса к Пурю-о-Буа и Пурю-С.-Реми, 12-го корпуса к Дузи и расположением 4-го корпуса у Музона, Поэтому на 1 сентября имелась в виду дневка, хотя всем частям на всякий случай было указано быть готовыми к 7 часам.

Штаб 3-й армии, наоборот, разделял господствовавший в главной квартире взгляд, что противник уже ночью предпримет отход к Мезьеру. Поэтому, если бы 3-я армия на следующее утро перешла Маас 2½ корпусами у Доншери и Дом-ле-Мениля, она могла бы на дороге Сен-Манж-Мезьер наткнуться уже на значительные силы, для атаки которых местность отнюдь не была благоприятной. Признавалось поэтому крайне желательным, чтобы та часть противника, которая еще оставалась у Седана, была там задержана и чтобы ей помешали усиливать части, уже начавшие отход. На этом основании 1-му баварскому корпусу было приказано «удержать стоящую против него часть неприятельской армии». Штабу соседней армии было сообщено о всех сделанных распоряжениях с упоминанием, что предполагаемый результат может быть существенно обеспечен атакой Маасской армии. Принц Саксонский признал, что атака противника более отвечала бы задаче

удержания его на месте, чем остановка на дневку, и решил не только удержать врага, который предполагался расположенным за Живонной, но и помешать его уходу и Бельгию; на основании этого было указано произвести атаку с фронта и охват левого фланга.

Из донесения кавалерии было известно, что вечером 31-го Виллер-Сернэ был занят сильным арьергардом (см. схему 99). Поэтому левый фланг противника можно было предполагать, по крайней мере, у селения Живонн, если не еще дальше к северу. Чтобы охватить его и отрезать ему путь по главной дороге в Бельгию, правофланговой колонне следовало указать направление на ля-Шапель и далее на Илли. Согласно этому, 1-й баварский корпус должен был атаковать южную часть от Базейля, а также Живоннскую позицию до Ля-Рамори (1 км. севернее Базейля). 12-й корпус наступал бы от Дузи через Рюбекур одной дивизией против Деньи, другой через Виллер-Сернэ против с. Живонн. Гвардейский корпус от Пурю-о-Буа шел бы прямо, от Пурю-С.-Реми через Франшеваль на Виллер-Сернэ и оттуда по особой дороге, не перекрещиваясь с 12-м корпусом, через Ля-Шапель на Илли. 4-й корпус одной дивизией следовал бы за 1-м баварским, а второй корпус — за гвардейским. Эти распоряжения если и не отбрасывали бы врага, поскольку он находился севернее Седана, то, по крайней мере, удерживали бы противника и отрезывали бы его от Бельгии. Но протяжение по фронту в 11 км для четырех корпусов в эпоху массирования войск являлось слишком большим. Довольствовались менее чем половиною. Фактически четыре корпуса были сосредоточены на фронте в 5 км, а три с половиною корпуса из них — на фронте в 3 км. Но, несмотря на эту тесноту поля сражения, в управлении войсками не было должного единства. Это обнаружилось уже в том, что 1-й баварский корпус еще в 3 часа утра выступил против Базейля, расположенного в непосредственной близости, а части Маасской армии, стоявшие достаточно далеко, лишь в 5 час. двинулись к нижнему течению Живонны.

Генерал фон-дер-Танн надеялся, используя ночь и туман, легко захватить Базейль, который накануне уже был в его руках. Между тем, французы заняли деревню бригадой Вассуаня и подготовили ее для упорной обороны. Большие массивные здания, высокие стены, несколько рукавов Живонны облегчали оборону группы зданий и садов, которая в северо-западном направлении включала виллу Бейерман и простиралась почти до Балана, а на востоке от железнодорожной станции через замок Дориваль и замок Монвиллер почти без перерыва связывалась с Ля-Монсель. Вся энергия атаки была направлена против противника в Базейле, который был относительно безвреден и находился дальше всего от решительного пункта Сен-Манж; последний совершенно не приковывал к себе внимания.

Четыре батальона 2-й баварской бригады перешли железнодорожный мост. Шедший в голове егерский батальон в 4 часа утра, под прикрытием густого тумана, проник в Базейль с юга, но наткнулся на баррикаду, из-за которой против него был открыт огонь, а фланги его поражались огнем из двух этажей стоявших на улице домов. Егеря искали убежища на соседней улице, но нашли ее также прегражденной. Следующие три батальона, позднее еще четыре, присоединились к схватке. Разгорелся уличный бой и бой в домах с присущими им колебаниями, удачами, отходами и потерями. Через продолжительное время от понтонных мостов к баварцам подходят новые подкрепления и постепенно развертываются против Дориваля и Монвиллера до участка против Ля-Монсель. Таким путем в дело втягиваются три бригады, четвертая еще удерживается в резерве позади Базейля. Со стороны противника подтягиваются к Базейлю 2-я бригада дивизии Вассуаня, одна бригада 1-го корпуса и части дивизии Гоца 5-го корпуса; одновременно с этим от 12-го корпуса дивизия Лякретеля, от 1-го корпуса дивизии Лартига и Вольфа в первой линии, полудивизия л'Эррилье и дивизия Пелле во второй линии развертываются на высотах правого берега Живонны, причем выдвинутыми вперед

отрядами они занимают все пункты речной долины от Ля-Монсель до Ляминуара.

Что в данном случае, — как уже было ясно из донесений кавалерии, — дело сводится к атаке фронта позиции длиной около 7 км и что Базейль и Ля-Монсель составляют только правый ее фланг, эта Маасская армия оставляет без внимания. Она упорно держится того предположения, что противник отступает к Мезьеру и оставил у Базейля и Ля-Монсель арьергард. Чтобы достигнуть здесь больших результатов, 12-й корпус и 7-я дивизия через Дузи и Лямекур направляются на Ля-Монсель, а 8-я дивизия через Ремилы — к Базейлю. Тремя дивизиями можно в обоих пунктах раздавить не особенно сильные арьергарды. Гвардейский корпус, который на обеих дорогах в долине Мааса не находит уже для себя места, отодвигается в сторону на Франшеваль и Виллер-Сернэ. Своим правым флангом он все-таки еще не будет находиться против левого фланга противника, не говоря уже о его охвате. Следовательно, здесь трудно рассчитывать на решительный исход.

Когда авангард 24-й дивизии (шесть батальонов, одна батарея) около 6 час. утра появился перед Ля-Монсель, на высотах той стороны уже можно было, несмотря на туман, различать артиллерию и пехоту. Одна саксонская батарея открыла огонь и могла выдерживать состязание против преобладающих сил, пока, по прошествии часа, к ней не примкнули слева две баварские батареи. Два батальона захватывают Ля-Монсель, не встречая особого сопротивления. Неприятель отступает назад на высоты и отчасти находит защиту в двух находящихся на склоне домах. Две саксонские роты бросаются вперед, овладевают домами и решают удержать их за собою. Десять рот занимают Ля-Монсель и входят в связь с баварскими частями, которые распространились до самых южных домов деревни. Прежде чем смогли подойти дальнейшие подкрепления, было получено донесение, что противник двинулся вперед со стороны Деньи. Генерал Дюкро (4-й корпус) считает мост у Деньи единственным среди живоннских мостов, пригодным для движения артиллерии; поэтому он считает необходимым прикрыть его позицией на восточном берегу и приказывает дивизии Лартига овладеть лесом Шевалье.

105-й полк, принадлежащий саксонскому авангарду, выдвигается ей навстречу. Главные силы 24-й дивизии еще не подошли, но дивизионную и корпусную артиллерию подтягивают с возможной быстротой. Около 8½ часов на пространстве к югу от дороги Ламекур — Ля-Монсель до пути Рюбекур — Деньи ведут огонь десять батарей.

На французской стороне высшее командование сменилось уже два раза. На высотах восточнее Ля-Монсель Мак-Магон был ранен осколком гранаты и сдал командование генералу Дюкро. Последний ошибочно ожидал, что Маасская армия станет охватывать Живоннскую позицию с севера и сделает ее невозможной для обороны; точно так же он питал ошибочные надежды, что для обеспечения Маасского участка Седан — Мезьер приняты достаточные меры, почему и решил отойти на позицию на возвышенное плато Илли; позиция эта вправо примыкала к Седану, влево — к недоступному Арденскому лесу. Армия, под защитой этой крайне сильной позиции, должна была приступить к отходу на Мезьер. План был бы превосходен, если бы колонны 3-й немецкой армии не успели еще перейти Маас у Дошнери.

Это обстоятельство становится известным генералу Вимпфену, который в качестве спасителя в трудную минуту только 30 августа прибывает из Африки через Париж и привозит с собою в кармане два приказа военного министерства. Один назначает его командиром 5-го корпуса на место Фальи, другой назначает его главнокомандующим, если с Мак-Магоном что-либо произойдет. В силу первого Вимпфен уже принял командование 5-м корпусом, 2-й он сначала сохранил при себе, даже когда узнал, что

Мак-Магон ранен и его место вверено Дюкро. Но когда он видит, что последний, исходя из ошибочных предположений, готов повести армию к гибели, он, пользуясь предоставленным ему правом, заявляет притязание на высшее командование, которое ему охотно уступает, и решает не отходить на Мезьер, а идти вперед к Кариньяну; это означает, что гибели, избегнутой в первом направлении, он будет искать на втором. Дивизии, уже двинутые согласно приказу Дюкро, получают контрприказ. Только что измененное положение восстанавливается вновь. Должен быть осуществлен могучий прорыв. Дивизия Вассуаня должна нанести сильный удар через Базейль, дивизия Лякретеля — через Ля-Монсель. Сильнейший артиллерийский огонь с высот восточнее Балана открывает собой около 9 час. решительную борьбу. Пехота выдвигается вперед к Живонне, отбрасывает назад 10 саксонских рот и поражает беглым огнем саксонскую корпусную артиллерию, которая подошла к обрыву на расстояние 300 шагов. Она вынуждена отойти и занять более отдаленную позицию, если не желает быть уничтоженной огнем укрытых стрелков. Но когда последние выступают для атаки на открытое место, их встречает с действительного расстояния пехотный и артиллерийский огонь, и они вынуждены быстро отойти. На улицах Базейля, в его садах и домах наступательные действия имеют еще меньше шансов на успех: несколько затихший бой на улицах разгорается с новой силой — и только. Попытка прорыва не удается. Чтобы быть обеспеченным от повторения только что устраненной опасности, приказано ускорить движение частей, еще оставшихся позади. 23-я дивизия не следует за 24-й через Лямекур, но остается на большой дороге к Базейлю, вступает частью в бой вместе с бригадой баварцев у Монвиллера, а частью остается в резерве у Ле-Рюля. Взамен ее 4-я баварская бригада двигается к Ля-Монсель, 1-й баварский и 12-й корпуса сосредоточены у нижней Живонны, 4-й корпус 7-й дивизией двигается вправо, а 8-й дивизией влево к Маасу и достигает: первой — около 10 час. Лямекура, а второй — железнодорожной станции у Базейля.

105-й полк для отражения дивизии Лартига продвинулся от западной опушки леса Шевалье до дороги Рюбекур — Деньи и здесь занял позицию одним батальоном в небольшом перелеске, а двумя другими вправо и влево от него, чтобы обождать подхода наступавшего противника, двигавшегося узким фронтом. Было отбито несколько атак, которые всякий раз возобновлялись свежими силами. Некоторое время правый фланг получал поддержку со стороны своей артиллерии. Но когда последняя была вынуждена неприятельскими стрелками отодвинуться к югу, то три батальона вновь оказались предоставленными самим себе и попали в крайне тяжелое положение, так как патроны были на исходе. Напряженность положения была очень велика, когда на помощь подошел батальон егерей. Но так как против значительно превосходящих сил противника он должен был умножать свои средства сопротивления, то и у него вскоре сказался недостаток в патронах. И только когда подошел еще один егерский батальон и, наконец, пехотный полк 24-й дивизии, удалось при поддержке артиллерии отхватить более сильного, но расчлененного в глубину врага, который, будучи стеснен с обеих сторон, лишь с трудом мог добраться до Деньи, моста и высот по ту сторону реки и вынужден был оставить в руках саксонцев шесть орудий. Дальнейшая борьба свелась здесь к продолжительному огневому состязанию, в котором французы, благодаря господству правого берега реки и лучшему укрытию, оказались в выигрыше.

Между тем гвардейский корпус частью от Пурю-о-Буа, частью от Пурю-С.-Реми прибыл к Виллер-Сернэ. Для поддержки саксонцев 2-я гвардейская дивизия была продвинута до северной опушки леса Шевалье, а 4-я гвардейская бригада была выслана еще дальше вперед в направлении на Деньи. 1-й гвардейской дивизии было указано занять с. Живонн и Эб, и она выдвинулась в лес, что восточнее с. Живонн. Правый фланг прикрывала гвардейская кавалерийская дивизия, располагаясь севернее леса; гвардейский

гусарский полк прикрывал его со стороны Ля-Шанель. В этом положении корпуса левый неприятельский фланг простирался далеко за его фронт. Об охвате этого фланга со стороны немцев не могло быть и речи. Напротив, было весьма возможным, что французы, подтянув свои резервы, испробуют через лес Ле-Пти-Терм и через Ля-Шапель охватить правый фланг немцев. Из двух противников в этом случае немцы находились в более угрожаемом положении, чем французы. Вдоль остального течения реки немцы были вовлечены в упорный бой. Не легко придумать, каким образом можно было бы осуществить решение, более благоприятное для немцев. Но в это время инициатива младших начальников дает делу неожиданный оборот.

В двух отдельных домах у дороги к Балану западнее Ля-Монсель в течение трех часов, во время всех перипетий наступления и отхода французов, упорно держались две саксонские роты. Чтобы выручить их из тяжелого положения, от Ля-Монсель и с юга двигаются сначала баварские, а потом и саксонские роты. Гарнизон обоих домов выручен. Другие части, дравшиеся в долине, следуют за этим движением. Со стороны парка Монвиллер также ведется наступление на высоты. Все устремляются вперед до ложбины, которая тянется от Вазейля к Деньи через высоту 635. Французы не без сильного сопротивления очищают позицию, оставляя в руках немцев три орудия и несколько пленных.

Овладение гребнем высот южнее дороги Ля-Монсель — Балан должно было беспокоить защитников Базейля, которые в этом увидели угрозу их отходу. Стесненные, кроме того, с юга и востока 1-м баварским корпусом, а с запада — присланной на помощь с левого берега 5-й бригадой 2-го баварского корпуса, французы начинают отход к Балану. После семичасового горячего боя баварцы видят себя полными хозяевами Базейля, пылающего в огне.

Следовало ожидать общего наступления немцев. Но и длившемся часами уличном бою войска были слишком перемешаны. Весь 1-й баварский корпус был отведен назад, чтобы заново привести его в порядок. Только отдельные роты, за которыми следовала 5-я бригада, теснили противника к Балану и к высотам, лежащим севернее этого селения. В остальном победители довольствовались занятой позицией (схема 101), к левому флангу которой подошла 6-я бригада, располагаясь вблизи залитой водой луговой низины.

Штаб Маасской армии с раннего утра с высоты южнее Мэри наблюдал за ходом боя в долине Мааса. Штаб все еще придерживался взгляда, что у Базейля и Ля-Монсель бой ведется только с арьергардом противника, а его главные силы направлены против 3-й армии. Было необходимо как можно скорее помочь ей. Поэтому уже несколько часов назад было приказано, чтобы по овладении Живоннским участком гвардейский корпус двигался на Фленье, а 12-й через Илли к вызвышенному выступу восточнее Сен-Манжа на соединение с 3-й армией. 1-му баварскому корпусу было предложено прикрыть со стороны Седана отход Маасской армии вправо. Генерал фон-дер-Танн заявил, что при настоящем состоянии его корпуса он не может выполнить такой директивы, но просил 8-ю дивизию взять на себя эту задачу. Дивизия эта, которая подошла уже близко, а некоторыми ротами уже приняла даже участие в предшествующих боях, выказала полную готовность вместе с 3-й баварской дивизией (5-я и 6-я бригады) принять на себя задачу, возложенную на корпус. Этим прикрытие против Седана, казалось, было обеспечено.

Тяжелее обстояло дело с наступлением гвардейского и 12-го корпусов, так как взят был не весь Живоннский участок, а только его южная часть. Выше Деньи, а оттуда к Балану можно было предполагать размещение главной массы противника. На эту массу должны будут натолкнуться 12-й корпус, если он двинется от Ля-Монсель через Илли к

высотам, и гвардейский корпус, если от с. Живонн он двинется к Фленье. Гвардейский корпус решил поэтому сначала прогнать противника, стоящего против него западнее с. Живонн, с его позиции на высотах, чтобы потом двинуться на Фленье; корпус начал готовить атаку своей артиллерией и только гвардейскую кавалерийскую дивизию выслал по долине Живонны вверх вдоль неприятельского фронта ближайшим путем на Фленье. Точно так же и 12-й корпус должен был сначала прогнать противника, стоявшего еще южнее дороги Фон-де-Живонн — Эб, после чего этот корпус мог бы идти на Илли. При атаке этого корпуса с юга, гвардейского с востока, 3-й армии с севера и запада противник был бы сдавлен со всех сторон без шансов на спасение. Но 12-й корпус хочет достигнуть Илли маршем вдоль Живонны и свои части, находившиеся к западу от Ля-Монсель, оттягивает назад. 8-я дивизия занимает их место. Десять прусских и баварских батарей развертываются дугою по обеим сторонам дороги Ля-Монсель — Балан и на высоте 635. Правый фланг прусской пехоты простирается до района против Птит-Монсель. За левым флангом южнее Балана стоит 6-я баварская бригада; 5-я бригада проникла в деревню и вынуждена была выдерживать там тяжелую борьбу из-за парка, принадлежавшего замку, прежде чем ее стрелки смогли продвинуться до Седанского гласиса. Правее на высотах южнее Фон-де-Живонн расположились отдельные роты. Под их огнем и огнем немецкой артиллерии французские батареи, пытавшиеся прикрыть отход, вскоре скрываются за высотой 656.

В то время как в углу между Баланом и Фон-де-Живонн французский 12-й корпус находился в отступлении, правый фланг 1-го корпуса у дороги, ведущей от Базейля через высоту 635 к северу, вел еще упорный бой с семью батальонами 24-й дивизии, которые после горячей схватки захватили Деньи. Расположенные в одну линию и разделенные лишь высотой 705, стояли друг против друга и вели бой немцы фронтом на запад, французы фронтом на восток. Это крайне простое положение должно было, однако, нарушиться, когда 23-я дивизия около часу дня 45-й бригадой (9 батальонов, 4 батарей) двинулась по западной дороге, а 46-й бригадой (6 батальонов) сначала в затылок 45-й, а потом по восточной дороге, идущей по долине от Монвиллера через Ля-Монсель. Передовая рота 45-й бригады у Деньи, западнее лежащего впереди леса, неожиданно наткнулась на врага. Шесть рот приняла влево, и под их прикрытием движение продолжалось. Ружейный огонь, становящийся все сильнее, побуждает командира дивизии генерала Монтбе задержать голову левой колонны у Эба, послать на высоты влево еще шесть рот, а остальные шесть батальонов и четыре батареи развернуть у восточного края долины. Семь батальонов 24-й дивизии должны были удерживать Деньи; в общей сложности тринадцать батальонов и четыре батареи были обречены на стояние на месте и пребывание в резерве и только три батальона предназначались для наступления. По счастью, к ним примыкают два гренадерских батальона полка императора Франца {56}. Они следуют за противником, выбитым из лесу, и ротами и полубатальонами поднимаются на западные высоты. Когда они достигли возвышенного края долины, им навстречу двинулись сомкнутые батальоны и батареи.

Генерал Вимпфен около часу дня решил произвести новую попытку прорыва. Он считает осуществимым отеснение к Маасу баварцев, по его мнению уже сильно истощенных, и этим открыть себе путь к Кариньяну. Отозванная назад, во всяком случае уже потрепанная дивизия Вассуаня, подкрепленная несколькими пехотными полками и батальонами зуавов, получает приказание двигаться через Базейль. Для соседней атаки в направлении на Деньи назначается дивизия Гоца и позади её, уступом слева, дивизия Граншана. Императору Наполеону III предлагают принять участие в попытке, чтобы во главе верных войск первым вырваться на свободу. В то время как Вимпфен в районе древнего лагеря {57} ждет появления высокой особы, Гоз переходит в наступление на Деньи и вблизи от своей цели натывается на пять прусско-саксонских батальонов,

которые поднимались на край долины между Деньи и Эбом, чтобы обеспечить левый фланг Монтбе. Учащая шаг, с ружьями на перевес, прижатыми к бедрам, все время стреляя, глубокие колонны устремляются вперед. Гранаты немецкой артиллерии, открывшей частый огонь, разрывают людские массы на отдельные группы или поражают их. Только отдельные кучки людей еще способны двигаться и стреляя идут дальше, но, встречаемые спокойным огнем лежащих стрелков, приходят в полное расстройство; лишь отдельные смельчаки достигают линии немецких войск, где они или гибнут, или попадают в плен. Две роты 101-го полка, батальон стрелкового полка и оба батальона полка императора Франца преследуют остатки противника в направлении на Фон-де-Живонн. Когда высоты по обеим сторонам дороги Фон-де-Живонн — Эб попадают прочно во власть саксонцев, сюда через Ля-Монсель подтягивается корпусная артиллерия, а неиспользованные еще части 45-й бригады и дивизионная артиллерия подтягиваются через Живонн; сюда же посылаются 46-я бригада; 24-я дивизия сосредоточивается к востоку от Деньи в качестве резерва.

После трех часов пополудни Маасской армии и трем баварским дивизиям удалось стать прочной ногой на гребне высот, тянувшихся по правому берегу Живонны между Базейлем и Эбом. Баварская дивизия через Балан была продвинута к Седану. Первая гвардейская дивизия справа овладела с. Живонн, а десять батарей развернулись на высотах восточнее деревни. Штаб армии хотел пока довольствоваться этими результатами, предоставляя дальнейшее 3-й армии, которая уже принесла существенное дополнение к достигнутым успехам.

Эта армия еще ночью, ниже моста у Доншери, навела два временных моста и для обеспечения этих трех переправ выдвинула отряды за Маас (см. схему 100). Рано утром после перехода через Маас, в ожидании сражения с противником, который, как предполагали, отступал от Сен-Манжа на Мезьер, 11-й корпус двинулся вперед тремя колоннами через Монтимон, Брианкур и Маранкур, на Вринь-о-Буа, а 5-й корпус — на Вивье-о-Кур (см. схему 99). Вюртембергская дивизия навела у Дом-ле-Мениля мост и сопровождала оба корпуса в качестве уступа слева. После того, как во время продвижения не было обнаружено даже ни одного французского разезда, командование армии приказало свернуть вправо на Сен-Манж. Выполнение приказа, казалось, должно было вызвать сомнения, так как нельзя было упускать из виду, что теснину у оврага Фализетт можно было застать герметически закупоренной, а, кроме того, нужно было ждать, что Винуа двинется от Мезьера в тыл свернувшей вправо колонне. Но генерал удовольствовался самыми незначительными действиями против маасских переправ, которые без труда могли быть отбиты вюртембергской дивизией, а теснина у Фализетт оказалась совершенно незанятой. Только у Сен-Манжа голова колонны натолкнулась на неприятеля. Деревня атакуется и занимает, затем одна рота высылаются на лежащую южнее высоту 812, две роты на Флуэн. Последним удается овладеть северной частью деревни, несмотря на превосходство сил противника, который удержал за собою южную часть деревни и расположенную за ней высоту; первая захватывает лесок, окруженный стеною. Эта рота, позднее подкреплённая еще несколькими, образует прикрытие для четырнадцати батарей 11-го корпуса, которые выехали вперед, обгоняя колонну, и постепенно, очень тесно располагаясь одна около другой, развертываются на высоте между Сен-Манжем и Флуэном. Они вступают в борьбу с французской артиллерией, которая была расположена гораздо более выгодно на южном хребте между Кальверд'Илли и Флуэном.

Между тем, пехота 21-й дивизии из-за левого фланга артиллерии продвинулась к Фленье и Олли в долине верхней Живонны. Под ее прикрытием двенадцать батарей 5-го корпуса располагаются на высоте между Фленье и Илли. Для завершения развертывания

43-я бригада от Сент-Альбера сворачивает к Флуэну: 10-я дивизия занимает позицию между Сен-Манжем и Фленье, 9-я на Шан-де-ля-Гранж. Противник с северной стороны оказывается запертым. Не только обоз, но даже каваллерия и артиллерия, которые в последний момент пытались уйти через Олли или Фленье, были отброшены назад или взяты в плен. Теперь задача сводится к тому, чтобы оттеснить врага к Седану и погнать его навстречу Маасской армии.

Генерал Вимпфен сначала принял бой у Сен-Манжа за демонстрацию, которая должна помешать поддержке войск на нижней Живонне. Но возрастающий огонь артиллерии на северо-западе побудил его лично убедиться и состоянии дел у 7-го корпуса.

Ввиду того, что командир корпуса генерал Дуэ ходатайствовал о подкреплении гарнизонов Кальвер-д'Илли и леса Гарен, генерал Вимпфен приказал подтянуть обе находившиеся в резерве дивизии 1-го корпуса, л'Эриллье и Пелле, и тотчас же поспешил назад к 12-му корпусу. Он застал его в полном отступлении и теперь послал уже генералу Дуэ приказание о присылке для подкрепления всех частей, без которых тот мог как-либо обойтись. Дуэ сначала отослал отданную в его распоряжение бригаду Моссиона 5-го корпуса в направлении к Базейлю, а затем, на повторное требование, выслал туда еще дивизию своего корпуса. Пока части 1-го корпуса, которые должны были поддержать 7-й корпус, и части 7-го, которые должны были поддержать 12-й корпус, были еще заняты движением в лесу Гарен — одни к северу, другие к югу, — на высотах южнее Сен-Манжа и Фленье 26 батарей открыли сильнейший огонь против неприятельской позиции, а особенно против Кальвер-д'Илли. Они нашли весьма действительную поддержку со стороны гвардейских батарей, расположенных восточнее Живонны. Под перекрестным огнем обеих артиллерийских групп очень много французских орудий было разбито или приведено к молчанию вследствие потерь в артиллерийской прислуге, много зарядных ящиков взлетело на воздух, а сбитые в кучу части вынуждены к отходу в лес Гарен. Но отдельные батареи и орудия еще держались и вместе с оставшейся пехотой делали пока штурм невозможным. Только семь рот 82-го и 83-го полков проникли до Илли и овладели его южной окраиной (см. схему 101). Под их огнем и огнем обеих артиллерийских групп все более и более гибнут защитники выдвинутого вперед оплота. Гвардейская кавалерийская дивизия, которая при ее движении вверх по Живонне достигла Ля-Фулери, развертывает два взвода гвардейских улан, поддержанных одним эскадроном, против высоты. Они врубаются в батареи, берут одно орудие, но под давлением беглого огня из леса Гарен должны повернуть назад. Все же это смелое дело ускоряет отход защитников, и вскоре одна рота из Илли почти без потерь достигает Кальвера, закрепляется там и открывает огонь по хорошо защищенной северной опушке леса.

Генерал Дуэ поспешно собирает несколько батальонов и несколько раз бросается на потерянную высоту. Сколько бы раз он ее ни захватывал, каждый раз под давлением артиллерийского огня от Илли и ружейного огня с фронта, флангов и тыла он должен ее покинуть. 82-й, 87-й и 80-й полки закрепляются, наконец, в Кальвер-д'Илли и на участке через высоту 920 до Живонна у Ля-Фулери. Против них неприятель удерживает опушку деса.

Еще больших усилий, чем Кальвер-д'Илли, потребовал от атакующего другой фланговый пункт северного французского фронта. Две роты, проникшие в северную часть Флуэна (см. схему 100), держались там два часа без всякой поддержки. Но постепенно, несмотря на сильный ружейный огонь, им посылались на подмогу рота за ротой с главной тыловой позиции. Когда накопилось достаточно сил, была предпринята охватывающая атака и на южную часть деревни; в кровопролитной схватке противник был отброшен, а затем был занят ближайший склон прилегающей высоты впереди юго-восточного края

деревни. Между тем, роты 83-го, 87-го и 46-го полков, ослабленные упорным боем, считали, что они уже не в силах захватить еще крутую высоту, лежащую к юго-востоку, а дивизия Либера тоже считала себя мало способной вырвать назад у победителя долго оспариваемую деревню. На позиции, казавшейся неприступной, она готова была встретить наступление противника.

Чтобы сделать его возможным, 43-я бригада от Сен-Альбера свернула к Флуэну, обошла селение с запада и развернулась против фронта Голье, Ля-Маладри (см. схему 101). Свое движение вперед она вела правым флангом вплотную к Маасу в направлении на южную оконечность Казаля, левым флангом прямо по склону вверх. Как только бригада приступила к движению, гарнизон Флуэна также начал наступление с линии Ля-Маладри, кладбище. Карабкаться по крутому откосу от уступа к уступу, от кустарника к кустарнику под огнем при контратаках противника до чрезвычайности трудно. Не раз атакующие отбрасывались назад к Флуэну. Обер-лейтенанту Барделебену удалось снять с высоты 812 восемь орудий и провести их вокруг Флуэна близко к откосу. Артиллерийский огонь с севера и запада производит сильное опустошение среди защитников узкой возвышенной площадки. Обход со стороны Голье помогает сокрушить их упорство. Таким путем немцам удается захватить высоту. Но едва только цепи стрелков успевают взобраться по крутым склонам и достигают края верхней площадки, как навстречу им двигается кавалерия. Дивизия Маргеритта двинулась сюда от леса Гарен, чтобы дать событиям дня новый поворот. Уже на пути своего движения к Флуэну кавалерийские массы были приведены в беспорядок фланговым огнем прусских батарей и многими местными препятствиями. И все-таки атака ведется с подъемом и самозабвением. В некоторых местах первым ударом удается прорвать тонкие стрелковые цепи. Кавалерия врывается в расположение одной батареи. Некоторые кавалерийские группы преследуют до Флуэна, даже до Сен-Альбера и вызывают переполох в тылу и в обозах. Часто дело доходит до рукопашных схваток. Чтобы отразить бешеный натиск французских всадников, немцам приходится прибегать к штыку, холодному оружию, баннику. Но спокойный огонь стойких стрелков в конце концов надламывает силу тяжелого натиска. Повторные атаки встречают уже более устойчивое сопротивление, так как к краю площадки подходит все большее количество пехоты, которая располагается в оставленных окопах и в других укрытиях.

Вслед за отходящим противником двигается 43-я бригада, проникающая до восточной окраины Казаля. Здесь в 300 шагах от гласиса крепости она прекращает преследование. В качестве резерва к ней посылается 17-я бригада. Прежний гарнизон Флуэна двигается в восточном направлении вдоль дороги на ферму Керимон и натывается при этом на левый фланг тех частей дивизии Либера, которые до конца старались удержать за собой центр французской позиции. Генерал фон-Кирхбах от Фленье посылает против них вниз по ручью того же названия 19-ю бригаду (4 батальона). К ней примыкают несколько рот 11-го корпуса, служивших раньше прикрытием для артиллерии, занимавших различные пункты и т.п. Роты переходят долину ручья Илли со значительными потерями и поднимаются на северный склон хребта между Кальвер-д'Илли и Флуэном, затем отбрасывают выдвинутые сюда части противника и, наконец, штурмуют южный склон, пользуясь поддержкой подошедших от Флуэна рот и некоторых прибывших с ними батарей. Неприятель прогнан в лес Гарен. Начиная от Мааса, у восточной окраины Казаля и по западной опушке леса до участка против Кальвер-д'Илли, а оттуда до Фулери немцы теперь плотно охватывают противника с запада и севера.

В лесу Гарен, который на поле сражения между Маасом, Живонной и Сен-Манж-Фленье выделяется своим командующим положением над всеми другими точками, встречаются в поисках укрытия большая часть 1-го и 7-го корпусов и посланные им с юга

подкрепления из пехоты, кавалерии и артиллерии, сильно между собой перемешанные. Против этих масс с севера, северо-запада и востока направляет свой огонь артиллерия. Особенно выделяется гвардейская артиллерия, которая придвинулась ближе к Живонне и систематически по-батареино или по-орудийно обстреливает части леса к востоку от дороги Седан — Илли. Когда орудия, казалось, достаточно поработали, авангард и 1-я гвардейская бригада двинулись с северо-востока на Керимон, а 45-я бригада — в юго-восточную часть леса. Совершенно расстроенные французские части не без сопротивления отходят к Седану. Попугно к западу от дороги их атакуют роты 11-го и 5-го корпусов, а восточнее дороги — один батальон стрелкового полка и два гренадерских батальона полка императора Франца, которые продвинулись до каменоломен севернее Фон-де-Живонн.

Так как император Наполеон III отказался участвовать в «бесполезном предприятии», Вимифен должен был по собственному почину предпринять попытку прорыва к Вазейлю. Ему удалось, используя превосходство в силах и применяя охватывающее наступление, постепенно оттеснить через Балан слабую 5-ю баварскую бригаду, а также и подкрепления, присланные 6-й бригадой. Но наступление в конце концов разбивается о сопротивление частей, приведенных сюда через Базейль и Ля-Монсель, и прусско-баварских батарей, расположенных на вершине высоты 635. Повторные приказания императора вступить с противником в переговоры ускоряют приказ об отходе. Это был крайний момент, чтобы положить конец борьбе, ибо оставшиеся на левом берегу Мааса батареи 2-го баварского корпуса и вюртембергской дивизии открыли огонь уже по самому Седану, а кронпринц Саксонский уже отдал приказ 12-му и гвардейскому корпусам приблизиться своими батареями к крепости на дальность наиболее действительного огня.

Переговоры, начатые поздно вечером, только к 11 час. следующего дня привели к сдаче 118 000 чел., в том числе 14 000 раненых, и 549 орудий.

[Назад](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наконец-то разыграно сражение при Каннах, достигнуто полное окружение противника! Ни один из великих полководцев последних столетий не знал, как протекало сражение на р. Ауфиде, но то, что было в нем достигнуто, каждому в большей или меньшей степени рисовалось, как цель, достойная того, чтобы к ней стремиться. Король Фридрих, как только в начале Семилетней войны в его распоряжении оказались до известной степени достаточные силы, окружил саксонцев у Пирны, австрийцев при Праге. Но этим его средства были сильно истощены. С тем, что у него оставалось, он уже не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать со всех сторон вторую, прибывшую на смену австрийскую армию, и при Колине ограничился тем, что сковывал противника с фронта, направив сокрушительный удар против его правого фланга. Двинутый для атаки этого фланга прусский левый фланг наталкивается на удлинённый тем временем австрийский фронт. Однако, слабая прусская армия оказывается бессильной произвести лобовую атаку против мощной позиции, она сама попадает в положение армии, охваченной с обеих сторон, и терпит полное поражение. Лучше теперь ориентированный Фридрих под Лейтеном оставляет фронт совершенно незанятым, своими 35 000 обходит 65 000 чел. принца Карла Лотарингского и обращается против его левого фланга. Австрийцы быстро развертывают в угрожаемую сторону глубокую массу с узким фронтом и на этом новом фронте попадают в положение охватываемых справа и слева. Они терпят поражение и вынуждены, переменяв фронт, отступить в сторону фланга с большими потерями. Под Цорндорфом обход ведется в таких размерах, что прусская армия в конце концов оказывается в тылу русской, причем последняя делает быстрый поворот кругом. Охватывающими атаками сначала против правого, а потом против левого фланга русские, наконец, оттесняются к Одере. Они почти окружены; еще один удар, и они будут уничтожены. Но нанести этот последний удар при огромном упорстве русских истощенные пруссаки, даже будучи победителями, едва ли уже были в силах. Они совсем выдохлись и становятся неспособными к продолжению войны. Русским открывается дверь, через которую они могут ускользнуть. Они не уничтожены, но для этой кампании они устранены со сцены. Когда на следующий год они снова появляются, Фридрих под Кунерсдорфом решает атаковать их с четырех сторон и, не считаясь с их превосходством в силах, окончательно их разгромить. Однако, атака разбивается об исключительно сильную неприятельскую позицию и превращается в полный разгром атакующих. Эти несчастные Канны дают все же некоторый результат: русские продолжают захватывать прусские земли, но они ни в коем случае не согласны на новое сражение с Фридрихом. При одном лишь известии «король идет» они стараются исчезнуть.

Фридрих вынужден теперь отказаться от атаки с четырех сторон и при Торгау пробует осуществить атаку с тыла и фронта. Штурм и здесь и там терпит неудачу. Но огонь спереди и с тыла оказывается невыносимым: австрийцы ночью уходят в сторону свободного фланга. Вскоре после того, как с Россией был заключен мир, а из мира родился союз, Фридрих у Буркерсдорфа переходит к нормальной атаке против фронта, обоих флангов и тыла. Но австрийцам удается во-время избежать окружения, так как русские, на долю которых выпадает атака фронта или его удержание, считают нужным ограничиться одной демонстрацией.

Наполеон I разыгрывает свои сражения на уничтожение тоже посредством обходов противника, но они не осуществляются, как у Фридриха, по соседству с полем сражения, при наличии у обходящего более слабых сил. Обходы Наполеона после продолжающихся несколько дней и недель далеких движений приводят его в тыл противника и притом с

превосходством в силах. И тогда он атакует неприятеля, охватывая оба его фланга, или, еще лучше, он позволяет сначала атаковать себя более слабым врагом, чтобы, истощив его, перейти к уничтожающему контрудару. Решительная гасдрубаловская атака в тыл противника, так же как под Цорндорфом и при Торгау, с самого начала становится главной задачей; неприятель атакуется с тыла и с обоих флангов, но фронт, обращенный к Франции, остается и для австрийцев, и для пруссаков свободным: они могут двигаться туда, преследуемые превосходными силами противника. Под Маренго и Ульмом это приводит сейчас же к разгрому, но при Йене разгром достигается лишь после томительного преследования. Сражение, которое началось атакой селения «Четырнадцать святых» {58} только у Пренцлау и Раткау приводит к трагическому концу. Точно так же только Березина накладывает на Московский поход печать ужаснейших Канн, а прорыв у Ганау является заключительным актом гигантской борьбы 1813 г.

В Прейсиш-Эйлауской кампании обход ведется не против тыла, не против фланга противника, которому путем небольшого загиба фронта удастся уклониться от губительного удара. Наполеон стоит прямо против более слабого врага. Массированная атака против фронта, слабый удар во фланг, сильные, сохраненные в тылу резервы должны дать разрешение простой задачи. Эта задача решается противником в обратном смысле: слабый, фланговый удар Наполеона он со своей стороны фланкирует. Фридриху II в некоторых случаях не удавалось разгромить противника, так как его силы были слишком слабы, и тем не менее он дерзал достигать высших результатов. Наполеон сорвался у Прейсиш-Эйлау, так как он слишком много сил потратил на бесплодную фронтальную атаку, слишком много сохранил на всякий случай в резерве и слишком мало дерзнул применить для решительного флангового удара.

Во всяком охвате и обходе заложен риск. Это должны были познать также и враги Фридриха и Наполеона. Они тоже иногда хотели создать разгром, обойти противника превосходными силами и напасть на его тыл или фланг. Этот план не удался при Росбахе, Лигнице и Аустерлице, так как обходимый переходил, со своей стороны, в атаку превосходными силами, обрушиваясь на голову обходящих колонн.

Еще раз Наполеону почти удалось дать сражение на уничтожение. Противник у Фридрихсфельда сам себя ставит в положение, необычайно удобное для того, чтобы быть разбитым наголову. Он располагается тылом к Алле, имея перед собой неприятеля с двойным превосходством в силах, и, кроме того, сжигает мосты, которые одни только и могли, казалось, сохранить для него выход. И все же разгром в полной мере не удается, так как Наполеон ограничивается атакой фронта и одного из флангов, а другой фланг оставляет свободным, чтобы на всякий случай сберечь возможно более сильные резервы. Эти сильные резервы в дальнейшем не решают его сражений, но несомненно наносят ущерб его победам.

Основная форма Канн выражается в наступлении широкого боевого порядка против более узкого, но, большей частью, и более глубокого боевого порядка. Нависающие крылья охватывают фланги, двинутая вперед кавалерия заходит в тыл. Если фланговые части по какой-либо причине оторваны от центра, нет надобности притягивать их к нему и только после этого совместно осуществлять наступление с охватом: они могут сами по себе ближайшими дорогами двигаться против флангов или тыла. Это то, что Мольтке называет «сосредоточением на поле сражения отдельных разъединенных ранее частей» и что он считает высшим достижением стратегии. Оно является наиболее действительным, но, как утверждают, и наиболее дерзновенным актом. Большинство полководцев и почти все младшие начальники боятся опасности быть разбитыми по частям до соединения и изо всех сил стараются осуществить соединение разрозненных

частей, но не на самом поле сражения, а как можно раньше до сражения. Этим они выпускают из рук решительный результат и отдают предпочтение более скромному, если даже не нулевому. Первое, для вразумления человечества, пришлось узнать Наполеону у Регенсбурга, второе у Грос-Гершена; и то, и другое пришлось бы изведать Мольтке, если бы он последовал советам своих современников и последующей критики и у Кениггреца сосредоточил все три армии, как это подобало сначала на одной основной линии. Опасность, что одна часть войск будет разбита в отдельности или, по крайней мере, оттеснена, конечно, существует. Это показывают самые Канны: это же показывают осенью 1813 г. Блюхер у Левенберга и Шварненберг у Дрездена: наконец, это показала бы, может быть, и 1-я прусская армия под Кениггрецом, если бы Бенедек ранним утром 3 июля двинулся вперед, чтобы всеми своими силами обрушиться на принца Фридриха Карла. Но результаты сводились и должны были во всех этих случаях сводиться к тому, что победитель очень скоро оказывается вынужденным покинуть побежденного, чтобы повернуть против одного из врагов, которые угрожают его флангам, а в этом случае отступающий противник вновь перейдет в наступление, и в результате кажущаяся победа явится существенным этапом, если не предпосылкой, полного окружения и разгрома. Все этому поучают нас осенняя кампания 1813 г. и войны 1815 и 1866 гг. Чтобы одного изолированного врага разбить сосредоточенными силами, остальные должны быть, как у Праги в 1757 г., настолько далеко, что от них нельзя ожидать помехи предприятию. А раз они подошли ближе, сосредоточенная масса должна разделиться на части для отражения ударов. Часть борется против части. Находящийся в центре более слабый противник нигде не будет иметь превосходства в силах и погибнет, если удастся расположенные на периферии части сильнейшего противника — под Лейпцигом, Ватерлоо или Кениггрецом — соединить на поле сражения. Так же и Фридрих под Бунцельвицом, как более слабая сторона, был бы разбит, если бы русские и австрийцы, наученные предыдущими испытаниями, не отказались от наступления, которое всегда бывает тяжелым.

Для всякого вида Канн, само собою разумеется, желательно иметь превосходство в силах. Мольтке в 1870 г. должен был его обеспечить в первую голову. Была угроза, что против Германии сформируется большая сокрушительная коалиция. Мольтке крепко держался положения, которое он отстоял уже в 1860 г.: никаких наблюдательных корпусов, никаких армий там, где еще нет врага. Все 16 корпусов предназначаются против Франции. Французская армия сосредоточилась в Лотарингии и Эльзасе, чтобы перейти Рейн выше Карлсруэ и вторгнуться в южную Германию. Для немцев было соблазнительно преградить на реке неприятельское вторжение. Но как Наполеон в 1806 г. быстрыми маршами обошел справа фронт немецких армий, сосредоточенных севернее Тюрингенского леса, так и Мольтке, используя железные дороги, обошел французский фронт на верхнем Рейне и появился на его среднем течении между Карлсруэ и Кобленцом. Обход Наполеона притянул пруссаков к Заале, обход Мольтке притянул французов к рр. Саар и Лаутер. Обе обходимые армии, вспоминая Росбах, хотели во время захождения противника броситься на обходящие колонны. Эта смелая мысль, приведенная по необходимости в исполнение в 1800 г. при Заалсфельде, имела печальный конец, а в 1870 г. она привела бы к тому, что французская армия, двинутая вперед в общем направлении Майнц — Маннгейм, подверглась бы нападению со всех сторон и едва ли вернулась бы назад через Саар. Однако, Наполеон III отдавал себе ясный отчет в том, что могло бы получиться, и немецкие армии могли продвинуться до Саара и Лаутера, Если бы немцы в 1870 г. перешли Мозель с выдвинутым вперед правым флангом и оттеснили французов, — безразлично, принимали ли те сражение или не принимали, — в южном направлении до Рейна и швейцарской границы, это отвечало бы наполеоновской стратегии 1806 г. Но несовершенная железнодорожная сеть за сорок лет до нашего времени делала подобные передвижения невыполнимыми. Приходилось в ущерб правому флангу делать очень сильным левый фланг, и этот фланг должен был сыграть решающую роль. 3-я армия

двинулась вперед двумя днями раньше и имела задачей отбросить назад сосредоточенного в Эльзасе противника, а затем, сделав захождение вправо, атаковать во фланг и тыл главные французские силы, в то время как 1-я и 2-я армии наступали бы с фронта. План не удался: 1-я и 2-я армии атаковали слишком рано, а 3-я слишком поздно. Французская армия в Эльзасе была совершенно разбита, но Лотарингская, немного потрепанная, смогла отойти к Мецу. При большом превосходстве в силах для немцев было бы, конечно, самым простым преследовать противника и обоими своими флангами охватить его фланги, после того как прорвавшаяся вперед сильная кавалерия приостановила бы отход противника. Но снаряжение и вооружение кавалерийских дивизий, казалось, не допускали тогда подобных предприятий, хотя фактически 5-я кавалерийская дивизия 15 и 16 августа у Вионвиля помешала дальнейшему движению французской армии, даже вынудила ее к отходу. Кавалерия могла бы, конечно, выполнить задачу, которую генерал фон-Альвенслебен 10 августа сначала поставил 3-му корпусу, а именно: задержать неприятельскую армию, в случае необходимости постепенно отходить к Вердену, но выиграть время для того, чтобы немецкие корпуса могли подойти с двух сторон или хотя бы с одной стороны и завершить Канны. Поэтому Мольтке решил обойти отступающего к Мецу противника с юга всеми тремя армиями, гнать его, если понадобится, параллельным преследованием и при благоприятных условиях сделать захождение вправо, чтобы прижать врага к люксембургско-бельгийской границе и таким путем осуществить полное окружение. Этому плану благоприятствовала задержка, которую создали во французском отходе крепость Мец и сражение при Коломбее, но наносили ущерб медленность и нерешительность движений обеих немецких армий, ограниченное количество мостов на Мозеле, неблагоприятная железнодорожная сеть на левом берегу, а также — отнюдь не в меньшей степени — осторожная медлительность Базена, запрещавшая ему терять связь с защищающей его крепостью. Не без основания маршал питал убеждение, что если он совершенно оторвется от Меца и выйдет в открытое поле, он будет атакован со всех сторон и уничтожен. Возможно, что намерение Мольтке все же было бы выполнено, если бы 10 августа генералу Барнекову было позволено двинуться вперед через лес Оньон, а 25-й дивизии наступать через лес Во против дороги Резонвиль — Пуэн-дю-Жур. Едва ли Базен осмелился бы использовать для отхода дорогу, которая, если и не была бы занята неприятелем, то все же находилась бы под его огнем. Он отошел бы в северном направлении, туда именно, куда Мольтке безусловно хотел бы видеть егодвигающимся. Но так как части Барнекова по старому обычаю были растрачены на бесплодные фронтальные атаки, а 25-я дивизия лишь очень поздно могла придти на его место, главнейший путь отхода оставался для французов свободным. Немцам пришлось до поры до времени отказаться от уничтожения врага и предпочесть этому блокаду его в Меце, т.е. надежды на будущее.

Точно так же предполагалось атаковать Мак-Магона с фронта и с правого фланга, прижать его к бельгийской границе и затем разгромить. Но так как ни позиция у Шалонского лагеря, ни позиция у Реймса не представляли для обороны достаточных выгод, Мак-Магон хотел отойти к Парижу раньше, чем он мог бы подвергнуться серьезной угрозе. Затруднительное для немцев положение совершенно изменилось в их пользу, когда Мак-Магону было навязано движение от Реймса через Стенэ к Мецу. Этим для немцев намечалась задача: армию сравнительно небольшой силы, совершающую фланговый марш с запада на восток, атаковать с юга, применяя охват, и прижать ее к близлежащей бельгийской границе. Так как для этого могли быть еще подтянуты находившиеся в резерве два корпуса блокирующей армии, то тем самым создавалась возможность очень быстро перехватить все дороги, ведущие на восток и на юг. Только отход на запад первое время оставался еще открытым. Мак-Магон хотел воспользоваться этим единственным выходом, когда он получил сведения о движении немцев, но из Парижа его тотчас же вновь погнали на явную гибель. Если бы десять с половиною

немецких корпусов наступали в одной линии по всем возможным дорогам, направляясь правым крылом через Лонгюйон вдоль бельгийской границы, левым через Ретель, четыре французских корпуса постепенно, но неизбежно были бы прижаты к бельгийской границе и притом независимо от того, двигались ли бы они вперед или назад, вправо или влево. Если они начнут атаковать или оказывать сопротивление на тех или иных путях немецким корпусам, которые по тем же дорогам будут двигаться им навстречу, то эти корпуса вступят с ними в бой. Остальные же будут продолжать свое движение в первоначальном направлении, во-первых, для того, чтобы убедиться, нет ли и против них неприятеля, а, во-вторых, также и потому, что лишь при таком движении вперед они могут выиграть у неприятеля фланг и оказать завязавшему бой соседнему корпусу действительную поддержку.

Маасская армия не думала столь простым образом решать поставленную ей на 30 августа задачу. Она имела перед собой трех противников: на дороге Соммаут — Ля-Безас, у Бомона, на дороге Музон — Стенэ и, вероятно, также у Кориньяна. Если бы оба баварских корпуса были оставлены на первом пути и если бы Маасская армия послала 4-й корпус к Бомону, а гвардейский и 12-й корпуса перебросила на правый берег Мааса, то она погнала бы перед собою трех или четырех врагов и, — что было еще важнее, — преградила бы им выход к востоку и югу. Но штаб армии не хотел разбрасывать своих сил и решил сосредоточить перед Бомоном пять корпусов — три в первом и два во втором эшелоне. В результате по меньшей мере два врага получали свободу, и они — без всякого злого умысла с их стороны, но просто в результате мероприятий и упущений немцев — буквально вынуждены были атаковать их фланги и, по крайней мере, показать, что могло бы произойти, если бы на месте французов был сильный, решительный и предприимчивый противник. Так как наступление против неприятеля у Бомона могло быть осуществлено не мощным ударом всех двадцати бригад, как предполагалось, но, ввиду ограниченности пространства, лишь одной-двумя бригадами, то борьба пяти против одного слагалась очень неудачно и, пожалуй, окончилась бы плачевно, если бы один командир дивизии, охваченный желанием дойти до противника, не удлинил фронт, не заставил обойденного противника податься назад и тем до некоторой степени не ускорял планомерного отхода французов. Этим ускорением их отхода и ограничивается весь результат, купленный ценою относительно крупных потерь. В остальном противник, который должен был бы быть без всякой пощады окружен, был на самом деле освобожден от всяких пут и мог спокойно и беспрепятственно отойти в двух направлениях. К счастью, противник отказался от тех преимуществ, которые ему предоставлял великодушный враг, и после короткого передвижения, покорный своей судьбе, вновь остановился, чтобы подставить себя под уничтожающий удар, и, к счастью, тут был Мольтке, который до некоторой степени вновь расчленил гигантскую массу, в которую слились обе немецкие армии, и осуществил наступление с трех, а в конце концов и с четырех сторон.

Численное превосходство немцев было настолько велико, что они могли осуществить окружение и в то же время могли на восточном фронте удовлетворить свою склонность нагромождать массы на самом тесном пространстве. Осуществить подобную группировку сил было бы делом неисполнимым, если бы противник распространился несколько более, а именно — занял бы участок Мааса между Седаном и Мезьером. Тогда оказалось бы необходимым удлинение левого немецкого фланга за Мезьер. Но имевшихся налицо сил было все же достаточно, чтобы при организации движения назначить на каждую дорогу по одному корпусу и тем самым достигнуть той средней нормы, которую Мольтке по опыту 1870 г. хотел дать походным колоннам, стремясь обеспечить им возможность своевременного развертывания. Вопрос о том, продолжал ли бы Мольтке держаться этой нормы, после того как длина походной колонны корпуса без обозов возросла с 15 до 29 км., остается нерешенным.

Совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается в военной истории, ибо для него необходимы, с одной стороны, Ганнибал, а с другой — Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели.

Ганнибал обязан если и не обладать превосходством в силах, то во всяком случае уметь его создать. Для этого желателен полководец, который имеет в себе что-то от Шарнгорста, от Фридриха-Вильгельма I или Вильгельма I располагающих прочной армией, что-то от Мольтке, сосредоточивающего силы исключительно против главного врага, от Фридриха II, который приводит в действие все орудия и ружья, от Фридриха II или Наполеона, наносящих главный удар против фланга и тыла, от Фридриха II или Мольтке, которые заменяют недостающего Гасдрубала естественным препятствием или границей нейтрального государства. Наконец, нужны младшие начальники, которые были бы дисциплинированы, являлись бы знатоками своего дела и обладали бы пониманием замыслов полководца.

Теренций Варрон располагает большой армией, но он не принимает самых настоятельных мер, чтобы ее увеличить и целесообразно обучить. Он не сосредоточивает своих сил против главного врага. Он не ищет победы, организуя подавляющий огонь с четырех сторон, но тяжестью массы, узкой и расчлененной в глубину, старается атаковать неприятельский фронт как сторону, наиболее способную к сопротивлению.

Все эти желательные предпосылки не оказываются сосредоточенными ни на одной, ни на другой из сторон. Но некоторыми свойствами Ганнибала и некоторыми приемами, которые он использовал, располагали все же и другие полководцы. С другой стороны, Теренций Варрон во все времена имел целую школу последователей. В результате получилось, что если, исключая Седана, и не было совершенных Канн, то все же можно найти целый ряд сражений, приближающихся по типу к полному разгрому, и такие сражения мы находим как раз на поворотных пунктах истории.

[Назад](#)

СТАТЬИ И РЕЧИ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА {59}

Франкфуртский мир положил лишь мнимый конец борьбе между Германией и Францией. Хотя оружие и было вложено в ножны, но скрытая война продолжалась.

Один из противников изобретал более скорострельную винтовку, более дальнобойное орудие, более разрушительные снаряды, чем применявшиеся до тех пор. Но он мог быть уверен, что другой изобретет в ближайшее время еще более скорострельную винтовку, еще более дальнобойное орудие и еще более разрушительные снаряды. Неустанно стремясь превзойти друг друга, оба противника, в конце концов, всегда приходили, примерно, к одинаковому вооружению, которое с трудом поддавалось дальнейшему совершенствованию. Их усердные старания были направлены к тому, чтобы в предстоящей войне-реванше перехитрить противника, сразу получив преимущество перед ним благодаря более усовершенствованным винтовкам и орудиям. Каждый из них стремился создать положение, сходное с тем, которое существовало в 1866 г., когда один из противников выступил на арену борьбы с игольчатым ружьем, а другой с ружьем, заряжавшимся с дула. В течение этих лет были моменты, когда то одному, то другому казалось, что он достиг цели и что дело заключается лишь в том, чтобы использовать благоприятный момент для объявления войны противоположному лагерю. Однако, доверие к приобретенному с величайшим напряжением новому оружию никогда не было достаточным, чтобы подавить все прочие соображения в сомнениях.

Эти колебания давали противнику время наверстать утерянное и даже сделать новый шаг вперед.

Прочие державы не могли оставаться равнодушными зрителями этого состязания. Тот, кто желал, чтобы его слово сохраняло вес, как в Европе, так и во всем остальном мире, не должен был слишком далеко отставать в вооружении своих солдат от обоих задающих тон государств. Не было необходимости проделывать вместе с ними каждую отдельную фазу этой борьбы. Достаточно было использовать их основной опыт и с меньшим напряжением и расходами достичь той же цели, что и они.

По прошествии нескольких десятилетий франко-германская распря и энергичнейшим образом подстрекаемые технические специалисты довели дело до такого уровня, что почти все армии не только Европы, но и Дальнего Востока и Дальнего Запада обладали, примерно, равноценным вооружением.

Винтовки и орудия легки и удобны для манипулирования, они просто заряжаются, быстро стреляют, обладают большой дальнобойностью, надежно поражают цель, господствуют над большим пространством. Новый порох, не давая видимого издали дыма, не позволяет обнаружить ни артиллериста, ни орудия. Пули минимального диаметра и веса позволяют производить подвоз больших количеств боевых припасов и дают возможность использовать скорострельность винтовок. Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверена, а

глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью. Дальнейшее уменьшение пули уже невозможно. Она как раз достаточна для того, чтобы вывести из строя культурного европейца, но не сына природы из отдаленных частей земного шара.

Никакая войсковая часть в сомкнутом строю, никакой отдельный и во весь рост стоящий человек не может устоять под дождем пуль. Уже при Марс-ля-Туре, где применялось оружие с нашей точки зрения несовершенное и теперь уже устаревшее, один прусский полк, шедший в атаку сомкнутым строем, потерял в течение менее чем получаса 68% своего состава. Три года назад японская бригада Намбу оплатила свою смелость в гораздо более краткий срок потерями в 90% своего состава. В Южной Африке укрыто расположенный одиночный стрелок легко выводил из строя 14 атаковавших его бойцов.

Техника вооружения празднует сейчас блистательный триумф. Но того, к чему стремятся Германия и Франция и чего хотят все остальные державы, т.е. облегчения боевых действий, превосходства над противником, она никому не дала. Распределяя равномерно и беспристрастно свои драгоценные дары между всеми, она причинила всем величайшие затруднения и создала большие неудобства. Нетрудно сказать, каким образом можно повергнуть ниц и уничтожить своего противника с помощью такого эффективного вооружения. Но нелегко разрешить проблему, как самому избежать при этом гибели. Оказалось, что необходимо полностью изменить всю тактику. Теперь невозможно, как в XVIII в., наступать друг на друга двумя цепями и на не очень большом расстоянии давать залпы по неприятелю. В течение нескольких минут обе армии оказались бы поверженными в результате действия частого огня. Сейчас немыслимо атаковать позиции противника колоннами, подобными наполеоновским, у которых ширина равна глубине. Они были бы рассеяны градом шрапнели. Нельзя также, как предполагалось еще недавно, разбить противника с помощью огня плотных масс стрелков. Эти стрелки были бы очень скоро рассеяны. Только используя укрытия, деревья и дома, стены и канавы, возвышения и углубления на местности, пехотинец может приблизиться к неприятелю; то ложась, то становясь на колени, то стоя, сам оставаясь невидимым, он должен стараться попадать в те маленькие, ничтожные цели, которые он замечает, подавить своим огнем противника, затем быстро продвинуться вперед, чтобы достичь нового прикрытия и оттуда снова продолжать борьбу. Как ни многочисленны укрытия, предоставляемые полем боя, раньше или позже все же наступит момент, когда перед неприятелем окажется свободное пространство, не дающее никакой защиты. Если это пространство неглубоко, то наступающий стремительным броском атакует обороняющегося, потрясенного продолжительным обстрелом. Если это пространство глубоко, то остается лишь создавать себе прикрытия с помощью лопаты и так же, как и в борьбе за овладение крепостью, передвигаться от окопа к окопу, используя в случае необходимости ночную темноту.

Обязанность артиллерии — содействовать и помогать пехоте при таком продвижении. Артиллерия должна своим огнем мешать неприятельской артиллерии вести обстрел с трудом подвигающейся вперед пехоты, своими снарядами она должна достигать неприятельскую пехоту в ее укрытиях и разрушать те защитные сооружения, за которыми она прячется. Чтобы успешно действовать, артиллерия должна уметь уберечься от разрушительного неприятельского огня. Но так как орудие труднее сделать невидимым, чем человека, то пришлось вернуться к защитному оружию прежних времен и пытаться обезвредить с помощью броневых щитов хотя бы ружейный и шрапнельный огонь противника.

Для того, чтобы пехотинец мог найти достаточное прикрытия, вести меткий огонь по плохо видимой цели и быстрыми перебежками продвигаться вперед, ему нужно

обладать некоторым простором для своих действий. Пехота может теперь успешно бороться не в сомкнутом, а в рассыпном строю, примерно один человек на метр, и притом не в нескольких, тесно сомкнутых шеренгах, а лишь в одной. Остальные шеренги следуют на довольно большом расстоянии друг от друга. Они стягиваются в более плотные построения, когда это допускают имеющиеся укрытия. Они должны возмещать потери, заполнять бреши, быть всегда готовыми ко всяким неожиданностям и служить резервом. Если не хотят сократить число бойцов, по сравнению с прежним, то рассыпной строй приводит к расширению фронта. Это расширение станет еще более значительным, если будут стремиться ввести в дело как можно большее количество действующих винтовок. Такая задача осуществима без ущерба для способности данной части к наступлению и сопротивлению, так как малое число стрелков может достигнуть сейчас большего, чем прежде значительное их число. Только для конечной штыковой атаки следует ввести в передовую цепь следующие за ней резервы.

Таким образом, непосредственным следствием усовершенствования огнестрельного оружия является большее протяжение фронта боя. Благодаря этому, в то время как в сражениях последних двух столетий приходилось в общем, считая всех бойцов и резервы, от 10 до 15 чел. на 1 м фронта, а еще сорок лет назад считалось нормой 10 чел. на 1 шаг, в дальневосточной войне 1904 — 1905 гг. обычно приходилось 3 чел. на 1 м, при необходимости же эта норма еще снижалась.

Ни один из противников не вступал в войну с твердо установленным принципом относительно пределов растяжения фронта боя и не стремился применять теории, приобретенные в мирное время. Длинные фронты возникли под давлением обстоятельств, под влиянием естественного стремления войск иметь для себя укрытие и все же использовать свое превосходное оружие. Поэтому нельзя сомневаться, что явления, обнаружившиеся на Дальнем Востоке, повторятся также и в европейской войне. В будущем поля сражения будут иметь и должны иметь совершенно другое протяжение, чем это нам известно из прошлого. Армии такой численности, как сражавшиеся у Кениггреца и Гравелота — Сен-Прива, будут занимать пространства, превосходящие те, на которых они тогда сражались, не меньше чем в четыре раза. Но что вообще могут значить те 220000 чел., которые сражались у Кениггреца, и те 186 000 чел., которые сражались у Гравелота, в сравнении с массами, которые будут введены в дело в будущей войне?

Еще сорок лет назад всеобщая воинская повинность была достоянием одной Пруссии, и никто не завидовал в этом идейно ограниченному военному государству. После 1866 и 1870 гг. почти все державы поспешили присвоить себе эту тайну победы. Все здоровые и сильные посылаются отныне в казармы. Для того чтобы расширить контингенты, срок службы под знаменами по возможности сокращается, а срок состояния в кадрах военнообязанных по возможности растягивается. Ни одна держава не могла противостоять стремлению содержать максимальное число батальонов. Отстававший должен был опасаться, что он будет раздавлен.

Так как Германия со своими 62 млн населения ежегодно призывает 250 000 новобранцев со сроком службы в 19 лет, а Франция со своими 40 млн жителей — 220 000 новобранцев со сроком службы в 25 лет, то первая может призвать в случае войны 4 750 тыс. чел., а вторая даже 5 500 тыс. чел. Но эти цифры, независимо от убыли, образующейся в течение долгих лет, являются в большей или меньшей степени фиктивными. Человек, уходящий из казармы на фабрику или в угольные шахты, не может через 15 лет вспомнить те правила тактики, которым его обучали в его гарнизоне на плацу, предназначенном для парадов. Винтовка, из которой солдат ландвера стрелял в качестве новобранца в тире, давно продана какому-нибудь черному воину в колониях.

Получаемое этим солдатом ландвера новое оружие внушает ему такое же недоверие, какое могло бы внушить гренадеру старого Фридриха игольчатое ружье. Фабричный рабочий, привыкший отправляться на велосипеде утром на работу, а вечером домой, едва ли сумеет, нагруженный винтовкой, боевыми припасами и ранцем, совершать ежедневно 30 — 40 км пеших переходов. Ландвер и ландштурм, территориальная армия и ее запасные части могут быть лишь в весьма ограниченном количестве и условно причислены к вооруженному народу. Из прочего их состава надо еще многих оставить в качестве гарнизонов крепостей и запасных войск. Если взять для сравнения 1870 г., когда ландштурма совсем не существовало, а ландвер можно было принимать в расчет лишь в очень небольшом размере, и все же из 1 200 000 чел. всей армии лишь 500 000 составляли полевую армию, то окажется, что в наше время полевая армия должна насчитывать более (но не намного) 1 млн. человек. И все же такая армия велика по сравнению с армиями прежних времен, она велика также и для того, кто должен ею командовать и приводить ее в движение; с другой стороны, она мала, так как не обеспечивает ни превосходства своего оружия, как в 1866 г., ни численного превосходства над противником, как в 1870 г.; она окажется достаточной лишь в том случае, если возможно будет эти массы держать в одном кулаке и заставить их действовать совместно в направлении одной цели. И даже если это удастся, то не обязательно, чтоб вся эта масса войск была сосредоточена на одном поле сражения, которое должно превосходить поле сражения при Кениггреце в 20 раз. Ведь даже маленькое сражение у Дрездена состояло из двух самостоятельных частей. 16 октября у Лейпцига произошло три отдельных сражения. Сражение у Ле-Мана состояло из целого ряда отдельных боев! Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того, чтобы на одном поле сражения шла борьба за победу на другом. Сейчас несомненно лишь, что как общие сражения, так и частные, как самостоятельные, так и связанные друг с другом будут разыгрываться на полях и пространствах, которые окажутся бесконечно больше театров военных действий прежних времен

Но как бы ни были велики поля сражения, человеческий глаз увидит очень мало. На обширном пространстве нельзя будет ничего обнаружить. Если бы не оглушала орудийная канонада, то только слабые огневые вспышки позволяли бы догадываться о наличии артиллерии. Нельзя было бы установить, откуда раздается треск пехотного огня, если бы время от времени то здесь, то там, появляясь на мгновение, не продвигалась вперед, как бы скачком, узенькая линия, чтобы затем так же быстро снова исчезнуть. Не видно ни одного всадника. Конница вынуждена выполнять свои задачи вне поля действия двух других родов войск. Нигде не видно Наполеона, расположившегося на высоте и окруженного блестящей свитой. Он сумел бы мало что обнаружить даже в самую лучшую подзорную трубу. Его серая лошадь была бы удобной целью для бесчисленных батарей. Главнокомандующий находится далеко позади в доме с обширными кабинетами, где можно иметь под рукой проволочный и беспроволочный телеграф, телефонные и сигнальные аппараты и множество ожидающих распоряжений автомобилей и мотоциклов, готовых к самым дальним поездкам. Там в удобном кресле перед широким столом сидит современный Александр Македонский, и все поле сражения лежит перед ним на карте; он передает оттуда по телефону зажигательные слова и получает донесения командующих армиями и корпусами, привязных аэростатов и управляемых дирижаблей, наблюдающих вдоль всей линии за движениями врага и за его позициями.

Эти донесения будут отличаться от донесений прежних времен, главным образом, величиной количественных данных и в меньшей мере своим содержанием. Довольно единодушно будут они сообщать, — как они сообщают уже в течение веков, — что неприятель непрерывно укрепляется, что артиллерия несет большие потери, пехота не в состоянии продвигаться вперед и настоятельно требуется подкрепление. Полководец не

сумеет выполнить этих пожеланий. Даже при наличии в его распоряжении сильного резерва, последний оказался бы вскоре исчерпанным, если бы он удовлетворял все призывы о помощи, которые могут казаться основательными, и посылал подкрепления во все стороны на расстояния многих миль и дневных переходов. Так как самый бой можно вести только относительно небольшим числом людей, то отправка крупных подкреплений, для которых вследствие ограниченности пространства не оказалось бы укрытий, лишь увеличила бы потери. Основная задача руководителя сражения заключается в том, чтобы задолго до встречи с неприятелем указать всем армиям и корпусам дороги, пути и направления, по которым они должны продвигаться, и назначить примерные цели движения на каждый день. Подход к полю сражения начинается тотчас же, как войска выгружаются из поездов. Корпуса и дивизии устремятся с вокзалов к тем местам, которые им предназначены по диспозиции сражения, причем одни будут форсировать свои марши, а другие — несколько их замедлять. Так как ширина фронтов боевых действий увеличивается, колонны, идущие к полю сражения, смогут совершать переходы, сохраняя по меньшей мере ту ширину, которая им предназначена в самом бою. Стягивание войск к полю сражения должно потерять свое значение. Те корпуса, которые вступят в соприкосновение с противником, должны будут вести сражение, не рассчитывая на дальнейшие подкрепления. Располагая 144 превосходными орудиями, вместо прежних значительно менее совершенных 84, тысячами первоклассных винтовок, каждый корпус сумеет выполнить в десять раз более трудную задачу по сравнению с той, которая ему предстояла в эпоху ружей, заряжавшихся с дула. Если теперь фронт корпуса в три раза шире, чем сорок лет назад, то это свидетельствует не о распылении сил, а об их укреплении. С таким фронтом боя корпус может наступать, укрепляться на занятом пространстве, покрывать потери, доходящие до 50%, и при всем этом сохранять резерв для решающего удара.

Правда, потребуется много времени и немало труда, чтобы осуществить это продвижение от укрытия к укрытию, это поспешное подползание к неприятелю, это терпеливое выжидание в течение дней и ночей при постоянной готовности отразить контрнаступление.

Не все корпуса вступят в бой в течение первого же дня. Ведь под Лейпцигом наступил уже вечер третьего дня сражения, когда последний корпус союзников появился еще только вблизи места военных действий. Во второй половине войны 1870 — 1871 гг. многодневные бои например, под Орлеаном, Ле-Маном и т.д., были правилом. В будущем, в соответствии с теми крупными людскими массами, которые будут действовать на больших пространствах, сражения также будут длиться если и не четырнадцать дней, как это было под Мукденом, то, во всяком случае, много дней. Полководцу придется каждый день требовать нового напряжения сил от уже сражающихся армий и корпусов, продолжать движение частей, еще не введенных в дело, по заданным им направлениям или, при изменении обстановки, указывать им новые направления.

Эти длительные сражения никоим образом не будут более кровавыми, чем прежние. Ежедневные потери в бою составляли в русско-японской войне лишь от 2 до 3% вместо 40 — 50% в войнах Наполеона и Фридриха II. Бой под Мукденом, продолжавшийся 14 дней, обошелся как русским, так и японцам дешевле, чем французам и немцам сражение у Марс-ля-Тура, продолжавшееся всего несколько часов.

Русско-японская война доказала, что простое наступление на неприятельский фронт может, несмотря на все трудности, прекрасно удалиться. Но результат, достигаемый таким наступлением, оказывается в самом благоприятном случае лишь весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттесняют, но спустя некоторое время он

возобновляет в другом месте временно приостановленное им сопротивление, и кампания затягивается. Однако, подобные войны невозможны в эпоху, когда все существование нации зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и остановленный механизм должен быть снова приведен в действие с помощью быстрого решения. Стратегия измора невысказана, когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Но для достижения решающего и сокрушительного успеха требуется наступление с двух или с трех направлений, т.е. с фронта и с одного или обоих флангов противника. Такое наступление сравнительно легко выполнимо для стороны, обладающей численным превосходством. Однако, на подобное превосходство в современных условиях трудно рассчитывать. Силы, необходимые для мощного флангового наступления, можно создать лишь путем максимального ослабления сил, направляемых против неприятельского фронта. Но как бы они ни были ослаблены, их задачу нельзя все же ограничивать отвлечением внимания противника путем его обстрела из далеко расположенных укрытий и удерживанием его на его позициях. Фронт противника необходимо атаковать и на него надо наступать при всех обстоятельствах. Скорострельная и дальнобойная винтовка изобретена именно для того, чтобы она заменяла несколько прежних и удовлетворяла всем требованиям при наличии необходимых боевых припасов. Вместо того, чтобы накапливать позади фронта резервы, которые вынуждены пребывать в бездейственности и которых не оказывается на решающем участке, лучше позаботиться о хорошем пополнении боевых припасов. Патроны, подвозимые грузовиками, представляют самые лучшие и надежные резервы. Все войсковые части, которые раньше оставались позади и использовались для достижения решающего успеха, теперь должны быть сразу двинуты вперед для флангового наступления. Чем большие силы могут быть привлечены к этой операции, тем решительнее будет самое наступление.

Для того, чтобы наступать на неприятельский фланг, надо знать, где он находится. Прежде эта задача возлагалась на кавалерию. Надо надеяться, что в будущем ее возложат на флотилию управляемых дирижаблей, которая с высоты сумеет лучше производить наблюдения, чем кавалерия, которой препятствуют горы, леса и селения. Но подобно кавалерии, которой до осуществления порученной ей разведки предварительно приходилось с боем отбрасывать неприятельскую кавалерию, дирижаблям также придется вступать на большой высоте в бой с равноценным противником. Счастливой будет судьба легкого аэростата, которому удастся подняться выше своего соперника, сбросить разрушительный разрывной снаряд на находящегося много ниже неприятеля и затем быстро удалиться, чтобы не быть охваченным высоко взрывающимися языками огня.

Кавалерия, освобожденная в основном от обязанности вести разведку, должна будет пытаться переносить в тыл неприятеля огонь своей артиллерии, пулеметов и дальнобойных карабинов. Как и прежде, она встретится на своем пути с неприятельской кавалерией и должна будет побороть ее, прежде чем сумеет осуществить свою собственную задачу. Ибо и в будущем ничто не изменится в том положении, что артиллерия должна будет в большей или меньшей степени иметь дело с неприятельской артиллерией, кавалерия — с кавалерией и дирижабли — с дирижаблями, прежде чем они сумеют объединенными силами придти на помощь пехоте для достижения конечной победы.

Однако, в будущем сражения не будут протекать так просто. Для того, чтобы после окончания войны 1870 — 1871 г. обезопасить себя, с одной стороны от нового нашествия, с другой — от попыток реванша, Франция и Германия соорудили укрепления вдоль своей общей новой границы. Германия ограничилась расширением крепостных сооружений в завоеванных ею Страсбурге и Меце. Франция соорудила почти непрерывный барьер вдоль верхнего Мозеля и Мааса, который предназначен для защиты

всей её восточной границы между Швейцарией и Бельгией. Противник Франции оказался вследствие этого в тяжелом положении. Даже при отсутствии всяких захватнических намерений он не мог спокойно наблюдать, как жаждущий отмщения неприятель выжидает в безопасном убежище благоприятной минуты для нападения. Наступление является лучшим способом обороны. Германия должна была иметь возможность прибегнуть в случае надобности к этому средству. Поэтому она не противопоставила, как это предполагалось, линии французских укреплений линию своих собственных укреплений, но попыталась создать для себя новое орудие наступления. Тяжелая артиллерия была снабжена разрывными снарядами неизвестной до сих пор силы действия, которым не может противостоять никакая стена или сооружение. Но секрет не мог быть долго сохранен. Противная сторона изобрела такие же разрушительные снаряды. С тех пор между инженером и артиллеристом началась по обе стороны границы длительная, ожесточенная, далеко еще не законченная борьба. Одни постоянно изобретают новые, более крупные и надежные орудия и более эффективные снаряды, другой сооружает все более непреодолимые укрепления. Эта борьба, как и борьба за винтовки и полевые орудия, не могла не затронуть соседние страны. Повсюду считалось доказанным, что миролюбивая Германия непрерывно помышляет о хищническом походе на веселые нивы, орошаемые Сеной и Луарой. Так как прямой путь туда был для нее заперт, то предполагалось, что она попытается обойти неприятные для нее препятствия, вступив в Швейцарию или Бельгию. Для того, чтобы предупредить такое наступление на свой правый фланг, Франция своевременно заперла крепостными сооружениями все проходы через Юру. На левом фланге ей пришла на помощь Бельгия. С помощью бетонных масс и броневых башен она заперла великую дорогу народов вдоль Мааса и Самбры, а сзади превратила Антверпен в непреодолимую твердыню. Нидерланды стремились в меру своих сил поддержать своего соседа и охранить самих себя, подобно Франции, от возможности германского наступления. Но этого было недостаточно. Не так давно Италии пришлось уступить несколько своих провинций Франции. Считалось, что она использует вторжение Германии во Францию для возвращения утраченного. Поэтому все пути и тропы, которые вели через разделявший эти страны горный хребет, были заперты. Италия видела в этих французских укреплениях не столько средство обороны, сколько угрозу, и поспешила противопоставить каждому французскому форту, батарее или укреплению подобные же собственные, а всей системе укреплений на западной стороне Альп противопоставить такую же систему на их восточной стороне. Едва прошло два десятилетия со времени франко-германской войны, как от Зюдерзе до Средиземного моря возникла целая китайская стена, которая должна была предотвратить возможность повторения губительного нашествия.

Считалось также возможным, что итальянцы по эту сторону китайской стены объединятся через Альпы с германским союзником и что соединенные массы, преодолевая, подобно выступившему из берегов потоку, крепости и миллионные армии, устремятся в вожделенную страну. В предвидении такой грозной опасности Швейцария поспешила подать помощь. Проходы Готарда, подходы через долины Роны и Рейна, все тропы между недоступными глетчерами и устремленными в небо горными громадами были забаррикадированы укреплениями, а форты, лежащие в зоне вечных снегов, снабжены гарнизонами. Мнимые германские стремления к завоеванию, которым был положен предел с одной стороны, казалось, должны были искать выхода в другом направлении. Если путь движения Германии на Париж был прегражден, то ей, очевидно, приходилось устремляться к Москве. Вследствие этого Россия, со своей стороны, также сочла себя вынужденной соорудить укрепления против Германии. Ее задача была облегчена реками и болотами. Германские провинции по ту сторону Вислы окружаются широким болотистым рвом, немногочисленные переходы через который защищаются валами и орудиями. Было само собой понятно, что против союзной с Германией Австрии

будут приняты подобные же защитные меры. Таким образом, Тройственный союз был отделен от остальной Европы на востоке такой же линией, как и на западе. На севере Дания превратила Копенгаген в крупный укрепленный пункт и заняла входы в Балтийское море. Англия обладает мощной плавучей крепостью, которую она в любую минуту может воздвигнуть в Северном море и которая обеспечивает ей ворота для вылазки из Ютландского порта к Шлезвигу. Сооружение такого количества пограничных укреплений подействовало настолько заражающе, что, в конце концов, даже Италия отгородилась укреплениями от союзной с ней Австрии, а Австрия — от Италии. Железное кольцо, сооруженное вокруг Германии и Австрии, оставляло лишь один проход — на Балканы. Теперь и он замкнут с помощью Турции, Сербии и Черногории, в то время как Болгария и Румыния отеснены в австрийский лагерь.

Всем этим определяется военная обстановка в Европе. В центре ее стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы. Военной обстановке соответствует политическая. Между окружающими и окруженными державами лежат трудно устранимые противоречия. Франция не отказалась от мести, осуществить которую она поклялась в 1871 г. Идея реванша, вооружившая всю Европу, образует краеугольный камень ее политики. Мощное развитие германской промышленности и торговли создало Германии нового непримиримого врага. Ненависть к презиравшемуся прежде конкуренту не может быть ни устранена уверениями в искренней дружбе и сердечной симпатии, ни обострена зажигательными словами. Степень раздражения определяется не чувствами, а реальными интересами. Россия удерживается в старом союзе унаследованной от прошлого антипатией славян к германцам и традиционной симпатией к романским народам, а также и потребностью в займах, и теперь она бросается в объятия той державы, которая может причинить ей больше всего вреда. Италия, не имеющая никакой возможности расширения на запад, считает еще незаконченным вытеснение иноземцев, которые некогда вступили через Альпы в богатые долины Ломбардии. Она не желает их терпеть ни у южных горных проходов, ни на берегах Адриатического моря.

Неизвестно, выльются ли все эти страсти и вожделения в насильственные действия. Но все же существует настойчивое стремление соединить все эти державы для совместного нападения на срединные государства. В должный момент ворота будут открыты, подъемные мосты подняты и миллионные армии пойдут, опустошая и уничтожая все на своем пути, через Вогезы, Маас, Кенигсау, Неман, Буг и даже Изонцо и Тирольские Альпы. Опасность кажется огромной. Но если рассматривать ее ближе, она несколько уменьшается.

Англия не может разрушить германскую торговлю, не нанеся жестокого вреда своей собственной. Правильно понятые интересы Англии требуют сохранения жизни ее ненавистному конкуренту, являющемуся одновременно ее лучшим клиентом. Прежде чем она приступит к обещанной высадке в какой-нибудь ютландской гавани, она будет ждать телеграммы из Африки, Индии, Восточной Азии и Америки. Разжигая пожар во всем мире, она найдет, что у нее есть более приятные занятия, чем отправка своей армии на континент, где она будет, по рецепту Бисмарка, заперта в Шлезвиге. Россия, в расцвете своей силы и мощи, умела противостоять всем соблазнам союзников, увлекавших ее к нападению. Нам кажется сомнительным, чтобы теперь, когда сущность современной войны стала ей лучше известна, такое нападение показалось бы ей привлекательным. Франция решила испытать наслаждение от своей холодной жажды мести лишь в обществе хороших друзей. Все ощущают колебания в предвидении огромных расходов, возможных больших потерь и того красного призрака, который встает в их тылу. Всеобщая воинская повинность, превращающая в равноценное пушечное мясо как знатных, так и простых,

как богатых, так и бедных, сократила жажду войны. Крепости, которые считаются неприступными и в стенах которых можно чувствовать себя уютно и безопасно, делают менее соблазнительной перспективу вступления в бой с обнаженной грудью. Оружейные и артиллерийские заводы, паровые молоты, закаляющие башенную броню, создали больше приветливых физиономий и больше любезной готовности к услугам, чем все мирные конгрессы. Каждый испытывает колебания перед тем, как напасть на многочисленного и хорошо вооруженного противника, и боится применить собственное губительное орудие войны, которое он с трудом создал и в умении манипулировать которым он сам не уверен. А когда все сомнения будут устранены, все трудности преодолены, когда решение созреет и мощное наступление должно будет начаться со всех сторон, в груди каждого возникнет жуткий вопрос: присоединятся ли «другие», явятся ли в должную минуту отдаленные союзники, не придется ли мне в полном одиночестве испытать удары дубинки гораздо более сильного противника? Эти сомнения принуждают сохранять спокойствие и ждать, откладывать момент мести и вновь вкладывать в ножны наполовину уже обнаженный меч.

«Коалиция готова», — кричат с той стороны пролива. Но сейчас еще сомнительно, перейдет ли коалиция к военным действиям, необходимости в которых пока еще отнюдь нет. Положение, занятое союзными державами, настолько благоприятно, что оно само по себе создает постоянную угрозу для Германии и автоматически разрушает германскую нервную систему, потрясенную экономической борьбой и кризисами. Чтобы избежать этого давления, Германия готова уступать, удовлетворять предъявляемые к ней притязания и выпускать из рук одно преимущество за другим.

Пока велась подобного рода борьба, картина внезапно изменилась. В результате последних событий на Балканском полуострове Австрия оказалась там на значительное время связанной. Она требует от своих союзников поддержки, но сама предоставить ее им не может. Противнику удалось своей тактикой добиться такого положения, при котором каждая из центральных держав привязана к своему особому театру войны, и это мешает им своими объединенными, превосходными по численности силами нанести сокрушительный удар сперва одному, а потом другому врагу. Австрии приходится повернуть свой фронт на юг, Германии — на запад. Россия оставляет за собой право с помощью всей своей силы сказать решающее слово в том или другом пункте.

Несмотря на положение, ставшее для них гораздо более благоприятным, окружающие Германию враги все еще, видимо, не желают братья за оружие. Их многочисленные сомнения еще не устранены. Даже после своего разъединения Австрия и Германия все еще слишком сильны. Предварительно они должны быть ослаблены внутренними распрями. Национальная борьба в Австрии тщательно раздувается с помощью дружеских представлений дипломатии, при содействии возбуждающих борьбу депутатий и боевых призывов прессы. Недавно обнаружилось, что в Германии та же цель может быть достигнута с помощью небольшой газетной статьи и хитроумно составленных устаревших жалоб. Но для грядущей борьбы, — независимо от того, будет ли она вестись с оружием в руках или другими средствами, — требуются, хотя бы перед лицом внешнего мира, «единый братский народ» и большая сильная, мощная армия, руководимая крепкой рукой и исполненная неограниченной веры в свои возможности.

[Назад](#)

О МИЛЛИОННЫХ АРМИЯХ {60}

«Миллионные армии» не представляют собой современного изобретения, они издавна исторически готовились. Армия, с которой Фридрих II приступил к преобразованию Германии, едва насчитывала 100 000 чел., но относительно, в сопоставлении с 2½ миллионами населения тогдашней Пруссии, она значительно превосходила те бесчисленные массы, которые в настоящее время будут выставлены 65 миллионами немцев при объявлении войны. Относительно еще гораздо значительнее было то количество призывников, молодых и старых, которых совершенно изнуренная и обессиленная Пруссия сумела выставить в действующую армию в 1813 г., чтобы сбросить ярмо, лежавшее на ней и на всей Германии. Из этих рыхлых масс Вильгельм I создал армию, которая, внутренне укрепившись, стала гораздо многочисленнее, чем армии значительно более крупных и сильных соседей. С ней он выиграл сражение при Кениггреце и из нее возникла германская миллионная армия, которая сокрушила Францию. Лишь энергичными мерами и при большом напряжении можно создавать великие вещи и осуществлять великие идеи. Германская империя также возникла лишь с помощью армии, которая по своим размерам, казалось, должна была исчерпать все силы до дна.

Побежденные поняли слишком поздно, чего им нехватало и на какой неравный бой они решились. Тогда, все страны европейского континента ввели всеобщую воинскую повинность, чтобы создать миллионные армии, устранить Германскую империю и восстановить прежнее положение. Миллионные армии они действительно создали, но возлагавшиеся на эти армии надежды не осуществились. Всеобщая любовь к миру была будто бы слишком велика для того, чтобы допустить войну. На самом деле все европейские державы в течение последних сорока лет вели войны, хотя и против более слабых, хуже вооруженных и недостаточно обученных народов. Следовательно, не любовь к миру удерживала их от войны в Европе. Они боялись применить то могучее оружие, в умении манипулировать которым они сами далеко не были уверены. Кроме того, им не улыбалась перспектива войны, в которой знатным и незнатным, богатым и бедным одинаково предстояло испытать картечный огонь. Они опасались, что союзники отступятся, что ненавистный неприятель окажется сильнее их, что война примет непредусмотренные размеры и будет иметь неисчислимые последствия. Именно этот огромный, неизмеримый размах снова и снова предписывает им оставаться в покое. Поэтому никто не может в меньшей мере, чем немцы, стремиться к сокращению армии. Ведь от страха, внушаемого ее армией, зависит мир в Европе. К тому же миллионная армия 65 миллионов немцев немногим сильнее, чем, например, армия 45 миллионов французов. Лучшее обучение и управление ею необходимы для того, чтобы сохранить вес германской армии. Правда, утверждают, что управление миллионной армией представляет почти неразрешимую проблему. В этом утверждении верно лишь то, что командование армией как большой, так и маленькой всегда составляло большое искусство. Но вряд ли можно доказать, что сложность его возрастает в равной степени с ростом численности самой армии. Были генералы, которые терпели полнейшую неудачу с 300 тысячами человек. Но этим еще не сказано, что им удалось бы привести к победе 100 тысяч или 50 тысяч человек. Несомненно лишь то, что не нашлось ни одного полководца, который жаловался бы на чрезмерную численность порученной ему армии, но все без исключения сетовали на ее недостаточность.

[Назад](#)

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 25 НОЯБРЯ 1900 г. НА БАНКЕТЕ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА МОЛЬТКЕ

В той юбилейной книге, которую подготовило к завтрашнему дню военно-историческое отделение Генерального штаба, высказывается сожаление, что покойный фельдмаршал не произвел научного анализа существа войны и не создал, подобно многим другим, ее теории. Это сожаление мы все, конечно, разделяем. Нам хотелось бы иметь такую книгу, из которой каждый человек, обладающий пытливым умом, мог бы узнать, каким образом можно выиграть три войны, брать в плен целые армии и заканчивать войну ровно в столько дней, сколько недель, месяцев и даже годов требовалось для этого другим полководцам. Это наше желание осталось неосуществленным. Фельдмаршал стремился разрешить великие стратегические проблемы не в увесистых томах со многими главами и бесчисленными параграфами, он ограничил свое объяснение существа войны немногими словами: «Стратегия представляет собой умение находить выход из положения (Aushilfen)». Это может казаться камнем, который предлагают голодающему вместо хлеба, или изречением оракула, которое скорее вводит в заблуждение, чем разъясняет. Эта фраза представляется нам ничем, но оказывается всем. Это — протест против тех, которые ищут единственное спасение в теории, в методе, во внешних или внутренних линиях, в охвате или прорыве. Это утверждение сводится к тому, что в любом случае надо находить самое целесообразное; оно требует для полководца полной свободы делать то, посредством чего он считает возможным достигнуть победы.

Наука и ученые установили с течением времени множество законов для ведения войны, которым надо следовать и которые не могут быть нарушены. Критики никогда не простят фельдмаршалу, что он нарушал почти все эти законы.

«Надо обеспечивать свои фланги и особенно тыл». Но Мольтке вступил в Богемию и оставил наперекор всем представлениям и, можно сказать, всем интригам лишь одну дивизию и гарнизоны западных крепостей в защиту своего тыла от врага. Но благодаря этому оказалось возможным выставить на поле сражения 18 дивизий (составлявших тогдашнюю прусскую полевую армию). «Надо держать свои силы сосредоточенными». Но в середине июня прусская армия растянулась от Торгау до Нейсы на 350 км. Правда, две недели спустя 220 000 чел. были собраны на небольшом пространстве у Кеннгретца. Что-либо подобное можно было увидеть лишь у Лейпцига, но никогда ни до, ни после того. «Перед сражением надо создать массу». Но 3 июля лишь после полудня удалось сосредоточить армию. Однако, благодаря этой задержке поражение противника оказалось сокрушительным. «Главная неприятельская армия является той целью, на которую следует наступать». Но фельдмаршал наступал на Вену, а не на Ольмюц. Вследствие этого удалось скорее заключить мир. «Первое, к чему должен приступить полководец, — это обеспечение своей базы». Но при Гравелоте его фронт был обращен к Германии, а у Седана его тыл был обращен к Парижу. Однако, лишь таким путем можно было взять в плен две армии.

Говорят, что Мольтке благоприятствовало счастье. Он должен будто бы благодарить свое неслыханное счастье за то, что ему удалось победить, несмотря на все эти ошибки. Но счастье улыбается в течение долгого времени только тому, кто его достоин. Разве это было счастьем, что в минуту величайшего напряжения произошло сражение у Траутенау, что гвардейский корпус механически достиг цели своего

продвижения, не обращая внимания на канонаду с правой и с левой стороны, и что 1-я армия, несмотря на все старания, не могла продвинуться вперед? При самых осторожных расчетах нельзя было учесть такие факторы. И разве можно объяснить счастьем, что в первые августовские дни 1870 г. командующий одной армией вступил в дело слишком поздно, а другой — слишком рано, что пути продвижения 1-й армии, пересеклись с путями продвижения 2-й, вследствие чего все дело было поставлено под вопрос?

Теперь посмотрим, как выглядят мнимые ошибки других полководцев. Разве Наполеон имел у Маренго хорошую базу? Разве он не находился под Иеной в самой неблагоприятной обстановке? Можно ли оправдать то, что Фридрих II утром перед сражением у Лейтена проходил с армией перед фронтом австрийцев, а у Цорндорфа обошел русских, сделав почти полный круг? Мы не делаем того вывода, что великим полководцем является тот, кто совершает много ошибок, но мы приходим к тому, что всякий, желающий достигнуть решающей победы, должен становиться над законами стратегии, должен взвешивать, какие из них он может в данном случае нарушить и какие в своем дерзновенном стремлении может использовать.

Мне кажется также, что не столь опасно совершать подобные ошибки, как крепко цепляться за один и тот же метод, видя в нем универсальное средство. Наполеон, восхваляемый мастер массовых формирований, имел под Лейпцигом хорошо сконцентрированные и массивные силы. Но то средство, которое привело у Аустерлица и Ваграма к блистательной победе, оказалось непригодным при концентрическом наступлении союзников. Свою карьеру полководца он начал в 1796 г. операцией по внутренней линии. Поворачиваясь то направо, то налево, он разбивал своих противников поодиночке и дробил их силы. Еще в 1814 г., передвигаясь между разьединенными корпусами союзников, он во все стороны наносил удары своей дубинкой. Но, проводя такую же самую операцию по внутренней линии в сражении у Ватерлоо, он погиб.

Фельдмаршал оставил нам такое поучение: «Существует не один метод, не одно средство и не один способ выходить из положения (Aushifen), а много методов, средств и способов». У фельдмаршала никогда не было недостатка в способах выходить из положения, и в дальнейшем он никогда не испытал бы в них недостатка. В этом все в армии были уверены. Никто не сомневался и никто не мог только надеяться, но все знали, что даже в самом тяжелом положении гладкий железный лоб и проницательный глаз фельдмаршала найдут выход из положения и что в нужную минуту будет принято нужное решение.

Это решение должно быть простым, — так учил нас фельдмаршал, и, конечно, его решения были просты как по форме, так и по содержанию. Что может быть проще, чем его телеграмма от 22 июня: «Его величество приказывает, чтобы обе армии вступили в Богемию и шли на соединение в направлении Гичина». С помощью этих нескольких слов он вышел из затруднительного положения, в которое его поставила нерешительная политика, и осуществил одно из самых смелых и одно из наиболее чреватых последствиями решений.

Но в одинокой рабочей комнате, в груди, мучимой сомнениями, решение вынашивается не так легко и гладко, как звучат слова в этой телеграмме, ибо на войне все тяжело; но то, что он взвесил и чего достиг, за это он держался с бесстрашной уверенностью, с высоким доверием к своим силам. Когда 3 июля после полудня оказалось, что кронпринц не прибудет, что беглецы устремляются из леса Свип обратно, что последние батареи устанавливаются на той высоте, где находится король, и все вокруг

испытывает беспокойство и возбуждение, — он доложил, что не только сражение, но и вся кампания выиграна. Его дальновидный ум видел далеко вперед поверх окружавшей его возбужденной деятельности, он знал, что должно произойти по неизменным законам и уже чувствовал себя на поворотном пункте мировой истории.

Но за этим философским спокойствием, за этой уверенностью ученого горел огонь непреклонной воли к победе, пламенного призыва вперед, беспощадного стремления к уничтожению противника. Это можно обнаружить только по его действиям. Внешне он сохранял спокойствие и равновесие, которыми отмечена вся его жизнь.

Как сильно он отличался от других полководцев, жизнь которых развивалась, как драма, и которые погибали, как герои трагического представления!

[Назад](#)

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 15 ОКТЯБРЯ 1910 г. НА ПРАЗДНОВАНИИ СТОЛЕТИЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Военная академия, празднующая сегодня свой столетний юбилей, обязана своим возникновением сражению при Иене. Если оставить без рассмотрения все второстепенное, то остается тот факт, что в этом сражении семнадцать прусских батальонов атаковали фронт неприятеля, превосходившего их численностью в два раза. После трех часов огневого боя силы французов возросли до 79 батальонов, и они перешли в контрнаступление. Нам совершенно безразлично, какую степень храбрости проявили или не проявили эти 17 расстрелянных батальонов и какую тактику они применили. Они были просто раздавлены неприятелем, превосходившим их по численности в пять раз. Прусская армия не имеет никаких оснований бить себя в грудь вследствие этого поражения. Но надо поставить вопрос: почему армия была совершенно бесцельно брошена в такую катастрофу и почему ее поставили, помимо всего прочего, тылом к Парижу и фронтом к Берлину, чем и вызвали ее полнейшее уничтожение? Ответ короток: армия не имела ни полководца, ни командиров. Для того чтобы устранить такое положение в будущем, была создана Военная академия. Она должна была, как выразился один из ее директоров, воспитывать полководцев и их помощников. Нельзя, правда, статистически установить, в каких пределах она эту задачу выполнила. Очень многие офицеры, прошедшие Военную академию, никогда не имели возможности представить доказательства пригодности своей командованию армией. Но несомненно, — и для одного столетия этого достаточно, — что Военная академия создала одного безусловного, подлинного полководца. Это — лейтенант лейб-полка его величества фон-Мольтке, который 1 октября 1823 г. попал в первый прием этой Академии. Лишь за год до этого он перешел из датской на прусскую службу, — кстати сказать — с месячным содержанием в 50 марок 25 пфеннигов без всяких доплат. При первом осмотре глаз командующего, принца Вильгельма Прусского, остановился с удовлетворением на длинном ряде героических фигур. Вдруг в самом конце появляется лейтенант Мольтке, бледный, узкий, тонкий, проголодавшийся, подобный бечевочке. «Не очень хорошее приобретение», — заметил принц. Но успокойтесь! Этот кусочек бечевочки, это плохое приобретение приведет, правда, еще не очень скоро, но все же приведет короля Вильгельма I через Кеннигретц к воротам Вены и через Мец и Седан — в Версаль, во дворец французских королей.

По невзрачной своей внешности молодой Мольтке мог поспорить со многими другими юными полководцами. Принц Евгений не обладал хорошим ростом. «Изнеженный парень», который позже стал Фридрихом II, никак не мог приобрести рост и облик гренадера. Прекрасной Жозефине Богарне настойчиво не советовали выходить замуж за маленького, жалкого Бонапарта. Внешний облик не имеет значения для командования армией. От требований, предъявлявшихся во времена Ахилла и Агамемнона, нам пришлось отказаться. Но вместо этого мы требуем, чтобы полководец обладал «гением». Человек, который в холод и жару, голодая и не высыпаясь, выдерживая тяжесть обрушившихся на него событий, толкаемый в разные стороны преувеличенными и противоречивыми сообщениями, вынужден принимать быстрое решение, от которого зависит «быть или не быть», не может обойтись без гениальности. Действительно, следовало бы думать, что полководец должен что-то ощущать в себе, какую-то божественную искру, какой-то небесный огонь, который ведет при трудном положении в Лейтен и не позволяет ему пасть духом у Кунерсдорфа. «Нет, — сказал Мольтке, — гениальность — это работа». Слова эти были произнесены человеком, знающим свое дело, который 65 лет неустанно работал и лишь на закате своей жизни разбил две великие державы. Это изречение подтверждается также жизнью целого ряда великих полководцев, которые все работали, включая и Александра Великого, не посвящавшего весь день

укрощению Буцефала, но сидевшего также у ног Аристотеля. Славе предшествуют труд и пот.

Перед каждым, кто хочет стать полководцем, лежит книга, называемая «военная история», начинающаяся с поединка между Каином и Авелем и далеко еще не заканчивающаяся атакой на лиссабонские монастыри. Я должен признаться, что чтение ее не всегда занимательно. Приходится преодолевать множество всяких мало привлекательных подробностей. Но за ними мы все же находим факты, зачастую согревающие сердце, а в основе ее лежит познание того, как все произошло, как должно было произойти и как будет происходить в дальнейшем.

Раньше изучение войны было более легким делом. Прилежные и тщеславные принцы совершали в свите полководца один поход или целый ряд их и готовились к своему призванию путем наглядного обучения. Это было возможно в эпоху схематической войны, которая велась в узких рамках. Теперь, в эпоху массовых армий и длительных периодов мира, этот метод неприменим и не может быть заменен посещением учебных планов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях, которые происходили недавно или очень давно. «Но опыт не приносит никакой пользы, — сказал Фридрих II, — если его не продумывают, внутренне не перерабатывают и не стремятся практически применить», т.е., например, из опыта, полученного у Колина, не создают Лейтена.

Соответственно этому и действовал Мольтке. Его успехи стали возможны и его слава создалась путем постоянной работы по изучению прошлого и применению приобретенных знаний к настоящему и будущему. Если офицеры, проходящие курс Военной академии, станут в духе сказанного подражать этому великому человеку, то армия никогда не будет испытывать недостатка в полководцах и их помощниках.

[Назад](#)

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИМЕН

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

А

Аббах (Abbach)
Абенс, р. (Abens)
Абенсберг (Abensberg)
Австрия (Austria)
Адерсбах (Adersbach)
Адриатическое море
Азан (Azannes)
Айхах (Aichach)
Акви (Acqui)
Александрия (Alessandria)
Алле, р. (Alle)
Аллендорф (Allendorf)
Алленштейн (Allenstein)
Аллерсдорф, ручей (Allersdorfer Bach)
Альма, ферма (Alma F^c)
Альпы
Альтенштадт (Altenstadt)
Альткирх (Altkirch)
Альт-Рогниц (Alt-Rognitz)
Альтона (Altona)
Альт-Оттинг (Alt-Otting)
Альтштадт (Altstadt)
Альт-Эглофсгейм (Alt-Eglofsheim)
Альфельд (Alfeld)
Аманвиллер [Amanwillers (Amanwiller)]
Амблимон (Amblimont)
Америка
Ангербург (Angerburg)
Ангерн (Angern)
Анден (Andenne)
Англия
Анкендорф (Ankendorf)
Ансбах (Ansbach)
Антверпен (Antwerpen)
Аоста (Aosta)
Апольда (Aolda)
Апулия
Арденель (Ardenelle)
Арденский лес
Арнавиль (Arnaville)
Арнау (Arnau)
Арнсдорф (Arnsdorf)
Арри (Arry)
Арс (Ars)

Асперн (Aspern)
Атиньи (Attigny)
Ау (Au)
Аугсбург (Augsburg)
Ауезд (Aujesd)
Аулейов (Aulejow)
Аупа р. (Aupa)
Ауссиг (Aussig)
Аустерлиц (Austerlitz)
Ауфид (Офанто) [Aufidus (Ofanto)]
Африка
Ашбах (Aschbach)

Б

Бавария (Bayern)
Бад (Bad)
Баден (Baden)
Базейль (Bazeilles)
Базель (Bazel)
Байреит (Bayreuth)
Бойковиц (Boikowitz)
Баков (Bakow)
Балан (Balan)
Балканский полуостров
Балтийское море
Бамберг (Bamberg)
Бантевиль (Bantheville)
Бар (Bar)
Бартенштейн (Bartenstein)
Батильи (Batilly)
Баусниц (Bausnitz)
Бауцен (Обер-, Унтер-) (Bautzen, Ober-, Unter-)
Бахль (Bachl)
Бацлов (Batzlov)
Бейенроде (Beienrode)
Бейерман, вилла (Villa Beuermann)
Бензен (Bensen)
Бекслейден (Bexleiden)
Бексбах (Bexbach)
Бель-Альянс (Belle-Alliance)
Бель Воле, ферма (Belle-Vollee, ferme)
Бельгия
Белинцона (Bellinzona)
Белькруа (Bellescroix)
Бель Тур, ферма (Ferme de Belle Tour)
Бельфор (Belfort)
Бенатек (Benatek)
Бенэ (Beneu)
Бергцаберн (Bergfriede)
Бергфриде (
Березина р.

Беринген (Beringen)
Берка (Berka)
Берлин (Berlin)
Бернекур (Bernecourt)
Бернсдорф (Bernsdorf)
Бертринген (Bertringen)
Бецва р. (Beczwa)
Биберах (Bieberach)
Бибург (Biburg)
Бинвальдцигельхютте (Bienwaldziegelhutte)
Бинген (Bingen)
Бинш (Binche)
Бискупиц (Biskupitz)
Бич (Bitch)
Бишвейлер (Bischweiler)
Бланьи (Blagny)
Блашовиц (Blaschowitz)
Блейхероде (Bleicherode)
Блискартель (Blieskastel)
Блиттерсдорф (Blittersdorf)
Блуменау (Blumenau)
Блятта, р. (Blatta)
Бобр, р. (Bober)
Богемия (Bohmen)
Богемская Айха (Bohm. Aicha)
Богемская Лейпа (Bohm. Leipa)
Богемское Трюбау (Bohm. Trubau)
Богарна (Boharna)
Боданеч (Bodanetsch)
Боденбург (Bodenburg)
Бозин (Bosin)
Бойковиц (Boikowitz)
Боклэр (Beauclair)
Болгария
Болье, ферма (Beaulieu F^c)
Больхен (Bolchen)
Бомон (Beaumont)
Бор (Bor)
Бормида, р. (Bormida)
Бони (Borny)
Бородино
Босежур (Beausejour)
Бофор (Beaufort)
Брада (Brada)
Брадаберг, выс. (Bradaberg)
Бранка, выс. (лощ.) [Branka Hohe (Schlucht)]
Брасец (Brasetz)
Бранау (Braunau)
Брауншвейг (Braunschweig)
Бревильи (Brevilly)
Брезина (Brezina)
Брезино (Brezino)

Брен-л'Алед (Brain l'Alled)
Бреска (Bresca)
Бреславль (Breslau)
Бресчия (Brescia)
Бри (Brye)
Брианкур (Briaucourt)
Бриг (Brieg)
Бриза (Brisa)
Бризайский лес (Brisaer Wald)
Бриэ (Brieu)
Бродек (Brodek)
Бродец (Brodetz)
Бронво (Bronvaux)
Брювиль (Bruville)
Брюзау (Brusau)
Брюнн (Brunn)
Брюссель (Brussel)
Буг, р. (Bug)
Будденброкское ущелье (Buddenbrock. Schlucht)
Бузендорф (Busendorf)
Булонь (Boulogne)
Бульзикаур (Boulzicourt)
Буль-о-Буа (Boult aux Bois)
Бунцельвиц (Bunzelwitz)
Бургвейтинг (Burgweiting)
Буркерсдорф (Burkersdorf)
Бутокур (Boutaucourt)
Бухсвейлер (Buchweiler)
Бушборн (Buschborn)
Бюзанси (Buzancy)
Бюши (Buchy)
Быстрица, р. (Bistritz)

В

Ваага (Waag)
Вавр (Wavre)
Вагнелэ (Wagnelee)
Ваграм (Wagram)
Ваделинкур (Wadelincourt)
Вальденбург (Waldenburg)
Вальдкаппель (Waldkappel)
Вальерский ручей (Walliers Bach)
Вальк, мельн. (Walk M.)
Валовский, овраг (Walowski Grund)
Вальтерсгаузен (Waltershausen)
Валха, мельн. (Walcha M.)
Вам, ферма (F^c de Wamme)
Вам, ручей (Ruissau de la Wamme)
Вамберг (Wamberg)
Ванфрид (Wanfried)
Ванту (Wantoux)

Вар, р. (Var)
Варен (Warenes)
Варлак (Warlack)
Вармбрунн (Warmbrunn)
Вармонтери, ферма (Warmonterne F^c)
Варнекур (Warnecourt)
Варнифоре (Warniforet)
Варта, р (Warthe)
Варца (Warza)
Ватерлоо (Waterloo)
Вацан (Wazan)
Ваха, р. (Wacha)
Вахтель (Wachtel)
Везели (Wesely)
Везель (Wesel)
Вейгельсдорф (Weigelsdorf)
Войденбах (Weiden-Bach)
Веймар (Weimar)
Вейсенбург (Weissenburg)
Вейсенфельс (Weissenfels)
Вейскирхен (Weisskirchen)
Вейшовиц (Weischowitz)
Векельсдорф (Weckelsdorf)
Велау (Wehlau)
Велька (Welka)
Вольхов (Welchow)
Вье-Манан (Vieux Manans)
Вена (Wien)
Венгерский Брод (Ungarich Brod)
Вавдрес (Vendresse)
Венгрия (Ungarn)
Венеция
Вьен-ле-Шаю (Vienn le Chateau)
Венцельскирхе (Wenzelskirche)
Венцельсберг (Wezelsberg)
Вербовце (Werbovce)
Верден (Verdun)
Верован (Wierowan)
Верьер (Verrieres)
Верневиль (Verneville)
Верни (Verny)
Вернсгаузен (Wernshausen)
Версаль
Верг (Worth)
Верра, р. (Werra)
Верховин (Werchowin)
Верчелли (Vercelli)
Вестгаузен (Westhausen)
Вестец (Westetz)
Ветрник (Wetrnik)
Вецвальде (Wetzwalde)
Вецлар (Wetzlar)

Вивье-о-Кур (Vivier au Court)
Вигандсталь (Wieganstahl)
Виклицкая мыза (Wilitzer Hof)
Вилленберг (Willenberg)
Виллер л'Орм (Villers l'Orme)
Виллер-о-Буа (Villers aux Bois)
Виллер-Сернз (Villers Cernay)
Вильденшверт (Wildenschwert)
Вилькерсдорф (Wilkersdorf)
Вильмонтри (Villemontry)
Виль-сюр-Ирон (Ville sur Yron)
Вильферсдорф (Vilfersdorf)
Винген (Wingen)
Вионвиль (Vionville)
Висла, р. (Weichsel)
Висовиц (Wisowitz)
Вистар (Wiestar)
Витлих (Wittlich)
Витри-ле-Франсуа (Witry le Francois)
Виценгаузен (Witzenhausen)
Влар, перевал (Wlar-Pass)
Вогезы (Vogesen)
Во, лес (Bois de Vaux, Wald von Vaux)
Вокшиц (Wokschitz)
Волькеринг (Wolkering)
Волькерсдорф (Wolkersdorf)
Вольмюнстер (Wolmunster)
Вольга (Wolga)
Вольфсдорф (Woifsdorf)
Вонк (Voncq)
Воогхейсхен (Wooghauschen)
Ворбис (Worbis)
Вормс (Worms)
Вострушно (Wostruschno)
Восточная Азия
Восточная Пруссия (Ost-Preussen)
Вохавец (Wochawetz)
Врбатец (Wrbatek)
Врбовец (Wrbowetz)
Ври (Vry)
Вринь-о-Буа (vrigne aux Bois)
Врховниц (Wrchownitz)
Всестар (Wsestar)
Ваппи (Woippy)
Вузье (Vouziers)
Высоков (Wysokow)
Высоковская возвышенность (Wysokower Hohe)
Вюртемберг (Wurtemberg)
Вюрцбург (Wurzburg)

Г

Габель (Gabel)
Габлонц (Gablonz)
Габонвиль (Gabonville)
Габрина (Gabrina)
Гагенау (Gagenau)
Гайда (Gaida)
Гайнбург (Gainburg)
Гайних, р. (Gainich)
Гальгенберг (Galgenberg)
Гальгенгрунд, овр. (Galgengrund)
Галиция (Galizien)
Галле (Halle)
Ганау (Hannau)
Ганновер (Hannover)
Ганнонвиль (Hannonwille)
Ган-сюр-Нид (Han sur Nied)
Гарен, лес (Bois de la Garenne)
Гаузен (Hausen)
Гаунерсдорф (Haunersdorf)
Гаф, залив (Haff)
Гебелькофен (Gebelkofen)
Геблинген (Geblingen)
Гевич (Gewitch)
Гединг (Goding)
Гейзельгеринг (Geiselhoring)
Гейлигенбейль (Heiligenbeil)
Гейлигенталь (Heilighenthal)
Гейлигенштадт (Heiligenstadt)
Гейльсберг (Heilsberg)
Гелленау (Hellenau)
Геллимер (Hellimer)
Гельсдорф (Helsdorf)
Гемау (Hemaу)
Гензерндорф (Ganserndorf)
Геннингслебен (Henningsleben)
Генуя (Genua)
Гербрехгинген (Herbrechtingen)
Гериц (Goritz)
Герлиц (Gorlitz)
Германия
Герстунген (Gerstungen)
Герсфельд (Hersfeld)
Герцберг (Herzberg)
Гершель (Horschel)
Гесеен (Hessen)
Геттинген (Gottingen)
Гецельрода (Hotzelroda)
Гизельсгаузен (Gieselshausen)
Гильгенбург (Gilgenburg)
Гинолиц (Ginolitz)
Гиршберг (Hirschberg)
Гиршфельде (Hirschfelde)

Гихенбах (Guichenbach)
Гичин (Gitschin)
Гичиновес (Gitchinowes)
Глац (Glatz)
Глацкая Нейса, р. (Glatzer Neice)
Гогенбрук (Hohenbruck)
Гогенштадт (Hohenstadt)
Гогенмаут (Hohenmauth)
Гойерсверда (Hoyerswerda)
Гола, лес (Holla-Wald)
Голлешау (Hollschau)
Гольдбах, руч. (Goldbach)
Голье (Gaulier)
Голин (Holin)
Голиц (Holitz)
Голич (Holitsch)
Голубиц (Holubitz)
Гомбург (Homburg)
Гомекур (Homecourt)
Гониондз (Gonionds)
Гопфенберг (Hopfenberg)
Горгаст (Gorgast)
Гореновес (Horenowes)
Горз (Gorze)
Горика (Horika)
Гориц (Horitz)
Горнбах (Hornbach)
Госсели (Gosselies)
Гота (Gotha)
Готард — см. Сен-Готард
Гофбург (Hofburg)
Гофебрух, болото (Hofebruch)
Гравелот (Gravelotte)
Градек (Hradek)
Градлиц (Gradlitz)
Гран-Пре (Grand Pre)
Градиш-Венгерский (Ungarisch-Hradisch)
Грасс, высоты (Grass)
Грейфенберг (Greiffenberg)
Грезерская фабр. (Graesers Fbr.)
Грефентонна (Grafentonna)
Грижи (Grigy)
Грозенкау (Hrosenkau)
Гронау (Gronau)
Грос-Бюрглиц (Gr. Burglitz)
Грос-Глушиц (Gr. Hluschitz)
Грос-Гершен (Gr. Gorschen)
Грос-Готтери (Gr. Gottern)
Грос -Иериц, (Gr. IJeritz)
Грос-Лаабер, р. (Gr. Laaber)
Грос-Лупниц (Gr. Lupnitz)
Грос-Райгери (Gr. Raigern)

Грос Тенхен (Gr. Tannchen)
Грос-Тротин (Gr. Trotin)
Гроткау (Grottkau)
Гротгау (Grottau)
Грохов (Hrochow)
Грубшиц (Hrubschitz)
Грюцберг, гор. (Grutzberg)
Гунспах (Hunspach)
Гутштадт (Guttstadt)
Гюнервассер (Huhnerwasser)
Гюстебизе (Gustebiese)

Д

Дамвиллер (Damvillers)
Дам, лес (Bois des Dames)
Дания
Даубы (Dauby)
Дворец (Dvoretz)
Деван-ле-Пон (Devant les Ponts)
Деггенбах (Deggenbach)
Дейч-Брод (Deutsch-Brod)
Дейч-Праусниц (Deutsch-Prausnitz)
Дейч-Эйлау (Deutsch-Eylau)
Дельме (Delme)
Денневиц (Dennewitz)
Деньи (Daigny)
Деппен (Deppen)
Диденгофен (Diedenhofen)
Диез (Dieuze)
Дижон (Dijon)
Диль, р. (Dyle)
Дилец (Dieletz)
Динан (Dinant)
Дингельштэdt (Dingelstadt)
Динцлинг (Dinzling)
Диттерсбах (Dittersbach)
Длухониц (Dluhonitz)
Добрушка (Dobruschka)
Догалицка (Dohalitzka)
Долан (Dolan)
Домаусниц (Domausnitz)
Домбаль (Dombasle)
Домбров (Dombrow)
Домицийская роща (Dommitsche Heide)
Домков (Domkov)
Дом-ле-Мениль (Dom le Mesnil)
Донауверт (Donauworth)
Донкур (Doncourt)
Донтриен (Dontrien)
Доншери (Donchery)
Дора-Рипария, р. (Dora Riparia)

Дориваль (Dorival)
Дорнбург (Dornburg)
Дрансфельд (Dransfeld)
Драхенброн (Drachenbronn)
Древицкая роша (Drewitzer Heide)
Древний лагерь (Vieux Camp)
Дрезден (Dresden)
Дрезинг (Drosing)
Дуб (Dub)
Дубенец (Dubenetz)
Дубно (Dubno)
Дубовая роша (Eichwald)
Дубравиц (Doubrawitz)
Дудерштадт (Duderstadt)
Дузи (Douzy)
Дунай, р. (Donau)
Дьелуар (Dieulouard)
Дэн (Dun)

Е

Еврейская гора (Judenberg)
Европа
Егерталь (Jagerthal)

Ж

Жамец (Jametz)
Шанблу (Gembloux)
Жарни (Jarny)
Женап (Genappe)
Женева (Genf)
Жениво, лес (Bois de Genivaux)
Живодо, лес (Bois de Givodeau)
Живонна, р. (Givonne)
Живонн, сел. (Givonne)
Жиромон (Giramont)
Жиршиковиц (Jirzikowitz)
Жомон (Jaumon)
Жуавиль (Jouaville)
Жюси (Jussy)

З

Заальсфельд (Saalsfeld)
Заала, р. (Saale)
Заводилка (Sawodilka)
Зальгаунд (Saalhaupt)
Зальмансгаузен (Sallmanshausen)
Зальной (Salnai)
Зальца, р. (Salza)
Зандинг (Sanding)

Зауэр, р. (Sauer)
Збейшов (Zbeischow)
Здаunek (Zdaunek)
Здиар (Zdiar)
Здобин (Zdobin)
Зебук (Sebus)
Зеезен (Seesen)
Зейденберг (Seidenberg)
Зельц (Selz)
Земиль (Semil)
Земмерда (Sommerda)
Зендразиц (Sendrasitz)
Зенфтенберг (Seuftenberg)
Зигенбург (Siegenburg)
Зимероде (Simerode)
Зирк (Sierck)
Зихров (Sichrow)
Злич (Zditsch)
Зондерсгаузен (Sondershausen)
Зондра (Sondra)
Зоор (Soor)
Зохорс (Sochors)
Зульц (Zulz)
Зульцбах (Sulzbach)
Зундгаузен (Sundhausen)
Зурбург (Surburg)
Зуффенгейм (Sufflenheim)
Зюдерзе (Sudersee)
Зюптиц (Suptitz)

И

Иврея (Ivrea)
Иглау (Iglau)
Иена (Jena)
Иж (Iges)
Иезбин (Jesbin)
Иерицек (Jeritzek)
Изар, р. (Isar)
Изер, р. (Iser)
Изерские горы (Iser-Gebirge)
Изонцо
Иллер, р. (Iller)
Илли (Illy)
Ильм, р. (Ilm)
Ингвейлер (Ingweiler)
Ингольсгейм (Ingolsheim)
Ингольштадт (Ingolstadt)
Индия
Инн, р. (Inn)
Инор (Inor)
Иоганнескапелле (Johanneskapelle)

Иоганнисбург (Johannisburg)
Иозефштадт (Joseffstadt)
Ионк, руч. (Yoncq)
Ирон, р. (Yron)
Исполиновы горы (Reisen-Geberge)
Италия

К

Каденбронн (Kadenbronn)
Казаль (Gaza)
Кайзерслаутерн (Kaiserslautern)
Кайле (Kaile)
Капсвейер (Kapsweyer)
Кальвер д'Илли (Kalvaire d'Illy)
Калленбергская мельн. (Kallenbergs M.)
Калькберг (Kalkberg)
Кам (Cham)
Камбург (Camburg)
Канны (Cannae)
Капелленберг (Kapellenberg)
Кариньян (Carignan)
Карлингген (Karlingen)
Карлсруэ (Karlsruhe)
Карпаты
Кассель (Kassel)
Катр-Шан (Quatre Champs)
Катрбра (Quatrebras)
Кауфунген (Kaufungen)
Кацауерберг (Katzauerberg)
Кацбах, руч. (Katzbach)
Кашов (Kaschow)
Кбельниц (Kbelnitz)
Квалиш (Qualisch)
Кварчен (Quartschen)
Квейс, р. (Queiss)
Квец (Quetz)
Кезен (Kosen)
Келё, форт (Fort Queuleu)
Кельхейм (Kelheim)
Кенигингоф (Koniginhof)
Кениггрец (Koniggratz)
Кенигсберг (Konigsberg)
Кенишпадтль (Konigstadt1)
Керимон, ферма (Querimont F°)
Керстенбрюгге (Kerstenbrugge)
Кессельсдорф (Kesselsdorf)
Кецельсдорф (Ketzelsdorf)
Кенигсау, р. (Konigsau)
Кирхберг (Kirchberg)
Кирххейлинген (Kirchheiligen)
Кияссо (Chiasso)

Кладруб (Kladrub)
Клеебург (Kleeburg)
Клейн-Гостиградек (Kl. Hostiehradek)
Клейн-Гинолиц (Kl. Ginolitz)
Клейн Камин (Kl. Kammin)
Клейн-Редерхинген (Kl. Rederchingen)
Клейн-Скалиц (Kl. Skalitz)
Клени (Kleny)
Клениц (Klenitz)
Клермон (Clermont)
Климбах (Klimbach)
Клопотовиц (Klopotowitz)
Книшниц (Обер-, Унтер-) [Knischnitz (Ober-, Unter)]
Кнопен (Knopen)
Кобельниц (Kobelnitz)
Кобленц (Koblenz)
Кобылиц (Kobilitz)
Кожетин (Kojetin)
Колбинг (Kolbing)
Колин (Kolin)
Коломбей (Colombey)
Кольр, ферма (Kaulre, F^e)
Колфурт (Kohlfurt)
Командирская высота (Komandeurhohe)
Комаров (Komarow)
Коморн (Komorn)
Кониц (Konitz)
Конецхлум (Konetzchlum)
Консенвуа (Consenvoye)
Конфлан (Conflans)
Копенгаген
Копидльно (Kopidlno)
Корни (Corny)
Корнэ (Cornay)
Костелец (Kosteletz)
Костольна (Kostolna)
Котбус (Kotbus)
Котвиц (Kottwitz)
Кралиц (Kralitz)
Красный дом (Rotes Haus) (La Maison Rouge)
Крацау (Kratzau)
Крейбиц (Kreibitz)
Крейц (Kreutz)
Крейцвальд (Kreutzwald)
Кремзир (Kremsier)
Кремона (Crema)
Кремс (Krems)
Кренау (Kronau)
Крженовиц (Krzenowitz)
Криблиц (Kriebnitz)
Кринец (Krinetz)
Крисдорф (Kriesdorf)

Кричен (Kritschen)
Ксонвиль (Xonville)
Куклена (Kuklena)
Кукус (Kukus)
Кульм (Kulm)
Кунерсдорф (Kunersdorf)
Кунчиц (Kuntschitz)
Кургессен (Kurhessen)
Курсель (Kurzel)
Кустоцца (Custozza)
Куэнвиль (Coinville)
Куэнси (Coincy)
Кюсс, лес (Bois de la Cusse)
Кюстрин (Kustrin)

Л

Лаа, р. (Laa)
Лайхлинг (Обер-) (Laichling, Ober-)
Лакенекси (Laquenexy)
Ламбюсар (Lambussart)
Ламнертслох (Lamnertsloch)
Лан, р. (Lasne)
Лангенбрюк (Langenbruck)
Лангенгайн (Langenhain)
Лангенгоф (Langenhof)
Лангенгрунд, овраг (Langengrund)
Лангензальца (Langensalza)
Лангензульцбах, руч. (Langensulzbach)
Ланген-Рейхенбах (Langen-Reichenbach)
Лангквейд (Langequaid)
Лангула (Langula)
Ландр (Landres)
Ландграфские горы (Landgrafenberge)
Ландсберг (Landsberg)
Ландсгут (Landshut)
Ландскрон (Landskron)
Ланевиль (Lanneuville)
Ланфруакур (Lanfroicourt)
Ланчов (Lancow)
Латур (Latour)
Лаубан (Lauban)
Лаузиц (Лузация) (Lausitz)
Лаузицкие (Лузицкие) горы (Lausitzer-Gebirge)
Лаузицкая Нейса (Lausitzer Neisse)
Лаунау (Launau)
Лаутер, р. (Lauter)
Лаутербах (Lauterbach)
Лаутербург (Lauterburg)
Ле-Амо (Le Hameau)
Лёбау (Lobau)
Лебах (Lebach)

Левенберг (Lowenberg)
Левин (Lewin)
Ле-Гран-Диелэ (Le Grand Dieulet)
Лез-Эвель (Les Ayvelles)
Лейерндорф (Lierndorf)
Лейпник (Leipnik)
Лейпциг (Leipzig)
Лейпциг, франц. сел. (Leipzig)
Лейтен (Leithen)
Лейтомышль (Leitomischl)
Ле-Катр-Ван (Les Quatre Vents)
Ле-Ман (Le Mans)
Лембах (Lembach)
Лемиттен (Lemitten)
Ле-Пти-Терм (Le Petit Terme)
Ле-Рюль (Le Rulle)
Ле-Сансоннэ (Le Sansonnet)
Ле-Сезрэ (Le Sezerais)
Лесси (Lessy)
Летан (Letanne)
Летговиц (Lettowitz)
Лех, р. (Lech)
Ле-Шен (Le Chesne)
Либан (Liban)
Либау (Liebau)
Либенау (Liebenau)
Либенталь (Liebenthal)
Либич (Liebitsch)
Либталь (Liebthal)
Лигниц (Liegnitz)
Линьи (Ligny)
Линдах (Lindach)
Лион (Lyon)
Липа (Lipa)
Лисса (Lissa)
Литава, руч. (Littawa Bach)
Литич (Lititsch)
Латгау (Littau)
Лихтенау (Lichtenau)
Лобзан (Lobsan)
Ловальер (Lauvalliere)
Лодин (Lodin)
Лозанна (Lausanne)
Ломбардия
Ломниц (Lomnitz)
Лонгвиль (Longeville)
Лонгюйон (Longuyon)
Лондон
Лоренцен (Lorenzen)
Лорри (Lorry)
Лота (Lotha)
Лотарингия (Lothringen)

Лохениц (Lochenitz)
Лохов (Обер-, Унтер-) [Lochow(Ober-, Unter-)]
Лоцан (Lozan)
Луара, р. (Loire)
Лубельн (Lubeln)
Лубно (Lubno)
Лувиньи (Louvigny)
Лузацкий хребет — см. Лаузицкие Горы
Лунденбург (Lundenburg)
Луше (Lusche)
Людмансдорф (Ludmamsdorf)
Люнебург (Luneburg)
Люппи (Luppy)
Лютцельштейн (lutzelstein)
Ля-Арнотри, ферма (La Harnoterie, F^c)
Ля-Безас (La Besace)
Ля-Берльер (La Berliere)
Ля-Маладри (La Maladrie)
Лямекур (Lamescourt)
Ляминуар (Laminoir)
Ля-Монсель (La Moncelle)
Лямпертслох (Lampertsloch)
Ля-Планшет (La Plancette)
Ля-Рамори (La Ramorie)
Ля-Сартель, ферма (La Sartelle F^c)
Ля-Тибодин, ферма (La Thibaudine, F^c)
Ля-Фоли (La Folie)
Ля-Фулери (La Foulerie)
Ля-Шапель (La Chapelle)
Ля-Э (La Haue)
Ля-Э-Сент (La Haue Sainte)
Льеж (Luttich)

М

Маас, р. (Maas)
Магдебург (Magdeburg)
Мазурские озера (Masurische Seen)
Майн, р. (Main)
Майнбург (Mainburg)
Майнц (Mainz)
Максау (Махау)
Маланкур (Malancourt)
Мальмезон (Malmaison)
Мангейм (Mannheim)
Маньи (Magny)
Манс, ручей и овраг (Mance Bach, Mance Schlucht)
Манс, лес (Mance Wald)
Маншнов (Manschow)
Маранж (Маринген) (Marange), (Maringen)
Маранкур (Marancourt)
Марбах (Marbach)

Марбэ (Marbais)
Марвиль (Marville)
Маренго (Marengo)
Мариенталь (Marienthal)
Марклисса (Marklissa)
Маркт-Эйзенштадтль (Markt-Eisenstadt)
Марна, р. (Marne)
Марсаль (Marsal)
Марс-ля-Тур (Mars la Tour)
Мартиньи (Martigny)
Мариновиц (Martinowitz)
Мархег (Marchegg)
Маршьен (Marchienne)
Масловед (Maslowed)
Медлинг (Modling)
Мезьер (Mezieres)
Мезери (Maizery)
Мсзериц (Mezeritz)
Мезон-дю-Роя (Maison du Roy)
Мей (Meu)
Мейнинген (Meiningen)
Мёниц (Monitz)
Меминген (Memmingen)
Меринген (Meringen)
Мерксleben (Merxleben)
Мерси-ле-О (Mercy le Haut)
Мерта, р. (Meurthe)
Мерхинген (Morchingen)
Мерциг (Merzig)
Меттау, р. (Mettau)
Мехельн (Mecheln)
Мехтерштэdt (Mechterstadt)
Мец (Metz)
Мигава, перевал (Migawa)
Мила (Mihla)
Милан (Mailand)
Милетин (Miletin)
Милешовиц (Milechowitz)
Миловиц (Milowitz)
Минчио, р. (Mincio)
Мисколес (Miskoles)
Митцель, р. (Mietzel)
Могадор (Mogador)
Могельниц (Mohelnitz)
Модер, р. (Moder)
Мозель, р. (Moselle)
Мозель, форт (Moselle, Ft)
Мокровус (Mokrowous)
Мокры-Вшен (Mokry-Wschen)
Монвиллер (Monwillers)
Мон-де-Брюн (Mont de Brune)
Монмеди (Monmedy)

Монмирайль (Montmirail)
Монс (Mons)
Мон-Сен-Жан (Mt. St. Jean)
Мон-Сени (Mont Cenis)
МОНТВО, овр. (Montveau)
Монтебелло (Montebello)
Монтимон (Montimont)
Монтиньи-ля-Гранж (Montigny la Grange)
Монтуа (Montois)
Монфокон (Monfaucon)
Моосгоф (Mooshof)
Морава, р. (March)
Моравия (Mahren)
Моравский Булвиц (Mahr. Budwitz)
Моравское Трюбау (Mahr. Trubau)
Мосбург (Mosburg)
Москва
Моску, ферма (Moscou F^c)
Моштиниц (Moschtienitz)
Муайэвр ля-Гранд (Moyeuivre la Grande)
Муанвиль (Moineville)
Музон (Mouzon)
Мукден
Мулен (Moulins)
Мускау (Muskau)
Муски (Musky)
Мускиберг, выс. (Muskyberg)
Мцан (Mzan)
Мъшинец (Myszyniec)
Мэри (Mairy)
Мюглиц (Muglitz)
Мюлберг, гора (Muhlberg)
Мюленфлис (Muhlenfliess)
Мюльгаузен (Muhlhausen)
Мюнден (Munden)
Мюнстер (Munster)
Мюнхен (Munchen)
Мюнхенгрец (Munchengratz)

Н

Надас, перевал (Nadas)
Намюр (Namur)
Нанси (Nancy)
Напагедль (Napagedl)
Нарев, р. (Narew)
Насильнич (Nasilnitsch)
Нассау (Nassau)
Наумбург (Naumburg)
Наход (Nachod)
Наэ, р. (Nahe)
Неаполь

Негельштэdt (Nagelstedt)
Неделишт (Nedelist)
Нейбидшов (Neubedschow)
Нейбург (Neuburg)
Нейвейлер (Neuweiler)
Нейвельт (Neuwelt)
Нейдаммерская мельница (Neudammer M.)
Нейден (Neiden)
Нейдорф (Neudorf)
Нейендорф (Neuendorf)
Нейнкирхен (Neunkirchen)
Неймаркт (Neumarkt)
Ней Прим (Neu Prim)
Ней-Рогниц (Neu Rognitz)
Нейса р. (Neisse)
Нейшлос (Neuschloss)
Нейштадт (Neustadt)
Нейштадтль (NeustadtI)
Нейштифт (Neustift)
Неккар, р. (Neckar)
Неккарельц (Neckarelz)
Неман, р.
Немсова (Nemsowa)
Немчиц (Nemtschitz)
Неханиц (Nechanitz)
Нид, р. (Nied)
Ннд немецкий, р. (Deutscher Nied)
Нид, р. француз. (Franzos Nied)
Нидер-Альтштадт (Nieder Altstadt)
Нидербронн (Niederbronn)
Нидервазе (Niederwiese)
Нидерланды
Нидер-Прим (Nieder-Prim)
Нидер-Редерн (Nieder-Rodern)
Никольсбург (Nikolsburg)
Никсевиль (Nixeville)
Никсдорф (Nixdorf)
Нимбург (Nimburg)
Нимес (Nimes)
Нимлау (Nimlau)
Ниски (Niesky)
Ницца (Nizza)
Новеан (Noveant)
Номени (Nomeny)
Нордгаузен (Nordhausen)
Нордлинген (Nordlingen)
Нуассевиль (Noisseville)
Нуар (Nouart)
Нуйи (Nouilly)
Нэртен (Norten)
Нюренберг (Nurnberg)

О

Обер-Бауцен (Ober-Bautzen)
Обер-Догалиц (Ober-Dohalitz)
Обер-Зандинг (Ober-Sanding)
Обер-Ислинг (Ober-Isling)
Обер-Прим (Ober-Prim)
Обер-Фекинг (Ober-Fecking)
Обер-Штейнбах (Ober-Steinbach)
Обуэ (Auboue)
Одер, р. (Oder)
Одерберг (Oderberg)
Олли (Ollу)
Ольмюц (Olmutz)
Ольшанн (Olschann)
Омекур (Homécourt)
Омикур (Omicourt)
Омудев, р. (Omulew)
Оньи (Ogny)
Онвиль (Onville)
Онъон, лес (Bois des Ognons)
Опатовиц (Opatowitz)
Оперсгаузен (Oppershausen)
Опочно (Opotschno)
Орлеан (Orleans)
Орн, р. (Orne)
Орни (Orny)
Оршен (Orschen)
Остероде (Osterode)
Остра (Ostra)
Остфрисланд (Ostfriesland)
Отниц (Ottnitz)
Отрекур (Autrecourt)
Оттаславиц (Ottaslawitz)
Оттвейдер (Ottweiler)
Оффенштетен (Offensteten)
Ош (Oches)
Ошиц (Oschitz)
Оэн (Ohain)

П

Павия (Pavia)
Панж (Pange)
Панкрац (Pankraz)
Пантен (Panten)
Паньи (Pagny)
Паплот (Paplotte)
Пардубиц (Pardubitz)
Париж
Паринг (Paring)
Паршниц (Parschnitz)

Паршницкие горы (Parschnitzer Berge)
Пассарга, р. (Passarge)
Пачкау (Patschkau)
Пейзинг (Peising)
Пельтр (Peltre)
Перль (Perl)
Петерсдорф (Petersdorf)
Пиаченца (Piacenza)
Пильникау (Pilnikau)
Пильсдорф (Pilsdorf)
Пирмасенс (Pirmasens)
Пирна (Pirna)
Писса, р. (Pissa)
Плансенуа (Plansenoit)
Плаушииц (Plauschnitz)
Плотист (Plotist)
Плуменау (Plumenaу)
Пляппвиль (Plappeville)
По, р. (Po)
Подград (Podgrad)
Подкост (Podkost)
Подол (Podol)
Подульш (Podulsch)
Познань (Posen)
Поличка (Politschka)
Польша (Polen)
Полиц (Poltz)
Померания (Pommern)
Пон-Можж (Le Pont Maugy)
Понт-а-Муссон (Pont-a-Mousson)
Поповиц (Popowitz)
Поповицкий лес (Popowitzer Wald)
Посорцицкий пост (Posorzitzer Post)
Прага (Prag)
Празек (Prasek)
Праусниц (Praussnitz)
Прахов (Prachow)
Праце (Pratze)
Праценские высоты (Pratzener Hohen)
Предмериц (Predmeritz)
Прейсиш Эйлау (Pr. Eylau)
Прейшдорф (Preuschdorf)
Пренцлау (Prenzlau)
Прелауч (Prelausch)
Препер (Preper)
Прерау (Prerau)
Пресбург (Presburg)
Привизин (Priwisin)
Проблус (Problus)
Проводов (Prowodow)
Просниц (Prossnitz)
Пруссия (Preussen)

Птит-Монсель (Petite Moncelle)
Птит-Форе, ферма (F^c de Petite Foret)
Пуа (Poix)
Пуйи (Pouilly)
Пунтовиц (Puntowitz)
Пуррон (Pourron)
Пурю-о-Буа (Pouru aux Bois)
Пурю-Сен-Реми (Pouru St. Remy)
Пуэн-дю-Жур (Point du Jour)
Пфальц (Pfalz)
Пфафенгофен (Pfaffenhofen)
Пфафендорф (Pfaffendorf)
Пфэфенгаузен (Pfeffenhausen)
Пютлинген (Puttlingen)

Р

Раач (Raatsch)
Ракодау (Racodau)
Ралинген (Rahlingen)
Рамбюкур (Rambucourt)
Распенау (Raspenu)
Ратибор (Ratibor)
Раткау (Ratkau)
Рачиц (Ratschitz)
Раштат (Rastatt)
Реберг, выс. (Rehberg)
Реген, р. (Regen)
Регенсбург (Regensburg)
Резонвиль (Rezonville)
Реймерсвейлер (Reimersweiler)
Реймс (Reims)
Рейн, р. (Rhein)
Рейнерц (Reinerz)
Рейн-Марнский канал (Rhein -Marne Kanal)
Рейнская провинция (Rheinprovinz)
Рейсинг (Reissing)
Рейхенау (Reichenau)
Рейхенбах (Reichenbach)
Рейхенберг (Reichenberg)
Рейхенсаксен (Грос-Рейхенсаксен) (Reichensachsen)
Рейхсгофен (Reichshofen)
Релинген (Relingen)
Ремильи (Remilly)
Ремонвиль (Remonville)
Реньевиль (Regnieville)
Рер-Грабен, р. (Rohrgraben)
Рехель (Rethel)
Ретонфей (Retonfey)
Реттендорф (Rettensdorf)
Ривальта (Rivalta)
Риксинген (Rixingen)

Римская дорога — см. Старая римская дорога
Робус (Robus)
Ровенско (Rowensko)
Роггинг (Rogging)
Родов (Rodow)
Розбериц (Rosberitz)
Розниц (Rosnitz)
Роздалавиц (Rosdalavitz)
Розерьель (Rozerieulles)
Рокетниц (Roketnitz)
Рокур (Raucourt)
Рона, р. (Rhône)
Ронкур (Roncourt)
Рор, р. (Rohr)
Росбах (Rossbach)
Россия
Роттенбург (Rottenburg)
Рудерсдорф (Rudersdorf)
Рудные горы (Erzgebirge)
Румбург (Rumburg)
Румыния
Русбах (Russbach)
Рюбеккур (Rubecourt)
Рюкерс (Ruckers)

С

Саар (Saar)
Сааральбен (Saaralben)
Саарбург (Saarburg)
Саарбрюкен (Saarbrücken)
Сааргемюнде (Saargemünd)
Саарунион (Saarunion)
Савойя (Savoie)
Садовая (Sadowa)
Саксония (Sachsen)
Самбра, р. (Sambre)
Сачан (Satschan)
Сачанский пруд (Satschaner Teich)
Светы (Sweti)
Свиган (Swigan)
Свип, лес (Swiep Wald)
Св. Елены, остров
Северное море
Седан (Sedan)
Сеземиц (Sezemitz)
Сей (Sey)
Сейль, р. (Seille)
Селение четырнадцати святых (Virzehnheilingen)
Семеккур (Semicourt)
Семюи (Semuy)
Сена, р. (Seine)

С.-Арнуаль (St. Arnual)
Сен-Барб (St. Barbe)
Сен-Бенуа (St. Benoit)
Сен-Бернар, Большой (gr. St. Bernard)
Сен-Бернар, Малый (Kl. St. Bernard)
Сен-Готард (St. Gotthard)
Сен-Дизье (St. Dizier)
Сен-Жюльен (St. Julien)
Сен-Жювен (St. Juvin)
Сен-Кантен, выс. (St. Quenten)
Сен-Манж (St. Menges)
Сен-Мам (St. Masmes)
Сен-Марсель (St. Marcel)
Сен-Менеульд (St. Menehould)
Сен-Прива (St. Privat)
Сен-Пьермон (St. Pieremont)
Сен-Реми (St. Remy)
Сен-Рюфэн (St. Ruffin)
Сент-Авольд (St. Avoird)
Сент-Альбер (St. Albert)
Сент-Аман (St. Amand)
Сент-Аман-ля-Э (St. Amand la Haue)
Сент-Анненкапелле (St. Annenkapelle)
Сент-Илер (St. Hilaire)
Сент-Ингберт (St. Ingbert)
Сент-Мари (St. Marie)
Сент-Эль (St. Ail)
Сент-Юбер (St. Hubert)
Сербия
Сервиньи (Servigny)
Сернэ (Cernay)
Сибоед (Siboied)
Силезия (Верхняя) [Schlesien (Ober)]
Симплон (Simplon)
Скалиц (Skalitz)
Скалка (Skalka)
Смидар (Smidar)
Смирно, (Smiritz)
Смоленск
Смоэн (Smohain)
Соботка (Sobotka)
Совенир (Sauveniere)
Советиц (Sowetitz)
Сокольниц, дер. (Sokolnitz Dorf)
Солей (Sauley)
Сольн (Solgne)
Сомбреф (Sombrefe)
Соммаут (Sommauthe)
Средиземное море
Старая Римская дорора (Alte Romer Strasse)
Стенэ (Stenay)
Стефанау (Stephanau)

Стольпен (Stolpen)
Стон (Stonne)
Страделла (Stradella)
Страны (Strany)
Страсбург (Strassburg)
Суза (Susa)
Суха (Sucha)
Сюип, р. (Suippe)
Сьерж (Cierges)

Т

Тайи (Tailly)
Тамзель (Tamsel)
Тамсбрюк (Thamsbruck)
Таннеберг (Tannenberg)
Таубенгорн (Taubenhora)
Тейген (Teugn)
Тейниц (Teinitz)
Тельниц (Telnitz)
Тенорг (Thenorgues)
Теннштэдт (Tennstedt)
Теншен (Tenschen)
Теплиц (Teplitz)
Тетин (Tetin)
Тетэнь (Tetaigne)
Тешен (Tetschen)
Тильи (Tilly)
Тильзит (Tilsit)
Тинишп (Tynist)
Тиокур (Thiocourt)
Тироль (Tirol)
Тирнау (Turnau)
Тичино (Ticino)
Тишновиц (Tischnowitz)
Тобичау (Tobitschau)
Тонгрин (Tongrinne)
Торгау (Torgau)
Торн (Thorn)
Тразиментское озеро
Траубек (Traubek)
Траугенау (Trautenau)
Требешов (Trebeshow)
Требия (Trebia)
Требич (Trebitsch)
Трезовиц (Tresowitz)
Трентзин (Trentsin)
Треффурт (Treffurt)
Трино (Trino)
Трир (Trier)
Тронвиль (Tronville)
Тротина (Trotina)

Туль (Toul)
Тульн (Tuln)
Турас (Turas)
Турбиго (Turbigo)
Турин (Turino)
Турнау (Turnau)
Туртерон (Tourteron)
Турция
Тюильри (Tuilerie)
Тюрингенский лес (Thuringer Wald)
Тюркенфельд (Turkenfeld)

У

Угомон (Hougomont)
Улибиц (Oulibitz)
Ульм (Ulm)
Унтер-Бауцен (Unter-Bautzen)
Унтер-Догалиц (Unter-Dohalitz)
Унтер-Зааль (Unter-Saal)
Уншпруг, р. (Unstrut)
Урлебен (Urleben)
Урчиц (Urtschitz)

Ф

Фализет, лес (Bois de la Falizette)
Фальгендорф (Falgendorf)
Фальн (Fally)
Фалькенберг (Falkenberg)
Фельклинген (Volklingen)
Фенч (Fentsch)
Филиппвиль (Philippville)
Филиппсбург (Philippsburg)
Филиппсгрунд (Philippsgrund)
Финстинген (Finstingen)
Фишбах (Fischbach)
Фланвиль (Flanville)
Флавиньи (Flavigny)
Фленье (Fleigneux)
Флерюс (Fleurus)
Флиз (Flize)
Флирей (Flirey)
Флоридсдорф (Floridsdorf)
Флуэн, руч. (R. de Floing)
Флуэн, сел. (Floing)
Фляба (Flaba)
Фоли (Folie)
Фон-де-Живонн (Fond de Givonne)
Форарльберг (Forarlberg)
Форбах (Forbach)
Фоссэ (Fosse)

Фразн (Frasnes)
Франкенштейн (Frankenstein)
Франконский лес (Franken Wald)
Франкфурт (Frankfurt)
Франция
Франшваль (Francheval)
Фрейбург (Freiburg)
Фрейзинг (Freising)
Фрейхейт (Freiheit)
Фрейштадт (Freystadt)
Френ (Fresnes)
Френуа (Frenois)
Фридберг (Friedeberg)
Фридланд (Friedland)
Фрицлар (Fritzlar)
Фриш-Гаф (Frisches Haff)
Фруар (Frouard)
Фулери (Foulerie)
Фюротенбрук (Furstenbruck)

Х

Хал (Hal)
Харбусиц (Charbusitz)
Харскирхен (Harskirchen)
Хвалковиц (Chwalkowitz)
Хельринг (hellring)
Хельшлох (Holschloch)
Хенчельсдорф (Hentschelsdorf)
Херлинген (Herlingen)
Хлум (Chlum)
Хлумец (Chlumec)
Хоржелле (Chorzelle)
Хотеборек (Choteborek)
Хотелиц (Chotelitz)
Хотец (Chotetz)
Хох-Везели (Hoch-Wesely)
Хоэнберг (Hohenberg)
Хоэнгандерн (Hohengandern)
Хохфельден (Hochfelden)
Хохштадт (Hochstadl)
Храст (Chrast)
Хронов (Hronow)
Хростов (Chrostow)
Хропин (Chropin)
Хрудим (Schrudim)

Ц

Цаберн (Zabern)
Цабернгрунд, овр. (Zaberngrund)
Цабрес (Zabres)

Цамес (Zames)
Цвейбрюкен (Zweibrucken)
Цвикау (Zwickau)
Цвиттавка, р. (Zwittawka)
Цвиттау (Zwittau)
Цебинберг (Zebinberg)
Цейц (Zeitz)
Целле (Celle)
Цереквиц (Cerekwitz)
Церов (Zehrow)
Цидлина (Cidlina)
Цидлинабах, руч. (Cidlinabach)
Цинна, р. (Zinna)
Цистовес (Cistowes)
Циттау (Zittau)
Циттов (Zittow)
Цихер (Zicher)
Цицеловес (Zizelowes)
Цлбов (Zlbow)
Цнайм (Znaim)
Цорн, р. (Zorn)
Цорндорф (Zorndorf)
Цюрих (Zurich)

Ч

Чейч (Tscheitsch)
Черногория

Ш

Шайд (Schaidt)
Шаландри (Chalandry)
Шалон на Марне (Chalons sur Marne)
Шамбах (Schambach)
Шамблей (Chambley)
Шамбьер, остр. (Chambiere)
Шампей (Champrey)
Шампенуа (Champenois)
Шамп-де-ля-Гранж (Cham de la Grange)
Шантрени (Chantrenne)
Шарлеви́ль (Charleville)
Шарлеруа (Charleroi)
Шарни (Charny)
Шарник (Scharnick)
Шатель Сен-Жермен (Chatel St. Germain)
Шатле (Chatelet)
Шато-Сален (Chateau-Salins)
Шаф-Берг (Schaf B.)
Шацлар (Schatzlar)
Шварцвассер (Schwarzwasser)
Швейдниц (Schweidnitz)

Швеция
Швейншедель (Schweinschadel)
Швейцария
Швехат (Schwechat)
Шевалье, лес (Le Bois Chevalier)
Шевенж (Chevenges)
Шеери (Chehery)
Шиель (Chieulles)
Шельда, р. (Schelde)
Шемберг (Schomberg)
Шемери (Chemery)
Шенбах (Schonbach)
Шенланде (Schonlande)
Шенштэdt (Schonstedt)
Шиель (Shiulles)
Шиер, р. (Chiers)
Ширлинг (Schierling)
Шланей (Schlaney)
Шлананиц (Schlapanitz)
Шлезвиг-Гольштиния (Schleswig-Holstein)
Шлюкенау (Schlakenau)
Шнейдгарт (Schneidhart)
Шноболин (Schnobolin)
Шонов (Schonow)
Шпанберг (Spanberg)
Шпанден (Spanden)
Шпитцберг (Spitzberg)
Шпихерн (Spichern)
Шпрея, р. (Spree)
Шпремберг (Spremberg)
Шрейбергау (Schreiberhau)
Штампфен (Stampfendorf)
Штангендорф (Stan)
Штаркенбах (Starkenbach)
Штаркоц (Starkoc)
Штауденц (Staudenz)
Штейнбуш (Steinbusch)
Штессер (Stossen)
Штецирек (Stezirek)
Штиринген-Вендель (Stieringen-Wendel)
Штиховиц (Stichowitz)
Штокгаузен (Stockhausen)
Штокерау (Stockerau)
Штрасниц (Strassnitz)
Штрачов (Stratschow)
Штресетиц (Stresetitz)
Штрин-Бах, руч. (Strien Bach)
Штудниц (Studnitz)
Штутгарт (Stuttgart)
Штюрцельбронн (Sturzelbronn)
Шурц (Schurz)

Э

Эб (Haubes)
Эйзенах (Eisenach)
Эйзенброд (Eisenbrod)
Эйзенштадтль (Eisenstadt)
Эйнбек (Einbeck)
Эйнзидель (Einsiedel)
Эйпель (Eipel)
Эйхихт (Eichicht)
Экмюль (Eggmuhl)
Эльба, р. (Elbe)
Эльбзандштейнские горы (Elbsandstein Gebirge)
Эльзас (Elsass)
Элликур (Aillicourt)
Эльстер, р. (Elster)
Эльхинген (Elchingen)
Эн, р. (Aisne)
Энвиль (Einville)
Энкревиль (Aincreville)
Эрбсберг (Erbsberg)
Эрминген (Ormingen)
Эртина (Ertina)
Эрфурт (Erfurt)
Этмансгаузен (Otmannshausen)
Этен (Etain)
Эч, р. (Etsch)
Эшвеге (Eschwege)
Эшские горы (Jeschken-Gebirge)

Ю

Южная Африка
Юнгбунцлау (Jungbunzlau)
Юра, горн. Хребет
Ютербог (Juterborg)
Ютландский порт

Я

Яворниц (Jawornitz)
Яромер (Jaromer)

II Имена

А

Абелэ, саксонский генерал
Аймар, французский генерал
Александр Македонский
Альбрехт, эрцгерцог, австрийский главнокомандующий
Альвенслебен, фон, прусский генерал-адъютант
Альвенслебен, фон, прусский генерал — командир 1 кавалерийской дивизии
Альвенслебен, фон, прусский генерал — командир III армейского корпуса
Аппиано, австрийский генерал
Арентшильд, фон, генерал, командир ганноверского корпуса
Аристотель, греческий философ

Б

Багратион, русский генерал
Базен, французский маршал
Барби, фон, прусский генерал
Вардслебен, фон, прусский обер-лейтенант
Барнеков, фон, прусский генерал
Бастуль, французский генерал
Баумбах, австрийский генерал
Башлю, французский генерал
Бейер, прусский генерал
Бельгард
Бек, фон-дер, прусский военный писатель
Беке, фон-дер, прусский полковник
Бекер, французский генерал
Белов, прусский полковник
Бенедек, австрийский главнокомандующий
Бенедек, австрийский бригадный генерал
Бенедетти, французский дипломат
Бенигсен, русский генерал
Берже, французский генерал
Бернадот, французский маршал
Бесьер, французский маршал
Бисмарк, германский канцлер
Блюхер, прусский генерал
Богарнэ, Жозефина, первая жена Наполеона I
Бозе, прусский генерал
Бонапарт, см. Наполеон I
Боннемен, французский генерал
Бонин, прусский генерал
Ботмер, ганноверский генерал
Борштель, фон, прусский генерал
Бранденбург, прусский генерал
Бранденштейн, австрийский генерал
Брауншвейгский, герцог

Бродов, фон, прусский кавалерийский подполковник
Вудденброк, фон, прусский генерал
Бурсье, французский генерал
Бюлов, прусский генерал
Бюлов, ганноверский генерал

В

Вагнер, саксонский генерал
Валабрег, французский генерал
Вальдерзее, граф, командир прусского гвардейского полка
Вальдштетен, австрийский генерал
Валязэ, французский генерал
Валлис, австрийский генерал
Вандам, французский генерал
Вассуань, французский генерал
Вебер, австрийский генерал
Ведель, прусский генерал
Вексей, австрийский генерал
Веллингтон, английский полководец
Вердер, прусский генерал
Вернгк. австрийский генерал
Виктор Эммануил II, итальянский король
Вильгельм I, германский император
Вимпфен, французский генерал
Вимпфен, австрийский генерал
Винуа, французский генерал
Винцингероде, фон, немецкий ландрат
Виттих прусский генерал
Внук, прусский генерал
Во, де, ганноверский генерал
Вольф, французский генерал
Врангель, прусский фельдмаршал
Вреде, баварский генерал
Вукасович, австрийский генерал
Вюртемберг, австрийский генерал
Вюртембергский, принц

Г

Габленц, австрийский генерал
Ганнибал, карфагенский полководец
Ганн, прусский генерал
Гартман, прусский генерал
Гасдрубал, начальник карфагенской конницы
Гассе, прусский артиллерийский офицер
Гебен, прусский генерал
Генрикец, австрийский генерал
Генрих, прусский принц
Герварт, фон, прусский генерал, командир Эльбской армией
Герварт, фон, прусский дивизионный генерал
Гессенский, принц

Глюмер, прусский генерал
Гильдбурггаузен, принц
Гиллер, австрийский генерал
Гнейзенау, прусский генерал, начальник штаба Блюхера
Гнюгте, прусский артиллерийский офицер
Гогенлоэ - Ингельфинген, принц, прусский генерал
Гогенлое, принц, прусский генерал
Гогенцоллерн, принц, прусский генерал
Годи, фон, прусский подполковник
Гоз, французский генерал
Гольц, фон-дер, прусский генерал
Гольштейнский, принц, австрийский генерал
Горн, прусский генерал
Горчаков, князь, русский генерал
Гофман, прусский генерал
Граншан, французский генерал
Гребен, граф, прусский полковник
Гренье, французский генерал
Гривичич, австрийский генерал
Гроссман, прусский генерал
Груши, французский маршал
Гюден
Гюпо

Д

Даву, французский маршал
Данненберг, фон, прусский генерал
Даун, граф, австрийский генерал
Дезе, французский генерал
Демику, русский кавалерийский генерал
Демон, французский генерал
Деруа, французский генерал
Домон, французский генерал
Дона, граф, прусский генерал
Дохтуров, русский генерал
Дрейзе, конструктор игольчатого ружья
Дризен, прусский генерал
Друзэ, французский генерал
Дузэ, французский генерал
Дю-Барайль, французский генерал
Дюкро, французский генерал
Дюмон, французский кавалерийский генерал
Дюпон, французский генерал
Дюрют, французский генерал

Е

Евгений Савойский, принц, полководец
Елачич, австрийский генерал

Ж

Жерар, французский генерал
Жером, французский генерал
Жиран, французский дивизионный генерал
Жони, австрийский фельдмаршал

З

Зальдерн, прусский генерал
Зейберт, вюртембергский полковник
Зейдлиц, прусский кавалерийский генерал
Зекендорф, фон, прусский генерал

И

Иоганн, эрцгерцог, австриец
Ионак, австрийский генерал
Иосиф, эрцгерцог, австрийский генерал

К

Камеке, фон, прусский генерал
Каминский, прусский генерал
Каниц, прусский генерал
Канробер, французский маршал
Канштейн, прусский генерал
Каприви, фон, прусский подполковник
Карл Лотарингский, фельдмаршал
Карл, эрцгерцог австрийский
Кастаньи, французский генерал
Кафарелли, французский генерал
Келлерман, французский генерал
Кессель, фон, прусский генерал
Кинмайер, австрийский генерал
Кио, французский бригадный генерал
Кирбах, фон, прусский генерал
Кирхмайер, австрийский генерал
Клам-Гадлас, австрийский генерал
Клаузевиц (Карл), фон, прусский военный мыслитель
Клаузевиц, фон, прусский генерал
Кнебель, австрийский генерал
Кнезебек, ганноверский генерал
Колен, французский генерал
Коловрат, австрийский генерал
Консейль-Дюмениль, французский генерал
Константин, русский великий князь
Коронини, командир австрийского полка
Корсиканец, см. Наполеон I
Корт, командир прусского отряда
Крац, прусский генерал
Крейсерн, австрийский генерал
Кронпринц Саксонский

Кронпринц шведский
Кудонговэ, австрийский генерал
Куммер, прусский генерал
Кугузов, русский фельдмаршал

Л

Ланжерон, русский генерал
Ланн, французский маршал
Лапоип, французский генерал
Лартит, французский генерал
Ласси, австрийский генерал
Лаудон, австрийский генерал
Лебеф, французский генерал
Лебрэн, французский генерал
Левенфельд, прусский генерал
Легран, французский генерал
Лейнинтен, саксонский генерал
Леман, прусский генерал
Леонид, спартанский царь, герой битвы под Фермопилами
Леопольд, эрцгерцог австрийский
Лесток, прусский генерал
Лефевр, французский маршал
Либер, французский генерал
Линкер, прусский генерал
Лихтенштейн, князь
Лобау, французский генерал
Лоренцез, французский генерал
Лучези, австрийский кавалерийский генерал
Л'Эрилье, французский генерал
Людвиг, эрцгерцог австрийский
Лякретель, французский генерал
Лямиро, французский генерал
Ляпассе, французский генерал

М

Мак, австрийский генерал
Мак-Магон, французский маршал
Малотки, прусский генерал
Мантейфель, фон (1759 г.), прусский генерал
Мантейфель (1866 г.) прусский генерал
Манштейн, прусский генерал
Марвиц, прусский кавалерийский генерал
Маргарон, французский генерал
Маргерит, французский генерал
Мария-Терезия, австрийская императрица
Массена, французский маршал
Мелас, австрийский фельдмаршал
Мемерти, прусский генерал
Менсдорф, граф, австрийский министр-президент
Метман, французский генерал

Мило, французский генерал
Мольтке (старший), начальник германского генерального штаба
Молинари, австрийский фельдмаршал-лейтенант
Монбрен, французский генерал
Мондель, австрийский генерал
Монсей, французский генерал
Монтбе, прусский генерал
Монтодон, французский генерал
Моран, французский генерал
Моссион, французский генерал
Мюнстер, прусский генерал
Мюрат, французский маршал

Н

Намбу, японский генерал
Нансути, французский генерал
Наполеон I (Бонапарт)
Наполеон III, французский император
Ней, французский маршал
Нейраль, французский генерал
Нергоф, саксонский генерал

О

Ожеро, французский маршал
Остен-Сакен, прусский полковник
Отт, австрийский генерал

П

Пажоль, французский кавалерийский генерал
Папэ, фон, прусский генерал
Пелле, французский генерал
Пелликао, граф, французский военный министр
Пирет, саксонский генерал
Пирх, прусский генерал
Платов, русский казачий атаман
Поек, австрийский генерал
Пошахер, австрийский генерал
Притвиц, фон, прусский артиллерийский офицер
Пшибышевский, русский генерал

Р

Радецкий, австрийский полководец
Рамминг, фон, австрийский генерал
Рашрейтер, прусский майор
Редерн, фон, прусский генерал
Рейль, французский генерал
Рейнбабен, прусский генерал
Рембов, прусский генерал

Риво, французский генерал
Рид, прусский генерал
Рингельсгейм, австрийский генерал
Розенберг, австрийский генерал
Розенцвейг, австрийский генерал
Роланд, средневековый рыцарь
Рот, австрийский генерал
Роткирх, австрийский генерал
Руэ, президент французского сената
Руэ, французский генерал
Рюхель, прусский генерал

С

Сакен, русский генерал
Сакен, прусский полковник — см. Остен-Сакен
Саксонский, кронпринц — см. кронпринц Саксонский
Саффран, австрийский генерал
Седьморацкий, русский генерал
Сент-Илер, французский генерал
Сервиллий, римский проконсул
Сиссей, французский генерал
Сольмс, австрийский кавалерийский генерал
Сульг, французский маршал
Сюберви, французский генерал
Сюше, французский генерал

Т

Танн, фон-дер, прусский генерал
Теренций Варрон, римский консул
Тиксие, французский генерал
Тильман, прусский генерал
Том, австрийский генерал
Тоскан, командир французского полка
Тун, граф, австрийский генерал
Тъери, австрийский генерал
Тюмплинг, прусский генерал
Тюро, французский генерал

У

Удино, французский маршал

Ф

Фабек, фон, прусский полковник
Фальи, французский генерал
Фалькенштейн, прусский генерал
Фердинанд, эрцгерцог австрийский
Фермор, русский генерал
Фестетич, граф, австрийский генерал

Флейшгакер, австрийский генерал
Флис, прусский генерал
Фойгтс-Реп, прусский генерал
Форсад, прусский генерал
Фортон, французский генерал
Фрагнер, фон, австрийский генерал
Франзецкий, прусский генерал
Франс, де, французский генерал
Франц-Иосиф, австрийский император
Фриан, французский генерал
Фридрих II, прусский король
Фридрих-Вильгельм I, прусский король
Фридрих-Карл, принц прусский
Фроссар, французский генерал
Фуа де-Гастон, французский полководец
Фукэ, прусский кавалерийский генерал

Х

Хертвек, австрийский генерал

Ц

Цастров, фон, прусский генерал
Цитен (Ганс-Иоахим), прусский кавалерийский генерал
Цитен (Ганс-Эрнст), прусский генерал

Ч

Чиальдини, итальянский генерал

Ш

Шабран, французский генерал
Шарнгорст, прусский военный министр
Шахтмайер, прусский генерал
Шварценберг, австрийский генерал
Шварцкоппен, прусский генерал
Шёлер, фон, прусский генерал
Шимпф, австрийский генерал
Шмидт, прусский генерал
Шорльмер, прусский кавалерийский генерал
Штейнмец, фон, прусский генерал
Штиглиц, саксонский генерал
Шульц, австрийский генерал
Шумахер, баварский генерал
Шух, баварский полковник

Э

Эдельсгейм, австрийский генерал
Эймар, французский генерал

Эксельман, французский генерал
Эльсниц, австрийский генерал
Эмилий Павел, римский консул
Эрлон, французский генерал
Эрнест, эрцгерцог, австрийский генерал
Эссен, русский генерал
Эцель, прусский генерал

Ю

Юргас, прусский кавалерийский генерал

Я

Янушевский; прусский генерал

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ

(См. в отдельной папке)

- 1 — 3. Сражение при Каннах 2 августа 216 г. до н. э.
4. Сражение при Лейтене 5 декабря 1757 г.
5. Сражение при Цорндорфе. Передвижения с 23 по 25 августа 1758 г.
- 6 — 8. Сражение при Цорндорфе 25 августа 1758 г.
- 9 — 10. Сражение при Кунерсдорфе 12 августа 1759 г.
11. Кампания в Италии 1800 г.
12. Кампания в Германии 1805 г. (Ульм).
13. Марш-маневр к Йене с 7 по 13 октября 1806 г.
- 14 — 15. Сражение при Аустерлице 2 декабря 1805 г.
16. Прейсиш-Эйлауская операция (январь 1807 г.)
17. Прейсиш-Эйлауская операция. Бои с 4 по 8 февраля 1807 г.
18. Регенсбургская операция. Положение сторон 17 апреля 1809 г.
19. Регенсбургская операция. Положение сторон 18 апреля и первые передвижения 19 апреля 1809 г.
20. Регенсбургская операция. Положение сторон к вечеру 19 апреля 1809 г.
21. Регенсбургская операция. Передвижения 20 апреля 1809 г.
22. Регенсбургская операция. Передвижения 21 апреля и положение сторон к вечеру 21 апреля 1809 г.
23. Регенсбургская операция. Положение сторон к полудню 22 апреля 1809 г.
24. Регенсбургская операция. Положение сторон к вечеру 22 апреля 1809 г.
25. Сражение при Торгау 3 ноября 1760 г.
26. Фридланд-Тильзитская операция (июнь 1807 г.).
27. Передвижения с середины августа до конца сентября 1813 г.
28. Передвижения с конца сентября 1813 г. до сражения при Лейпциге.
29. Сражение при Лигнице 15 августа. 1700 г.
30. Кампания 1815 г. в Нидерландах
- 31 — 32. Сражение при Линьи 16 июня 1815 г.
33. Сражение при Бель-Альянсе 18 июня 1815 г.
34. Общая схема к войне 1866 г.
35. Положение сторон 20 июня 1866 г. и план Мольтке
36. Положение сторон 21 июня 1866 г.
37. Положение сторон 22 июня 1866 г.
38. Положение сторон 23 июня 1866 г.
39. Положение сторон 25 июня 18866 г.
40. Положение сторон 26 июня 1866 г.
41. Бой при Лангензальце 27 июня 1866 г.
42. Положение сторон к вечеру 27 июня 1866 г.
43. Операции до 27 июня
44. Предлагаемый Шлиффеном план наступления пруссаков на основе операционного плана Мольтке
45. Бой под Находом 27 июня
46. Бой под Траутенау 27 июня
47. Бой при Скалице 28 июня
48. Бой при Буркерсдорфе 28 июня
49. Операции с 28 июня до ночи 30 июня
50. Бой при Швеншеделе 29 июня
51. Бой под Гичином 29 июня
52. Предполагаемое положение сторон к вечеру 1 июля, если бы были выполнены

указания Мольтке (телеграмма в ночь на 1 июля), применительно к изменившейся обстановке.

53. Расположение прусских армий 1 и 2 июля. Предлагаемый Шлиффеном план передвижений пруссаков 3 июля в духе указаний Мольтке от 2 июля
54. Общая схема к сражению при Кениггреце
55. Сражение при Кениггреце 3 июля 1860 г. Передвижении до полудня
56. Сражение при Кениггреце. Положение сторон после полудня
57. Сражение при Кениггреце. Положение сторон к вечеру
58. Положение сторон к вечеру 13 июля 1866 г.
59. Положение сторон под Ольмюцом к вечеру 11 июля 1866 г.
60. Бой при Тобичау 15 июля 1866 г.
61. Положение пруссаков к вечеру 15 июля 1866 г. Отступление австрийской северной армии в долину р. Вааг
62. Положение сторон к вечеру 23 июля 1866 г.
63. Предполагаемое развертывание французов. Первоначально намечавшееся развертывание и наступление немцев
64. Наступательное движение немецких войск из района выгрузочных пунктов, отнесенных за Рейн, в духе намерений Мольтке
65. Фактическое развертывание и наступление немцев до сражений при Верте и Шпихерне. Позиции французов к вечеру 5 августа
66. Передвижения 3-й армии и войск Мак-Магона с вечера 3 августа до вечера 5 августа
67. Положение 3-й армии к вечеру 5 августа. Возможное охватывающее наступление Мак-Магона
68. Сражение при Верте 6 августа
69. Положение Мак-Магона к вечеру 5 августа. Возможное наступление 3-й армии
70. Сражение при Шпихерне
71. Отступательные движения французов после сражений при Верте и Шпихерне
72. Предлагаемый Шлиффеном план наступления 1-й и 2-й армий через и за Мозель
73. Намеченное Мольтке наступление 1-й и 2-й армий к р. Мозель
74. Позиции французов 10 августа. Операция, намеченная командованием 2-й армии
75. Положение сторон к вечеру 14 августа
76. Положение сторон к вечеру 12 августа. Предлагаемый Шлиффеном план дальнейшего наступления к р. Мозель
77. Сражение при Коломбей — Нуи 14 августа
78. Положение сторон к вечеру 15 августа и передвижения 16 августа
79. Положение сторон к полудню 15 августа. Вероятные наступления 1-й и 2-й армий во второй половине дня 15 августа и 16 августа в том случае, если бы было осуществлено намерение Мольтке двигаться 1-й армией в обход Меца с севера
80. Марс-ля-Тур 16 августа
81. Положение сторон к вечеру 16 августа и передвижение до вечера 17 августа
82. Предлагаемый Шлиффеном план передвижения немцев во второй половине дня 17 августа и план наступления 18 августа
83. Положение сторон утром 18 августа и наступление немцев
84. Сражение при Гравелоте — С.-Прива. Передвижения и бои с начала сражения и до 15 часов
85. Сражение при Гравелоте — С.-Прива. Передвижения и бои с 15 и до 18 часов
86. Сражение при Гравелоте — С.-Прива. Передвижения и бои с 18 и до окончания боев
87. Сражение при Гравелоте — С.-Прива. Положение сторон к моменту окончания боев
88. Положение сторон в ночь с 18 на 19 августа и отступательные движения французов
89. Положение сторон 22 и 25 августа. Марши 26 августа
90. Предлагаемый Шлиффеном план наступления немцев с 23 по 29 августа
91. Положение сторон 26 августа. Марши 27 и 28 августа

92. Положение сторон к вечеру 28 августа. Передвижения 29 августа
 93. Положение немцев к вечеру 29 августа. Передвижения немцев, начиная с 30 августа, в духе намерений Мольтке
 94. Положение сторон к вечеру 29 августа. Передвижения 30 августа
 95. Сражение при Бомоне. Передвижения и бои до 15 часов
 96. Сражение при Бомоне. Положение сторон к 15 часам. Передвижения и бои до вечера
 97. Положение сторон в ночь с 30 на 31 августа. Марши 31 августа
 98. Возможное отступление Шалонской армии 1 сентября
 99. Сражение под Седаном. Позиции французов утром 1 сентября. Наступление 3-й армии на основе приказа главного командования. Предложения относительно наступления Маасской армии в духе намерений Мольтке
 100. Сражение под Седаном. Передвижения и бои до полудня
 101. Сражение под Седаном. Бои и передвижения после полудня
-

Примечания

{1} Hans Dellbruck, *Geschichte der Kriegskunst*, I (Вышел русский перевод: Ганс Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, т. I, Государственное военное издательство НКО СССР, 1937 г.)

{2} Тяжеловооруженный (гоплит) обычно бывал вооружен шлемом, кольчугой, наколенниками, круглым щитом, дротиком и коротким мечом. Иберийцы и галлы имели как предохранительное вооружение только шлем и большой щит.

{3} Расположение линий не составляло сплошного фронта, а представляло собой ряд колонн-манипул по 6 шеренг с незначительными интервалами между ними.

{4} Оба расположения, глубокое и неглубокое, требуют 57 600 человек. Таким образом, для полного наличного состава не хватало 2 600 человек.

{5} «Неравные силы». Шлиффен приводит в кавычках полуфранцузские обороты Фридриха II.

{6} В подлиннике: «Mit mehr «vivacite» zu agieren...», «ia die Hessen hatte gesessen»

{7} Построение в форме четырехугольника, обращенного фронтом во все стороны для встречи неприятельской атаки.

{8} Фридланской операции посвящена работа Шлиффена, помещенная во втором томе немецкого издания его сочинений (1913 г.)

{9} Meyerhoffer von Vedropolje, K. u. K. Kriegsarchiv, Kriegsarchiv, Krieg 1809. Wien. 1907. I. Band, Regensburg (Работа Мейергоффера фон-Ведрополье посвященная Регенсбургу, издана австро-венгерским военным архивом в Вене в 1907 г.)

{10} Если бы, как это и проектировалось, Даву был подтянут по левому берегу к Ингольштадту, Наполеон утратил бы все выгоды своего положения, а эрцгерцог вышел бы из затруднения. Он соединился бы, по желанию, на правом или левом берегу, с Бельгардом и мог бы выиграть обеспеченные сообщения. Движение Даву по правому берегу являлось необходимостью. Но оно должно было быть направлено прямо на противника, которого, впрочем, Наполеон считал более слабым, чем он был в действительности, а не в обход его крыла.

{11} По видимому, 18-го числа Наполеон не считал, что эрцгерцог настолько уже продвинулся, а предполагал, что он направится на Даву вдоль дороги на Экмюль. Тем более следовало последнего противопоставить неприятелю и преградить дорогу на Регенсбург. Если бы для изолированного маршала наступление показалось слишком дерзким, то он мог бы выждать атаки, заняв позицию при Волькеринге.

{12} Наполеон при помощи флангового марша Даву довел силу центральной армии до 75000 чел. Но так как на следующий день он атаковал этой же массой лишь 24 000 чел. эрцгерцога Людвиг и генерала Тъери, то достигнутый успех оказался малозначашим. Существеннее было то, что эрцгерцог Карл освободился от угрозы своему флангу и получил возможность соединиться с Бельгардом.

{13} Враг удирает во всю прыть.

{14} Французское выражение, равнозначное нашему понятию преследование «на плечах у противника».

{15} Наносить фронтальный удар.

{16} «Стратегия — система подпорок» (определение Мольтке)

{17} Смотрите приложение к «Militar Wochenblatt», 1897 г., выпуск 4, «Die Schlacht bei Torgau» («Сражение при Торгау»)

{18} Редакция немецкого издания «Собрания сочинений» Шлиффена, вышедшего в 1913 г., делает здесь ссылку на работу «1813 год», помещенную во втором томе этого «Собрания». У Шлиффена была мысль включить в свой труд «Канны» описание кампании 1813г., начиная с перемирия; эта кампания по словам Шлиффена, «представляет собой большие Канны».

{19} Еще раз все начнется сначала.

{20} «Вы должны немедленно совершить такой маневр, чтобы охватить правый фланг противника... эта армия будет уничтожена, если вы будете действовать энергично. Участь Франции в ваших руках».

{21} «Направляйтесь на высоты Сент-Аман и Бри».

{22} «Энергия, энергии, быстрота!»

{23} Он сделал на острове Эльбе попытку отравиться.

{24} Сформированные главным образом, за счет девятых полков восьми армейских корпусов и еще двух полков 4-го и 5-го корпусов.

{25} Три роты заняли переправу у Мехтершхэдта.

{26} Два батальона 4-го гвардейского полка.

{27} Во что бы то ни стало.

{28} Боевой состав армий:

Пруссаки: Эльбская армия: 8-й армейский корпус, 14-я дивизия, гвардейская ландверная дивизия.

1-я армия: 2-й, 3-й и 4-й армейские корпуса и кавалерийский корпус — дивизия Альвенслебена, дивизия Ганна.

2-я армия: гвардейский корпус, 1-й, 5-й, 6-й армейские корпуса, кавалерийская дивизия Гартмана.

Австрийцы. Австрийская северная армия: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 8-й 10-й корпуса, 1-я и 2-я легие кавалерийские дивизии, 1-я, 2-я, 3-я резервные кавалерийские дивизии.

Саксонская армия.

{29} Kalamitat der konzentrierung.

{30} Обмен телеграммами между 1-й и 2-й прусскими армиями был подслушан на проводе.

{31} Дивизион состоял из двух рот; в батальоне было шесть рот.

{32} Дивизия Альвенслебена была придана Эльбской армии, а дивизия Ганна была от Сухи переброшена в район к северу от Садовой.

{33} В панике, в беспорядочном бегстве.

{34} Сменившая 5-ю дивизию.

{35} 9 августа было днем, назначенным для перехода 1-й и 2-й армий через реку Саар.

{36} «На Берлин»!

{37} В 1870 г. кавалерия была столь бедно снаряжена и вооружена, что намеченную ей здесь задачу она могла разрешить разве только несовершенным образом. Только после того как число батарей было увеличено, введены пулеметы и люди вооружены карабинами, кавалерийские дивизии оказались в состоянии отвечать всем предъявляемым к ним требованиям и притом гораздо более действительным образом.

{38} 9-й корпус осуществил разрешение пользоваться 6 августа большой дорогой только для одной бригады. Главными силами корпус двигался по одной параллельной северной дороге.

{39} Это была 13-я дивизия, которую командир 7-го корпуса фон-Цастров послал через Фельклинген в качестве бокового прикрытия.

{40} Силы французской армии после прибытия Канробера определялись в 174000 чел. Но так как одна дивизия оставалась в Меце, то численность войск, которые Базен 14 августа повел из Меца, можно определить в 164000 чел.

{41} Так как 3-я армия оставалась еще далеко позади, 4 й корпус воспользовался только что предоставленной этой армии переправой у Сааруниона и отсюда двинулся через Шато-Сален особой дорогой.

{42} Forster, Prinz Friedrich von Preussen. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben, II, 136. (Ферстер, Принц Фридрих Прусский. Памятные случаи из его жизни, II, 136).

{43} Уланы.

{44} Гора в 4-х км к западу от Меца с фортом того же названия.

{45} Из корпуса Канробера Меца могли достичь только 1 я, 3-я, 4-я дивизии и один полк 2-й дивизии. Остальные части во время перевозки их по железной дороге не были пропущены немцами.

{46} Держаться упорно.

{47} 6 миль = приблизительно 10,5 км.

{48} Армия пехотинцев.

{49} 9-й корпус потом получил приказ следовать за 3-м корпусом и прикрыть его со стороны Меца.

{50} Надо спасать французскую армию.

{51} И для этого надо вернуться в Мец.

{52} Непреступная позиция.

{53} Так называлось селение, сделавшееся важным пунктом в сражении при Йене.

{54} Еще раз все начнется сначала

{55} Неприятельский фланг может быть надежно примкнут или недоступен для атаки. Независимо от этого, здесь должны приниматься меры против угрозы атаки и охвата со стороны противника.

{56} Они были выдвинуты вперед во главе 2-й гвардейской дивизии близко к Денъи.

{57} На схеме Vieux Camp.

{58} Так называлось селение, сделавшееся важным пунктом в сражении при Йене.

{59} Впервые опубликовано в «Deutsche Revue», январь 1909 г., изд. «Deutsche Verlagsanstalt», Штутгарт—Лейпциг.

{60} Впервые опубликовано в «Deutsche Revue», июнь 1911 г., изд. «Deutsche Verlagsanstalt», Штутгарт—Лейпциг.